ЛЮДОВИК XI

Жак Эрс

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Образ этого короля — жестокого и коварного деспота, скряги и лицемера — прочно закрепился в нашем сознании благодаря многочисленным историческим романам, научно-популярным изданиям и конечно же школьным учебникам. Между тем Людовик XI (1423—1483) — одна из ключевых фигур в истории Франции, и именно ему принадлежит главная заслуга в объединении отдельных территорий в единое централизованное государство. И, как выясняется, образ его, нарисованный современными ему и, как правило, враждебными хронистами, далеко не во всем соответствует действительности. Французский историк-медиевист Жак Эре, проделав колоссальную работу и всесторонне изучив множество документов эпохи — писем, ордонансов, различных протоколов и договоров, сумел воссоздать подлинную биографию короля-реформатора, очищенную от нелепостей и небылиц.

- ЛЮДОВИК XI: РЕМЕСЛО КОРОЛЯ
  - А. П. Левандовский. «ВСЕМИРНЫЙ ПАУК»
  -
  - Вступление. ИСТОРИЯ И ЛЕГЕНДА
  - Часть первая. НИТЬ, ОСНОВА И ХОЛСТ
    - Глава первая. ДОФИН
      - 1. В тени отца (1423—1446)
      - 2. Первое изгнание: Дофине (1447—1456)
      - 3. У бургундцев (1457—1461)
    - Глава вторая. КОРОЛЬ
      - 1. Приход к власти (1461—1464)
      - 2. Фронда принцев. Лига общественного блага (1465—1467)
      - 3. Перонн. Льеж. Замирения (1468—1472)
      - 4. Завоевательные войны (1473—1476)
      - 5. Конец Карла Смелого. Бургундские войны (1476—1482)
      - 6. Благополучие под конец правления (1480—1483)
  - Часть вторая ОБРАЗ КОРОЛЯ
    - Глава первая.
      - 1. Смешной в своей скупости? Миф!
      - 2. Забавы и увеселения
      - 3. Величие и декорации
    - Глава вторая УМЫСЕЛ И ВЫМЫСЕЛ

- 1. Мастера пропаганды
- 2. Искусство управлять толпой
- 3. Мрачная легенда: взгляд на историю из Бургундии

○ Часть третья «ОН ХОТЕЛ ТОЛЬКО ВЛАСТВОВАТЬ»
-
- Глава первая КОРОЛЬ В ПУТИ
  - 1. Маршруты и пристанища
  - 2. Гонцы и вестовые
- Глава вторая В ХОЗЯЙСКИХ РУКАХ
  - 1. Люди короля
  - 2. Обеспеченные и удачно женатые
- Глава третья.
  - 1. Париж, забытый город
  - 2. Города и ремесла под опекой
  - 3. Управление экономикой и государственный капитализм

○ Часть четвертая.
- Глава первая. ЭПОХА СТРАХА
  - 1. Король под угрозой?
  - 2. Ложные вести и сеятели паники
  - 3. Неотступные мысли о заговоре
  - 4. Доносы и опалы
- Глава вторая. ПРИНЦЫ. ПРЕСЛЕДОВАНИЕ И ПАДЕНИЕ
  - 1. Крупные феодалы и главы кланов
  - 2. Оружие короля
  - 3. Крупные судебные процессы. Конец удельных владений
- Глава третья УНИЖЕННЫЕ И ОСУЖДЕННЫЕ
  - 1. Комиссары, чрезвычайный суд
  - 2. Железные клетки и повозки
  - 3. В назидание: бесчестье и позор
  - 4. Дележ добычи: перекроенная Франция

○ Часть пятая. КОРОЛЬ И КОРОЛЕВСТВО В ВИХРЕ БУРИ
- Глава первая. ОРУЖИЕ И БИТВЫ
  -
  - 1. Король-самодержец
  - 2. Феодальная армия короля
  - 3. Война без настоящих сражений?
- Глава вторая. СОВРЕМЕННАЯ ВОЙНА, ВОЙНА ЖЕСТОКАЯ
  - 1. На фронтах экономики: ярмарки и деньги

        - 2. Разорить врага: блокада и «гаст»
        - 3. Чистки, «переселение народов»
    - Часть шестая. ЛЮДОВИК XI ПРЕД ЦЕРКОВЬЮ И БОГОМ
        - Глава первая. ХРИСТИАННЕЙШИЙ КОРОЛЬ
            -
            - 1. Перед лицом Рима
            - 2. Французская Церковь в услужении
        - Глава вторая. МОЛЯЩИЙСЯ ЧЕЛОВЕК
            - 1. Милостыни и пожертвования
            - 2. Благочестие и политический выбор
        - Глава третья СТРАХ СМЕРТИ?
            - 1. Реликвии и святые отшельники
            - 2. Безумный король: еще одна легенда
            - 3. Не шарлатаны, а врачи
    - ЗАКЛЮЧЕНИЕ
        -
        - 1. Государственный муж?
        - 2. Литератор и меценат?
    - ИЛЛЮСТРАЦИИ И ФОТОГРАФИИ
    - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ ЛЮДОВИКА XI НА ФОНЕ СОБЫТИИ ЕГО ВРЕМЕНИ
    - ИСТОЧНИКИ И БИБЛИОГРАФИЯ
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18

ЛЮДОВИК XI: РЕМЕСЛО КОРОЛЯ

А. П. Левандовский. «ВСЕМИРНЫЙ ПАУК»

В новейшей историографии его часто сравнивают с русским царем Иваном IV Грозным. А современники прозвали его «Всемирным пауком». Весьма неоднозначная личность Людовика XI всегда вызывала интерес историков и романистов, она породила обширную литературу и создала штамп, от которого историография долго не могла, да и не желала отойти. Так долго, что между книгой, лежащей перед нами, и предыдущей, достойной упоминания[1], обозначился промежуток примерно в четверть века[2].

Творец предлагаемой ныне книги, Жак Эре, ученый, историк-медиевист, профессор ряда университетов Франции, руководитель Отдела Средних веков Сорбонны, автор многочисленных монографий и эссе[3], объяснил основную причину подобного феномена: он показал, что эвристический репертуар его предшественников состоял почти исключительно из нарративных произведений, в первую очередь хроник и мемуаров, которые всегда однобоки и пристрастны. Не отрицая полностью подобных источников, Жак Эре отдал пальму первенства подлинным документам эпохи — письмам, ордонансам, протоколам, договорам и т. п. Подобный подход, по его мнению, должен заменить историю как «развлекательное чтиво» подлинным анализом эпохи и ее действующих лиц, прежде всего Людовика XI.

И действительно, Эре сумел создать произведение, значительно отличающееся от книг об этом короле, написанных его предшественниками, и думается, что после его фундаментального исследования вряд ли скоро появится что-либо в таком же роде, заслуживающее серьезного внимания. Отметим, что одни лишь сноски на источники (в русском переводе они, естественно, опущены) занимают в книге Эрса более 24 страниц.

Структура книги тщательно продумана. Исследование делится на шесть частей, первая из которых дает вертикаль жизни и деятельности Людовика XI, а остальные пять представляют горизонтальные срезы, посвященные личности короля, характеру его царствования, его правосудию и войнам, его отношению к Богу и церкви.

Подобный прием помогает автору всесторонне обрисовать

человека и политического деятеля вопреки шаблону, созданному легионом предшествующих литераторов и бытующему в наших учебниках. Их стараниями мы видим в Людовике XI отвратительного скрягу, рядившегося в тряпье и трясущегося над каждым грошем, неотесанного, чуть ли не малограмотного суевера, жестокого палача и садиста, умертвлявшего как «по закону», так и с помощью яда и кинжала тысячи безвинных жертв своей болезненной подозрительности.

Оказывается, все это злостные выдумки, созданные на основе хроник и мемуаров, вышедших из лагеря политических противников короля. А из документированной книги Эрса выходит нечто совершенно обратное. Мы узнаём, что Людовик одевался не хуже других монархов, готов был, когда требовалось, идти на любые затраты, точно и ясно излагал свои мысли, будь то устно, будь то письменно; мало того, он даже не был чужд художественной литературе, явившись одним из родоначальников французской новеллистики. При этом Жак Эре отнюдь не скрывает отрицательных черт натуры Людовика, в частности, его эгоцентризма, подозрительности, жестокости, однако умело и доказательно вписывает эти качества как в условия личной судьбы короля, так и в особенности его эпохи.

Рожденный и воспитанный в ущербном «Буржском королевстве», отвергнутый отцом, от которого ему пришлось дважды бежать, Людовик с юных лет познал цену «феодальной верности» и рано понял, что его окружают люди, для которых лицемерие и неразборчивость в средствах являются жизненной нормой. И эти первые уроки он хорошо усвоил и сохранил, тем более что дальше они умножились и обострились. После смерти отца, едва став королем и приступив к первым реформам, Людовик столкнулся с таким сопротивлением со стороны феодальной реакции — «Лиги общественного блага», — что едва не лишился короны, а быть может, и жизни.

Все это оставило в его душе тягостные ощущения и привело к ответным действиям. Если до этого, уже имея (и частично проводя) определенную политическую программу, Людовик осуществлял ее с оглядкой, то теперь он стал непоколебимым и беспощадным. Но эти качества до поры до времени были глубоко запрятаны; внешне же король маскировал их, и вполне успешно. Почти не предпринимая военных действий, напротив, ведя с врагами лживые переговоры, он разъединял их и бил порознь, как правило — чужими руками. Все последующие действия его напоминают тонко разыгранную партию в шахматы, где каждую сброшенную с доски фигуру ожидали изгнание, железная клетка или смерть.

Все это оказалось осуществимым, делает вывод Жак Эре, только потому, что Людовик, превосходно освоивший «ремесло короля», ни на минуту не выпускал инициативу из своих рук и все время «был в пути», при этом умело подбирая себе спутников, помощников, расторопных агентов и умелых «комиссаров» — исполнителей его воли.

Оставалось подвести итоги.

Овладев землями устраненных вельмож — Бургундией, Нормандией, Артуа и Пикардией, Людовик одновременно присоединил и важнейшую область юга — графство Прованс. Оставалась Бретань, смирившаяся и нейтрализованная; ее присоединение произойдет в ближайшем будущем. Теперь король мог спокойно завершить начатые реформы. Он установил единую административную систему, ввел постоянные налоги, что устранило необходимость регулярно созывать Генеральные штаты, создал четкий ритм благоприятствования промышленности и торговле. Прекрасно понимая приоритетное значение экономики, он созывал купцов на совещания, на которых часто сам председательствовал. Он составил план развития торговли с Востоком, мечтая о создании торговой компании по образцу уже существовавших в Англии. Он покровительствовал молодой шелковой промышленности в Лионе и учредил производство золототканой материи в Туре. И если подобные начинания короля не всегда заканчивались полным успехом, то в этом вина не его, а французской буржуазии, не сумевшей достичь решительности и смелости своих английских соперников.

Международная политика и дипломатия французского короля впервые за ряд столетий установили политическое равновесие в Европе. Все соседи — Кастилия, Арагон, Милан, Флоренция, Генуя, Савойя, Швейцария, Англия и даже далекие Венгрия и Чехия искали союза с Людовиком, его дружбы или покровительства.

Таков был финал деятельности «всемирного паука» в трактовке Жака Эрса. И в заключение вернемся к началу.

Выше мы упоминали, что Людовика XI часто сравнивают с Иваном Грозным. Что ж, по методам борьбы здесь было много общего. И все же нельзя не заметить, что, в отличие от Ивана, Людовик, которого упрекали в изуверской жестокости, никогда не сдирал с живых людей кожу, не жарил их на сковородах и не сажал на кол. А главное, результаты правления у обоих монархов оказались различны: политика Ивана Грозного стала прелюдией разрухи и смуты, политика же Людовика XI привела его родину к экономической стабильности и политическому единству.

А. П. Левандовский

В ложные одежды Историю обряжают мемуары.

Жак Бенвиль

Когда работу историков предваряет легенда, написанная победителями, она становится непреложной и непререкаемой истиной.

Ги Колле

Гораздо труднее уметь управлять своей волей, нежели повелевать миром от Востока до Запада.

Людовик XI

Вступление. ИСТОРИЯ И ЛЕГЕНДА

Людовик XI царствовал лишь два десятка лет. Тем не менее, благодаря своим медальонам и железным клеткам, он приобрел в глазах романистов, драматургов и даже многих историков более яркий образ, чем его отец и дед — Карл VII и Карл VI, стоявшие у власти по сорок лет каждый. Он никого не оставлял равнодушным. Его манера выглядеть и править, подбирать советников и подручных сбивала с толку. Его обвиняли в том, что он плел мрачные интриги и прибегал к гнусным методам, сводя счеты. Его называли тираном, непредсказуемым, непревзойденным в искусстве притворства и обольщения. А главное — он был зачинщиком бесчинств, источником смуты, виновником династических ссор и бунтов, поставивших под удар единство королевства.

В 1440 году он, семнадцатилетний дофин, объединился с несколькими феодалами, восставшими против его отца. Этот бунт — Прагерия — был быстро подавлен, и ему осталось только молить о прощении и примирении. Семь лет спустя, вновь обвиненный в заговоре, изгнанный от двора, он отправился в Дофине как изгой и стал править этим краем как независимый государь, оставаясь глух к советам и предупреждениям короля; он женился без его согласия и, особо не таясь, заключал частные союзы в Италии и даже во Франции. Еще через десять лет, узнав о приближении королевской армии, командиры которой наверняка не имели добрых намерений, он поспешно сбежал втайне от всех, дрожа от страха, и укрылся у герцога Бургундского. Изгнанник, конечно, жил в достатке и комфорте, но его положение было унизительным. Король воспринял бунт сына с болью в сердце, как предвестие мрачного будущего. Столкновения между двумя партиями, клубки интриг, осуждение обласканных придворных, вдруг объявленных преступниками, привели в замешательство множество вассалов и общин. Кому повиноваться? Как предусмотреть будущее? Речь шла о их состоянии и даже жизни.

Тем не менее права Людовика на престол не подвергались сомнению, и он нетерпеливо ждал известия о смерти отца. Он не присутствовал на его похоронах. Едва провозглашенный королем, охваченный все той же лихорадочной спешкой и подлой мстительностью, он прогнал, отстранил, осудил чиновников, слишком хорошо служивших покойному королю и вовремя не переметнувшихся в его лагерь. В 1465 году его младший брат Карл Беррийский вовлек в новый бунт нескольких феодалов и вельмож, заявлявших, будто они помышляют лишь об

общественном благе, и нашедших широкую поддержку. Хитрая лиса, король бесславно восторжествовал над этой плохо спаянной лигой, но оказался неспособен обеспечить мир и покой. Его царствование еще долго было эпохой заговоров и громких процессов над людьми, признанными сообщниками бургундцев, или англичан, или герцога Бретонского, или брата Карла, ставшего герцогом Гиеньским. Тот умер от внезапной болезни, и тотчас поползли слухи, будто Людовик отравил его. Эта легенда, повторяемая многими сочинителями либо от противной партии, либо из числа разочарованных, еще долго была в ходу.

Две гражданские войны — Прагерия и Лига общественного блага, — вызванные ссорами в королевской семье, многое сделали для закрепления за ним репутации самодура и смутьяна. Восстать против короля, своего отца, в тот момент, когда король старался восстановить страну и вернуть утраченные провинции, а затем, самому став королем, всеми силами не подпускать к делам своего брата, который, в отличие от него, умел внушить приязнь и преданность, казалось непростительным. Стыд и срам, и вся Франция — свидетель этого безобразия! Никогда еще со времен Гуго Капета королевство не знало подобного! До сих пор старший сын, не бунтарь и завистник, а, напротив, покорный и почтительный, всегда провозглашался наследником престола и готовился царствовать с самого отрочества. И никогда еще за предшествующую историю в хрониках не упоминалось о несогласии между правящим королем и королем будущим, даже если оно и существова-ло. Откуда же теперь, в 1440—1460-е годы, эти заговоры и мятежи, эти тяжелые обвинения, за которыми следуют лживые договоры, эти семейные драмы, полностью порывающие с прошлым?

Весьма легкомысленным оказался бы историк, доверившийся хроникам и мемуарам. Последние писались в то время во множестве; некоторые из них очень обстоятельны, многословны и часто тяжелы по стилю. Все это — труды сочинителей на жалованье: или придворных льстецов, или же людей, которые находились в изгнании и, питаясь затаенной злобой, кричали, что хотят лишь служить законному праву и справедливости. Мрачная легенда очень быстро оформилась и окрепла. Писатели и сатирические поэты, в основном от бургундской партии, этому много способствовали, пересказывая сплетни, содержавшие всякого рода обвинения. Эти сочинители — похоже, более многочисленные, чем те, что были преданы делу короля, достигли совершенства в описании прискорбного образа жестокого, бесчестного, подлого короля. Они неохотно возвышались до серьезного анализа ситуации, не старались

взвесить все «за» и «против», а просто подхватывали байки, услышанные то тут, то там. Это чтиво, порой развлекательное, естественно, имело большой успех и столетиями позже стало источником вдохновения для целой армии писателей, черпавших сюжеты из кладезя занимательного вздора.

Однако История пишется не так. Не вдохновляясь непосредственно хрониками или рассказами из прошлого. Читать их, без всякого сомнения, очень увлекательно. Для того, кто хочет быстро восстановить нить событий и вынести несколько безапелляционных суждений, не слишком углубляясь в порой непростые исследования и не тратя на них время, эти тексты имеют очевидные преимущества: события изложены в них последовательно, подкреплены занятными анекдотами и пояснениями, что облегчает их восприятие. Но от них нельзя требовать большего, чем они могут дать. Хроника — это не подлинный «документ»; это обработка, «произведение» в полном смысле этого слова, наряду, например, с произведением искусства, и важно учитывать прежде всего условия его создания. Они не дают нам — и не могут давать — объективных сведений о действующих лицах, а лишь о самом авторе и его намерениях, о том, что ему было заказано, и о духе времени.

«Повествования» современников, разумеется, нельзя отвергать целиком. Помимо настроения авторов и их ангажированности они почти всегда дают ценные сведения об аро-мате эпохи. То, что они рассказывают о некоторых аспектах повседневной жизни людей, может служить ценным свидетельством, которого не почерпнуть из других, менее субъективных текстов. Но только не трактовка событий, заслуг или проступков, добродетелей и пороков основных игроков на политической арене; пойти у них на поводу — значит попасться в заранее расставленную ловушку и получить своего рода морализирующую сказку, которая историей не является. Не думаем же мы, что через сто или двести лет историки, интересующиеся нашей эпохой, ограничатся розыском всей своей «документации» в мемуарах наших политиков или послов, публицистов и журналистов?

Однако так было. Очень долгое время даже добросовестные авторы настоящих исторических трудов представляли искаженный образ короля Людовика XI, основываясь непосредственно на мемуарах, рассказах или памфлетах его эпохи, по преимуществу самых враждебных, таких, в которых портреты одиозных личностей, олицетворявших бесчинство, поражали воображение и с легкостью отпечатывались в памяти. Такая История, призванная судить, различать по своему

усмотрению добро и зло, имела постоянный успех, и мы до сих пор еще от нее не отрешились.

У Людовика, разумеется, были не только друзья, и его доброе имя, худо-бедно оберегаемое при его жизни, пережило его ненадолго. Через несколько месяцев после его смерти Генеральные штаты, собравшиеся в Туре в 1484 году, потребовали тотчас начать процесс над Оливье ле Деном, ближайшим помощником короля, преданным ему телом и душой. В 1498 году обвинения сделались более жесткими в связи с шагами, предпринятыми Людовиком XII с целью развестись с Жанной Французской, на которой Людовик XI заставил его жениться. Несколько десятков свидетелей явились рассказать о том, что пришлось вынести Людовику Орлеанскому и его матери, Марии Клевской. Лакеи и слуги говорили о полученных приказах, о маневрах короля, о его упорном стремлении женить герцога Орлеанского на бедной увечной девочке. Другие свидетели — советники и военачальники — вспомнили об арестах родственников герцога Орлеанского, брошенных в темницы, приговоренных к смерти, а затем помилованных при условии принятия пострига. Другие воспользовались случаем и заявили, что Людовик XI во имя государственных интересов отравил своего брата Карла, герцога Гиеньского. Жан Буте, автор «Летописи Аквитании», воспел несчастья младшего брата, а «Похвалы доброму королю Франции Людовику XII» — безымянное произведение, опубликованное в 1528 году, — по сути, одна длинная филиппика против Людовика XI.

Позднее, во времена Бурбонов, писателям не было нужды занимать подобную позицию, и это пошло на пользу до тех пор проклинаемому королю Людовику. Лионский адвокат Пьер Матье, сначала призванный Генрихом IV, чтобы написать историю его царствования, а потом пользовавшийся покровительством Людовика XIII, издал «Историю Людовика XI и памятных событий, приключившихся в Европе во времена его правления». Эта книга имела успех, была переведена на английский и итальянский. Антуан Варилла, одно время бывший историографом Гастона Орлеанского, в двух своих трудах, не оставшихся незамеченными его современниками, придерживался того же умеренного образа мыслей. Это были «История Франции» и «О воспитании государей» (1689). С тех пор фигура Людовика XI завладела воображением множества писателей, моралистов, драматургов, церковников — в том числе Боссюэ и Фенелона; все они больше говорили о политике короля и о Франции, нежели о причудах короля.

Другие историки занялись более точными исследованиями,

изучив и опубликовав серии документов, до сих пор остававшихся неизвестными или неточно цитировавшихся. Уже в 1696 году отец Габриэль Даниель, иезуит, опубликовал свою «Историю Франции со времен установления французской монархии в Галлии», в которой содержались кое-какие интересные уточнения. В 1706 году Дени Годфруа издал в Брюсселе «Сборник документов, служащих доказательствами и иллюстрацией к Мемуарам Филиппа де Коммина», в котором, в частности, приводился текст договоров в Конфлане и Сен-Море, положивших конец войне с Лигой общественного блага (1465), а также Пероннский договор (1468), который один состоит из более чем 26 больших столбцов. Аббат Ле-Гран собрал замечательную серию документов обо всем правлении Людовика XI, которой воспользовался Шарль Дюкло для написания своей «Истории Людовика XI» (1745) — книги, которой следовало бы служить авторитетным первоисточником и вдохновлять наших великих романистов и историков.

Но этого не случилось. Вольтер возродил тенденцию к очернительству. В своем «Эссе о нравах и духе народов и о главных событиях истории от Карла Великого до Людовика XIII» (1756) он несколько наивно воспроизводит все легенды, подхваченные то тут, то там, и даже сам их сочиняет. Много позже писателям-«романтикам» осталось лишь черпать сюжеты из этого сборника анекдотов, что они и дела-ли без всякого разбора. Начало сочинениям такого рода, заставляющим читателя содрогнуться от ужаса или возмущения, было положено «Квентином Дорвардом» Вальтера Скотта (1823) — плодовитого автора, имевшего поразительный успех. После своих первых «готических» романов, действие которых происходило в Шотландии или в Англии («Уэверли, или Шестьдесят лет назад», 1814; «Властелин островов», 1815; «Пуритане», 1816, «Ламмермурская невеста», 1819; «Айвенго», 1819), он вслед за шотландскими гвардейцами французского короля проник на берега Луары и лихо закрутил интригу романа. Повествование в очередной раз основывалось на запутанной истории о любви и крови, будучи лишено даже намека на истину, но имело успех.

Набив руку в искусстве рассказывать о мрачных приключениях, потакая вкусам заранее благодарной публики, Скотт, тем не менее, хотел говорить как историк и как судья. Он взялся доказать, что Людовик XI, в противоположность Карлу Смелому — человеку порывистому, безрассудному и «рыцарственному», — воплощал собой новый, «современный» дух, для которого важны только личные интересы и государственные дела. Этого короля он сделал жестоким, хитрым, способным

окружить себя бесчестными служителями (Оливье ле Ден, Тристан Лермит — «прево», Гильом де ла Марк — «Арденнский Вепрь»), Здесь есть все: бесчинства, мрачные темницы и железные клетки, коварство и тайная дипломатия, похищения и насильственные браки; а главное — трагедия Перонна, преданные и принесенные в жертву жители Льежа, сожженные дома, убийство епископа. После «Квентина Дорварда» «исторический» жанр, выдержанный в том же ключе, утвердил свои позиции, снискав любовь многочисленных читателей, которых более привлекала живописная «средневековость», чем верный рассказ о прошлом. Множество авторов либо бесстыдно копировали Вальтера Скотта, либо открещивались от него, так что Людовик XI не был забыт. Всего через год после «Квентина Дорварда», в 1824 году, Проспер де Барант, любовник госпожи де Сталь, префект при Наполеоне, пэр Франции и посол при Луи-Фи-липпе, слывший «либералом и доктринером» и похвалявшийся тем, что пишет не какие-нибудь брошюрки, а совсем наоборот, выпустил «Историю герцогов Бургундских». В ней в точности, но только с еще большей наивностью и нарочитостью, повторяются старые перепевы. Казимир Делавинь, драматург и автор либретто к операм Обера и Мейербера, восемью годами позже с меньшей амбициозностью, но в том же духе решительно примкнул к «романтикам». Из книги в книгу он, казалось, интересовался только злодеяниями и гнусностью тиранов. После «Немой из Портичи» (1828), «Марино Фальеро» (1829) и «Роберта-Дьявола» (1830) он написал свою великую трагедию, озаглавленную «Людовик XI» и сыгранную 11 февраля 1832 года, в которой особо останавливался на последних днях жизни короля. В главной и бесконечной сцене, посвященной его исповеди Франсуа де Полю, король обвиняет себя в том, что стал причиной смерти своего отца Карла VII («Ужас его к дофину (дофином был я!) заставил покойного короля умереть от голода и тоски»), а потом и брата Карла («Интересы государства — столь веские причины!») и, наконец, в том, что мучил и заставлял медленно умирать своих узников («Узники, которых эти башни скрывают в своих стенах, стонут, позабытые в их чреве»). Этих узников он отказывался освободить даже перед лицом близкой смерти.

Тон был задан, оставалось расписать яркими красками очерченные контуры. Романы о Людовике XI и его правлении, игравшие тогда роль учебников истории, пользовались таким успехом, что мы до сих пор храним в памяти их образы и суждения. Забывая при этом, что ни один из авторов, в особенности наименее знаменитые среди них, даже не пытался хоть как-то отразить историческую истину. Главное было

нравиться, отвечать ожиданиям. Все писали как романисты, мастера слова, творцы образов и эпохи, охотно и искусно принося жертвы желанию сгустить краски, подчеркнуть все «готическое», средневековое, мрачное. Все неустанно повторяли те же самые истории о тюрьмах и пытках, а их герои собирались на мрачные советы в низких залах полуразрушенных дворцов.

Виктор Гюго («Собор Парижской Богоматери», 1831) тоже дал волю своему богатому воображению, чтобы создать весьма своеобразную картину «Средних веков»: таинственный и немного пугающий Париж, собор, мрачный и запретный мир, король без славы и чести, которому служат настоящие разбойники. Замечательные картины (Двор чудес, Гревская площадь, дворцовый суд), в которые прекрасно вписывается образ Людовика XI. Но достигается это ценой настоящей перекройки прошлого, к которой впоследствии систематически прибегали и некоторые крупные историки.

Эта мрачная легенда получила прочное основание и приобрела законченную форму у сочинителей школьных учебников. Предлагаемый в учебниках образ — надуманный, с выпяченными отдельными чертами — отныне выглядит еще более контрастно. Людовик XI остается жестоким, хитрым, кровожадным тираном, но при этом становится нелепым святошей, предающимся диковинному благочестию, упорным собирателем реликвий. Однако, как множество христиан того времени и во всяком случае как все современные ему государи и многие епископы, он лицемерит, не веря по-настоящему. Однажды, когда в его присутствии читали молитву, прося для него здоровья тела и души, он решительно оборвал священников: «Телесного здоровья достаточно; не стоит надоедать святым, прося у них слишком много одновременно». И «он совершал всякого рода преступления, взывая к Деве Марии». Все это благочестие, все посещения святилищ и пожертвования были конечно же позой, просто кривляньем.

Еще одно утверждение, не терпящее возражений и до сих пор повторяемое как аксиома: король заставил народ голодать; он задушил несчастных крестьян налогами, которых они не могли уплатить. Страна погрязла в нищете. Каждый дрожал от ужаса при мысли о требованиях судебных приставов короля и уже видел себя разоренным. «В некоторых краях взамен скота, который безжалостно отбирали сборщики налогов, пахарь впрягал в плуг своих сыновей или жену. Иные осмеливались возделывать свою землю лишь по ночам, из страха, что их увидят и обложат еще более тяжелым налогом». Видно, что этот монарх был не лучше других королей, принцев и вельмож при Старом режиме, главной

заботой которых было разорять страну, чтобы слаще пировать. Эта мысль, повторенная сотни раз на все лады, преподанная повсюду в разных видах, крепко засела в голове. Мы все еще в это верим... Ни на минуту не задумываясь о том, что люди, которые в конце XIX века старательно выстраивали строжайшую налоговую систему, должны были обладать большой наглостью, чтобы осмелиться так говорить о минувших временах. И еще больше лицемерия и плутовства требуется нынешним господам, которые призывают нас пожалеть несчастных крестьян из прошлого, «задушенных» налогами, тогда как всевозможные поборы, налоги и взносы растут их заботами из года в год — ни в один период своей истории Франция не знала подобного.

Общеобразовательная школа все же наделяла короля Людовика кое-какими добродетелями... еще больше искажая тем самым его образ. Нет такой книги, в которой не сказано, что он не любил знать. Он избегал громких церемоний, одевался скромно, в черное, ужинал и даже жил у одного купца в городском доме в Туре, беседовал с ним запросто о делах королевства, внимательно его слушал, всегда был учтив с дамами. В общем — «король-гражданин», предтеча наших великих реформаторов, своего рода противник привилегий, уже тогда благоволивший к третьему сословию. Как всегда, литераторы пошли намного дальше. Мишле видел в Людовике XI «мудреца XV века» (!), пламенного новатора, настоящего революционера. Оноре де Бальзак говорил то же самое, правда, в непочтительном тоне, словно насмехаясь над учеными трудами, и тоже изображал короля, ненавидимого знатью и власть имущими: «Он не любил блеска и роскоши, но правил твердой рукой, а посему все мучители народа его ненавидели».

Главной заслугой Людовика, упорно продвигавшегося к великой цели, согласно этой школе, которую не заподозрить в симпатиях к королям-тиранам или мрачному Средневековью, было собирание французских земель, удерживаемых владетельными феодалами и еще не подвластных французской короне. Из Людовика XI сделали великого «национального» деятеля, борца за централизацию, предвестника якобинцев. Человек, способный покончить таким образом с последствиями «феодализма», заслуживал некоторых похвал. В учебниках прямо не говорится о естественных границах Франции, но мысль о них читается между строк: города на Сомме, Артуа, Бургундия, Франш-Конте! За это ему многое прощали и в этом плане писатели-республиканцы его одобряли: ни один не попытался оправдать герцогов Бургундских, которые упорно боролись за проигранное дело — разумеется, неправое. Французские

школьники должны были, преодолев дрожь ужаса, возрадоваться смерти Карла Смелого и увидеть в его обнаженном трупе, брошенном в снегу под стенами Нанси, обглоданном волками, символ успеха для короля — победителя в справедливой борьбе. И в этом нет ничего исключительного: торжество Людовика XI естественным образом ставили в один ряд с битвами при Буви-не, Рокруа, Аустерлице и многими другими славными победами из почетного списка.

Но столь пристальное внимание к походам против герцога Бургундского по существу принижает роль короля, его политики и самой Франции среди других народов; складывается впечатление, будто глава государства занимался лишь улаживанием ссор в своих владениях. Нам вовсе не предлагали увидеть его мастером большой игры, действовавшим на более обширном поле. Бургундские войны, занимающие столько места в наших учебниках, заставляют забыть о боль-ших военных походах в Каталонию и об оккупации Русси-льона. Остаются без внимания и беспрестанные попытки обеспечить французское присутствие в Авиньоне и Папских землях. И главное — никто не помнит, что Людовик без конца плел интриги и сотней способов вмешивался в конфликты в Италии. Он противостоял папе и неаполитанскому королю; он основал могущественную лигу, объединившую несколько правителей и городов, и управлял ею на расстоянии. Если просто почитать его переписку, становится ясно, что Италия всегда была в центре его забот, а порой и объектом его стремлений и грез. В своих письмах к герцогу и герцогине Савойским, к Сфорца и Медичи, к Венецианской Синьории он успокаивал страхи или возбуждал подозрения, давал советы, никогда не скупясь на обещания. Возможно, что именно он влиял на выбор фаворитов или советников, ввергая в опалу тех, кто слишком долго оставлял его без внимания или обманывал. В конечном счете он стал господином и судьей, единственно способным установить мир — на своих условиях.

Это уже птица более высокого полета, нежели жалкий человек, старавшийся только отомстить за унижение под Перонном. Наша «государственная» манера преподавания, столь долго делавшая акцент на расширении границ, здесь сильно сужает рамки. Более того, в случае Людовика XI и Италии начинала действовать другая схема, состоявшая в том, что Итальянские войны и вообще итальянская политика французских королей относятся только к эпохе Возрождения. В Средние века французы как будто и знать ничего не знали об Италии, о ее купцах и художниках, а их королям там было нечего делать. В наших учебниках не сказано, что династия Капетингов правила

Неаполем больше века (с 1266 по 1382 год), потому они и не стремятся проследить за Людовиком XI — хозяином политической жизни на Апеннинском полуострове, главным распорядителем заговоров и союзов, несомненно, гораздо более деятельным, чем императоры Священной Римской империи.

Людовик XI не смог пройти без потерь через горнило литературы, либо романтической, либо ангажированной, то есть решительно «республиканской», даже «якобинской». Работники пера, творящие в любых жанрах — от большого романа (Александр Дюма. «Карл Смелый», 1860) до простого памфлета или так называемого исторического труда, — подхватывали одни и те же лозунги, даже не пытаясь искать истину. Вот он, король, его фигура четко обрисована, и читателям нравится ее узнавать. Популярные писатели пили из одного колодца и намеренно оставляли без внимания работу, проведенную задолго до них и их эпохи эрудитами, разыскивавшими и исследовавшими иные документы, кроме хроник и мемуаров. Дошло до полного разрыва между изданиями для широкой публики, в том числе учебниками, и исторической наукой. Все хотели читать только легкодоступные тексты, издающиеся уже давно, сочинения, пересыпанные анекдотами, которые было достаточно пересказать по-иному. Нет необходимости копаться в архивных документах, читать которые зачастую нелегко, это требует определенных навыков и много терпения.

И все же в 80-х годах XIX века целая историческая школа сошла с этого легкого пути, обратившись к фундаментальным текстам и внимательному изучению фактов, не обременяя свои исследования ни легендами, ни, что самое главное, оценками предполагаемых характеров действующих лиц. Эти ценнейшие труды были чаще всего учеными монографиями, ограниченными рамками одного региона или одного города, личностью того или иного советника, одним аспектом отношений с соседней страной. К ним относятся книги Бернара де Мандро (1888—1890), Шарля Самарана (1927) и Жозефа Кальметта (1930). Пьер Шампьон выпустил в том же ключе два своих труда: один о дофине, другой о короле (1928—1935). Позднее вышла книга Рене Гандилона — «Экономическая политика Людовика XI» (1941), не оцененная по достоинству, но остающаяся образцом этого жанра, — точная, документированная. Хорошая книга Пьер-Рене Госсена, вышедшая в 1975 году, не была в полном смысле слова «Житием» Людовика XI или анализом его политики, но исследованием Франции того времени, ее институтов, форм правления, собраний и советов.

У авторов больших биографий была возможность полностью обновить свою документацию. Сделали ли они это или избрали

другой путь? Книга Пола Мюррея Кендалла «Людовик XI», опубликованная в 1971 году, в этом смысле вписывается в давнюю традицию. Автор поразительно владеет материалом, разбирает шаг за шагом ход событий, распутывая клубок конфликтов и интриг.

Нельзя сказать, что книга Кендалла устарела. Но она следует определенной манере исследовать личность короля и его правление. Автор не скрывает, что прежде всего основывался на повествовательных источниках, которые долгое время считали основными. Это приводит к повторению ус-тановленных истин, не привнося нюансов в сложившуюся картину и оставляя в тени многие важные аспекты жизни и личности короля. Кендалл широко использовал хроники и мемуары, а также депеши миланских послов, но намеренно оставил без внимания две тысячи писем, продиктованных секретарям и давно уже изданных в десяти томах с превосходными комментариями, так же как и королевские ордонансы (четыре толстых фолианта) и реестры счетов — разумеется, не изданные и нелегкие для чтения, но содержащие множество ценных указаний, какие не найти ни в одной хронике.

Возобновить эту работу, опираясь на другие источники, показалось нам интересной задачей. Вот почему в этой книге есть множество ссылок на письма, эдикты, ордонансы, счета казначейства, складывающихся в иной, более прямой подход, пробивающийся сквозь завесу, созданную третьими лицами, которые служили своему господину или своему делу пером, как другие — шпагой.

В первой части мы проследим за Людовиком — сначала дофином, потом королем, за его политическими, дипломатическими или военными шагами. Ни одно историческое исследование не может не опираться на подробное воспроизведение событий. Но затем следует показать короля «за работой». Понаблюдать, как он ведет дела и войну, выбирает своих агентов и распоряжается ими. Попытаться, наконец, понять, в чем тогда состояли государственные интересы, и проследить, через его распоряжения и дела, за человеком, который, столкнувшись с сопротивлением со всех сторон, умел его преодолевать.

Часть первая. НИТЬ, ОСНОВА И ХОЛСТ

Глава первая. ДОФИН

1. В тени отца (1423—1446)

Людовик родился в Бурже 3 июля 1423 года. Его отцу, Карлу VII, едва исполнилось двадцать лет, и он всего год как был королем. Его враги, жаждавшие его погибели, — англичане, бургиньоны[4] из Бургундии и из Парижа, — относились к нему лишь как к «королю Буржа»[5] — хилому правителю с жалкой судьбой, бедному, забившемуся в какой-то закуток. Они заявляли во всеуслышание, что их партия скоро его одолеет, и тогда всем королевством будет править английский король — совсем юный Генрих VI, сын Генриха V, которого стареющий и больной Карл VI назначил своим наследником. Однако король Буржа очень быстро, задолго до явления Жанны д'Арк, освобождения Орлеана и своего помазания в Реймсе, проявил редкую энергию и совершил несколько славных подвигов. Рождение сына выглядело символично и сильно укрепило его позиции.

Сына — дофина — крестили в соборе Святого Стефана в Бурже. Его крестными отцами стали Жан, герцог Алансонский, и Мартен де Гуж, епископ Клермонский и канцлер Франции; крестной матерью — Катрин де л'Иль-Бушар. Таким образом, восприемниками младенца мужского пола стали, как и подобало законному наследнику, знатные господа, надежные и уважаемые люди. Однако выбор их был продиктован и скрытыми намерениями: Катрин, женщина красивая и рассудительная, весьма деятельная и хорошо разбиравшаяся в политике, была тогда женой Пьера де Жиака — «силовика», тогдашнего фаворита короля (недоброжелатели утверждали, что король чересчур к нему благоволит; во всяком случае, к нему прислушивались в Совете и обращались соискатели должностей). Овдовев в 1427 году, она еще до Агнессы Сорель стала любовницей или, по меньшей мере, близкой советчицей короля Карла, а затем вышла замуж за Жоржа де Ла-Тремуйля — главы целого клана, находившегося в фаворе и годами заправлявшего политической игрой и заключением союзов (особенно во времена Жанны д'Арк), убежденного сторонника герцога Бургундского.

В «мрачной обители» — замке Лош — Людовика вверили заботам Катрин, пользовавшейся доверием бургиньонов. В 1433 году Ла-Тремуйля схватили среди ночи в замке Шинон и вывели из Королевского совета; тогда восторжествовал его давний соперник — коннетабль Артур де Ришмон, явный сторонник

анжуйцев. Это суровое и драматичное крушение союзов вынудило короля перевезти дофина в Амбуаз, а потом в Тур, к его матери Марии Анжуйской, тоже с головой ушедшей в конфликты между партиями и борьбу за влияние. Победили анжуйцы. Таким образом, сын короля, залог в борьбе честолюбий и в соперничестве кланов, боровшихся за место в ближнем окружении Карла VII, по-настоящему узнал свою мать и свою семью только в десять лет. Некоторые не преминули написать, что у него остался от этого горький осадок в душе.

Его женили рано, в возрасте тринадцати лет, исходя из государственных интересов; он стал простой пешкой на шахматной доске, где учреждали или подтверждали союзы с целью отвоевать провинции, еще находившиеся в руках англичан. В сентябре 1435 года король, которого бургиньоны обвиняли в том, что он «заказал» или допустил убийство герцога Иоанна Бесстрашного у моста Монтеро в 1419 году, добился мира в Аррасе ценой больших территориальных уступок и не менее тяжких унижений. Этот мир гарантировал ему полную свободу действий. Оставалось мобилизовать свои силы и сплотить союзников против англичан. Он отправил посольство в Шотландию, чтобы просить для дофина руки принцессы Маргариты. Ее привезли во Францию на великолепной флотилии из нескольких десятков кораблей, в сопровождении тысячи солдат, чтобы усилить шотландскую гвардию, уже состоявшую на службе у короля. Эскадра стала на якорь у французских берегов 15 апреля 1436 года. После длительного ожидания, вызванного непонятными причинами (буря? приготовления? переговоры по поводу приданого?), корабли вошли 5 мая в порт Ла-Рошели. Маргарита через Ниор и Пуатье приехала в Тур, где свадьбу двух детей (ей было одиннадцать лет, а дофину, напомним, тринадцать) отпраздновали 25 июня. Согласно мрачной легенде, церемония прошла быстро и тайно, без всякой пышности: король появился на ней мимоходом, в дорожном костюме, забрызганном грязью после охоты, спеша вернуться обратно, к своим лошадям и собакам.

С этого момента Людовик вышел на историческую сцену. Подготовленный к своему королевскому ремеслу и с ранних лет принимавший участие как в управлении королевством, так и в военных кампаниях, он очень рано был облечен ответственностью и исполнял поручения, которые вовсе не были детским развлечением или простым представительством.

Пока коннетабль де Ришмон брал Париж, заставляя склонить голову наконец-то усмиренную враждебную партию, король с сыном были вместе в Клермоне, на заседании штатов Нижней

Оверни, потом в Лионе, где их встретили пышными празднествами, и, наконец, во Вьене, в Дофине, где дофина Людовика[6], которому было всего четырнадцать лет, принимали как господина и приносили ему присягу в верности. Это показывает, что он уже тогда умел создавать гарантии и подготавливать будущее. Недоброжелатели говорили — но, разумеется, много позже, — что он уже тогда плел свои сети. Так или иначе, но эти встречи и собрания принесли свои плоды. Штаты Дофине выделили ему десять тысяч флоринов в качестве подарка на благополучное вступление во власть. Это позволило ему тотчас купить хороших скакунов и богатую утварь для своей домашней часовни: чашу и два сосуда из золоченого серебра, изукрашенный требник, три алтарных покрова, стихарь и ризу. Помимо этого, он принес неплохие дары церквям, а главное — сделал внушительные подарки своим спутникам. Он знал, что надо делать, чтобы добыть себе верных слуг.

Из Оверни король и дофин, все так же вместе и разделяя как почести, так и обязанности, отправились в Лангедок — в Юзес, Ним и Монпелье — на целых два месяца, с конца февраля до первых чисел мая 1437 года. Все это время ушло на совещания и административные меры: собрания, созыв штатов, упорядочение налогов, наставления сенешалям. А главное, из-за нехватки королевских войск, — на организацию городского ополчения, чтобы попытаться положить конец грабежам со стороны отрядов бродячих солдат, вооруженных головорезов, оставшихся без работы после окончания войны. Впоследствии, когда Людовику пришлось одному, без короля, покинувшего его в Сен-Флуре и уехавшего в Ту-рень, отвоевывать крепости в Велэ, все еще удерживаемые англичанами, он отвел туда несколько десятков «копий», сея ужас повсюду, где появлялся. Чуть позже, возвращаясь на север, он после недельной осады завладел Шато-Ландоном. Этот английский — или проанглийский — редут пал, усмиренный суровой рукой. В хрониках сказано, что впоследствии дофин вел себя не так сурово, особенно после взятия Монтеро, где казнили, после кратких судебных разбирательств, только самых виноватых.

Главным событием 1437 года был торжественный и триумфальный въезд вместе с королем в Париж, покоренный и кающийся город. Карл VII и Людовик пробыли там три недели — ровно столько, чтобы заявить о себе, но редко показываясь на люди, не заботясь о том, чтобы устроить себе там парадную резиденцию, — одним словом, отнюдь не собираясь сделать Париж единственной политической столицей королевства. Воспоминание о кровавых бунтах мая 1418 года было еще

слишком живо. Король хотел оградить себя от подобной угрозы, и его сын усвоил урок. Парижу вернули Парламент, за исключением нескольких упрямцев, бывших чересчур на виду, но Счетную палату, а главное, двор и Совет решили перенести в другое место.

3 декабря 1437 года свита короля (или, по-другому, «правительство»), почти кочевое племя, снова пустилась в путь, и дофин, после краткой поездки в Берри, последовал за отцом в Лимож в Лимузене, в Риом в Оверни, затем в Пюи в Лангедоке. Судьба ему улыбнулась, когда король, возвращаясь в Лион, сделал его в мае 1439 года своим главным наместником в Лангедоке, передав ему все полномочия, чтобы управлять этим краем, назначать чиновников, собирать «вспомоществование», ведя тонкую игру с общинами. Он смог, наконец, развернуться в полную силу и заявить о своих притязаниях. Он сам выбрал себе советников: Жана Башлена, Жана Бошеля, Гильома Гойе. В каждом городе его принимали с большим почетом, он устраивал себе торжественные выезды с тщательно отработанным церемониалом. Ему всего шестнадцать лет, но он без большого труда вытребовал значительные воздаяния от штатов Лангедока в Кастре. Он по собственному усмотрению назначал военачальников, выбирая их в основном из знатных южных родов: граф де Фуа, сеньор д'Альбре, виконт де Ломань.

Блестящий успех? Не совсем блестящий и не на всех фронтах. Хотя он несколько обуздал злодеев низкого пошиба, простых воров, но ему не удалась кампания против отрядов бродячих солдат. Более того, наместничество в Лангедоке, которое могло бы стать началом прекрасной карьеры и наверняка удовлетворило бы его амбиции, ему предоставили только с мая по ноябрь 1439 года: Карл VII хотел, чтобы сын был рядом, занимаясь делами помельче. В декабре он сделал его своим наместником в Пуату, но уже не полновластным, позаботясь назначить советников, которые «помогали» бы дофину: Жана де Монморена, докладчика королевского дворца, Жана Кола, советника при Парламенте, а главное — Анри Блендена, «любимого и верного стряпчего», нотариуса и секретаря короля, который один мог получать деньги от штрафов и конфискаций. Для Людовика это была опека, даже при сохранении некоторых внешних атрибутов независимости. Ему оставили только черную работу.

В феврале 1440 года, переговорив с Жаном Алансонским, дофин примкнул к фронде недовольных, возглавляемой герцогом Бурбонским. Этот мятеж — Прагерия — стал результатом тайных переговоров. Под его знамена встали д'Алансон, Дюнуа (побочный сын герцога Орлеанского), маршал де Лафайет и

несколько военачальников или чиновников, недовольных своими должностями. На первый план снова вышел Жорж де Ла-Тремуйль.

Получается, что Людовик — недостойный, неблагодарный сын, от природы склонный к подлым интригам? Или просто он честолюбивый, чересчур нетерпеливый принц, ставший тогда врагом прижимистого, чересчур подозрительного отца, который уделял ему только крохи власти, держал в тени, под надзором людей, доносивших о каждом его шаге, тогда как он желал бы в одиночку, безраздельно править обширной провинцией? Враг отца, который не торопился раскошелиться и решительно не принимал в расчет его заслуги и незаурядные достоинства? С другой стороны, не стоит ли, на основании разрозненных и явно предвзятых текстов, подумать о несовместимости характеров, поддерживаемой и распаляемой дурными советчиками? Так что же это? Политические амбиции или семейная ссора?

По некоторым свидетельствам, дофину было неприятно, что фаворитка Агнесса Сорель пользуется таким влиянием на короля. Все больше сближаясь с матерью, он был оскорблен тем, что ее держат в отдалении. Выдумки ли это? На-верное, нет: слухи о стычках и распрях ходили по стране и за ее пределами. О них упоминается в «Записках о достославных деяниях» папы Пия II, в которых, со слов какого-нибудь нунция или просто любителя пикантных анекдотов, сообщается, что дофин гонялся за любовницей короля с мечом в руке, чтобы отомстить за оскорбление, нанесенное его матери.

Но все это похоже на досужие сплетни. Лучше вспомнить об обстоятельствах, коими было продиктовано поведение короля. Карл VII ни в коей мере не намеревался отвергнуть Людовика: тогда, в 1440 году, он был его единственным сыном. Возможно, против воли, глубоко уважая династический закон, он всегда признавал его, никогда не принимая ни малейших мер против сына. Это не был спор о наследовании. Конфликт возник на другом уровне — разделения полномочий, форм объединения, опасности, которую могло навлечь на королевство существование крупного княжества под началом одного из членов королевской семьи. Король не мог этого допустить. Слишком свежи и многочисленны были дурные примеры: столкновения между принцами крови после смерти Карла V, убийства Людовика Орлеанского и Иоанна Бесстрашного, грязная война между арманьяками и бургиньонами, союзы или сговор с врагами-англичанами, угроза королевской власти со стороны честолюбцев, ловко умеющих подкупить и возмутить толпу. Причиной всех этих неурядиц король считал раздачу больших

уделов младшим сыновьям — нововведение Людовика VIII (завещание от 1225 года: Артуа, Анжу, Пуату, Овернь). К тому же губительному методу прибегнул Иоанн Добрый (Анжу, Берри, Бургундия). Это было неразумной политикой. Обширные и щедро раздаваемые уделы, ставшие наследными землями, в конце концов превратились в почти независимые княжества со своими судами, налоговыми органами, провинциальными штатами. В те времена, когда юный дофин Людовик требовал для себя других полномочий и преимуществ, Бургундия и Анжу по-прежнему находились вне королевского домена, крепко удерживаемые в руках принцами, опирающимися на свое доброе имя и преданность своих подданных, которые и думать не хотели о том, чтобы воссоединиться с землями французской короны. С другой стороны, крупные вассалы — например герцоги Орлеанский, Бурбонский, а в особенности герцог Бретонский и граф д'Арманьяк — тоже не собирались подчиняться всем приказам короля.

Неужели же король Карл VII, потративший столько сил на восстановление своего королевства, ослабленного войнами и интригами между феодалами, прежде всего принцами крови, согласился бы уступить своему сыну управление большой провинцией? В 1439 году, после эксперимента с Лангедоком, он осознал всю опасность такого шага. Собственный опыт и осторожность — добродетель «мудрых» королей — говорили ему, что его сын не должен располагать ни крупными денежными поступлениями, способными снискать ему обширную клиентуру, ни партией, сложившейся в определенном крае, который отличался бы некими особенностями. Упорное сопротивление, недоверие, возможно, навязчивая мысль о заговоре, с одной стороны, требовательность и обманутые ожидания, с другой — столкновение было неизбежно.

В Прагерии Людовик участвовал не только номинально; он сознательно встал на сторону мятежников. Те опирались на сильное недовольство, ропот, вызванный взиманием королевских налогов, зачастую тяжелых и беспорядочных. Они утверждали, что защищают народ от злоупотреблений и лихоимства; старались, и небезуспешно, обработать общественное мнение, обличали траты двора, обвиняли короля, погрязшего в праздности и роскоши, в том, что он бросил государство на произвол судьбы, на растерзание внешним и внутренним врагам. Тогда как молодой и доблестный дофин смог бы в короткое время «своими неусыпными трудами и искусством... вернуть стране честь, достоинство, былую славу и богатство».

Однако дело уладили быстро. Многочисленные и

высокородные мятежники не составляли настоящей коалиции. Карл VII послал свои войска под командованием Артура де Ришмона, маршала де Логеака, адмирала Оливье де Коэти-ви и Пьера де Брезе, которые одержали легкие победы. Сам король вместе с господином де Гокуром и Потон де Ксентраем возглавил наступление на Пуату, взял Сен-Максан, срубил там кучу голов и пошел на Ниор. Людовик бежал в Овернь под охраной людей герцога Алансонского; он созвал штаты, обратился с призывами в Лангедок и Дофине, требуя присяги в верности и денег. Тщетно: королевская армия осадила Сен-Пурсен-сюр-Сиуль, и дофину пришлось сдаться в Кюссе. Но он потребовал для себя гарантий и всякого рода преимуществ. Помимо Дофине, он пожелал и другие доходы, а главное — участие в правительстве, «дабы избавить от гнета бедный люд и избежать столь опасного нынешнего раскола». Он также хотел, чтобы споры между ним и королем передали на рассмотрение Генеральных штатов королевства, которым все, состоявшие в его партии, были готовы повиноваться.

Карл VII принял его любезными словами: ворота открыты, и «ежели они недостаточно велики, я велю снести шестнадцать или даже двадцать аршин стены, чтобы вам было удобнее пройти», и «добро пожаловать, ибо вы надолго отлучались». Он даровал прощение дофину, который «явился к нему с подобающим смирением», пообещал обращаться с ним как с сыном и позаботиться о нем «так, чтобы он остался доволен». Несколько дней спустя король поручил ему управление Дофине. Но в остальном дофина ждал полный отказ, в частности, в том, чтобы сразу, без всякого расследования, простить вину его сторонникам, в том числе Ла-Тремуйлю.

Затем король недолго побыл один в Париже — ровно столько, чтобы ввести новый большой налог. Ему оказали тем более холодный прием, что зимой, в феврале 1441 года, англичане напали на Мант и вышли на подступы к Парижу, их отогнало только городское ополчение. Кампанию по освобождению города провели суровой рукой, она вписалась в длинную серию штурмов крепостей, остававшихся в руках английского гарнизона и управляемых нотаблями, которые, несмотря на заключенный в Аррасе мир, все еще поддерживали бургиньонов и не выказывали вражды к англичанам из Руана; Монтеро, Монтаржи и Мо пали только в 1437—1438 годах. В мае-июне 1441 года король и дофин были на осаде Крея с Шарлем дю Мэном, коннетаблем де Ришмоном и графом де ла Маршем. Гарнизон сдался на волю победителя, но затем королевской армии пришлось дать долгое и тяжелое сражение под Понтуазом, с 5 июня по 19 сентября, против англичан, которые неоднократно получали мощное

подкрепление. Людовик там отличился, возглавив штурм, который в конечном счете сломил вражеское сопротивление, и этим подвигом подтвердил свою славу доблестного полководца — качество, которое История признает неохотно, придерживаясь стереотипов (хилый король, немощный телом и духом), но его современники не подвергали сомнению. Двумя годами позже он пришел на помощь жителям Дьепа, осажденным англичанами под командованием капитана Тэлбота, который в начале 1442 года велел выстроить большую крепость на «холме» Полле, на манер тех, что некогда блокировали снабжение Орлеана. Людовик собрал войска, продвигаясь по дороге, которая, делая большой крюк, привела его через Компьен, Корби и Абвиль до предместий Дьепа. Захватив 14 августа 1443 года крепость на Полле, он торжественно вступил в город и велел устроить пышные празднества в честь своей победы.

Угроза со стороны англичан была устранена, Париж свободен, так что отвоевание Нормандии отложили на потом, судя по всему, из-за нехватки денег. Карл VII сражался с несколькими крупными феодалами, не желавшими покориться. Он хотел разрушить их заговоры и союзы, а главное — выставить их из крепостей. Эта политика проводилась энергично, без снисхождения, и в целом увенчалась успехом. Деятельнее всего ее поддерживал дофин, на стороне которого было военное счастье.

Граф д'Арманьяк, Жан IV, сын коннетабля Бернара д'Арманьяка, постоянно стремился сохранять свое княжество неподконтрольным королю. Поэтому он решительно восстал против Рима, отказавшись признать папу Мартина V, избранного Констанцским собором, который в 1415 году положил конец Великому западному расколу. Арманьяк принял тогда сторону арагонца Бенедикта XIII, авиньонского папы, провозглашенного антипапой, который потом, оставшись почти в одиночестве, укрылся в крепости Пеньискола, на востоке Испании. После смерти Бенедикта XIII Жан IV не смирился; он устроил избрание Жиля Мюно, нового папы-схизматика под именем Климента VIII. После его кончины он способствовал новому избранию — Бернара Гарнье из своего графства Родез, папы Бенедикта XIV, выбранного конклавом в лице одного-единственного архидиакона Жана Каррье. Папа римский объявил д'Арманьяка схизматиком и еретиком, и тот, чтобы снять с себя отлучение от Церкви и интердикт, был вынужден торжественно отречься. Он беспрестанно заключал мятежные союзы против Карла VII. Заключил договор с Родриго де Вилландрандо, одним из самых грозных главарей мародеров, который поспешил доказать ему свою верность, захватив в плен двух королевских чиновников. Он

упорно отказывался взимать со своих подданных вспомоществование на войну, которую вел король, и называл себя «графом милостию Божией»; по этому пункту он даже апеллировал к Парламенту в марте 1442 года.

Людовик выступил в поход в конце 1443 года, под тем предлогом, что нужно покончить с разбойничьими шайками. Из Тулузы он перенес войну в земли графа и занял укрепления Комменжа. Жан IV, осажденный в замке Иль-Журден, капитулировал, оставив дофину и его людям огромную добычу; пленника вместе с женой, сыном и двумя дочерьми отвезли в Каркассон. Там он пробыл в неволе три года. С помощью Бернара д'Арманьяка, брата графа, Людовик отправился обратно на север, купил за пять тысяч экю покорность Жана (Хуана) де Салазара, главного военачальника арманьяков, взял Родез, заставил сдаться другого капитана, Жана де Лескена, запершегося в Севераке, и хозяином вернулся в Родез в апреле 1444 года. Он тотчас назначил лионского сенешаля Теода де Вальперга правителем графства Арманьяк. Это не означало присоединения графства к королевскому домену, но устанавливало над ним опеку. Хватило всего двух походов, каждый из которых продлился лишь несколько недель.

В 1366 году коннетабль Дюгеклен увел по приказу короля Карла V банды грабителей, убийц и мародеров сражаться в Испанию. Королевство худо-бедно от них избавилось, хотя обошлось это весьма недешево. Карл VII решил прибегнуть к такому же способу, поручив дофину отвести других разбойников, которых тогда прозвали живодерами, воевать в Швейцарию. Эти живодеры — солдаты, брошенные без жалованья, — жили только злодеяниями и грабежами. Они сбивались в отряды под знаменами главарей, которые быстро снискали себе черную славу, — случайных командиров, младших или внебрачных отпрысков знатных родов, даже королевских офицеров, нарушивших присягу и гоняющихся за легкими деньгами, зачастую подозреваемых в измене. Это относилось к Родриго де Вилландрандо, обоим незаконнорожденным Бурбонам — Ги и Александру, побочному сыну д'Арманьяка Антуану де Шабанну и ряду бретонских военачальников.

Первое ядро таких отрядов сложилось из королевских гарнизонов Шампани, распущенных после заключения мира в Аррасе (1435). Эти люди, в услугах которых больше не нуждались, отправились воевать в Бургундию и отличились, разорив и подвергнув унижениям жителей поместья Ске-сюр-Сон, так что в конце концов от них откупились десятью тысячами золотых экю. К Рождеству 1437 года семь-восемь сотен

головорезов под командованием Бурбона, которые все сметали на своем пути, вынуждая крестьян скрываться в лесах, были остановлены у самых ворот Дижона. Чуть позже герцог Филипп Добрый горько сетовал на «французских ратных людишек» и на их ужасных атаманов — Ксентрая, Шабанна и бастардов Бурбона, д'Аркура, де Вертю, де Кюлана и де Сорбье. По сути, в течение почти шести лет, с 1438 по 1444 год, области Шароле, Маконне и окрестности Отена находились под постоянной оккупацией живодеров.

Наемные хронисты неохотно говорят о том, что король, а еще чаще дофин обычно нанимали этих главарей вместе с их бандами и каждый поход королевской армии завершался сущим хаосом, снова ввергая этих людей в неизвестность, когда прожить можно только грабежом и поборами. Уже в 1435 году, после того как у англичан отбили Дьепп, Шабанн и Рошфор позволили своим солдатам, которых было от трех до четырех тысяч, опустошать окрестности, так что отчаявшиеся крестьяне, доведенные до крайности всеми этими злодеяниями, восстали против офицеров короля. Мародеры перешли через Сомму и обчистили Понтье, потом Геннегау; под Кенуа их встретил Жан де Круа, бальи Геннегау, и нанес им тяжелое поражение.

Восемь лет спустя, вечером того же дня, когда был освобожден Дьеп, который попытались отбить англичане, дофин разделил свои войска, не являвшиеся регулярными, на две группы. Лучшие получили жалованье за два месяца, но не больше. Прочие же, хуже всего вооруженные и бедно одетые, получили приказ немедленно покинуть французское королевство. Людовик не испытывал по этому поводу никаких угрызений совести, сообщив в письме к парижскому прево, что его главной заботой было, чтобы каждый из подданных короля мог «жить безопасно в своем доме и заниматься своими делами, трудами и товарами». После этого несколько главарей мародеров выступили в путь и разграбили Пикардию, находившуюся вне королевского домена. Под Ланом их обратила в бегство бургундская армия, они объединились под командованием двух новых главарей — Пьера Обера и внебрачного сына де Боже — и сумели захватить Кламси, город графа де Невера. Они ушли из города лишь в обмен на большой выкуп и обязательство графа не преследовать их. Точно так же весной 1444 года король приказал нескольким своим офицерам очистить Овернь от живодеров, заставив их уйти в другое место, то есть в земли графа д'Арманьяка, в графство Родез. Одному из них выплатили сто ливров на покрытие расходов в Оверни, «дабы изгнать находившихся там ратных людей и заставить их убраться в Руэрг за монсеньором дофином».

Это стало обычным приемом, и приходится признать, что Карлу VII и его сыну не раз удавалось либо по негласному уговору, либо угрозами выставлять из королевства отряды, вынужденные заниматься разбоем. Чаще всего их выгоняли на восток, в земли герцога Бургундского, и еще дальше—в Лотарингию и Эльзас. В январе и феврале 1441 года живодеры, изгнанные из Бар-сюр-Об и Лангра, бежали в Эльзас; к ним присоединились многочисленные солдаты королевской армии — либо дезертиры, либо оставленные без жалованья. Они дошли до самого Страсбурга и выглядели такой грозной силой, что городские власти, охваченные паникой, призвали на помощь пфальцграфов рейнских, Людвига и Отона, графа Вюртембергского, маркграфа Баденского, города Базель и Берн и другие, еще более отдаленные. Разбойников они называли арманьяками, «людьми короля», и видели в них последователей орлеанской партии, которая так долго сражалась с бургиньонами. С первым же известием или слухом о их приближении начинали проводить собрания, укреплять стены и собирать налоги на упрочение обороны. Эти страхи отражены во всех мемуарах и хрониках, а также в протоколах заседаний советов, в письмах начальников охраны. Все они тревожны, но некоторые очень точны: «У арманьяков не больше пяти тысяч человек, из которых три тысячи на хороших лошадях; остальные — просто сброд, среди которого есть три сотни женщин верхом... С наступлением ночи они ложатся спать вповалку, питаются плохо, часто одними только орехами и хлебом, зато хорошо кормят своих лошадей».

Однако в 1444 году в эти несчастные края хлынула сильная и ужасная армия «арманьяков» — не предоставленных самих себе, не находящихся вне закона, а наоборот, выстроенная в полки, признанная войском дофина Людовика. Почувствовали ли разницу жители Лотарингии и Эльзаса? Наверное, нет, разве что в худшую сторону.

Для Карла VII это в очередной раз стало средством избавить королевство от напасти, а заодно и удалить от двора и Совета сына, которому он по-прежнему не доверял и которого даже опасался. Он только приказал, чтобы разбойники под королевскими знаменами ни в коем случае не отклонялись от намеченного пути. Кроме того, эта экспедиция вписывалась в планы иного рода и давала возможность вмешаться в германские дела. Император Фридрих III, который вел войну с лигами швейцарцев, грозивших союзному с ним Цюриху, уже не мог в тот момент рассчитывать на герцога Бургундского и обратился к королю Франции. Императорское посольство, возглавляемое епископом Аугсбургским, прибыло к дофину и попросило

помощи: чтобы освободить Цюрих, нужно было напасть на Базель и заставить швейцарцев перейти к обороне. При помощи живодеров.

В конце июля 1444 года Людовик собрал в Лангре огромную армию, состоящую из двух отличных друг от друга частей. С одной стороны — королевские роты, возглавляемые более чем сотнею капитанов, в том числе Пьером де Боже, сыном герцога Бурбонского, Антуаном де Шабанном, снова верным королю, маршалом Франции Филиппом де Юоланом, Шарлем де Юоланом, камергером и дворецким короля, и графом де Клермоном. С другой — мародеры, висельники, возглавляемые уже прославившимися вожаками: Пьером Обером, Пьером и Готье Брюзаками, Леспинасом и «множеством побочных отродий благородных домов, таких как Боже, де Лаэ и де Тийян». Там было еще множество отрядов из «иностранцев» — бретонцев, гасконцев, кастильцев Хуана де Салазара, англичан, а главное, шотландцев, которые составляли в этой толпе своего рода элитные войска под командованием Джона Монтгомери и Робина Пети. В целом — около тридцати тысяч человек, из которых едва ли половина хороших воинов. У дофина было несколько орудий: две большие «железные» пушки для метания камней по шестьдесят фунтов, шесть «полевых» пушек (десятифунтовые камни) и восемь кулеврин. Вся его свита была с ним: Жан де Бюэй, обер-камергер Амори д'Эстиссак, еще шесть камергеров и дворецкий Аймар де Пюизье по прозвищу Капдора.

Толпы разнузданных вояк заранее внушали страх. Куда и как их вести? По каким дорогам? Послы нескольких немецких государей толпились в Лангре, предлагая крупные суммы денег в обмен на обещание провести живодеров стороной. Филипп Добрый прислал пятнадцать бурдюков лучшего бургундского вина. Чуть позже Филипп де Тернан, камергер герцога, лично привез десять тысяч золотых экю, прося построже следить за этими разбойниками; кроме того, еще три с половиной тысячи бургундских экю раздали вельможам, сопровождавшим дофина; Жан де Бюэй один получил двенадцать сотен.

Ничто не помогло. Армия, выступившая из Лангра 5 августа 1444 года, уничтожала все на своем пути. Людовик пришел под Монбельяр и занял город, пообещав оставить его через год. 24 августа полчища живодеров, выступившие вперед, очутились в окрестностях Базеля; 26-го на поле под Праттельном «арманьяки» отбили атаки трех-четырех тысяч швейцарцев, профессиональных солдат, вынудив их запереться в больнице Святого Иакова для прокаженных, а потом всех перебили. Растерянные, малочисленные конфедераты сняли осаду Цюриха и замка

Фарнсбург, удерживаемого им-перскими войсками. Базельцам же пришлось спешно укреплять городские стены и начать переговоры с дофином.

Людовик действовал уже не только от имени короля Франции и не только как союзник императора. В Базеле проводился собор, собравший несколько епископов и множество богословов и докторов университетов. Он низложил римского папу и избрал другого, бывшего герцога Савойского, — антипапу Феликса V. Более того, он утверждал главенство соборов над папой. Дофин не мог не знать об этих распрях: когда он готовился выступить в поход, папа сделал его гонфалоньером, защитником Римской Церкви, с пенсионом в пятнадцать тысяч дукатов. Римский папа Евгений IV, наверное, хотел, чтобы он захватил Базель и разогнал собор; из-за его вмешательства переговоры были надолго заморожены. Дипломатическая игра, в конце концов, возобладала, ибо собор не бездействовал, совсем наоборот. Два кардинала и несколько прелатов, сопровождаемые епископом Базельским, бургомистром и несколькими нотаблями, приехали в Альткирх на встречу с дофином. Тот сначала потребовал просто-напросто сдаться, но потом согласился на двадцатидневное перемирие, подписанное конфедератами Берна, Солера и их союзниками. Договор, заключенный 28 октября 1444 года в Энзишене наконец провозгласил мир, который все «капитаны» пообещали не нарушать. Каждая сторона заявила, что удовлетворена. Даже Евгений V сделал широкий жест: немного позже, 26 мая 1445 года, он издал буллу, назначив Людовика «покровителем» графства Венессен, принадлежавшего папе. Император, занявший сначала враждебную позицию и даже лишивший французов продовольствия, в конце концов одобрил мирный договор и провозгласил себя по-прежнему союзником Карла VII. Он выразил готовность жениться на его дочери Радегонде. Этого не произошло, поскольку она умерла в Туре в марте следующего года, однако грандиозная авантюра, вызвавшая столько крику, тем не менее завершилась явным военным и дипломатическим успехом, который можно полностью отнести на счет дофина.

В то время он заявлял о себе как правитель, силой обстоятельств приобретал больший вес, а главное — проявил способность собрать вокруг себя если не настоящую партию, то, по меньшей мере, многочисленную и почтенную клиентуру из преданных советников. Он умел нравиться, вызывал желание угодить. В противоположность своим беспрестанным утверждениям, которые доверчиво повторяли его друзья и некоторые историки, он не испытывал недостатка в деньгах. Еще

в июле 1437 года король передал Симону де Вержюсу, постельничему дофина, 21 тысячу ливров на «обычные» расходы на два года, а Бернар д'Арманьяк, «которому король приказал находиться при его особе», в том же году получил шесть тысяч ливров зараз. Главные доходы ежегодно поступали от податей, собираемых штатами Дофине: 30 тысяч флоринов в 1434 году, 10 тысяч в 1437-м, 30 тысяч в 1441-м и 20 тысяч два года спустя. Людовик в совершенстве владел искусством требовать — и добиваться — платы за свои услуги. В сентябре 1444 года он получил от штатов Нижней Оверни девять тысяч ливров, «чтобы помочь нам содержать наше государство и переносить великие каждодневные расходы». Эти великие расходы, как он говорил — и в этом нельзя сомневаться, — были вызваны ведением войны, в данном случае — походом против графа д'Арманьяка, а затем выводом разбойников из страны. Немного позже он потребовал оплаты той же услуги у магистратов Санлиса: в прошлом году, напоминал он, «мы выставили из этого королевства, с большой опасностью для нашей особы, всех капитанов, солдат и прочих ратных людей, занимавшихся ярым и полным разрушением страны, благодаря чему та могла долгое время жить в мире». Я вас избавил от напасти — платите! Мы располагаем только этим письмом в Санлис. Было бы наивно не предположить, что подобные послания рассылались и по другим городам, причем не единожды.

Не находясь в тени короля и не отчитываясь перед казначеями, дофин мог, раздавая щедрые дары и награды, привлечь к себе верных слуг или друзей, преданных ему, порой соучастников. Он постарался заручиться поддержкой церковников, отправляясь молиться в одиночку в различные места паломничеств и раздавая щедрую милостыню. Его духовник Жан Мажорис получил две тысячи золотых экю, «дабы употребить их на совершение некоторых паломничеств, к мощам святого Иакова в Галисию и в иные места»; затем еще триста экю, чтобы распределить их между тремя французскими аббатствами. Этого было достаточно, чтобы произвести хорошее впечатление и завязать нужные связи без помощи отца. Утверждаясь все больше и больше в качестве наследника престола, действующего вполне самостоятельно, он не колеблясь вмешивался в дела французской Церкви. Пытался пристроить своих людей, даже не спрашивая разрешения у короля. 12 октября 1445 года он написал епископу Отенскому, прося его безотлагательно зафиксировать и подтвердить избрание Жана Гоно, своего советника и протеже, аббатом Мон-Сен-Мишеля. Дело не выгорело, так как папа отдал это аббатство кардиналу д'Этутвилю. Но в августе следующего

года Людовик написал из Шинона длинное послание — одновременно просьбу и приказание — приору Сен-Пьер-де-Корби, чтобы тот со своими монахами перестал препятствовать возведению монастыря кларисс нового устава, данного «благочестивой сестрой Колеттой». Дофин упрекал их за то, что они добились постановления Парижского парламента о прекращении начатых работ и остались глухи к просьбам Изабеллы, герцогини Бургундской. Эти злокозненные и несправедливые происки должны прекратиться; король и он сам в этом заинтересованы. Упоминание о власти отца явно приводилось для проформы; во всяком случае, дофин выступал в качестве проводника его воли, настаивая и на своей собственной. Он был достаточно уверен в себе, чтобы повышать голос.

После Прагерии, в 1440 году, Людовик склонился перед отцом против воли, принужденный силой. Наверняка он раздавал подарки и хотел примириться с людьми, бывшими в милости, в частности с Агнессой Сорель; вернувшись из похода против д'Арманьяка, нагруженный богатыми трофеями, он подарил ей великолепную серию из шести гобеленов «История непорочной Сусанны». Но он не мог утешиться тем малым, что получил за свою покорность, и не перестал поддерживать мятежных принцев и вельмож, встречаться с ними и говорить о планах и о своем желании поскорее взойти на трон. Король, разумеется, об этом знал, и страх его советников перед заговором был таков, что малейший более или менее тайный ход, любой обмен гонцами вызывали тревожные слухи. Говорили об измене, о попытках отравления, о людях, готовых на все, купленных за несколько сотен экю. Все это были только сплетни, но они отражали тяжелую атмосферу.

Согласно историкам того времени, разрыв был вызван именно раскрытием заговора. Дофина обвинили в намерении убить (каким образом — неизвестно) Пьера де Брезе, тогдашнего фаворита, которого он не выносил, потому что тот высоко вознесся, обладал важными должностями и доверием короля. В 1446 году Людовика изгнали со двора, и он сбежал в Дофине.

В этом резком разрыве не было, однако, ничего удивительного. Каждый был к нему готов, наблюдая за маневрами и выслушивая сплетни. Можно себе представить, что мир 1440 года оставил много поводов для недовольства между отцом и сыном. Стремление к разрыву было в большой степени вызвано двумя событиями, связанными с королевской семьей. В 1445 году умерла дофина Маргарита Шотландская, которой едва исполнилось двадцать лет. У нее не было детей. Людовик, вечно находившийся где-то далеко, был не слишком к ней привязан. Эта

молодая женщина, веселая и умная, любившая литературу и искусства, наверное, казалась ему слишком чужой. Король, устроивший их брак, покровительствовал ей, проявлял к ней внимание и заботился о ее финансовом положении. В 1444 году он прислал ей в Нанси, с казначеем Жаком Кёром, две тысячи ливров «на шелковые простыни и куньи меха для платьев»... Возможно, дофину также было неприятно видеть в армии и окружении Карла VII многочисленных шотландцев, которые были повсюду. Позднее некоторые авторы, стремившиеся его очернить, говорили, будто он приказал шпионить за Маргаритой одному из близких к ней людей — Жаме де Тилли, мелкопоместному бретонскому дворянину, ее советнику и камергеру. Этот мрачный персонаж, не обвиняя прямо свою госпожу в дурных делах, писал о ней донесения, полные гнусных намеков. Ее это глубоко поразило. Она простудилась — то ли во время паломничества с дофином к храму Богоматери в Эпине, то ли в больших залах епископского дворца в Шалоне, и, тяжело заболев, не хотела никого видеть и отказывалась от пищи; до последней минуты она отказывалась простить подлому Тилли, хотя ее побуждали к этому со всех сторон. Печальный конец несчастной женщины, обессилевшей, умирающей, дрожащей от холода в августе на церковном подворье, был воспринят как трагедия всем двором и королем. Некоторые обвиняли дофина в том, что он поощрял ее преследование. Он все отрицал и в октябре 1446 года добился, чтобы Королевский совет начал расследование. Но в следующем году, по неясным причинам, расследование было прекращено.

Во всяком случае, Людовик стал свободен. Он подумывал о своем потомстве. Брак, заключенный в 1436 году, поставил его в зависимость от отца. Теперь, когда он был волен заключить союз в своих собственных интересах, ему следовало избавиться от тягостных, сковывающих его рекомендаций и советов. Разрыв с королем оказался бы только на пользу.

И еще одно важное событие, вне всякого сомнения, ускорило этот разрыв: 28 декабря 1446 года королева Мария Анжуйская произвела на свет второго сына, Карла. Отныне Карл VII, имея еще одного наследника, мог проявить больше твердости в отношении дофина.

2. Первое изгнание: Дофине (1447—1456)

7 января 1447 года Людовик был в Лионе; 15-го он вступил в Дофине. Его сопровождала многочисленная свита, и вступление в права владения, отмеченное с самого начала несколькими пышными церемониями и принесением клятвы в верности,

говорило о желании властвовать здесь безраздельно, как никто прежде него. Первый дофин — Карл, сын Иоанна Доброго, — конечно, старался хорошо править своим уделом, соблюдать обычаи и вольности, создав в 1357 году штаты Дофине. Но он так тут и не поселился, помчавшись после поражения при Пуатье в Париж, противостоять мятежникам, оспаривавшим его права. Сыновья Карла VI — Карл (умерший в 1401 году), Людовик Гиеньский (умер в 1415 году) и Иоанн Туреньский (умер в 1417 году) считались дофинами только номинально. Сам Карл VII, младший из сыновей и дофин после смерти Иоанна, был, конечно, слишком занят — утверждал свои законные права на престол и отвоевывал часть королевства. Для всех этих принцев Дофине не представляло собой никакой ценности. Они не воспользовались своим уделом, чтобы завязать союзы с соседними странами, вступить в европейское сообщество и сохранять большую свободу действий по отношению к королевской власти.

Людовик явно желал поселиться в Дофине и обеспечить себе широкое поле деятельности. Он давно уже к этому готовился и, не докладываясь королю, пристально интересовался делами этого края, который считал чем-то вроде княжества, подчиняющегося единственно его власти. 3 августа 1440 года, всего через три недели после изъявления покорности королю, получив, наконец, дозволение непосредственно управлять Дофине, он отправил туда губернатором Габриэля де Берна, человека из своего близкого окружения. Сам он отныне беспрестанно посылал туда письма, послания, ордонансы, изданные порой далеко, в разгар военного похода: из Понтуаза в 1441 году, из Иль-Журдена в 1443 году и из Лангра в следующем. Он диктовал законы во всех областях и постоянно заявлял, что трудится ради общего блага, хочет навести порядок в делах, с которыми не справлялись чиновники, ранее назначавшиеся королем (например, Рауль де Гокур в 1428 году). В 1444 году он разрешил проводить в Монтелимаре ярмарку дважды в год и учредил соляной склад. Еще одну ярмарку устроили в Гапе. Жители, имевшие право избирать судейских, пользовались значительными налоговыми льготами. Налоги, взимаемые с евреев в Балансе, Бургуэне и на острове Кремье, были значительно сокращены, несмотря на противодействие городских собраний. В марте 1445 года Людовик, будучи в Нанси, поручил Равону Датчанину, товарищу Жака Кёра в Бурже, и Жану Женсьену проинспектировать монетные дворы в Романе, Кремье, Гренобле и Монтелимаре; он потребовал, чтобы там отныне чеканили золотые монеты, дукаты и флорины, с его гербом. Несколько месяцев спустя, находясь в

Шиноне, он следил за установлением стабильных, централизованных и единообразных финансовых учреждений в далеком Дофине, которое он никогда не терял из виду. Чтобы действительно «управлять» финансами и «ведать о сборе и расходе оных, остерегаясь, дабы деяниям нашим не чинилось препон по неимению доброго порядка, как в былые времена», он назначил одного из верных ему людей, мэтра Никола, казначеем и главным сборщиком всех обычных и чрезвычайных налогов, положив ему жалованье в пятьсот ливров в год и шестьдесят су в день на время разъездов по нуждам управления.

Таким образом, уже за несколько лет до того, как он там поселился, Людовик пользовался в своем княжестве большим влиянием и хотел, чтобы об этом знали все, в том числе Королевский совет и Парижский парламент. 7 сентября 1443 года, а потом 15-го числа он велел Парламенту издать грамоты о помиловании советника Миле Блонделе. Этот человек, заведовавший монетным двором в Кремье, был признан в 1442 году виновным в том, что чеканил золотые и серебряные монеты меньшего веса; он бежал, но, приговоренный к штрафу в одиннадцать сотен золотых экю, уплатил его. Жан Дове, председатель Парламента, и Жан Жувенель, адвокат короля, сначала отказавшиеся утвердить помилование, заявляя, что речь идет об оскорблении Его величества, были вынуждены уступить. После того как грамоты были опубликованы, Миле снова взял на откуп чеканку монеты в Кремье.

Все эти годы Людовик согласовывал свои решения с «людьми из своего Большого совета», больше ни с кем не сносясь; расстояние никогда не считалось препятствием. Тот, кто еще не расстался с мыслью о «средневековом» управлении, испытывающем нехватку средств, неспособном обрабатывать информацию из-за медленности сообщений, смутился бы, глядя, как тщательно молодой принц наводил порядок, не появляясь в стране. Находясь вне ее пределов и, наверное, не собираясь там жить в ближайшее время, он старательно обличал ошибки, исправлял их, проводил реформы, сглаживал недостатки, во всем утверждал свою волю. Он прекрасно с этим справлялся: частая и разветвленная сеть агентов держала его в курсе событий, информировала о недовольствах, служила ему. Он уже учился своему ремеслу.

Непохоже, чтобы в 1446 году он поинтересовался мнением короля в вопросе об обмене территориями с герцогом Савойским. Хотя переговоры шли уже давно, Людовик ограничился тем, что сообщил о них членам Совета и Счетной палаты Дофине. Он уступил право сюзерена на баронство Фосиньи в обмен на

графства Валентинуа и Диуа, к тому же герцог обязался уплатить ему компенсацию в пятьдесят четыре тысячи золотых экю — значительная сумма. Карла VII попросили ратифицировать этот договор только через две недели после его подписания. За выполнением договора Людовик поручил проследить Габриэлю де Берну — советнику, дворецкому дофина и губернатору Дофине, человеку «скромному, верному, осторожному и расторопному». Обмен был очень выгодным. Людовику удалось расширить границы своего княжества на юг, к рубежам графства Прованского и графства Венессенского — Папских земель.

В январе 1447 года он прибыл в Дофине не как чужак, не как беглец, просящий об убежище, но как государь, уже давно зарекомендовавший себя умелым правителем. Он лишь продолжил начатое ранее. Ему нужны были средства, чтобы укрепить свои позиции против короля и соседей. Он тотчас сформировал пять ордонансных рот, а в городах учредил общества «рыцарей благородного искусства стрельбы из арбалета»; несколько авторов даже утверждали, что он сманил наемников, служивших его отцу, предложив им большее жалованье. Он позаботился о подготовке служителей Фемиды и о наборе священников из местных родов, создав университет в Балансе. Он беспрестанно вмешивался в ссоры между дворянами, между канониками и епископами, а еще больше — между городскими советами и соседними сеньорами, обычно принимая сторону горожан.

Он принудил архиепископа Вьенского и епископов Баланса, Ди и Гренобля признать его власть и даже отказаться от части своих полномочий. Кстати, во Вьене он добился избрания архиепископом Антуана де Пуазье вопреки мнению Карла VII (22 января 1454 года). Этот прелат, сохранявший Людовику верность даже в самые тяжелые времена, уже в феврале ратифицировал договор, подготовленный его предшественником Жаном де Пуатье, уступив дофину половину судебных полномочий над городом и графством Вьеннуа.

Тома Базен, под пером которого король Людовик XI принял ужасающее обличье, утверждает, что, будучи дофином, он буквально разграбил страну, взимая непомерные налоги, беспредельно взвинчивая судебные сборы и используя сотни других нечестных приемов. Так может говорить только злонамеренный и малосведущий человек. Однако нет сомнений, что дофин с ранней молодости прекрасно знал, где раздобыть денег. Проезжая через Лион во время своего бегства в 1447 году, он просто-напросто заставил городские власти кормить себя со своей многочисленной свитой: среди прочего, двадцать золотых

экю ушли на два бурдюка с вином, а еще десять — на рыбу. Штаты Дофине продолжали регулярно выплачивать ему подати — несколько десятков тысяч флоринов ежегодно. Чтобы увеличить эту сумму и представить просьбы об этом в лучшем свете, он платил за услуги высокопоставленным людям, способным повлиять на принятие решений. Штаты, собравшиеся в феврале 1448 года в Романе, в монастыре кордельеров, довели сумму податей до сорока пяти тысяч флоринов, чего еще никогда не бывало; говорят, что это было сделано на радостях по поводу его прибытия: они так решили «по чистому побуждению своей воли и не нарушая своих свобод». Возможно. Но почти тотчас же Людовик раздал три тысячи флоринов одиннадцати дворянам, чиновникам, аббату Сент-Антуан-де-Вьеннуа, «дабы восполнить понесенные ими расходы на собрание… и в признание добрых услуг в оказании ему помощи оным собранием». В том же году его казначей принял сверх того три тысячи ливров от штатов Лангедока, три с половиной тысячи от архиепископа Экс-ан-Прованса и еще несколько внушительных взносов. В общем, недостатка в деньгах не было.

Оставшись вдовцом, Людовик жил в Дофине сначала с Гийеттой Дюран, дочерью нотариуса из Гренобля, которую он потом выдал замуж за своего секретаря Шарля де Сейе. Затем он прижил двух дочерей с Фелисой Рейно, вдовой одного из своих оруженосцев. Потом он женился на Шарлотте Савойской. С ее отцом, герцогом Людовиком, он встретился в Бриансоне 2 августа 1449 года. Они пообещали помогать друг другу, чтобы, в случае необходимости, вместе бороться против дурных слуг короля, «врагов» дофина. Поговорили они и о браке юной Шарлотты, которой тогда было одиннадцать лет и в приданое за которой давали четыреста тысяч экю. В первое время Людовик принимал некоторые предосторожности и даже сообщил королю о своих планах. Он послал к отцу двух своих высших чиновников, членов своего Совета. Те рассказали королю о Шарлотте, а заодно о плачевном состоянии финансов Людовика, который, помимо Дофине, требовал себе другое большое «владение», то есть Гиень. Карл VII на все ответил отказом. В плане брака для сына он подумывал об Элеоноре Португальской или о сестре венгерского короля, а союз с честолюбивым герцогом Савойским мог вызвать только его неудовольствие.

Тем не менее 14 февраля 1451 года в Женеве был подписан брачный договор: приданое в двести тысяч экю (неплохо!), из них тысяча двести наличными, к тому же отец принцессы обязался выплачивать ей пенсион в пять тысяч экю. Свадьбу отпраздновали сначала по доверенности в Шамбери, потом в Гренобле, 2 апреля.

Поставленный в известность (правда, слишком поздно), король срочно направил своего герольдмейстера, чтобы помешать бракосочетанию. Его заставили прождать до следующего утра, а там он узнал, что дело сделано.

Приданое не выплатили в назначенный срок, и дофину пришлось неоднократно посылать своего казначея или одного из чиновников, чтобы потребовать положенное. С другой стороны, все города Дофине обложили данью: города и веси «подарили» кругленькие суммы золотыми или серебряными монетами, серебряными марками и слитками «по случаю радостного прибытия дофины в наш край Дофине»: шестьсот экю с крестьян и горожан Вьена, девятьсот с Гренобля, шестьсот с Брианссонэ и столько же с Амбрена, Романа...

В момент бракосочетания Людовик Французский и Людовик Савойский заключили союз. Герцог торжественно пообещал поддерживать и защищать супруга Шарлотты от кого бы то ни было и даже от короля, «если король выразит неудовольствие оной женитьбой и задумает причинить ущерб господину дофину, я приду ему на помощь со всей своей силой... ежели ему будет угодно мною повелевать». Кроме того, он обязался не обращаться к королю без дозволения дофина.

В дипломатическом плане Людовик запасся и другими рычагами давления. Чтобы противостоять королю или, по меньшей мере, уравновесить его влияние, он отправил в 1448 году послом в Рим епископа Амбренского. Гонфалоньер церкви и «покровитель» графства Венессенского, он беспрестанно вмешивался — заручась, как он думал, поддержкой папы, — в избрание епископов и поддерживал порой несвоевременные и агрессивные их действия против соседних церковных провинций. Одним словом, он становился просто невыносим. Что же касается политической игры и отношений с Карлом VII, он очень скоро оказался в центре клубка интриг. Неугомонный и зачастую непредсказуемый, он строчил письма, повсюду рассылал своих агентов и был счастлив вести двойную игру. Он установил тайные связи — во всяком случае, без ведома короля — с Рене Анжуйским и герцогом Бретонским, отправив своего герольдмейстера в Ванн посоветоваться и попросить о помощи. В Италии, которая уже тогда его очаровала, настолько широким там было поле действия, орудовали его доверенные лица, так что никто не мог сказать, чью сторону он примет — Флоренции и Венеции, которых тогда поддерживал Карл VII, или Милана под властью Сфорца.

Как бы то ни было, он добился признания, к нему приезжали на поклон. В отчетах управления его двора за один только 1448

год упоминается о визитах по меньшей мере пяти послов: от швейцарцев, от архиепископа Реймсского («находившегося во граде Ницца»), от герцога Савойского, герольдмейстера английского короля и людей от государя Наварры. Все они встретили радушный прием, каждый получил по сто золотых экю, а наваррцы — шесть серебряных чаш. Королю не удавалось сделать ни лучше, ни больше, и вся эта возня, совещания, обмен обещаниями и поиски помощи вне королевства не могли его не тревожить. Тем более что дофин действовал и во Франции, требуя еще больше денег, еще больше власти, стараясь привлечь к себе сообщников, не пренебрегая ни одной возможностью выйти на первый план, хотя его ни о чем не просили. Он не принял никакого участия в завоевании Нормандии в 1449— 1450 годах. Король Карл вступил в Руан во главе пышного кортежа, в сопровождении своих главных чиновников и военачальников, но без своего сына, который, оставаясь в Дофине, не прислал ни людей, ни денег. И тем не менее он все равно интриговал, чтобы получить свою долю почестей, требуя должность губернатора Нормандии, рассылая повсюду письма, в частности, в местные штаты и к герцогу Жану II Алансонскому. Тома Базен, епископ Лизье, сообщает, что тоже получил несколько весьма настойчивых писем, но передал их королю, поскольку был призван в его Совет.

Это была нечестная игра, и дофин, занятый усилением собственной власти на своих землях и переговорами с городами или вельможами Италии, заставлял много говорить о себе и в самом королевстве.

Выведенный из себя, Карл VII собрал значительные силы, намереваясь идти в поход на Лион, Дофине и Савойю. Однако к нему в замок Клеппе приехали герцог Савойский и кардинал д'Этутвиль, который выступил посредником от лица дофина, гарантом его добрых намерений и желания хорошо служить своему отцу. Дело в том, что, едва узнав о высадке английской армии Тэлбота в Бордо (21 октября 1452 года), Людовик изъявил желание отправиться сражаться в Гиень (письмо из Баланса от 25 октября). Но король, который не мог забыть, что его сын, по меньшей мере, дважды просил для себя губернаторство в этих краях, отказался, согласившись только отозвать свои войска и выдать свою дочь Иоланду замуж за принца Пьемонта Амедея, сына Людовика II Савойского.

Это, конечно, была только передышка, ссора разгорелась с новой силой: отец хотел вырвать Дофине у принца, ставшего опасным и наглым, сын все чаще вмешивался в дела королевства. Рассылая письма советникам или магистратам, Людовик проводил яростную клеветническую кампанию против короля,

обвиняя его в «пошлых нравах и распущенности». Он упрекал короля за возмутительные расходы, за его фаворитов и фавориток, людей низкого происхождения и не отличающихся добродетелью, которые, став всемогущими, создавали при своем господине «своего рода сераль, достойный восточного владыки». Он нападал на Антуанетту де Меньле, ставшую любовницей короля после смерти своей кузины Агнессы Сорель. Внезапное падение и осуждение Жака Кёра ясно показали, что новая партия, стоящая за Андре де Виллекье, мужем Антуанетты, и Антуаном де Шабанном, восторжествовала и правит бал. Однако все знали, что дофин в свое время поддерживал прекрасные отношения с казначеем Жаком Кёром и теперь был оскорблен его опалой.

Если он еще играл роль почтительного сына, то лишь чтобы выиграть время. С апреля по июнь 1456 года он прислал одно за другим не менее шести посольств, чтобы оправдаться. Его люди представили только расплывчатые уверения в преданности, избегая темы о встрече с королем на территории Франции. Так что на сей раз Карл VII решил с этим покончить и силой вырвать у сына Дофине. Он собрал мощную армию и доверил командование Антуану де Шабанну, отдав приказ выступить против дофина и пленить его. Король отправил двух своих близких советников, Логеака и Жана де Бюэя, в Лион, чтобы сообщить эдилам и гражданам города о претензиях и намерениях короля. Войска продвинулись до Сен-При и Сен-Симфорьен-д'Озона, прямо на границе Дофине, сам Карл VII разместился со своим камергером и некоторыми приближенными в Сен-Пурсен-сюр-Сиуль. Разумеется, уже при первых тревожных признаках Людовик принял меры: велел укрепить защитные сооружения крепостей и отправил послов во все концы, прежде всего торопя своего тестя, герцога Савойского, дать ему солдат. В этом плане его ждала неудача: король отправил в Женеву Ришмона и Дюнуа, чтобы уладить кое-какие споры, а главное — упредить герцога. Поэтому дофин, оставшись в одиночестве, хорошо осведомленный о том, какие силы брошены против него, и сознавая невозможность победить, был охвачен паникой, «диким страхом». Он был убежден, что отец хочет только его смерти и велит «сунуть его в мешок да в воду». 30 августа 1456 года он сбежал во время тщательно подготовленного выезда на охоту, отправился сначала со своим верным Жаном де Лескеном во Франш-Конте, в паломничество в Сен-Клод, потом на север — в Нозеруа, владение принца Оранского, а оттуда помчался во весь дух, думая, что за ним гонятся люди короля, в бургундские земли, где наконец нашел пристанище в Лейвене.

Пристыженный беглец, развенчанный государь, он все еще

хотел отыграться, изловчиться и заключить договор. В Сен-Клоде, подгоняемый страхом и нехваткой времени, он все же успел написать два письма, чтобы оправдать свое присутствие у герцога Бургундского. Это не было изменой, говорил он, даже не поиском союза или убежища, просто он хочет участвовать в крестовом походе на Восток, который герцог готовит уже больше года. Он испрашивал у короля позволение туда отправиться в качестве гонфалоньера Церкви, чтобы сражаться против турок вместе с Филиппом Добрым, намерения и преданность коего Гробу Господню общеизвестны. Одному епископу, члену Королевского совета, он сообщил, что явился во Франш-Конте, лишь для того, чтобы посмотреть, что еще нужно сделать для подготовки перехода в Святую землю, как собрать средства и организовать проповеди. Пусть прихожане епископа молятся о том, «чтобы Господь помог нам осуществить наше благое намерение».

Карл VII не строил никаких иллюзий. Он собрал людей дофина, чиновников и служителей, во Вьене, а потом в Гренобле, и дал им указания, пообещав сохранить почти за всеми их должности. Два советника оповестили об этом Людовика в длинном послании, выдержанном в спокойном тоне. Они утверждали, что все хорошо: госпожа дофина поживает прекрасно, все ваши люди и многие дворяне остаются вам верны, и «все охотно исполнят то, что вы им поручите». Ваш отец торжественно заявил, что не хочет «отнять у вас страну» или принудить кого бы то ни было поступить против чести. Будьте уверены, что для ваших людей он сделает больше, чем для собственных подданных. Все здесь знают, что самое большое неудовольствие ему доставило известие о вашем отъезде, «ибо он возомнил, что потерял вас».

Красивые слова! Логеак и Бюэй взяли в свои руки управление Дофине. Для Людовика это стало настоящим изгнанием, он не имел других средств, кроме тех, что предоставили ему бургундцы. Карл VII повел против сына грандиозное дипломатическое наступление. Герцог Савойский встретился с ним дважды. Все города Франции получили циркулярное письмо, написанное уже 14 сентября, в котором четко и подробно излагались доводы короля: его сын, следуя дурным наущениям, не желал с ним советоваться, а главное, неоднократно отказывался явиться к нему — странное поведение по отношению к отцу; он внезапно покинул Дофине, чем удивил короля и вызвал его неудовольствие.

Вслед за письмами в города порой приезжали королевские послы, чтобы рассказать о провинностях Людовика, упорствующего в своих заблуждениях. Однако все это не могло

навредить дофину. Он нашел хорошее убежище. В Лейвене, а затем в Брюссельском замке Людовик, в отсутствие герцога Филиппа, воевавшего во Фландрии, встретил теплый прием у его сына Карла, графа де Шароле (впоследствии Карла Смелого), герцогини Изабеллы, к которой тогда очень прислушивались при дворе и в Совете, Антуана — «великого бастарда Бургундского», епископа Камбре и двух высших чиновников герцогства — Жана де Круа и Адольфа де Равенштейна. Все его чествовали. Филипп Добрый, который сначала вел себя сдержанно, не стремясь вступать в открытый конфликт с Карлом VII, в конце концов тоже «оттаял». 15 октября 1456 года в Брюсселе он воздал дофину почести, достойные королевского сына, будущего короля. Он преклонил перед ним колено, следовал в его свите с обнаженной головой, подарил ему на все время его пребывания замок Женапп в Брабанте и назначил пенсион в тридцать шесть тысяч франков. Людовик быстро нашел сторонников при бургундском дворе, даже завел сообщников, завоевал дружбу Антуана и Жана де Круа, приняв их сторону в споре с графом де Шароле. Надежно укрывшись, хорошо устроившись, располагая деньгами и по-прежнему плетя интриги, он мог говорить вслух и без опаски о чем угодно, мог в очередной раз оправдаться и свалить всю ви-ну в разрыве на дурных советников короля. 26 октября он сообщил отцу из Брюсселя о своем приезде к герцогу Бургундскому, который, как он говорил, хорошо его принял и каждый день его потчует. Герцог поступает так «в вашу честь, за что я благодарю вас, как только могу». Все выдержано в том же тоне, чтобы преподнести главную мысль: «я поведал герцогу без утайки о моих делах»; я узнал, что Логеак и Бюэй действуют от вашего имени в Дофине, чтобы убедиться, что «ни вы, ни ваше королевство не понесут убытков от жителей этого края». Этим я «весьма удивлен был». Как можно было подумать, что из этого края может исходить хоть малейший вред для вас, или «что я мог бы иметь в мыслях совершить что-нибудь дурное»? Мой дядюшка Филипп тоже весьма этому удивлен и поручил своим послам поговорить об этом с вами.

Действительно, немного спустя он вновь взялся за перо, чтобы назвать имена бургундских уполномоченных и сообщить о их звании: Жан де Круа — камергер, главный воевода герцогства и бальи Геннегау, и кавалер Симон де Дален, тоже камергер, бальи Амьена. Он сообщил об этом и членам Большого королевского совета, которые таким образом узнали о дипломатических инициативах изгнанного принца, считавшегося кое-кем отверженным, врагом мира в королевстве. Прием послов состоялся в Сен-Симфорьен-д'Озоне. Карл VII сначала потребовал,

чтобы герцог отказал в любой помощи его сыну, и распорядился ввести мощные гарнизоны в города поблизости от бургундской границы. Но слишком занятый на тот момент английскими делами и неприятно пораженный союзом, поддерживаемым между Филиппом Добрым и Эдуардом IV Йоркским, в конце концов сдался и смирился с тем, что бунтовщик нашел приют и покровительство у могущественнейшего из его соседей, который был волен предпринять все, что ему вздумается.

3. У бургундцев (1457—1461)

В Женаппе Людовик даже в самые мрачные годы не выходил из образа преданного, почтительного сына, сознающего достоинство королевской власти, несправедливо обвиненного или подозреваемого в дурных поступках завистниками, бессовестными людьми, сумевшими завоевать доверие его отца. Мастер в искусстве двойной игры, он, разумеется, не преминул сообщить королю о рождении своего первенца.

Шарлотта, которая, по словам Коммина, «была не из тех, кто дарует наслаждение», осталась в Дофине, за что Савойский двор корил нерадивого супруга. Ему говорили о том, что пора уже приблизить к себе молодую женщину, поскольку она «достигла приличествующего возраста». В конце концов он решился вызвать ее к себе, и брак свершился в Намюре, в январе 1458 года. 15 июля 1459 года, в Женаппе, у них родился «прекрасный сын» Иоахим, и король узнал, что 5 августа крестными отцами младенца стали сам герцог, который подарил ему тысячу золотых монет, и Жан де Круа, а крестной матерью — супруга Адольфа Клевского. Иоахим умер 29 ноября. Людовик явно хотел иметь наследника и не скрывал этого. Немного спустя он написал отцу, извещая его о новой беременности Шарлотты: «насколько можно судить, дело верное, ибо она уже несколько раз чувствовала, как дитя шевелится». Родилась девочка, Луиза, тоже умершая во младенчестве. Еще одна дочь, Анна, родилась в следующем, 1461 году.

Эти письма к Карлу VII, главе семейства и главе государства, не вводят в заблуждение: они были продиктованы не искренним сыновним благочестием, но заботой о том, чтобы не оказаться сброшенным со счетов. По поводу рождения Иоахима он в тот же день и таким же образом написал множество других посланий: своему младшему брату Карлу, герцогу Беррийскому, которому было тринадцать лет, гражданам Лиона, епископу Парижскому, председателям и советникам Парламента, «купеческому голове, эшевенам, мещанам, крестьянам и жителям города Парижа». Эти

письма, скорее всего, привели городских магистратов в замешательство; они не знали, как отвечать, радоваться ли этой благой вести. Уже 9 августа, получив известие о рождении Иоахима, жители Буржа поспешили оповестить о нем короля. Они не рискнули вызвать его неудовольствие и, сбитые с толку, плохо владея ситуацией, спрашивали, что им делать.

По правде говоря, принцы, королевские чиновники и слуги дофина, жители городов понимали, что разрыв состоялся. Поступки и затеи, которые казались неуместными советникам Карла VII, постоянно порождали конфликты. Слухи о заговорах, замышляемых махинациях, перехваченных письмах с засекреченными посланиями росли как снежный ком. Двор Людовика в Женаппе и двор герцога Бургундского называли гнездами интриг, очагами заговора. В декабре 1456 года было арестовано семь человек, которые признались, что получили деньги за то, чтобы захватить короля в замке Сен-При и «отвезти его силой, куда им заблагорассудится». Их сдал один из заговорщиков, Жан Шенар, который только что оставил службу у дофина. Он сказал, что больше четырех сотен жандармов были готовы к выступлению. Дело осталось темным, и, несмотря на длительное расследование, на него не удалось пролить свет.

Находясь в суровом изгнании, сын короля все же вел себя по-прежнему как независимый государь. Разумеется, он потерял Дофине, где Карл VII поставил своих доверенных лиц и заручился преданностью всех тамошних чиновников. Но Людовик не отступил; 24 января 1458 года, находясь в Брюгге в обществе Филиппа Доброго, он назначил губернатором Дофине одного из своих приближенных — Жана, побочного сына д'Арманьяка. Это была лишь бравада, не возымевшая никакого действия. Он мог только сурово покарать тех, кто примкнул к королю и предал его. Едва обосновавшись у бургундцев, он велел конфисковать имущество Габриэля де Берна, давнего своего слуги и товарища, который был признан виновным в измене и оскорблении величия «за многие преступления, провинности и вероломство», а на самом деле — за то, что не последовал за принцем в изгнание в Женапп.

Недостатка в деньгах не было, но они поступали нерегулярно. Помимо пенсиона, выплачиваемого герцогом Бургундским, значительные доходы Людовику обеспечивало только приданое Шарлотты. Но чтобы получить обещанные суммы, потребовалось множество демаршей, писем и напоминаний, даже протестов, специальных гонцов. В августе 1457 года Людовик отправил своего дворецкого Перро Фокье к герцогине Савойской, чтобы потребовать остаток приданого в

двести тысяч экю. Более того, уже поступившие суммы далеко не всегда выплачивались золотом, а все больше в доходах или рентах с различных имений или владений — налогах, податях, сборах... Так что потребовалось создать в Женаппе специальную финансовую администрацию. В одном отчете о сборах, связанных с приданым, за период немногим более года (1459—1461), упоминается о двадцати восьми разных статьях и различных суммах, переданных целой чередой замковладельцев, наместников, сборщиков налогов, казначеев Савойи, Пьемонта и Бюже. Один только казначей Версея сдал 2500 экю, а соляной пристав из Ниццы — 3500 экю. То есть в целом ровно 17 256 экю савойскими деньгами, из которых составитель отчета был вынужден вычесть 800 ливров в уплату сборщику Бартелеми Кайю «за труды и понесенные расходы... дабы собрать деньги, полученные по оному браку», а еще «поскольку по данному делу выезжал к означенному гос-подину (дофину. — Ж. Э.) во Фландрию и Брабант». Эти деньги, за которыми приходилось ездить так далеко и вырывать их у чиновников и сборщиков податей герцога Савойского, не спешивших давать точный отчет, в конечном итоге дорого обходились. Задача собрать хотя бы часть доходов была возложена на Эктора Жослена, виконта Женевского... за жалованье в тысячу ливров в год. Из 17 256 экю в руках Женаппского изгнанника оказались только три тысячи. Его сборщики сами распорядились остальными деньгами, стремясь наверстать упущенное и ковать железо, пока горячо: первонаперво 7200 ливров Франсуа Руайе, оруженосцу, советнику и камергеру дофина, за шесть лет неуплаченного пенсиона; затем жалованье секретарю, нескольким жандармам или лучникам, двум вестовым; а главное — несколько лошадей, тотчас подаренных высшим чиновникам, в основном придворным — Жану де Монтобану, Жану д'Арманьяку, Луи де Крюссолю... Нет никаких сомнений, что у Людовика часто не оставалось денег, и приходилось занимать у знакомых или менял, банкиров, финансистов и спекулянтов. Его секретарь Шарль Астар одолжил ему четыре тысячи ливров, которые так и не получил назад. Людовик расплатился с ним пять лет спустя, когда стал королем, уступив ему земли Пьерлатт и сделав его бальи Виварэ и Валентинуа. Судя по всему, тогда было принято рассчитывать на будущее состояние, обязуясь позже осыпать милостями и доходами терпеливого заимодавца. В июне 1461 года все знали, что Карл VII очень слаб и сражен болезнью, которая его доконает, и дофин, с легкостью раздававший обещания, без труда занял у одного менялы 18 тысяч рейнских флоринов, обязавшись вернуть долг через полгода после своего восшествия на престол.

Владелец одного-единственного замка (а точнее сказать, его жилец), окруженный свитой верных, но нуждающихся слуг, Людовик, несмотря ни на что, хотел выглядеть щедрым и таким образом войти в бургундский лагерь. Он принес несколько даров церквям: сто савойских экю церкви Святого Клода (наверное, в память о своем бегстве в 1456 году) и двести экю «на некоторые паломничества в Брабанте».

При этом он не прекращал деятельности во Франции, пользуясь каждым случаем, чтобы заявить о себе, стремясь снискать симпатии и пристроить своих протеже, советников или церковников, служивших ему. Из Женаппа разлетались рекомендации, ходатайства, адресованные епископам, аббатам или каноникам и побуждавшие их проголосовать «как надо» на каких-нибудь выборах. Его выбор противоречил выбору отца и даже мнению папы. Он написал в Рим одному кардиналу, прося его, почти в приказной форме и опираясь на политические доводы, сделать все возможное, чтобы командором Фландрского ордена госпитальеров был назначен брат Бенедикт де Монферан, а ни в коем случае не один из тех, «чью руку держит кардинал Авиньонский, который во всех делах, и в оном тоже, является врагом нашим; сии люди чинят нам многое зло». А этим кардиналом, то есть епископом Авиньонским, был тогда Ален де Коэтиви, которому покровительствовал король, — главное действующее лицо в борьбе за контроль над графством Венессенским, долгие годы противостоявший папе. Людовика ждала неудача: папа Пий II назначил Бенедикта де Монферана не во Фландрию, а аббатом в Сент-Антонен-де-Вьеннуа.

В то время как известия о здоровье короля одним внушали страх, а другим — надежду на близкий конец, выступления дофина становились все многочисленнее и настойчивее. Июнь 1461 года: письмо капитулу аббатства Святого Мартина в Туре с требованием предоставить первую же освободившуюся должность-пребенду Анри Кёру, сыну Жака — казначея и брату Жана — архиепископа Буржского, «за заслуги, добродетели и великое благочестие». Принц-изгнан-ник старался поддержать наследников опального чиновника, осужденного десятью годами раньше.

Он умел убеждать прекрасными обещаниями, которые на самом деле оборачивались угрозами. Он настойчиво просил епископа Неверского Жана д'Этампа предоставить пребенду Артуру де Бурбону — апостольскому протонотариусу, но еще и своему советнику. Людовик ясно дал понять: «свершив сие, вы доставите нам особенное и приятное удовольствие, о котором мы не забудем и вспомним о нем позже, ежели вы попросите у нас

что-либо для вас или вашей церкви». Епископы должны были знать, кто теперь господин в королевстве. Луи д'Альбре, епископа Эрского до 1460 года, а затем кардинала в Риме, призвали вмешаться, чтобы папа дал согласие на брак между Жане де Шатовуаром и Маргаритой дю Ло, троюродными братом и сестрой. Этот Жане был советником и камергером дофина, который всегда был «сердечно расположен» к нему и его отцу «за великие услуги, кои они нам оказали и оказывают каждый день все их родственники и друзья, наши самые лучшие слуги»... Такие люди не должны были быть забыты. В другом письме к тому же кардиналу содержалась четкая просьба порадеть о том, чтобы одну из дочерей Шатовуара выдали замуж за Жана де Меца.

Думал ли Людовик, как другие тогдашние наследники, что ожидание становится нестерпимым? Говорил ли и он тоже своим близким, что уже весь извелся, что его отец слишком давно сидит на троне и что пора уже ему самому стать королем? И что «он лучше бы швырнул своего отца головой в колодец и бросился бы за ним следом», чем бесконечно ждать?

Однако король болен, и это всем известно. Дофин уже не колеблясь расставляет членов своего Совета по всему королевству, и его власть все реже оспаривают. Надо полагать, это и есть завоевание власти. Каждый новый день, каждое известие от двора укрепляют его позиции и придают ему все больший вес в глазах высших чиновников, достаточно прозорливых, чтобы подумать о своем ближайшем будущем.

И в глазах других государей, поскольку он и тут не сидел без дела, а искал поддержки, вел переговоры о союзах и принимал чью-либо сторону в спорах, в основном в Италии в конфликтах между синьориями и в Англии, в Войне Алой и Белой розы, между Йорками и Ланкастерами. Весной 1460 года король оскорбился тем, что герцог Миланский принял посла дофина, его оруженосца Гастона де Лиона, чтобы обсудить союз между ними. Сфорца оправдывался, ловчил, говорил о простом совпадении. Говорил, что он искренен, чужд всяких интриг: «У меня нет никаких личных дел ни с дофином, ни с герцогом Бургундским». Гастон де Лион действительно приехал в Милан, но лишь чтобы участвовать в турнире, который «мы устраиваем каждый год» на праздник 26 февраля; из-за плохой погоды ристалище было перенесено на вторую неделю после Пасхи, поэтому он вернулся к назначенному дню и пробыл некоторое время. Однако договор был подписан и ратифицирован в декабре, четко устанавливая вклад каждой стороны: три тысячи всадников и тысяча пехотинцев от Сфорца, три тысячи всадников и две тысячи лучников от дофина. Конечно же в 1460 году Людовик не мог

набрать такое войско; он располагал только небольшой личной охраной. Так что он брал на себя обязательства на будущее, как король, и герцог Милана считал его таковым. Летом один из его агентов донес о том, что «астрологи сообщили герцогу Бургундскому, что король в смертельной опасности; он может избежать ее только чудом и не проживет дольше августа». Через некоторое время Людовику сообщили об обстоятельствах бунта генуэзцев, неудачного выступления Рене Анжуйского и Жана Калабрий-ского, избиения их людей, мятежей, беспорядков и неудачных сражений, которые на сей раз положили конец французскому владычеству.

Что же до Англии и Войны роз, то Тома Базен утверждает, будто в битве при Тоутоне (29 марта 1461 года), когда Йорки победили Ланкастеров, поддерживаемых Карлом VII, в отряде, направленном герцогом Бургундским на помощь Эдуарду Йоркскому, сражались несколько всадников под знаменем дофина. Дофин даже якобы побуждал Эдуарда высадиться во Франции. Нас не удивляет, что злоречивый Базен грешит против истины. Но факт в том, что, находясь в изгнании, дофин совершенно не учитывал намерений и обязательств короля, переходя даже в противоположный лагерь — касалось ли это Италии или династической войны в Англии.

Он томился в ожидании, становящемся нестерпимым. Беспрестанно справлялся о болезнях короля и о том, к чему они могут привести. Несколько советников Карла VII информировали его обо всем в тайных письмах. Порой это были только слухи, и кое-кто, торопясь ответить, заявлял, что ничего не знает. Например, граф де Сен-Поль, подтвердивший получение писем от дофина («в коих вы вопрошаете меня о новостях»), был плохо осведомлен своими людьми и сказал, что не знает ничего такого, «о чем можно было бы написать наверное». Лучше всех ситуацией владела конечно же Антуанетта де Виллекье, с которой Людовик примирился. Она писала ему, поощряя его надежды и успокаивая его нетерпение. Он благодарил и обещал ее не забыть («однажды я вам отплачу»), Пусть продолжает в том же духе и обязательно предает его письма огню. 17 июля четырнадцать советников короля сообщили ему, в свою очередь, о болезни их господина, которая началась с зубной боли, перекинувшейся на щеку, от чего пол-лица перекосило. Врачи, конечно, не теряют надежды, но хворь не отступает, король слабеет, и «поелику мы желаем служить вам и повиноваться, то решили написать вам... дабы полагать обо всем так, как то вам будет угодно».

Людовик уже видел себя королем. Он готовился, держал свою свиту в постоянном напряжении, серьезно подумывал о

возвращении во Францию, прямо в Реймс и Париж. Он приказал верным ему людям явиться к нему сразу по получении известия о смерти его отца: «Сей же час садитесь на коня и приезжайте и приводите ваших людей во всем снаряжении к нам на подступы к Реймсу или туда, где мы будем находиться волею Божией».

Смерть короля Карла в Меан-сюр-Иевре 22 июля 1461 года вызвала нехорошие слухи. Поговаривали, причем открыто, об отравлении, и подозрения пали на дофина, который якобы подкупил врачей и слуг. Став королем, Людовик XI быстро освободил и осыпал почестями Адама Фюме — врача, заключенного в тюрьму в Бурже. Он вернул и наградил хорошей должностью хирурга, бежавшего в Валансьен. Тома Базен, все столь же злоязычный, видит в этом доказательство соучастия. Но это чистой воды вымысел: Карл VII был уже давно и тяжело болен, и Людовик лишь хотел подбодрить невиновных, обвиненных в ужасном преступлении. И, возможно, подчеркнуть безразличие, отстраненность. По словам других авторов, менее враждебно настроенных, тому были и другие доказательства. Гонец, принесший весть о смерти короля, получил щедрую награду, тогда как посетители, советники и чиновники покойного, явившиеся в траурных одеждах, наткнулись за запертые двери. Заупокойные мессы отслужили в один день, и Людовик тотчас уехал на охоту «в короткой красно-белой тунике». На отпевании, состоявшемся в соборе Парижской Богоматери, а затем в базилике Сен-Дени (6 и 7 августа), Людовик не был и никого не прислал себя представлять.

Глава вторая. КОРОЛЬ

1. Приход к власти (1461—1464)

Новому королю без всякого труда удалось добиться признания и объединить вокруг себя принцев, крупных вассалов, все существующие органы власти. Ни в каких кругах не проявилось ни малейшей оппозиции. Мятежный сын, в глазах многих — недостойный, организатор многочисленных заговоров, заподозренный даже в попытках отравления, без видимых затруднений сменил на троне отца, которому так часто и так долго противостоял. Те, кто его знать не знали и верно служили Карлу VII, нарочито примкнули к нему, стремясь сохранить свои должности. Только наиболее скомпрометированные, знавшие, что нелюбимы, ударились в бега: Пьер де Брезе покинул королевство, Антуан де Шабанн отправился в Нормандию, где менял убежище за убежищем, преследуемый королевскими агентами, которые искали его повсюду, обещая награду тем, кто выдаст его с головой, и грозя казнью тем, кто станет его укрывать.

Всего через три недели после смерти короля Карла, еще даже не показавшись в Париже или другом крупном городе, Людовик был коронован в Реймсе архиепископом Жаном Ювеналом дез Юрсеном. В его многочисленной свите было большинство знатных вельмож королевства. После церемонии он отправился в бенедиктинский монастырь Сен-Тьерри-о-Мон-д'Ор, где принимал верных ему людей, уже раздавая кое-какие должности и милости. Затем он отправился в Сен-Дени, на могилу отца. Если верить Тома Базену, явно лучше информированному по этому пункту, чем по другим, легат папы Пия II Франческо Коппини зачитал над усыпальницей покойного короля акт о разрешении от грехов, подразумевающий, что Карл был осужден Церковью. В акте упоминалось о Прагматической санкции, торжественно изданной в Бурже в 1438 году, которая утверждала права короля перед Римом и вольности французской Церкви. Людовик был рядом и не помешал ему.

Несколько дней он охотился в окрестных лесах, пока его церемониймейстеры подготавливали вступление в Париж, которое должно было стать триумфальным, с большим кортежем, наподобие шествий начала века (Карл VI в 1410 году, Генрих VI Английский в 1431 году, Карл VII в 1437 году). 30 августа он вступил в город: «Все улицы были затянуты коврами, во многих местах в Париже были устроены большие костюмированные

представления, воспроизводящие известные сцены из истории». На праздник стеклись такие толпы народа, что было негде разместиться. Зеваки залезали даже на крыши и водостоки. Горожане за большие деньги сдавали места у окон своих домов. На следующий день король принес присягу на крыльце собора Парижской Богоматери, перед епископом Гильомом Шартье и Жаном Кёром, архиепископом Буржским.

Все вельможи были здесь: герцог Бурбонский, графы д'Э, де Невер, д'Арманьяк, де Вандом. Герцог Бургундский Филипп Добрый и его сын Карл, граф де Шароле, составляли со своими родственниками, советниками и приближенными большую половину кортежа. Во главе их свиты выступали Жан де Круа, главный дворецкий Франции, с пятью лошадьми, и его дети, каждый с тремя богато убранными лошадьми; затем Жан Лотарингский, Антуан и Филипп Брабантские, Жан де Рети, дворецкий герцога, Иоанн Люксембургский, Антуан Бургундский — Великий Бастард. В одной из реляций о празднестве они перечислены все по очереди, со своими именами и званьями, с подробными указаниями относительно роскошных одежд, количества пажей и лошадей, — в целом, ровно пятьдесят четыре человека, а еще «23 прочих дворян, оруженосцев и рыцарей, одинаково одетых в черный, голубой и белый цвета, коих было бы слишком долго перечислять для моего бедного ума и разумения». Свита герцога была под стать свите короля: «восемь лошадей со сбруей, изукрашенной золотом столь богато, что и оценить нельзя», и еще восемь для его сына Карла. Далее следовали сто двадцать лучников в легких латах.

В общем, король Франции явно оказался под покровительством, возможно даже под присмотром герцога Бургундского — принца крови, который не в столь давнем прошлом показал себя очень амбициозным и вызвал много волнений. Кроме Филиппа Бургундского, ни один вельможа в королевстве не посмел явиться в таком великолепии и не дерзнул привести с собой вооруженные войска. Теперь уже каждый знал, что, получив известие о смерти Карла VII, Людовик «начал приготовления вместе с герцогом Филиппом… со всеми его благородными баронами, рыцарями и оруженосцами». Он поскакал в Реймс «с большой силой», то есть, по словам бургундских хронистов, в сопровождении четырех тысяч всадников, которых он отослал обратно только после коронации, убедившись в том, что его хорошо приняли вельможи и народ. Первым его королевским распоряжением было подписанное 2 августа в Авене, что в Брабанте, оправдательное письмо в пользу Жана дю Боса, бальи Касселя во Фландрии, осужденного

Парижским парламентом за убийство; Людовик ясно указал, что делает это «как по нашему особому благоволению, полномочию и королевской власти», так и по просьбе «нашего дражайшего и любимейшего дядюшки герцога Бургундского». По сути, это было простое подтверждение помилования, уже предоставленного им в ноябре 1459 года. Король исполнял обещания дофина. После коронации Филипп посвятил его в рыцари в присутствии многочисленных вассалов и советников, по большей части бунгундцев.

Кроме того — вполне обоснованная предосторожность, — Людовик поостерегся первым вступать в Париж. Он не желал там появляться, не узнав прежде о настроениях в городе, и выслал вперед герцога. Карл де Шароле, а затем Филипп Добрый первыми встретили восторженный прием, за два дня до короля: «На улицах и у окон домов толпилось такое количество господ, дам и девиц, что едва ли можно было их всех сосчитать». Пришла делегация от Университета, и один из магистров произнес длинную речь. Герцог не стал жить в особняке Сен-Поль, предоставленном ему королем, а поселился, как некогда его отец Иоанн Бесстрашный во время больших волнений в Париже, в своем отеле Артуа, неподалеку от рынка.

Короля принимали не так тепло. Церковники были представлены достойно: сто семьдесят доминиканцев, почти столько же францисканцев, семьдесят восемь кармелитов, шестьдесят девять августинцев... Но только шесть приходов со своими священниками и никого от Университета. Многозначительное отсутствие, которое было замечено и вызвало удивление. Магистры оправдывались традицией, по правде сказать, не очень твердой, согласно которой они должны поджидать короля на крыльце собора Богоматери; иные говорили, что не хотели смешиваться с безумствующей толпой, напуганные криками и ржанием лошадей. Эти доводы никого не ввели в заблуждение, и уж тем более не Людовика XI, который, перед собором, сославшись, в свою очередь, на шум и крики, отказался выслушать до конца речь одного из ученых докторов. Судя по всему, Университет оставался верен своим пробургундским пристрастиям.

Однако Людовик очень скоро занялся привлечением на свою сторону парижан — городских нотаблей и высших государственных чиновников. Он покинул королевский дворец на острове Сите и поселился в отеле Турнель, рядом с крепостью Сент-Антуан. На следующий день он отправился ужинать со своими придворными дворянами к Гильому де Корби, советнику Парламента, который той же ночью был назначен первым

председателем парламента Дофине. На этом ужине присутствовали «несколько девиц и честных горожанок», и в последующие дни король «устраивал почестен пир» в разных местах Парижа. Умный политик, он этим ограничился. Он не мог надеяться на то, что весь город падет к его ногам за кое-какие милости, и не чувствовал себя там в безопасности, по меньшей мере безраздельным владыкой. Париж оставался неконтролируемым, непредсказуемым и даже опасным. 25 сентября король поселился в Туре — гораздо более спокойном городе, и оставался там до середины января. Именно в Туре и близлежащих замках — Амбуазе, Шиноне, Лоше — он действительно взял в руки бразды правления, держал совет, свободный от всякого подчинения, и твердой рукой и с упорством, в котором ему не отказывает ни один современник, вел насыщенную дипломатическую деятельность.

Он выступил в роли господина или судьи на нескольких сценах и даже вне королевства добивался существенных успехов.

Со смертью арагонского короля Альфонса Великодушного в 1458 году разразился бурный спор о престолонаследии, в котором брат короля Хуан II противостоял своему пасынку Карлосу де Виане, поддерживаемому королем Франции. Карлос был захвачен в плен и умер в сентябре 1461 года при обстоятельствах, показавшихся его сторонникам подозрительными. Известие о его кончине тотчас вызвало настоящую гражданскую войну между сторонниками Хуана II и городскими дружинами, в особенности барселонцами. Людовик XI усмотрел в этом прекрасный предлог для вмешательства; он написал каталонской депутации, заявив, что «разгневан и удручен» смертью Карлоса; пообещал ей «помогать, выручать и защищать ото всех и против всех»; отправил с посольством Анри де Марля, парижского нотабля. Но каталонцы отказались признать короля покровителем своей общины и отделались от посланника общими словами: им вовсе не улыбалось попасть в зависимость от Франции, которая, хоть и принимала на себя важные обязательства, угрожала их свободам. Тогда Людовик обратился к Хуану II, который не заставил себя упрашивать. Гастон де Фуа, женатый на его дочери, заключил договор о союзе, подтвержденный Людовиком XI в Совтере 3 марта 1462 года. 9 мая в Байонне Хуан II уступил ему за помощь в виде семисот копий и двухсот тысяч флоринов доходы с графств Руссильон и Серданья, под гарантию права занимать замки Перпинь-ян, Коллиур и Бельгард.

На деле король просто-напросто завладел обоими графствами. Его армия в десять-двенадцать тысяч человек под

командованием Гастона де Фуа форсировала в ночь с 9 на 10 июля Сальское ущелье и взяла штурмом крепости, контролировавшие другие перевалы (Ларок, Ла Жункера, Рокаберти). Жители Перпиньяна сначала пытались сопротивляться, предпочитая «быть под турком, чем под королем Франции», но потом покорились, равно как и Коллиур, Тюир и Эльн. Однако королевская армия потерпела неудачу под Барселоной (сентябрь 1462 года) и вскоре столкнулась с мощным восстанием перпиньянцев, перекинувшимся на большую часть обоих графств. Вести новое наступление вдали от источников пополнения людьми и снабжения продовольствием было делом нелегким. Тем не менее французы снова захватили Перпиньян в январе 1463 года, а затем и весь Руссильон в течение июня. Король смог спокойно отозвать войска на север и назначить губернатором Руссильона и Серданьи Жана де Фуа, графа де Кандаля. В конечном счете первый военный поход его царствования увенчался значимым успехом, как в дипломатическом, так и в военном плане. Мечта о французской Каталонии не казалась несбыточной.

Людовик XI вмешался и в дела Савойи под предлогом другого династического спора, и с тем же желанием навязать свой арбитраж и, возможно, приобрести новые земли. Людовик Савойский выпустил власть из рук, и та перешла в руки его жены Анны Лузиньянской и клики ее киприотских советников, все более наглых и многочисленных. Филипп де Бресс, сын герцога и брат французской королевы Шарлотты, резко выступил против них, обвиняя их в заговоре с целью подготовить аннексию Савойи французским королевством. Он отправился за помощью в Женеву, где ходили слухи о французском вторжении. Людовик Савойский в октябре 1462 года приехал в Лион, чтобы встретиться с королем и молить его о покровительстве. Тот громко заявил, что не строит никаких планов аннексии, но запретил французским купцам посещать женевские ярмарки. Затем он нарочито примирился со своим шурином Филиппом де Брессом, выдал ему охранную грамоту, но уже в следующем, 1463 году заманил его в ловушку во Вьерзон; там люди короля схватили его и заточили в замок Лош, где он пробыл три года. Французская партия победила в Шамбери, и герцогство Савойское, куда дофин Людовик столько раз посылал своих эмиссаров, осталось в полной зависимости от него.

Хотя за пределами королевства голос короля звучал властно, ему пришлось столкнуться с серьезным внутренним кризисом, о котором упоминают все авторы того времени, даже бывшие в фаворе: одни называют это народным недовольством, другие —

отказом принцев подчиниться королевской власти. Всего через несколько лет после восшествия на престол король был вынужден бросить все свои войска на борьбу с фрондой, которая заявляла об общественном благе и о желании реформировать государство, то есть, как всегда бывает в случаях, когда говорят о реформах и судьбе народа, установить свой контроль над раздачей должностей. Лига общественного блага во многом напоминала Прагерию, отстоящую от нее на четверть века. Людовику, главному действующему лицу мятежа 1440 года, теперь, при почти схожих обстоятельствах, противостоял его юный брат Карл. У Людовика не было сына, и наследником престола считался Карл, которого их отец сделал герцогом Беррийским. Возможно, именно опасаясь переворота, который провозгласил бы его брата королем, Людовик и поспешил «с великою силой» в Реймс в 1461 году, чтобы короноваться. Ничего подобного не случилось. Карл присутствовал при коронации и при торжественном вступлении в Париж, находясь в тени старшего брата. Этого, впрочем, ему было мало; он потребовал власти и денег. Разумеется, его обхаживали враги короля, честолюбцы и недовольные, зная о его слабом месте — о том, что он всегда готов ввязаться в авантюру. «Карл... во всех делах шел на поводу у других, хотя ему уже исполнилось двадцать пять лет». Ему было легко найти себе союзников.

Несколько месяцев Людовик XI оставался очень близок с Бургундским домом. Зимой 1461/62 года, в Туре, он сделал Карла, графа де Шароле, своим наместником в Нормандии с неплохим пенсионом в тридцать шесть тысяч франков в год. Разрыв наступил двумя годами позже, когда король захотел вернуть себе власть над городами на Сомме, уступленными герцогу Бургундскому в 1435 году по Аррасскому договору. Карл VII пообещал тогда покарать убийц Иоанна Бесстрашного в Монтеро, известных или еще не установленных, вызвав пересуды о том, что часть ответственности лежит и на нем. Чтобы загладить впечатление от этого преступления, он подарил Филиппу Доброму несколько городов и областей, в частности, «все города, крепости, земли и поместья, принадлежащие французской короне по обоим берегам реки Соммы, как то: Сен-Кантен, Корби, Амьен, Абвиль и прочие; все графство Понтье, по ту и эту сторону Соммы». Однако французский король мог выкупить эти земли за четыреста тысяч экю «старого золота, по 63 марки Труа, по восьми унций в марке, и с добротой в 23 карата, или иными золотыми монетами той же стоимости». Людовик XI так и поступил 20 августа 1463 года по стратегическим соображениям, чтобы как можно дальше отвести от Иль-де-Франс границу владений герцога Бургундского и, как многие полагали,

чтобы стереть воспоминание о тяжком унижении в Аррасе и о бесславном прошлом.

Это наделало много шуму, ибо король сам выехал на место, подолгу задерживаясь в каждом из городов. Уже в ноябре он покинул Нормандию и на двадцать дней поселился в Абвиле, потом, в январе 1464 года, перебрался по соседству, в Марей, затем в Дуллен, после чего посетил Лилль, Турнэ и Аррас во Фландрии и Артуа — землях герцога Бургундского. Настойчивость, с какой он демонстрировал свои права, вызвала серьезные распри при бургундском дворе и в Совете, а затем настоящее восстание. Филипп Добрый согласился вернуть города на Сомме, польстившись на четыреста тысяч экю и прислушавшись к советам своих высших чиновников — братьев де Круа: Жана — наместника в Геннегау и Антуана — графа де Гиза и де Бомона. Однако множество дворян и представителей третьего сословия выступили решительно против уступки этих земель; их поддержал Карл, граф де Шароле, противник Круа, который жил тогда вне двора, в Кенуа. Ходили мрачные слухи о том, что герцог Филипп намерен лишить своего сына наследства. Как и в случае с Арагоном и Савойей, король Людовик нагнетал атмосферу. Два его советника, доверенные люди граф д'Э и канцлер Франции Пьер де Морвилье, приехали к Карлу в Лилль с торжественным посольством и увещанием; они высказали ему претензии за арест бастарда Рюбампре, племянника Круа и человека из ближнего окружения короля. Его схватили на корабле, вышедшем из Дьеппа, вблизи голландских берегов, под лживым предлогом, что тот якобы явился похитить Карла или отравить его. Послы требовали правосудия и просили выдать им бургундского рыцаря Оливье де ла Марша, осуществившего захват. В конечном счете победа осталась за Карлом; Круа отстранили от дел, а отец и сын примирились на собрании штатов в Брюсселе, 25 апреля 1465 года, и Карл встал во главе мощной бургундской армии — главной ударной силы Лиги общественного блага.

2. Фронда принцев. Лига общественного блага (1465—1467)

В Лилле Морвилье к тому же обвинил бургундцев в подготовке союза с бретонцами. Это не было чистым вымыслом. Герцог Бретонский Франциск II не присутствовал ни при коронации, ни при вступлении в Париж. Он требовал, чтобы епископ Нантский ему присягнул, тогда как тот не хотел присягать никому, кроме короля. Он постоянно искал ссоры и

заставил поклясться в верности множество вельмож и городов своего герцогства. Король посылал к нему посольство за посольством, в частности Дюнуа, который, зная, что ему грозит в случае провала его миссии, захватил с собой свое движимое имущество и все деньги; он пробыл у герцога несколько месяцев, до января 1465 года. Немного спустя беарнец Оде д'Айди, чиновник Карла VII, лишившийся своей должности в 1461 году и нашедший убежище в Бретани, вывез туда Карла Французского. Это бегство сильно напоминало измену. Людовик XI обвинил Дюнуа в пособничестве, конфисковал его поместье Божанси, однако поручил ему новую миссию в Бретани... откуда тот так и не вернулся.

Бургундия и Бретань переманили к себе и других крупных вассалов, в том числе герцога Бурбонского и графа д'Арманьяка. Лига общественного блага намеревалась проучить короля и вдохновить его на новые ордонансы, чтобы воссоздать государство. Принцы обличали мотовство, говорили о нищете бедных, о невыносимом бремени налогов, и в этом плане встречали сочувствие, поскольку новый король всеми силами добывал деньги — главное оружие в политической игре. Нормандцы, большой толпой прибывшие в Париж, чтобы приветствовать его, умоляли при этом сократить подати, но быстро оказались разочарованы и громко жаловались на злоупотребления, «корыстолюбие и насилие» со стороны налоговых чиновников; за вино, спускавшееся по Сене, нужно было платить в Пон-де-л'Арш новый налог, такой большой, что он превышал цену самого вина. В Реймсе народ восстал и обратил в бегство королевских сборщиков налогов; бунт был сурово подавлен королевскими войсками. Зачинщиков — в большинстве своем простолюдинов — обезглавили, или повесили, или отрубили им обе руки. Налоговое бремя еще усилилось, когда пришлось собрать четыреста тысяч экю за города на Сомме. Король ненадолго появился в Париже — всего на неделю, — чтобы потребовать от епископов, аббатов и горожан займа в тысячу или две тысячи экю и прибрать к рукам золотой запас, годами копившийся «на нужды вдов, сирот и бедняков». Одновременно он приказал всем церквам, церковным старостам и фабричным казначеям, капелланам больниц и лепрозориев представить под страхом конфискации точный перечень их владений: описание земель, происхождение права собственности, характер доходов. Не дожидаясь результата этой переписи, которая ставила церковное имущество под угрозу немедленного обложения налогом, он сразу лишил привилегий множество «льготников» — Университет, нескольких королевских

чиновников, парижских арбалетчиков и лучников. Более того, он пошел против политики своего отца и отменил Прагматическую санкцию, что вызвало «гнев и неудовольствие» французских церковников, поскольку их прерогативы были сильно урезаны, а деньги королевства теперь отправляли в Рим.

Принцы, заправлявшие Лигой общественного блага, выступали против всех этих мер, которые предвещали другие, еще более крутые. Принцы повсюду встречали сочувствие и могли опираться как на неприятие налогов, так и на некоторые проявления национализма, вернее, местных интересов. За королевскими чиновниками закрепилась очень дурная слава; в глазах общественности любое вмешательство центральной власти сулило увеличение количества податей. Поэтому фронда имела большой успех; ее армии заняли обширные территории в самом сердце королевства, не встретив поначалу сильного сопротивления.

Герцог Иоанн II Бурбонский, бурбонский бастард Людовик и Пьер де Боже удерживали Бурж и крепости в Берри; фрондеры отовсюду получали подкрепление: от бургундцев, которые уже дошли до Мулена, от герцога де Немура, от графа д'Арманьяка и от Алена д'Альбре. Но и Людовик XI не остался без поддержки. Многие крупные вассалы и капитаны оставались ему верны: Карл, граф дю Мэн, Карл д'Артуа, граф д'Э, графы де Невер, де Лаваль, де Вандом, д'Ан-гулем, дю Перш и Гастон де Фуа. Он повел масштабное наступление, лично возглавив свои войска. Авангард из двухсот копий захватил несколько укрепленных городов в Берри. Бурж еще сопротивлялся, но король не стал там задерживаться и напал на Мулен, который очень быстро сдался. После этого «все рыцари и оруженосцы страны разъехались по домам». Немур, Арманьяк и Альбре, а затем Иоанн II и все Бурбоны покаялись и торжественно поклялись служить своему государю, и тот сразу помчался на помощь Парижу, которому угрожали бретонцы и бургундцы.

Карл, граф де Шароле, собрал внушительную армию; с ним были видные военачальники, вассалы, союзники или высшие чиновники его отца — граф де Сен-Поль, главный военачальник, Антуан, Великий Бастард Бургундский, Адольф Киевский, Иоанн Люксембургский, Филипп де Лален. Он располагал мощной артиллерией. Бургундцы подошли к Парижу, несколько раз вступив в схватку у Сен-Дени с войсками маршала Франции Иоахима Руо и губернатора Парижа Шарля де Мелена. 16 июля 1465 года они столкнулись с королевской армией при Монлери в кровавой, шумной и беспорядочной битве. Обе стороны утверждали, что победили, но каждая сторона потеряла не менее

тысячи убитыми. Карл был ранен в горло и потерял несколько хороших командиров. Вечером король отступил в Корбейль, а потом заперся в Париже, подвергнутом жестокой осаде.

Бургундцы сначала стали лагерем в Сен-Матюрен-де-Ларшане, в то время как герцог Бретонский и Карл Беррийский расположились под Немуром. Однако они посовещались и решили перенести свой лагерь поближе, в Боте-сюр-Марн, Конфлан, Сен-Дени и даже к мосту Шарантон, беспрестанно нападая на обозы с продовольствием (они постоянно перехватывали не менее двадцати из тридцати). Однако Людовик XI хорошо организовал оборону; он велел замуровать несколько ворот и подземных выходов на север и на восток, приказал, чтобы каждый вооружился сообразно своему сословию и чтобы был создан «большой конный дозор, который отправлялся бы всякую ночь на стены; сей дозор обычно состоял из шестнадцати десятков до двух сотен лошадей». Он отправился набрать войска в Нормандию, в Руан, привел подкрепления, но из-за этого утратил саму провинцию.

В Париже король, «весьма ловкий в делах», пытался разделить и изнурить своих противников. Поскольку блокаду нельзя было прорвать, оставалось искать мира и продлевать перемирия. Переговоры затягивались до бесконечности. Мятежные принцы каждый день совещались в Боте, тогда как Людовик XI учредил под Конфланом «парламент» под предводительством Карла дю Мэна, в «мельничном амбаре», куда Карл Беррийский со своими союзниками регулярно посылали делегатов. По правде сказать, эти перемирия не вызывали большого недовольства («мы отправились в Париж пировать за наши деньги… и нас там очень хорошо принимали»). Один раз речь зашла о браке графа де Шароле, ставшего вдовцом, с Анной Французской, дочерью короля. Карл поужинал с ним в крепости Сент-Антуан, затем устроил ему торжественный прием в своем лагере, среди своих жандармов («мы привезли казну герцога — три вьючных лошади с сумами, нагруженными золотом, где могло быть восемьдесят тысяч экю»). Брак, однако, не состоялся.

В конечном счете король, «умевший заключать такие договоры, как никакой другой государь его времени», добился почти нежданного мира. Соглашение между представителями короля — графом дю Мэном, Жаном Дове (председателем тулузского парламента), господином де Пресиньи (председателем Счетной палаты) — и, с другой стороны, Жаном Калабрийским, сыном короля Рене Анжуйского, и графом де Сен-Полем было подтверждено Конфланским договором (5 октября 1465 года, с Карлом, графом де Шароле) и договором в Сен-Мор-ле-Фоссе (29

октября, с другими лигистами). Ни о какой реформе государственных органов не было и речи. Людовик XI ни в чем не уступил и только согласился на то, чтобы его брат Карл стал губернатором Нормандии. Но тот недолго побыл правителем. Он принес присягу в Понтуазе перед Жаном Ювеналом дез Юрсена, но неоднократно и подолгу задерживался в пути, ведя бесконечные переговоры с герцогом Бретонским, который хотел оставить свои гарнизоны в нескольких нормандских городах и сам выбирать чиновников. На самом деле, он постоянно сталкивался с кознями бретонцев, не оставлявших ему свободы действий. Не имея возможности явиться хозяином в Руан и опасаясь народного бунта, Карл принял почести от нотаблей в монастыре Святой Екатерины. Руанцам пришлось прислать к нему Жана д'Аркура и отряд из ста копий, чтобы он наконец смог совершить весьма скромное вступление в город 25 ноября. Располагая столь незначительными средствами и не имея уверенности в завтрашнем дне, он отправил одно за другим несколько посольств к бургундцам, прося их о помощи. Но их армия тогда выступила в поход на Льеж.

Король уже перешел в наступление на брата, которого сам же посадил правителем в Нормандии. Его капитанов и советников — Иоанна II Бурбонского, Гильома Ювенала дез Юрсена, Шарля де Мелена, Людовика, бастарда Бурбонского, и Гильома Кузино, руанского бальи при Карле VII, — тепло приняли в Эвре; Карл Нормандский ожидал их в Лувье, но, предупрежденный о ловушке, бежал в Пон-де-л'Арш. После Эвре армия Бурбона захватила Лизье, Верней, Фалез, Се и в конечном итоге заняла укрепления в нижней Нормандии, в частности Аржантан и Кан. Вот так, «разделив герцогов, король вновь прибрал к рукам то, что уступил своему брату». Брат же, сначала намеревавшийся отправиться во Фландрию, сел на корабль в Онфлере, «бедный и поверженный, покинутый всеми своими рыцарями», и отплыл в Бретань в феврале 1466 года, поневоле примирившись с герцогом, который выделил ему для проживания замок в Ванне.

Но игра была еще не закончена. Договоры, заключенные в Конфлане и Сен-Море, устанавливали лишь непрочный мир, а принцы, в какой-то момент уставшие и перессорившиеся друг с другом, преследовали, несмотря ни на что, амбициозные цели и не намеревались покоряться. Восстановление власти короля в Нормандии и постыдное изгнание молодого Карла могли только подтолкнуть их к новым интригам и заговорам, как между собой, так и вместе с англичанами. Людовик XI опередил их и добился от Эдуарда IV, главы дома Йорков, одержавших победу над Ланкастерами, ратификации договора. Но в то же время Эдуард

подписал и договор о дружбе с графом де Шароле. В результате французское и бургундское посольства вместе оказались в Лондоне, ввязавшись в игру красивых обещаний. Французы одержали верх благодаря поддержке Ричарда Уорвика, графа Невилла, которого называли «делателем королей» и который намеренно принял сторону французского короля во время Лиги общественного блага и королевского похода в Нормандию. 7 июня 1467 года Уорвик в сопровождении французских послов сошел на берег в Бовиле, в Нормандии. Людовик XI расстарался, чтобы принять его по-королевски. Он написал жителям Онфлера, чтобы те приготовили и оснастили несколько кораблей для встречи графа. В Руане он осыпал его почестями, выехав ему навстречу вместе с королевой, двумя дочерьми и свитой из двухсот человек. Он щедро раздавал штуки прекрасных тканей, золотую и серебряную посуду английским дворянам и советникам и каждый день навещал графа (с 8 по 18 июня). Договор о длительном перемирии между двумя коронами предусматривал ежегодную выплату Англии более двенадцати тысяч экю. Речь зашла и о браке Маргариты Йоркской, сестры короля Эдуарда, с французским принцем крови, а также о привилегиях и налоговых послаблениях для французских купцов в Лондоне.

Эдуард IV договор не ратифицировал. Наоборот: в то время как Уорвик еще находился во Франции или на обратном пути, он отправил в отставку его брата Георга, своего канцлера, и договорился о браке Маргариты с Карлом, ставшим герцогом Бургундским после смерти своего отца Филиппа Доброго 15 июня 1467 года. Спешно отправленное, однако тщательно подобранное французское посольство — архиепископ Нарбоннский и бастард Бурбонский, адмирал Франции, — высадилось в Сэндвиче, но очень скоро вернулось из Лондона, ничего не добившись.

Людовик XI понял, что его провели. В октябре 1467 года Карл Смелый снова сформировал против него лигу принцев из Карла Французского, Жана II Алансонского и Франциска II Бретонского, который держал при себе и осыпал милостями всех бывших королевских чиновников — перебежчиков, изгнанников или разочарованных. Это был один из самых трудных периодов царствования, ибо угроза новой гражданской войны становилась все реальнее. Однако король за несколько недель продемонстрировал свой невероятный талант дипломата и непревзойденное умение переманить противников на свою сторону и предотвратить поражение. В то время как адмирал Луи де Бурбон выбивал бретонцев из нормандских крепостей, которые они еще удерживали, королю удалось путем более-менее тайных переговоров, используя людей, которые умели убеждать и

обладали туго набитым кошельком, заключить перемирие — или получить обещания о нем — и с герцогом Бретонским, и с Карлом Бургундским, который согласился на встречу, назначенную на апрель 1468 года в Камбре. 20 февраля того же года Людовик спешно созвал Генеральные штаты, дав им один месяц на то, чтобы приехать в Тур. Ему требовалась поддержка живой силы в королевстве, и это собрание, единственное за все время его правления, предоставило ему такую поддержку: помимо дворянства, духовенства и Парламента, там были представлены 60—70 городов. Штаты, которые должны были высказаться по поводу окончательного присоединения Нормандии к землям французской короны и против выделения ее в отдельное наследственное владение, дали свое согласие. Вопрос о присоединении провинции — яблока раздора и повода для претензий со стороны новых лигистов — был улажен. Не силой, а по волеизъявлению сословных представителей.

Штаты также заявили, что герцог Бретонский должен отказаться от планов привести во Францию англичан, иначе он будет провозглашен изменником. Они отправили собственных, тщательно отобранных делегатов в Камбре, где был подтвержден договор о перемирии, причем вопрос о Нормандии даже не возник, и герцог Бургундский был вынужден на это согласиться. Карл Французский, теряющий союзников, лишенный поддержки со стороны герцога Бретонского, отказался от своих притязаний на Нормандию, которой, в общем-то, никогда по-настоящему и не управлял. По договору, заключенному 10 сентября 1468 года в Ансенисе, Карл и Франциск II Бретонский заключили с королем мир и пообещали порвать все отношения с бургундцами. Два арбитра — сам герцог Бретонский и граф де Сен-Поль — должны были уговориться, чтобы брату короля были предоставлены «приличные» владения, а до тех пор он будет получать пенсион в шестьдесят тысяч ливров.

3. Перонн. Льеж. Замирения (1468—1472)

Оставшись без союзников и некоторых близких советников или чиновников, клюнувших на сладкие обещания короля, Карл Смелый предложил встретиться, чтобы скрепить торжественное примирение и заключить длительный мир.

Встреча состоялась в замке Перонн, в его землях, где тогда находилось много бургундских жандармов. Людовик XI туда поехал, и никто не смог бы сказать, почему, ибо он сильно рисковал. Некоторые утверждали, что он лезет в ловушку, во всяком случае, ставит себя в очень уязвимое положение. Что это

было? Беззаботность, вызванная тем, что его мысли были заняты другим? Или излишняя вера в свою силу обольщения, свое умение выходить сухим из воды? Полная уверенность в престиже, который давало ему положение короля? Некоторые авторы утверждали, что он хотел показать себя бургундцам и связаться кое с кем из вассалов герцога. Он явился в Перонн в сопровождении нескольких чиновников своего двора, в первую очередь Оливье ле Дена, и свиты из вельмож, в том числе графа де Сен-Поля и герцога Бурбонского — оба тогда были в большой чести. Встретив хороший прием, он, тем не менее, с первого же дня оказался в окружении людей, далеко не все из которых желали ему добра. В хронике говорится, что король мог видеть в окно, как разгуливают некогда осужденные им люди, спасшиеся лишь благодаря бегству в Бургундию. Встреча начиналась не лучшим образом. Каждый юлил, идя лишь на небольшие уступки, и тут подоспела ужасная новость, приведшая герцога в страшный гнев: жители Льежа восстали против него, убили губернатора и епископа, и доподлинно известно, что среди повстанцев находились два эмиссара короля. Над Людовиком нависла опасность быть брошенным в темницу с несколькими своими приближенными. Чтобы сохранить свободу, если не корону или жизнь, он был вынужден поспешно заключить позорный мир. И более того — отправиться вместе с герцогом в карательную экспедицию против Льежа. Сохраняя осторожность и осмотрительность, он присутствовал при первом штурме городских стен. Бесславный день! Его люди смешались с бургундцами, он сам вступил в город в плаще с бургундским андреевским крестом и согласился на то, чтобы Льеж был предан огню (30 октября 1468 года). Ему все же удалось, не давая чересчур прочных гарантий, убедить герцога отпустить его. 2 ноября он свернул свой лагерь, оставив позади полуразрушенный город.

Однако краткая встреча в Перонне (с 9 по 14 октября) — трагический эпизод царствования, отмеченного столькими мрачными событиями, — ничего не уладила. Мир, унизительный для короля, был навязан ему силой, и он не собирался его соблюдать. Официально он пообещал герцогу передать во владение Карлу Французскому Шампань, но это было слишком, ибо он хотел любой ценой держать брата по-дальше от Парижа и центра своего королевства. Шампань находилась слишком близко от Иль-де-Франс и Бургундии. Поэтому он не стал выполнять это условие, и в апреле 1469 года Карлу пришлось принять Гиень — край, вновь завоеванный всего пятнадцать лет назад, которым трудно было управлять из-за распрей между кланами или

партиями. Во всяком случае, это был источник больших проблем. Но Карл, не видя иного выхода, через несколько месяцев отказался от своих притязаний. Людовик XI очень серьезно отнесся к тому, как его брат изъявил свою покорность в Пор-Бранде на Севре, а потом в Ниоре, 7 и 8 сентября 1469 года. Он тотчас разослал письма, сообщая об этом своему канцлеру и верным городам, напоминая о том, что Карл действительно получил в удел герцогство Гиень, «коим остался весьма доволен», и явился смиренно молить о прощении и забвении прошлого, пообещав вести себя так, «как подобает доброму брату со своим королем и государем». Примирение было освящено Богом: случилось так, что самый большой прилив в году чудом оказался «самым малым из всех на памяти людской и схлынул на четыре часа ранее, чем ожидалось».

Соблюдать или разорвать Перонннский договор? Людовик хотел соблюсти хоть какие-то приличия, чтобы не взваливать всю вину на себя. Сначала он постарался укрепить свои союзы. В Англии, где шла Война роз, наступил тогда драматический поворот в соотношении сил из-за первого поражения Эдуарда IV. К Уорвику уже меньше прислушивались, его родню в Совете сменила другая партия, и он, возмущенный своей опалой, тогда как он столько сделал для заключения союза с Францией, восстал против своего короля. Он бежал в Нормандию, предложил свои услуги Людовику XI, а в ожидании встречи бросил свои корабли, вооруженные на манер пиратских, на бургундские торговые суда — обычный прием для увеличения военных трофеев. Король постарался от этого отмежеваться. Он поспешил возместить ущерб разоренным бургундцам и приказал своим людям не позволять кораблям Уорвика заходить в Онфлер, где их присутствие не осталось бы незамеченным. Пусть отправляются в Барфлер, или Гранвиль, или Шербур, «или еще куда в нижние земли, так чтобы бургундцы не могли прознать, что с ними сталось». «И скажите герцогу Бургундскому, что будут приняты все меры, чтобы его люди, торговые или иные, не пострадали... а графу Уорвику — что нет никакой возможности оказать ему помощь без того, чтобы бургундские лазутчики тотчас об этом не пронюхали и не донесли своему господину». Получив наставления, королевские агенты какое-то время вели двойную игру, и довольно удачно, несмотря на крупные провокации: Уорвик, став главарем корсаров, нападал на голландские корабли в низовьях Сены, и купцы, которым король обещал компенсации, подвергались в Руане насилию и всяческим поношениям, некоторые были брошены в темницу, другие перебиты. В результате Карл Смелый велел оснастить большой флот в сорок-

пятьдесят судов, чтобы защищать своих и нападать на французов.

Вылазки англичан всё же оказали положительное действие. Людовик XI встретился с Уорвиком в Амбуазе 8 июня 1470 года и добился от Маргариты Анжуйской, супруги Генриха VI Английского, главы Ланкастерского дома, чтобы она с ним примирилась. Торжественная церемония состоялась в соборе Анже 24 июля. 13 декабря в Амбуазе отпраздновали свадьбу Анны Невилл, дочери Уорвика, с Эдуардом, принцем Уэльским, сыном Генриха VI и Маргариты. «Делатель королей» вновь отплыл в Англию во главе небольшой армии, и Ланкастеры победили: Генрих VI, освобожденный из лондонской тюрьмы, был провозглашен королем, а Эдуард IV спешно покинул остров. Карл Смелый, который в июле 1468 года женился на его сестре, Маргарите Йоркской, радушно принял шурина, тогда как сторонники Йорков, несчастные изгнанники, поселились во Фландрии, едва сводя концы с концами; некоторым, например герцогу Эксетеру, зятю Эдуарда IV, пришлось выпрашивать под окнами кусок хлеба.

Людовику XI больше нечего было опасаться английского вторжения или англо-бургундского союза. Его руки были свободны, он располагал всеми силами, чтобы напасть с севера или востока на земли Бургундии, тем более что его позиция еще более укрепилась после долгожданного рождения сына Карла (30 июня 1470 года). Намеренно денонсировав Пероннский мир, он направил армию Антуана де Шабанна на города на Сомме. Амьен был взят почти без боя, потом пали Сен-Кантен и несколько крепостей на переправах через реку. Король лично явился в замок Гам, чтобы руководить военными действиями и подготовить войска к столкновению с бургундцами. Атака была отбита: Карл Смелый не сумел взять Амьен и отступил. Но Людовик, который мог бы продолжить наступление и уничтожить большую часть вражеских войск, углубившихся в страну, предпочел начать переговоры и заключить перемирие.

Дело в том, что гонцы и скороходы, каждый день приносившие ему новые известия, сообщили дурные новости. Его брат, Карл Гиеньский, снова пытался заключить союз с Бургундией. В Англии Ланкастеры потерпели два тяжелых поражения: в Барнете (апрель 1471 года), где граф Уорвик был убит, и при Тьюксбери (5 мая). Эдуард, сын Генриха VI, был зарублен во время бегства, а сам Генрих вскоре убит в Лондоне. Благодаря этому новому повороту в ходе Войны двух роз Карл Смелый торжествовал и мог, в свою очередь, разорвать договор. В ноябре 1471 года он отменил для своих подданных апелляцию во Франции; отныне Парижский парламент уже не вел бургундских

судебных процессов, все они передавались в Дижонский совет — государственный суд. В тот же год он, по примеру Карла VII, реорганизовал свои ордонансные роты. Король, со своей стороны, тоже был очень занят. В начале марта 1472 года агенты донесли, что его брат очень плох. Он тотчас отправил войска в Гиень и сам выехал в Бордо — так быстро, что свита с трудом за ним поспевала, а миланские послы, устремившиеся за ним вдогонку, не знали, где его найти. Он узнал о смерти Карла (24 мая 1472 года) в Сенте, еще в пути. Там к нему примкнули многие военачальники и советники покойного. Таким образом, герцогство Гиень было присоединено к короне без боя, путем простого перемещения войск.

Мятежные принцы из Лиги общественного блага потеряли в лице Карла союзника, всегда готового начать новую смуту и сформировать новую лигу против короля. Поэтому его смерть, хоть и совершенно естественная, вызванная болезнью, которая никого не могла ввести в заблуждение, была объявлена подозрительной. Франциск II Бретонский открыто обвинил Людовика XI в отравлении; он арестовал нескольких слуг герцога Карла, в частности его духовника и повара, потом направил свою армию в долину Луары. Карл Смелый тоже громко заявил, что король уморил молодого Карла ядом или колдовством; возглавив грозное войско, он захватил в начале июня 1472 года Пикардию, воспользовавшись перемирием, занял городок Нель, где перебил весь гарнизон, взял Руа и осадил Бове (27 июня). Но тут он наткнулся на решимость и упорство жителей, особенно женщин (Жанна Ашетт), которые снабжали воинов боеприпасами и сами сражались на крепостной стене. Ни один штурм бургундцев не удался, и 22 июля, без продовольствия, после осады, оставшейся в памяти людей как один из величайших подвигов тех войн, они свернули лагерь. Герцог отвел их в Нормандию, чтобы разграбить, сжечь и разорить этот край.

В конечном счете Людовик XI победил эту новую лигу. С промежутком в двадцать дней, 3 и 23 ноября 1472 года, он навязал перемирия Бургундии и Бретани. Успех был подтвержден — тогда это было обычным делом — переходом на французскую службу по меньшей мере двух влиятельных советников вражеских держав. Филипп де Коммин ночью покинул бургундскую армию в Нормандии и приехал к королю, и Оде д'Айди, долгие годы пользовавшийся влиянием при бретонском дворе, поступил так же.

Война и дипломатическая кампания против Карла Смелого не отнимали у королевства все людские и финансовые ресурсы, отнюдь. Эта борьба, которая не раз принимала драматический

оборот, упорство, с каким король хотел сразить своего врага, бывшего союзника, заставляют забыть, что неутомимого Людовика увлекали и другие предприятия. Совершенно неоправданно мы помним лишь о событиях в Перонне и Льеже, о сражениях в швейцарских кантонах и осаде Нанси из событий этих наиважнейших лет, последнего десятилетия его царствования. Король вместе со своими уполномоченными или военачальниками бросался тогда во все стороны. Он постоянно интересовался событиями в Италии, основывал или укреплял там союзы, поддерживал своих протеже, например герцога Миланского и Медичи во Флоренции. А кроме того, замирения на бургундском фронте позволяли ему продолжать наступление на короля Арагона. Вполне уместно сказать, что на протяжении долгих месяцев, примерно с 1473 по 1475 год, дела в Руссильоне гораздо больше занимали его самого, его военачальников и советников, чем положение в Бургундии.

Хуан II Арагонский воспользовался конфликтами на самом Иберийском полуострове, чтобы попытаться отвоевать Перпиньян и графство Руссильон. Первая попытка не удалась: 24 января 1473 года он сумел войти в город, добраться до монастыря Святой Клары, где к нему примкнуло некоторое количество дворян и мещан, но, не получив поддержки народа, был вынужден отказаться от своих планов. Спустя немного времени в городе вспыхнуло восстание, вызванное и управляемое его сторонниками. Хуан II повторил свою попытку. На сей раз его встречали приветственными криками, и французскому гарнизону оставалось только укрыться в крепости (1 февраля 1473 года). Людовик XI времени не терял; он отправил в поход Филиппа Савойского, которого с недавнего времени взял под свое покровительство, во главе многочисленного отряда солдат, набранных в Германии, Савойе и Швейцарии. Немного позже с границ Бургундии прибыли походным маршем триста копейщиков и двести лучников. Сначала они отправились в Нарбонн, потом осадили Перпиньян. К ним примкнули войска, набранные в Арманьяке, и люди сенешалей Тулузы и Бокера. Все напрасно: хотя перпиньянцы уже начали голодать и были вынуждены устраивать отчаянные вылазки, чтобы раздобыть зерно и скот, армия, собранная под Барселоной и возглавляемая Фердинандом, сыном Хуана II, пришла и освободила их. Французы сняли осаду 24 июня. По договору, подписанному в Перпиньяне 17 сентября, Людовик XI уступил все земли, которые занимал к северу от Пиренеев.

4. Завоевательные войны (1473—1476)

Уже в следующем году он нарушил слово и снова отправил армию во главе с Бофилем де Жюжем, поручив ему отбить крепости и покарать зачинщиков мятежей. Это не было простой прогулкой: Эльн сдался только 5 декабря, а Перпиньян — тремя месяцами позже, 10 марта 1475 года. Два военных похода с промежутком в несколько месяцев и напряженные дипломатические усилия — это многое говорит о решимости короля, упорно желавшего завоевать земли, никогда не принадлежавшие французской короне. Рус-сильон оставался французским до 1493 года.

Чтобы получить в свое распоряжение больше сил и довести до успешного конца далекий и рискованный поход, Людовик умудрился втянуть в отчаянные предприятия герцога Бургундского и стравить его с другими врагами. Это удалось благодаря ряду маневров, которыми не уставали восхищаться все мемуаристы того времени. Первым делом он сумел разрушить грандиозные планы Карла Смелого, который уже несколько месяцев вел затяжные переговоры с императором Фридрихом III, предлагая руку своей дочери Марии его сыну Максимилиану. Взамен Карл Смелый получил бы по смерти Фридриха императорскую корону, а сам Максимилиан оказался бы лишь вторым. Запросы были чересчур велики. Император согласился его принять в Трире 30 сентября 1473 года. Бургундцы явились, блистая роскошью, герцога сопровождала пышная свита из пажей, слуг, а главное — рыцарей ордена Золотого руна. Плюс к этому — несколько тысяч всадников и добрый десяток бомбард. Умерив свои притязания, герцог теперь говорил лишь о том, чтобы превратить свое герцогство и прочие владения в королевство. Фридрих дал понять, что на это согласен, церемония коронации должна была состояться 25 ноября, как вдруг, не предупредив своего гостя, император тайно покинул Трир в ночь на 24-е. Такой поворот событий не был вызван случайностью или стечением обстоятельств, не был он и плодом зрелого размышления. Людовик XI постоянно находился в курсе событий и действовал, рассылая доверенных людей, чтобы возбудить опасения германских князей и самого Фридриха. Он был причастен к столь неожиданной развязке, ставшей таковой лишь для тех, кто ничего не знал о его маневрах и посланиях.

Карл Бургундский остался попросту «Великим князем Запада» — титул, который, по сути, ни о чем не говорил. Этот провал был тяжело воспринят его советниками и союзниками, еще хранившими ему верность. Торжественная ассамблея дворян в Дижоне, куда он явился во всем блеске, чтобы заручиться поддержкой для нового предприятия, не стерла воспоминания об

оскорблении. Равно как и союзный договор, подписанный в Лондоне с королем Эдуардом IV, и угроза высадки англичан на берега французского королевства. Кроме того, герцог Бургундский тратил силы на походы, заканчивавшиеся полупоражениями, и эти неудачи только укрепляли созданные против него коалиции. Не ввязываясь в схватку и не обещая союза, король помогал эльзасским городам, швейцарским кантонам, Рене II Лотарингскому и даже австрийскому герцогу Сигизмунду, которые намеревались напасть на Бургундию. Швейцарские войска захватили Франш-Конте и нанесли поражение бургундцам. Чтобы приструнить Кёльн, Карл с армией в более чем двадцать тысяч человек осадил неподалеку от мятежного города небольшой городок Нейсс. Он разбил внушительный лагерь — настоящий палаточный город с кварталами, улицами, рынками, всевозможными мастерскими и местами увеселений. У него было множество бомбард, балист и других осадных машин. Все напрасно. Защитники города, регулярно снабжаемые благодаря помощи из Кёльна, за ночь восстанавливали куртины, обрушенные днем. Прибыв в конце июля 1474 года, Карл Смелый отказался от осады после одиннадцати месяцев бесполезных боев, ничего не прибавивших к его славе, и этот отказ был расценен его врагами как первый признак упадка бургундского могущества.

Людовик по-прежнему плел свои сети, только теперь уже более прочные. На англо-бургундский договор, заключенный в Лондоне, он ответил три месяца спустя союзом со швейцарскими кантонами (28 октября 1474 года) и Андернахским договором с императором Фридрихом в конце декабря. Следующей весной он лично возглавил поход в Пикардию и Нормандию против английского десанта, имея под рукой более семи сотен копий, мощные роты лучников и свою шотландскую гвардию — в общей сложности двадцать-тридцать тысяч солдат. Теперь Эдуард IV был вовсе не уверен в успехе. Его, хоть и значительные, силы находились во вражеской стране, под угрозой со всех сторон, на корабли снабжения нападали корсары. Он явился для переговоров с королем Франции в Пекиньи (28 августа 1475 года), неподалеку от Амьена, на мосту через Сомму. Встреча, которой, как обычно, предшествовали пышные церемонии и раздачи подарков, отличалась невероятной роскошью и исключительными предосторожностями. Люди общались друг с другом через решетку своего рода клетки; сквозь нее едва можно было протиснуть руку, и уж наверняка без оружия. В конечном счете, к неудовольствию военачальников, которым хотелось продолжить войну и набрать побольше добычи, англичанин

согласился уйти, покинув союзника-бургундца в обмен на пенсион в сорок-пятьдесят тысяч экю. Деньги оказались сильнее оружия, а король умел ими пользоваться.

Тем временем, или сразу после того, его войска вторглись в Бургундию. Одна армия напала на Осеруа, захватила Бар-сюр-Сен и угрожала Дижону. Другая, вышедшая из Невера, опустошала окрестности замка Шинон и Отена. Карл Смелый вынужден был подписать с королем перемирие на девять лет (13 сентября 1475 года). С этой целью Людовик специально приехал в лагерь под Солевром, в графстве Люксембург, в сопровождении де Коммина и сеньора дю Бушажа, главного адмирала Франции. А две недели спустя покорился и герцог Бретонский.

5. Конец Карла Смелого. Бургундские войны (1476—1482)

В Солевре Людовик добился, чтобы герцог Бургундский выдал ему, если поймает, графа де Сен-Поля, Людовика Люксембургского, закоренелого предателя. Так и было сделано, хоть и не без отсрочек и задержек. С другой стороны, перемирие ни к чему не обязывало и давало лишь передышку. Карл Смелый видел в нем одно преимущество: он мог больше не сражаться на два фронта и располагать всеми своими войсками, чтобы, наконец, урезонить швейцарцев. Он собрал своих людей в Лотарингии, потом в Безансоне и с большим трудом, в разгар зимы и в ужасную погоду, перевел их через горы Юра. Поход, уже и так повлекший тяжелые потери и массовое дезертирство, оказался долгим и закончился двумя разгромами — при Грансоне (2 марта 1476 года) и Муртене (20 июня). Карл потерял много солдат и капитанов убитыми и большую часть оружия и казны (особенно палаток и ковров). Его репутация неудачливого полководца упрочилась.

Наверное, именно тогда он решил попытаться нанести удар и разорвать круг своих врагов, сплошь союзников короля. Первым его демаршем в ряду беспорядочных предприятий была попытка забрать у герцогини Савойской Иоланды, сестры Людовика XI, опеку над ее сыном, юным герцогом Филибертом. Та отказалась. Но когда она с детьми и небольшой свитой выехала из Жекса, Карл велел арестовать ее в пути войсками под командованием Оливье де ла Марша и нескольких итальянских военачальников. Иоланду сначала отвезли в Сен-Клод, а потом в замок Рувр под Дижоном. Ей удалось бежать и добраться до Лангра (2 октября 1476 года); дело вызвало много шума и бурные протесты, в частности в Женеве.

Тогда же, а точнее 6 октября, Рене II Лотарингский отбил Нанси у бургундцев. Карл Смелый тотчас осадил город (22 октября), несмотря на мнение своих советников, которые отговаривали его, указывая, что город хорошо защищен и прекрасно снабжается, тогда как его впопыхах собранные и малочисленные войска должны будут выносить все тяготы суровой зимы. Рене напал на них с мощной армией из швейцарцев и немцев, набранных на щедрые субсидии французского короля. 5 января 1477 года он легко обратил бургундцев в бегство. Два дня спустя Карла нашли лежащим голым в снегу, с разбитой головой и телом, пронзенным пиками. Для опознания пришлось позвать его слуг и врачей. Королю сразу сообщили о страшной находке, он чуть не задохнулся от радости и отправился возносить благодарственные молитвы. Бургундцы оплакивали не только своего герцога. Они потеряли также множество хороших военачальников, плененных на поле боя: Оливье де ла Марша, обер-камергера герцога, Жосса де Лалена, Антуана, Великого Бастарда, графов де Ротлена, де Шиме, де Нассау. Их отвезли в Фуг под Тулем и освободили только в обмен на крупный выкуп (четыре тысячи экю за одного Оливье де ла Марша), за исключением тех, кто тотчас же перешел на службу к королю.

В Бургундии новость о смерти герцога вызвала большое замешательство, каждый думал о том, чью сторону принять. Больше двух недель никто не желал поверить в то, что случилось («еще пребываем в надежде и уповании»). Траурная церемония в Генте 25 января, в узком кругу, не положила конец слухам и легендам, по которым герцог был еще жив, чудом спасся от избиения и вел жизнь отшельника в чаще леса, в Швабии, под Брухзалем. Ждали его возвращения, говорили о нем, как некогда о Фридрихе Барбароссе, и всякого рода мистификации смущали умы.

Вопрос о наследовании был непростым: Карл оставил только дочь Марию, родившуюся в 1457 году, которой было двадцать лет. Как только стало известно о драме в Нанси, несколько городов, сохранивших дурные воспоминания о герцоге, о его авторитарном правлении и налоговых требованиях, восстали или, по меньшей мере, отказались платить налоги. Молодую регентшу захлестнуло потоком недовольства. 26 января в Генте собрались Генеральные штаты, где преобладали депутаты-фламандцы. Начались волнения, настоящая народная фронда: совещания и заговоры, памфлеты и уличные песни; Мария вынуждена была разом подтвердить все «старые привилегии». Немного спустя бунт против «бургундцев», некогда утвержденных Карлом Смелым,

распространился до Брюгге, Ипра, Брюсселя, Лейвена... Стычки, сведение счетов, казни «без суда и следствия», возрождение вооруженных групп типа «красных шапок» в Брюгге, ранее распущенных Филиппом Добрым... Во Фландрии и в Брабанте установилась атмосфера распрей и беспорядков.

Людовик XI прождал только несколько дней. Очень скоро он потребовал присоединения к французской короне всех бургундских владений без исключения, сославшись на «угасание рода» и «удельное право». Но тут он наткнулся на энергичное сопротивление: бургундские обычаи, в противоположность салическому закону Франции, не отказывали дочерям в праве наследовать престол. В записке из сорока пяти статей Жана дю Фая, советника парламента Малина, доказывалось, что женщины не отстранялись от наследования ни одной из вотчин герцога. Именно женившись на Маргарите, дочери графа Луи де Маля, герцог Бургундский Филипп Отважный стал в 1364 году графом Фландрским.

Нужно было выдать Марию замуж. Проекты замужества наследницы бургундского престола начались почти с самого ее рождения, и пересказ непростых переговоров по этому поводу составил бы толстый том. Редкая принцесса становилась предметом стольких устремлений и соперничества. Уже в 1462 году, когда ей было всего пять лет, Хуан II Арагонский просил ее руки для своего сына Фердинанда. Ее дед Филипп Добрый думал о Карле, брате Людовика XI, — это был способ ослабить короля. Став герцогом Гиеньским, Карл вспомнил об этих планах и начал переговоры с бургундским двором. Людовик XI, естественно, этому воспротивился; сначала он довольно любопытным образом предостерег младшего брата: «все бургундские девушки страдают горячкой, а Марию от нее всю раздуло». Затем он вознамерился женить на этой же самой Марии, вдруг обретшей здоровье и теперь уже четырнадцатилетней, своего сына, дофина Карла, которому было всего полгода. Отец невесты, Карл Смелый, думал лишь о том, чтобы найти себе союзников. Летом 1472 года он склонялся в пользу брака с Николаем Калабрийским, который только что расторг помолвку с Анной, дочерью французского короля, а затем высказался в пользу брака Марии с Максимилианом, сыном императора, что стало одним из условий переговоров в Трире, в ноябре 1473 года. Нежданный отъезд Фридриха оборвал переговоры, однако от планов брака не отказались: три года спустя, в ноябре 1476 года, о них все еще говорили, обменивались письмами и портретами, и условились подготовить свадьбу, которая должна была состояться в Кёльне или Эксе.

Со смертью герцога Карла все закрутилось сначала, и французский дофин вновь оказался в числе претендентов. Король не преминул напомнить, что Мария — его крестница. Штаты Гента, благосклонные к этому союзу, отправили посольство в Аррас, но король потребовал до начала всяких переговоров тотчас передать ему Артуа в виде залога. Кроме того, Мария упорно отказывалась от этого брака. Ее советники предлагали нескольких женихов: Жан, сын герцога Клевского, и его дядя Филипп Киевский; герцог Кларенс, брат английского короля Эдуарда IV, — «закоренелый пьяница», который немного спустя был приговорен к смерти за попытку уморить короля колдовством и предпочел быть утопленным в бочке с мальвазией; или еще Энтони Вудвилл, брат английской королевы Елизаветы. Нотабли, находившиеся у власти в Генте, ратовали за своего друга и сторонника Адольфа Гельдрского, которого Карл Смелый шесть лет держал взаперти, пока его не освободили гентцы. Это был один из героев с дурной славой, завораживавших толпу. Его «волосы, мягкие как шелк, светлые и блестящие, как кипрское золото, спадали ниже плеч». Но Мария хотела Максимилиана. Маргарита Йоркская, вдова Карла Смелого, и дворяне были «за». Императорское посольство явилось в Брюгге 18 апреля 1477 года, и, вопреки мнению Штатов, молодая наследница настояла на своем: брак отпраздновали по доверенности три дня спустя, 21 апреля. Поговаривают, что Максимилиан не слишком спешил. Во всяком случае, поставленный в известность, он выехал из Вены только 20 мая и добрался до Кёльна лишь через шесть недель. Людовик XI нашел время, чтобы в последний раз попытаться переубедить отдельных бургундских чиновников. Он даже отправил свое доверенное лицо, Робера Гагена, генерала ордена Тринитариев и уроженца Артуа, в Кёльн к Максимилиану и немецким князьям, которые отказались его принять.

Наконец Максимилиан выехал из Кёльна, где провел почти месяц, и 18 августа 1477 года женился на Марии в Генте. Людовику XI не оставалось ничего другого, как вести переговоры и интриговать с фламандскими городами, пытаясь заключить с ними союз и вызвать волнения; одновременно он бросил свои войска на завоевание бургундских земель. Конечно, в Солеврском перемирии значилось, что мирный договор распространяется на «детей и наследников» обеих сторон, то есть и на Марию. Чтобы оправдать захват вотчин, Людовик начал в Парижском парламенте процесс против Карла Смелого, обвиняя его в измене и предательстве. Он отдал приказ сеньору де Крану, Жоржу де Ла-Тремуйлю, занять герцогство Бургундское и Франш-Конте, тогда как адмирал де Бурбон захватил Пикардию. Король лично

командовал Северной армией, захватил Абвиль, замки Гам и Боэн, потом Сен-Кантен. В Аррасе у него нашелся сторонник — Филипп де Кревкёр, губернатор Артуа и Пикардии, рыцарь ордена Золотого руна, который «вышел из города и увел бывших с ним воинов, и каждый ушел куда глаза глядят, делая, что ему вздумается».

Ла-Тремуйль занял главные города и большую часть герцогства Бургундского. Король позаботился направить письма городским правителям, сообщая им, что отныне они повинуются «короне и королевству», и строго предостерегая от всякого другого подданства или мятежа. Он назначил трех комиссаров, поручив им править от своего имени: Жоржа де Ла-Тремуйля, Жана де Шалона, принца Оранского, и Шарля д'Амбуаза, старшего из семнадцати детей Пьера д'Амбуаза. Эти люди, облеченные всей полнотой власти, вступили в Дижон уже 25 января 1477 года и привели с собой шесть тысяч солдат; они собрали штаты герцогства, которые поклялись в покорности. Жан Жуар, глава герцогского Совета и председатель бургундских парламентов, принес присягу, и бургундские штаты торжественно провозгласили присоединение к Франции. Король объявил всеобщую амнистию, осыпал примкнувших к нему дворян подарками и сохранил за всеми бургундскими чиновниками их должности.

Однако это был лишь внешний успех. В отчаянном порыве бургундского национализма или из-за народного недовольства, вызванного бесчинствами солдат и новыми поборами, Франш-Конте, а затем и герцогство Бургундское восстали против оккупации, подкрепленной значительными силами, и против появления новых чиновников-чужестранцев. Жан де Шалон перешел на сторону Марии, напал на Тремуйля и заставил его отступить из-под стен Везуля; французские гарнизоны были вынуждены оставить несколько городов и заперлись в Грэ. Взбунтовался Доль, потом Ок-сон и Дижон, где мятеж, вдохновленный новостями о сражениях и победах Жана де Шалона, принял драматический оборот. Сначала поднялись народные окраины, затем мятеж перекинулся на весь город. Главари бургундской партии поддерживали его извне благодаря множеству агентов — виноградарей, слуг, а главное, возчиков. Вожаки выкрикивали антифранцузские лозунги и велели ковать пики. 26 июня 1477 года толпа под предводительством богатого бакалейщика Кретьенне Виона и герольда Марии Бургундской захватила городскую «артиллерию», разграбила и сожгла дома видных сторонников короля. Жан Жуар был заколот кинжалом, и повстанцы провозгласили Марию единственной законной

правительницей.

«Реконкиста» заняла некоторое время и была успешна наполовину. Ла-Тремуйль отправил в Дижон три роты солдат. С помощью горожан, призванных защищаться от мужичья, в каждом приходе были учреждены комитеты по надзору; им удалось подавить бунт и провести безжалостные репрессии. Пятерых «смутьянов» казнили. Однако король был не в силах развить наступление. Максимилиан быстро набрал крупные части из немцев и швейцарцев. Оба соперника хотели выиграть время и 11 июля 1478 года подписали перемирие на один год. Едва истек этот срок, как Людовик XI снова пошел войной на Франш-Конте. Он отобрал управление Бургундией и командование главными войсками у Ла-Тремуйля («который, как человек чрезвычайно тучный и жирный, был весьма доволен тем, что мог отправиться домой, где ему неплохо жилось») и передал их Карлу Ангулемскому. Тот поначалу лишь вел переговоры со швейцарцами, чтобы они отвели войска, помогавшие повстанцам, и это обошлось королевской казне очень дорого: двадцать тысяч франков за год четырем объединившимся городам — Берну, Люцерну, Цюриху и Фрибургу, плюс еще двадцать тысяч франков разным «частным лицам». В начале мая 1479 года его армия все же отбила несколько городов, примкнувших к принцу Оранскому, — сначала в Бургундии (Бон, Семюр), потом и во Франш-Конте, в том числе Доль, который был почти полностью разрушен, затем Оксон («город очень сильный, но внутри него были верные сообщники»), 7 августа 1479 года французы вступили в Безансон и были хорошо приняты нотаблями и аристократами, а также архиепископом Шарлем де Нефшато.

Однако оккупация крепостей людьми короля встречала сильное сопротивление, особенно в народных кругах, среди мастеровых. Прием, оказанный французам в Безансоне, не был единодушным, на улицах выкрикивали враждебные лозунги. Архиепископ не отваживался жить в городе; он получил в комменду епископство Байе.

В конечном счете Людовик XI сумел победить: где силой, а где лаской, сокращая налоги и раздавая юридические привилегии, а главное — навязывая мощное военное присутствие и полную «французацию», реорганизацию административного управления. Он построил или обновил множество крепостей, первым делом в Дижоне, Боне и Оксоне, взимая с этой целью налог с очага. 30 июля 1479 года он отправился в Дижон, поселившись у Рене де Масиля, генерального инспектора фортификационных сооружений в Бургундии; его дом стоял у крепостной стены. В Сен-Бенине он принял присягу эшевенов,

которые поднесли ему двадцать бурдюков с лучшими винами. На административных зданиях, в частности на резиденции короля, герб Бургундии замазали известью, витражи с его изображением вынули, и повсюду теперь красовались гербы короля и дофина Карла. В ходу были только парижские деньги, и приближенный короля Людовика Жан де Камбре получил под свое начало бургундский монетный двор. Луи д'Амбуаз, епископ Альбигойский, которому было поручено учредить бургундский парламент, разместил его, несмотря на решительные протесты жителей Бона, в Дижоне для герцогства и графства Оксон и в Салене для Франш-Конте. Его брат Жан д'Амбуаз, епископ Мальезесский, председательствовал на первом заседании парламента в Дижоне, 11 ноября 1480 года.

Наконец, в феврале 1481 года король предоставил жителям Безансона то же право, что и парижанам, — не быть судимыми вне их города. Он разрешил им проводить по две вольные ярмарки в год. Университет перевели из Доля в Безансон.

Максимилиан предоставил сторонникам Марии одним сражаться в Бургундии с армиями короля, а сам продолжил наступление в Артуа и Фландрии. 7 августа 1479 года при Гинегатте, под Эр-сюр-ла-Лис, его пехота и фламандские пикейщики нанесли тяжелое поражение кавалерии Филиппа де Кревкёра. Людовик XI напал на равнинную часть страны, сжег урожай и селения; он также натравил своих каперов, в том числе зловещего «капитана» Колумба, на фламандские и голландские корабли, подвозившие провиант. Но победить было нелегко. Эдуард IV торопил его с завершением войны с бургундцами и уже не ограничивался красивыми словами: в августе 1480 года он подписал договор о союзе с Марией и Максимилианом, одолжив им крупную сумму денег и пообещав прислать полторы тысячи лучников. Людовик XI, который к тому времени был уже тяжело болен и слаб до того, что не решался показываться на люди, в конце концов решился заговорить о мире. Мария Бургундская умерла 27 марта 1482 года, упав с лошади; она оставила двоих детей: Филиппа (Филипп Красивый), родившегося 22 июня 1478 года, и Маргариту, родившуюся в феврале 1480 года. Эдуард IV хотел выдать свою дочь Анну за Филиппа. Король же вел переговоры о браке своего десятилетнего сына, дофина Карла, с Маргаритой, которой было несколько месяцев. В итоге мирный договор, которому долгое время мешали притязания всякого рода, был подписан 22 декабря 1482 года. В нем говорилось, что Маргарита будет воспитана во Франции и помолвлена с дофином. Поэтому 2 июня 1483 года мэр и эшевены Дижона получили просьбу направить двух нотаблей из их числа для присутствия

при бракосочетании, которое должно было состояться в Париже, но затем, «ввиду большой жары и опасности смертельных болезней», было перенесено в Амбуаз. Назначили двух эшевенов. Ни Артуа, ни Бургундия не были упомянуты, так что их присоединение к французской короне как бы негласно признавалось. Только Фландрия оставалась ей неподвластна.

6. Благополучие под конец правления (1480—1483)

В то же время Людовик приобрел Анжу и Прованс. В несколько лет несчастья подкосили Анжуйский дом, лишив короля Рене нескольких наследников. Его сын Иоанн Калабрийский и зять Ферри Лотарингский, граф де Водемон, супруг Иоланды Анжуйской, умерли в один год — в 1470 году; его брат Карл дю Мэн — в 1472 году. В следующем году Николай Калабрийский, сын Иоанна, которого Карл Смелый хотел женить на своей дочери Марии Бургундской, почувствовал ужасные боли в животе, выходя из церкви после мессы, и испустил дух 27 июля того же 1473 года. Эти смерти, особенно последняя, вызвали пересуды. Поговаривали об отравлении; подозреваемого схватили, пытали, бросили в тюрьму, но скоро следствие заглохло.

Рене хотел оградить свои княжества от чужих притязаний, а главное — от присоединения к французской короне. 22 июля 1474 года он составил третье и последнее завещание, передав Анжу и Прованс своему племяннику, Карлу III дю Мэну (сыну Карла, скончавшегося в 1472 году), а герцогство Бар — своему внуку Рене II Лотарингскому, сыну Иоланды. Людовик XI не мог этого допустить. Охваченный гневом, он заявил, что, поскольку прямого наследника нет, эти уделы должны перейти к нему. На самом деле он уже упредил события, назначив несколько чиновников в Анжу (он использовал каждую возможность, чтобы вмешаться в дела этого края). Через несколько дней после того как он ознакомился с завещанием, в конце февраля 1475 года, он торжественной хартией предоставил Анжеру право иметь городской совет. В документе намеренно долго перечислялись полномочия и привилегии мэра и эшевенов, выбранных им самим и рекомендованных для голосования в совете. Он объявил о конфискации Анжу и Барруа, и его агенты осуществили это на исходе 1475 года.

Рене, который имел полное право на лучшее обхождение, поскольку сохранил королю верность во время Лиги общественного блага и оказывал важные услуги на переговорах летом 1465 года, попытался сопротивляться и обратился за

поддержкой к Карлу Смелому. Этого было достаточно, чтобы обвинить его в заговоре. По приказу короля комиссары и советники «сворачивались из кулька в рогожку», чтобы собрать «компромат»; они вытащили из тюрьмы некоего Жана Брессена, который, в бытность свою секретарем в герцогстве Бар, тремя годами раньше донес на короля Рене, якобы готовившего похищение короля Людовика. Никто ему тогда не поверил, справедливо усмотрев в этом гнусное сведение счетов, и никто не прислушался к его подлым словам. Без всякого расследования его бросили в каменный мешок, где он пробыл тридцать девять месяцев, так ни с кем больше и не поговорив. Но в начале апреля 1476 года его сделали главным свидетелем обвинения.

6 апреля Парижский парламент вынес постановление о том, что для взятия короля Сицилии под стражу есть все основания судебного порядка. Приняв во внимание его возраст, судьи ограничились «повесткой в суд». Кое-кто усмотрел в этом злоупотребление властью, и снова поползли слухи. Людовику XI хватило ума не торопить события и решить дело миром. Карл Смелый, разбитый в Швейцарии, был уже не опасен, и угроза заговора, если таковая вообще существовала, стояла не так остро. Король отправил к Рене послов — архиепископа Вьенского Ги де Пюизье, мэра Бордо Жана де Бланшфора и председателя тулузского парламента Гарсия Фора, чтобы ознакомить его со своими условиями. Рене принес присягу: он никоим образом не станет вредить королю и будет вести себя «как добрый дядюшка». Вслед за ним присягнули главные города Прованса и первые лица при его дворе (Жан Косса, Арно де Вильнёв). Но Рене отказался признать конфискацию и опубликовал письменный протест против «нововведений» в Анжу и Барруа.

Все уладилось во время совещаний в Лионе, проходивших с 4 мая по 9 июня 1476 года. Людовик XI тепло принимал Рене, устраивал пиры с присутствием дам и всячески ублажал старика, так что они «стали добрыми друзьями». Конфискация Анжу была отменена, но гарнизон замка Анже остался под командованием королевского капитана, а городские вольности, залог своего рода союза с французской короной, были сохранены. Рене пообещали пенсию в десять тысяч ливров в год; по негласному договору после его смерти Анжу отойдет к королю, а Прованс — к Карлу дю Мэну, наследником которого также будет Людовик.

Тем временем король вызволил дочь Рене Маргариту, супругу Генриха VI Английского, которую Эдуард IV после своей победы при Тьюксбери и смерти Генриха удерживал в Тауэре. Это обошлось ему в 50 тысяч золотых экю. Первый договор был подписан в октябре 1475 года, и 29 января 1476 года Маргариту

передали в Руане королевским чиновникам. Она отказалась от своих прав на наследование Анже, составила завещание в пользу короля и прожила остаток жизни в одиночестве, существуя на жалкие крохи, в усадьбе Рекюле и в замке Дампьер под Сомюром.

Однако Людовику XI противостояли мощные соперники. Король Арагона сильно опасался, что французы утвердятся в Провансе, рядом с Италией, и думал, что Рене уступил свои права и на королевство Неаполь. В январе 1478 года он прислал к нему посольство, предлагая выкупить эти права за «гору золота». Рене отказался, сообщил об этом Венеции, врагу Арагона, и королю Людовику. Немного спустя Рене II Лотарингский, победитель при Нанси и новый хозяин Барруа, стал заглядываться на Прованс, где у него были многочисленные сторонники при дворе. Он побывал там в июле 1479 года. Король встревожился; он отправил Карла дю Мэна защищать свои права и, в свою очередь, заручился крепкой поддержкой в ближнем кругу Рене, например у Паламеда Форбена. А главное, он отправил сеньора де Рошфора к королю Сицилии и поручил Франсуа де Жена, распорядителю финансов Лангедока, поскорее выплатить Рене 15 тысяч ливров задолженности по пенсии. Почуяв угрозу, Рене Лотарингский обратился к Венеции, однако там по привычке отделались красивыми словами, признав за ним права на Прованс, но ничего для него не сделав. Раздосадованный, располагая только собственными силами, Рене все же повел войска в Прованс на Карла дю Мэна, но его армия в первом же сражении потерпела полное поражение. По смерти Рене, 10 июля 1480 года, Карл дю Мэн стал графом Прованским. Он умер полтора года спустя, 11 декабря 1481 года. Анжу и Прованс отошли к королю.

В 1478 году, с приближением зимы, близкие короля нашли его постаревшим и усталым. Первый удар — надо полагать, кровоизлияние в мозг — случился в феврале 1481 года; после второго, в сентябре, он был вынужден несколько недель провести в постели, не имея возможности заниматься делами, как ему бы хотелось. Людовик неохотно появлялся на людях, однако отправился в паломничество в Сен-Клод в апреле 1483 года. В начале лета он поселился в Плесси, где новый удар, 25 августа, его доконал: он умер пять дней спустя, вечером в субботу 30 августа 1483 года. Его похоронили, как он велел, в Нотр-Дам-де-Клери. Шарлотта Савойская последовала за ним в могилу три месяца спустя, 1 декабря.

Часть вторая ОБРАЗ КОРОЛЯ

Глава первая. ВЕЛИКОЛЕПИЕ И ВЫСОКОМЕРИЕ. КОРОЛЕВСКАЯ РОСКОШЬ

1. Смешной в своей скупости? Миф!

Современники, а затем и историки «романтического» периода, часто списывая друг у друга, много рассказывали о скромности короля, о его заурядном облике, недостойном его положения. Этот образ до сих пор безраздельно господствует в литературе. Мы по-прежнему представляем Людовика врагом роскоши и празднеств, скупым, скрягой, стяжателем, отвергающим пышные церемонии и показное величие. Мы привыкли воображать его безвкусно одетым, в жалких нарядах и ужасных головных уборах, возможно, из хорошего сукна, но мрачных и унылых тонов, без шелков и мехов, без украшений и драгоценностей, за исключением, разумеется, медальонов с изображением Богоматери и святых или нескольких несуразных цепочек. Разумеется, никакой экстравагантности, никакой поблажки модам, особенно экзотичным. Король выглядит полной противоположностью придворным времен Карла VI, участникам пиров и празднеств, описываемых в современных ему бургундских летописях. Итак, бесповоротный разрыв с пышностью, явно выраженная воля противостоять всяческому тщеславию...

Это казалось естественно для короля, склонного вести простую жизнь в окружении нескольких близких людей, не любившего выставлять себя напоказ. Так, еще очень юным, он не одобрял Маргариты Шотландской, своей первой жены, любившей красивые платья на горностаевом меху и придворные увеселения. Те же авторы утверждают, что это было сознательным политическим выбором: король, хороший счетовод государственной казны, государь, требовательный к сбору налогов, он стремился дать понять, что не намерен ничего брать себе, кроме самого необходимого. Таким поведением он мог отвечать пожеланиям и предостережениям некоторых знатных советников, которые не преминули бы обличить возмутительную роскошь королевского двора. Жан Ювенал дез Юрсен, архиепископ Реймсский, сурово осуждал туалеты дам при дворе Карла VII, их «длинные подбитые мехом шлейфы... неугодные Богу и свету, и не без причины». А эти драгоценности, особенно золотые цепи, каждая из которых могла «стоить целого графства или герцогства»? Он, да и другие с горечью вспоминали о

временах суровых ограничений и бережливости, когда королева велела ткать материал для платьев своим фрейлинам из шерсти собственных овец, выращиваемых в Сент-Уэне, когда счетоводы королевского двора заносили в книги небольшие «расходы» на починку этих самых платьев, пришедших в негодность. Моралисты неустанно взывали к королю и двору, чтобы те не проявляли расточительства и не оскорбляли бедняков в столь трудные времена. Ничего удивительного, что Людовик XI к ним прислушался, стараясь, чтобы мнение о нем отличалось от мнения о его отце.

Без всякого сомнения, считать он умел. Он не был и не хотел казаться «великолепным», щедрым и беззаботным, тогда как другие снискивали славу, напропалую тратя деньги. Мотовство было ему омерзительно, и он не выносил того, чтобы его дурачили. Зимой 1478/79 года господину де Тайбуру поручили нанять «сведущего и честного человека», чтобы точно оценить расходы на ремонтные работы в церкви Святого Евтропия в Сете. Смета, представленная королю ее настоятелем, его не устроила, и он вовсе не собирался принять ее безоговорочно: «Я не знаю, честно ли он ее составил, хочет ли меня обмануть или заблуждается сам, ибо он разделил труды между мастерами-каменщиками, находящимися в оном месте, а как вы знаете, рабочие разделяют их к своей выгоде, дабы заработать как можно больше, особливо когда имеют дело с людьми, каковых считают богатыми, как меня». В королевских письмах есть немало примеров его навязчивой боязни оказаться обманутым.

Однако такая осторожность вовсе не была признаком постыдной скупости и не вызывала насмешек. Репутация скряги родилась, как водится, благодаря людям, которые его ненавидели, бесчестным и злобным. Они цеплялись ко всему, лишь бы представить его в виде, не приличествующим государю столь богатого королевства, тогда как принцы, которых как раз и имели в виду мемуаристы и сатирические поэты, умели блеснуть роскошью, постоянно щеголяя в дорогих тканях и ценных мехах. Надо признать, что писатели, как и придворные художники, часто обращались к вымышленным образам, идя на поводу у придворных, старавшихся блистать и привлекать к себе внимание, не говоря уже о поставщиках двора, галантерейщиках и суконщиках, законодателях новых мод, стремившихся их утвердить.

Категоричный образ бедно и безвкусно одетого короля необходимо подправить, придав ему глубину, — впрочем, как и все образы, навязанные длительной традицией. Тем более что, возникнув еще при жизни Людовика XI, он позднее был

растиражирован многими авторами XIX века, которые выделяли его темные черты, поставив свое перо на службу четкой политической цели. Короля нужно было представить борцом с привилегиями. Такой взгляд на Историю, изложенный в учебниках, превозносил добродетели умеренного, «буржуазного» общества в противовес безответственному, полупреступному легкомыслию старорежимных аристократов, которые только и умели, что пировать и тратить деньги. Король Людовик XI предстал человеком, который прежде всего правил страной, не тратя ни времени, ни денег на пустяки; человеком уравновешенным, расчетливым, а не беззаботным; одевающимся на манер богатых купцов и ремесленников — движущей силы страны, символа прогресса.

Поставить на этом точку значит оставить без внимания множество обстоятельств и подогнать следствие под заранее принятую версию. Для человека, стоящего у власти, манера одеваться, выбор фасонов, материалов и цветов, интерес к украшениям и драгоценностям в те времена (да и, наверное, в любые другие) не были делом личного вкуса или причудой. Парадные одежды соответствовали моде и меняющейся обстановке. Нам плохо известны причины изменения этой моды, смены тенденций, нам трудно следить за ее перевоплощениями, особенно в относительно далекие времена. Но так было всегда. В городе одевались иначе, чем при дворе, если только не стремились рабски ему подражать. Вчера нравилось одно, сегодня — другое. В 1400-е годы гамма оттенков красного цвета, долгое время бывшая в чести, уступила свое место синим — неизвестно как и почему. В ту же эпоху — эпоху Карла VII — мужчины и женщины, резко порвав с привычками прошлого, стали носить при дворе гораздо более короткие одежды ярких цветов, зачастую из двух разноцветных половин, и обуваться в остроносые туфли. Это продлилось менее полувека, и при дворе и среди князей утвердилась совершенно иная мода. Во времена Людовика XI была уже не принята экстравагантность. Мужчины не носили ярких цветов и богатых украшений. Это наводит на мысль о том, что король, в общем-то, одевался, как все государи его времени.

Кроме того, позволительно ли нам делать безапелляционные выводы на основании нескольких картинок? Не легкомысленно ли сравнивать портрет государя — заказной портрет, который должен вызывать восхищение подданных и сохраниться для потомства, — с вымышленными образами, анекдотическими сценами, где персонажи застигнуты в совершенно иных обстоятельствах? Неужели мы и вправду думаем, что художники, изобразившие труды и развлечения каждого месяца или сцены

охоты, пиров и княжеских забав, скрупулезно отображали реальность, как нынешние фотографы? Эти сцены, на которые мы (за неимением лучшего) охотно ссылаемся, не являются «документами», как нас уверяют, это «произведения», плоды художественного творчества. Им нельзя противопоставить портрет короля или принца, или его надгробие. А Людовик XI, написанный Фуке, в плотном робе с пышными рукавами — явно удобном, незаурядном ни по покрою, ни по своему виду, — не выглядит жалким по сравнению с Карлом Смелым, написанным в той же позе и таких же одеждах Рогиром ван дер Вейденом, и не скромнее множества других особ, изображенных на портретах, — Филиппа Доброго, короля Рене и обоих английских королей, ведших Войну Алой и Белой розы, — Генриха VI и Эдуарда IV.

Людовик XI скромен, нетребователен в своих запросах? Документы говорят совсем о другом! Будучи дофином, он просил все больше и больше денег для своего двора и свиты дофины, и не только на ведение войны и подарки своим сторонникам. На самом деле он жил на широкую ногу. Требуя от отца все больших щедрот, он ссылался лишь на необходимость содержать свой двор и поддерживать статус королевского сына. Ничто не говорит о том, что он был излишне скромен. Редкий принц тогда так поднаторел в искусстве пускать пыль в глаза, как он. Когда он находился в Лангедоке, в частности в Альби и Тулузе, его не видели ни бедно одетым, ни лишенным украшений, напротив, его окружал богатый церемониал: куча королевских лилий, меха и красивые уборы, великолепная сбруя для лошадей. Во время торжественных «въездов», расписанных, как по нотам, он велел принимать себя с большой помпой, заставлял осыпать почестями. Несколько разрозненных счетов дают нам неполные сведения, но всё же они свидетельствуют о его твердом намерении показать себя толпе в полном блеске. В июле 1439 года он велел отсчитать семьсот семь ливров — неплохая сумма! — флорентийскому купцу, торговавшему в Лангедоке, за куньи и собольи шкурки, пошедшие на изготовление трех шуб и на подбивку двух златотканых мантий; он заказал еще две мантии, одну из алого бархата, а другую — из черного. Королевский сын не мог одеваться иначе.

Когда он еще был дофином, но находился в Дофине, вдали от двора и Королевского совета, денег ему хватало. Во всяком случае, их было достаточно, чтобы содержать двор, достойный суверенного государя. Его постельничий выплачивал жалованье ста одиннадцати слугам, в том числе сорока конюшим, кравчим и стольникам, одиннадцати членам ближнего круга, находившимся в личном услужении — оруженосцам, трубачам, герольдам, даже

дрессировщику леопарда; пятидесяти двум лучникам, арбалетчикам и пушкарям, восьми сокольничим. И это не считая свиты Шарлотты Савойской, ее чиновников и слуг всех рангов, духовника, домового священника, дворецкого, хранителя драгоценностей, лакеев, конюха, «ведшего ее парадную кобылу», и «гувернантку», которые в целом получили в 1451 году около четырех тысяч экю драгоценностями, бриллиантами, купленными в Женеве или в Пюи-де-Дом, и дорогими лошадьми. Матери дофины подарили дорогой золотой браслет, а ее брату Филиппу — ценную кобылу.

Впоследствии, когда Людовик стал королем, счетные книги ведомства королевских расходов, двора, Палаты и конюшен не оставляют никаких сомнений относительно огромных трат на одежду, столовую посуду, мелкую мебель и лошадей. Чтобы вести им счет, наняли девять счетоводов, двух советников, двух простых клерков и менял, двух регистраторов и не менее восемнадцати писцов. В списке дворцовых слуг, получавших пенсии в 165—440 ливров в год, — исполнители десятка должностей: пажи, стольники, конюшие, лакеи, постельничие, чашники, хлебодары, трубачи, герольды, привратники, камерарии, стряпчие; а еще были ловчие, сокольничие, смотрители лугов, псари, обойщики. Эти люди получали деньги недаром: они управляли поместьями, подготавливали квартиры, снабжали двор продуктами всякого рода. Надо думать, что если расходы Людовика XI на свой двор представляются меньшими, чем затраты Карла V Мудрого, легкомысленного Карла VI или королей эпохи Возрождения, тому причиной неизбежная приблизительность или ошибочность подсчетов, поскольку дошедшие до нас реестры содержат пробелы, а учет финансов в разные царствования велся по-разному. Можно быть уверенным только в одном: слуги, занимавшиеся закупками, были столь же многочисленны, как и в другие времена, и король Людовик вовсе не жил как простой буржуа. Помимо десятков пажей и слуг, занимавшихся ведением его дома, на жалованье у его дворецких состояли ремесленники, работавшие только на короля: королевские портные, скорняки, седельники, меховщики, вышивальщики, изготовители плюмажей и шпор. Более того, писари часто упоминают, и во множестве, «придворных купцов» — поставщиков его величества, избавленных как от соблюдения корпоративных уставов, так и от уплаты муниципальных и королевских налогов.

Разумеется, королевская казенная торговля была уже не та, что во времена Карла VII или Жака Кёра. Нигде, ни в Бурже, ни в Туре, не упоминаются большие склады, на которых были бы свалены в кучу сотни штук шерстяной материи, шелка и меха.

Никто из важных особ того времени не мог похвастаться титулом главного казначея и сколотить значительное состояние, продавая товары (и ловко мошенничая) королю и принцам. Ни один человек, разбогатев на такой торговле, не посмел — или не нашел средств — построить себе роскошный дворец. Значит ли это, что королевские закупки стали скромнее? Отнюдь нет: просто они осуществлялись иными, более разнообразными способами.

Король раздавал заказы купцам из Тура, Амбуаза или Шинона, а чаще всего напрямую придворным поставщикам, которые имели преимущество и без труда получали большую часть таких заказов. В 1464 году Масе Рубейр, «придворный меховщик», поставил десять жакетов из шкуры белого ягненка для трубачей; Жан Петифе — дюжину ножей «к услугам господ, которые часто обедают и ужинают за столом короля», и три кожаные бутыли «для уксуса, который подают в покои»; Гильом Клерк получил плату за две белые шапочки и одну алую шляпу для короля, «дабы надевать ее поверх шапочки». Жан де Бон, некогда бывший в Монпелье посыльным или приказчиком Жака Кёра, а теперь протеже Симона де Вари, финансиста и доверенного лица короля, постоянно упоминается как придворный купец, он был главным поставщиком красивых тканей. В декабре 1468 года он получил в несколько дней деньги за двадцать аршин черного бархата для двух мантий, шесть аршин алого бархата, двадцать две застежки с золотыми и серебряными нитями для «мантильи» и один аршин синего бархата для подкладки риз, широкую ленту, украшенную шестьюдесятью шестью лилиями, вышитыми золотой нитью, и еще три фунта красного, белого и зеленого шелка и сорок девять аршин тафты тех же цветов для изготовления «квадратного шатра».

Ни король, ни его чиновники не вели себя, как «добрые буржуа». Людовик тратил много и не одевался по-простому. Менее чем за год, с ноября 1466 года по сентябрь 1467 года, реестр Александра Секстра, учетчика казны, пополнился несколькими листками с упоминанием о «фетровых шляпах», значительном количестве закупленных головных уборов, черных или красных, шерстяных или касторовых. В других разделах, посвященных платьям и шубам, отмечаются значительные расходы на штуки бархата и шелка, меха, тонкое полотно, обувь и снова шляпы; плюс плата портным. Этот клерк уплатил шестьдесят шесть ливров мастеру Тома за «длинное алое платье, подбитое беличьим мехом», сшитое «к удовольствию короля». Масе Рубейр, ставший из меховщика скорняком, получил двадцать пять ливров за то, что, в отсутствие обычного шубника,

съездил из Амбуаза в Дьеп «посмотреть, не найдет ли он там соболей и куниц, поелику сообщалось, что оные во множестве были захвачены на море людьми адмирала».

Все эти учетные статьи, бесспорно, свидетельствуют о любви к комфорту и даже роскоши, о желании производить впечатление. Это сильно напоминает рассказы о дворах Карла VI, Людовика Орлеанского или Иоанна Беррийского. Цветовая гамма так же разнообразна, вышитых лилий еще больше, богатые меха еще изысканнее и используются таким же образом.

Художник, которому поручили бы изобразить короля Людовика, пирующего за одним столом со знатными вельможами королевства, написал бы такую же блестящую сцену, которая изображена на знаменитой миниатюре, заказанной герцогом Беррийским братьям Лимбургам. Его стол, как и стол всех государей того времени, был богато убран, украшен серебряной и позолоченной посудой. Серебряник Пьер Бастон в 1468 году не покладая рук полировал, восстанавливал эмаль и устранял иные дефекты на разного рода предметах из золота и серебра: множестве ложек и чаш, солонок, столовом кораблике, большом серебряном кувшине для спальни короля и «роге единорога» (служившем для обнаружения яда).

Королевские покои в Плесси, Амбуазе или Шиноне явно не отличались спартанской обстановкой. Обычно в счетных книгах отводилась целая глава на шпалеры, которые — по меньшей мере главные из них — должны были повсюду сопровождать короля. Робин Башло, постельничий короля, получил два десятка ливров за то, что возил на подводе шпалеры, «коими король обычно пользуется в местах, где пребывает», с февраля по июль 1469 года, а еще за шесть тысяч больших и малых гвоздей, чтобы их прикреплять. Десятью годами позже, в сентябре 1479 года, писарь, ведавший «малыми увеселениями», записал о плате двум возчикам, перевозившим шпалеры на повозке, влекомой пятью лошадьми.

Была ли спальня короля лишена всяческих украшений? Известно, что один столяр изготовил две рамы для «персон двух девиц, писанных на бумаге к удовольствию короля», а одна вышивальщица сделала и изукрасила два полога из красной тафты, чтобы «завесить ими оные картины». По правде говоря, из-за нехватки подробных документов и тщательных исследований по данному вопросу мы очень мало знаем о королевских резиденциях, которые вызывали к себе не такой пристальный интерес, как дворцы в Париже, Бурже или Дижоне. Замки Людовика XI — Плесси, Бонавантюр и Форж под Шиноном, — не столь большие, построенные для жизни иного рода, не столь

представительные, не вызывали особого восхищения у современников, к тому же туда обычно допускался лишь небольшой круг приближенных. Там нельзя было устраивать пышных празднеств и торжеств, нельзя было разместить крупный административный аппарат; нельзя было даже вести придворную жизнь на широкую ногу. Большинство «людей короля», советников, старших чиновников жили в ближайшем городе и его окрестностях, готовые явиться по первому зову. Король же ни в чем себе не отказывал, чтобы жить в свое удовольствие. Просто он не испытывал потребности в анфиладах апартаментов или в торжественной «парадной спальне» с большим камином и хорами для музыкантов. Он не выстроил ничего подобного Лувру, или отелю Сен-Поль Карла V, или даже дворцу Жака Кёра в Бурже.

На самом деле, вопреки намекам некоторых авторов, это желание держаться особняком — свидетельство политической мудрости — тогда вовсе не казалось чем-то оригинальным, исключительным, а соответствовало многолетней традиции. Начало ей было положено во Франции в те времена, когда дофин Карл, бежавший в 1418 году из охваченного бурными волнениями Парижа, поселился в долине Луары. Став королем по смерти своего отца, в 1422 году, Карл VII вернул себе власть над столицей только в 1436—1437 годах, пробыл там совсем немного и впоследствии остерегался устраивать там свою резиденцию.

Отказ от проживания в Париже, запустение королевских дворцов в этом городе и жилищ в его окрестностях, а затем расцвет в Бурже и Туре пышного двора, следящего за модой и покровительствующего художникам, естественным образом вызвали замечательный подъем ни с чем не сравнимого художественного творчества. В этом плане прекрасная эпоха «замков Луары», которую мы обычно относим к XVI веку, стала лишь наследницей, простым продолжением эпохи домов и замков Берри и Турени, долин Эндра, Шера и Вьенны[7]. В социально-политическом плане этот процесс не вызывает сомнений: двор расположился в Бурже или в замках неподалеку, некоторые из них были унаследованы от Иоанна Беррийского (Меан-сюр-Иевр); все, кто служил королю, питал большие амбиции и хотел пользоваться доверием государя или его советников и фаворитов, поселились как можно ближе. Точно так же, как во времена Карла V принцы и вельможи выстроили себе особняки рядом с Лувром, чиновники Карла VII, бывшие в фаворе, купили или построили, по примеру государя, красивые дома по соседству с ним. И первым — Жак Кёр, который, помимо своего великолепного и чересчур броского дворца в Бурже, владел замком Меннету-Салон и выделил десять тысяч ливров на реставрацию замка Буа-сир-

Эме, где король жил некоторое время с Агнессой Сорель... Самым замечательным его приобретением было, без сомнения, прекрасное поместье Эне-ле-Вьей, купленное в 1445 году, а за несколько недель до своей опалы, в июне 1451 года, он приобрел земли и замки Мармань и Мобранш.

Все имущество королевского казначея было конфисковано, но некоторые его подручные, уроженцы Буржа или Берри, вернувшись из изгнания, тоже принялись покупать и строить. Вернувшись к делам в 1464 году и получив покровительство Людовика XI, Гильом де Вари купил за сорок тысяч золотых экю поместье Иль-Савари и велел выстроить там большую и красивую усадьбу.

Соседи короля — принцы (Орлеанский, Анжуйский, Бретонский), их крупные вассалы и чиновники — также построили, переделали или обновили множество усадеб, резиденций и замков. Герцогу Анжуйскому Рене нравилось жить в Ла-Менитре, Риветг, Ланже; в 1465 году он приобрел поместье Эплюшар у въезда в Анжер по дороге в Пон-де-Се и сильно потратился на расширение усадьбы в 1476 году. Его сенешаль Бертран де Бово, женатый на его побочной дочери Бланш Анжуйской, разорился на украшение и роскошное убранство замка Пимпеан. Сеньор де Jla Виньоль, долгое время служивший сестре Рене Маргарите, приютил ее после смерти ее мужа, английского короля Генриха VI, в своем доме в Сомюре и в своем замке Ла-Виньоль на дороге в Монсоро. Герцоги Бретонские не жили постоянно в Нанте и Ванне; они набивались в гости к своим вассалам, в частности в Плесси-де-Рессак под Редоном, в Плезанс и в Лестреник под Нантом — замок, выстроенный епископом Нантским Жаном де Малеструа, который получил для этого крупную субсидию из герцогской казны, «дабы герцог мог туда наезжать». Вокруг крепости Сусинио на полуострове Рюи поселились в своих замках более десяти сеньоров; со своей стороны, герцоги обустроили, также поблизости, три загородных дома (Бернон, Бенестье, Буа-ле-Сусинио).

В год своего восшествия на престол (1463) Людовик XI купил у своего камергера Ардуэна де Майе земли Плесси и находящиеся на них постройки за пять с половиной тысяч золотых экю. Работы начались в 1469 году, в 1473-м усадьбу огородили стеной, затем, в 1478—1479 годах, выстроили часовню, и Плесси превратился в красивую резиденцию с большими садами, защищенную двойной оградой, рвами и стенами. Это был отнюдь не маленький домик, приют уединения для человека, обреченного на одиночество или одержимого непреодолимым страхом. В первом дворе помещались, помимо жилищ для мелких служащих и прислуги,

конюшни и сокольня. Постройки господского двора со стенами из ровно выложенного кирпича не выглядели деревенскими: два этажа поверх больших погребов со сводчатыми потолками, красивые лестницы, фронтон на античный манер, деревянная галерея и красивые камины для королевских покоев, протянувшихся почти на пятьдесят метров. В Плесси-ле-Тур, расположенный рядом с городом, было легко попасть по ухоженным мощеным дорогам; он вовсе не был изолирован, а, напротив, находился в окружении домов крестьян и садовников.

Король бывал там, особенно в последние годы жизни, гораздо чаще, чем в замках Шинон и Амбуаз. Ему также нравилось пожить несколько дней в домах попроще, чтобы ездить на охоту или просто удалиться от света, — в Форже под Шиноном, рядом с лесом, в Мотт-д'Эгри под Орлеаном, в Кюр или в Кюссе-сюр-Луар. Это было время, когда один из его приближенных советников, Эмбер де Батарне, перестраивал и расширял жилые помещения в замках Монтрезор и Бридоре.

Две из усадеб короля — «Прекрасная Прогулка» под Орлеаном и «Веселое Приключение» под Шиноном — уже одними своими названиями говорят о том, что ему нравилось жить вдали от городов и что он отправлялся туда вовсе не за тем, чтобы умерщвлять свою плоть. Эти названия были навеяны именами других княжеских резиденций, например, поместья герцога Бретонского в Сусинио (Souci n'y ost — «здесь нет забот») или всяческих «Бельведеров», «Бельфиоре» или «Бельригардо», находившихся вдали от городов, окруженных парками и садами, беседками и банями, рыбными прудами и охотничьими угодьями.

2. Забавы и увеселения

Покидать без сожаления парижские дворцы ни в коей мере не значило искать полного одиночества или предаваться крайне аскетической жизни. В загородных домах король вовсе не ходил за плугом. Он не проявлял никакой склонности к чему-либо подобному. Его покупки, напротив, демонстрируют стремление окружить себя всем самым дорогим, доступным лишь сильным мира сего: серебром и золотом, красивыми кожами и тканями. Удивить могло разве лишь то, что свою тягу к роскоши он использовал не для устроения турниров, ристалищ или придворных празднеств, а для того, что ему было дорого: для птиц, лошадей и охоты.

В Истории он прослыл помешанным на говорящих птицах, которых он обучал некоторым очень вульгарным выражениям, — это образ, скорее, презренного человека, которого забавляли

только незамысловатые, ребяческие, непристойные игры. Образ неверный, как и многие другие, ибо непохоже, чтобы он когда-либо интересовался сороками и шрикунами. Из подлинных документов, а не из писаний недоброжелательных авторов, следует прямо противоположное, а именно что государь, любивший все красивое, даже редкое, необычное, не задумываясь тратил большие деньги, чтобы это заполучить. Его слуги кормили не сорок, а павлинов, канареек и других певчих птиц. Конюший Габриэль Бернар получил крупное вознаграждение за то, что привез в Плесси «из заморских стран» «тунисскую птицу» и двух белых черепах. А клерки короля Рене Анжуйского уплатили четырнадцать золотых дукатов птичнику Жану Шаплену, который отправился к королю Франции с двумя белыми горлинками, и людям, которые «несли их на шее в крытых клетках за ним вослед». Все знали, что король Людовик любит устраивать птичники повсюду, где бы ни находился. Он привез восемь клеток для мелких птиц из Монтаржи и Немура в Мотт-д'Эгри. В Плесси ему доставили шесть дюжин латунных колец, покрытых сусальным золотом, чтобы подвесить клетки для этих птиц, и большое количество колокольчиков, тоже покрытых сусальным золотом.

Пажи и слуги с тем же вниманием относились к лошадям, сбруе и седлам; в этом плане приобретения выходили далеко за рамки необходимого, так что король не выглядит прижимистым или не заботящимся о своей славе. В 1463— 1464 годах он купил пять красивых лошадей, в том числе двух «больших баярдов» — одного у сенешаля Гиени, другого у герцога Бургундского; тотчас заказали пять наборов сбруи «из широкой белой кожи и красной кожи по краям и сверху», каждый с 425 золотыми заклепками, то есть всего 2125 заклепок. Седельный мастер напомнил о некоторых других суммах, подлежащих оплате, — за триста позолоченных гвоздиков, вбитых в луки седла королевского мула, «спереди и сзади, как оному господину было угодно пожелать для своего удовольствия». Вся другая сбруя, даже для вьючных животных, была из белой или красной кожи, покрыта черным бархатом, а сбруя королевской кобылы по кличке Эстерлина была украшена тремя подвесками из белой кожи. Скобяных дел мастер Жакотен Пешар уплатил около трехсот ливров Жану Дюбуа, купцу из Турнэ, за восемь фунтов золотой нити из Венеции, Генуи и Флоренции, пошедшей на изготовление двух чепраков и заклепок для сбруи и седел, а через несколько дней — еще сто девяносто восемь парижских ливров Жаке Тису, тоже из Турнэ, за золотую нить из Генуи и с Кипра для бахромы и кисточек на тех же двух комплектах сбруи.

Найдя пристанище у герцога Бургундского, едва-едва поселившись в замке Женапп, дофин написал к королю Арагона, прося прислать ему со специально прибывшим конюхом двух сероголовых соколов, поскольку эти птицы доставляли ему наибольшую радость, а несколько лет спустя, все еще находясь в изгнании и будучи дофином, он выдал в уплату задержанного жалованья пятьсот савойских экю своему сокольничему — «кудеснику сероголовых соколов». Герцог Миланский подарил ему красивого кречета и получил в благодарность трех фландрских соколов.

Все согласны в том, что король предпочитал охоту балам и зрелищам, и мемуаристы, как и иностранные послы, говорили в один голос, что он может, забросив дела, целыми днями носиться по лесам и рыбным ловищам: «На следующий день его величество отъехал на четыре лье от Орлеана и, узнав, что в полях видели большого кабана, вернулся обратно до Плювье, в девяти лье отсюда, где пробыл четыре дня». Сам король не делал из этого тайны: «Я возвращаюсь охотиться на кабанов, пока не прошла их пора, поджидая другой поры, чтобы поохотиться на англичан». На своих собак, борзых или ловчих птиц он никогда не скупился; в один-единственный день были куплены и оплачены дюжина кожаных ошейников для борзых и еще один ошейник — с семью большими серебряными заклепками, покрытыми золотом. В дворцовых счетах месяц за месяцем упоминаются значительные траты на покупку животных — с одной стороны, борзых и кречетов, с другой — зайцев и кабанов. Это был не маленький каприз: королевская охота постоянно держала в боевой готовности многочисленных слуг, псарей, егерей, ответственных за закупки животных и возчиков для их доставки; в 1480 году были потрачены большие деньги, чтобы девять слуг перевезли девять кабанов из Иль-Бушара в замок Плесси. Другие привозили живых зайцев, предназначенных для псовой охоты, лис; однажды привезли «шесть детенышей кабана» для той же цели. Один сержант отправился во Фландрию за соколом, объездчик из конюшен привез еще одного из Монпелье в Амбуаз. В 1469 году некий турский купец разом получил 225 золотых экю за «двадцать пять птиц, соколов и прочих, коих король поместил в свою сокольню для забавы и увеселения».

Этот интерес, вернее, истинную страсть Людовик пронес через всю жизнь. Даже в конце своих дней, больной и усталый, он покупал животных, выпрашивал их, обменивался с дружественными и союзными государями. В декабре 1481 года он писал герцогу Феррары: «Посылаю вам борзую, если она придется вам по нраву, сообщите мне, и я пришлю вам их столько, сколько

пожелаете». Получив наследство Маргариты Анжуйской, он послал своего егеря привести к нему всех ее собак. Он регулярно призывал в свои замки «врачей» или «хирургов» для осмотра собак, и это не вызывало удивления, хотя они лечили и его гостей. Такие осмотры не были редкостью. Королевский аптекарь Антуан Шампо получил зимой 1469/70 года деньги за несколько партий снадобий, поставленных как для самого короля, так и для его собак, а один слуга меховщика получил несколько су за отделку их подстилок.

Как сообщает Коммин, «за собаками он отправлял куда угодно: в Испанию — за гончими, в Бретань — за маленькими борзыми и дорогими испанскими борзыми, в Валенсию — за маленькими мохнатыми собачками, за которых он платил дороже, чем их продавали… В Сицилию он специально послал человека приобрести у одного местного чиновника мула и заплатил за него вдвое; в Неаполь послал за лошадьми. Отовсюду ему привозили диких животных: из Берберии — маленьких волков, которые не больше лисы и называются шакалами; в Данию поехали за лосями, которые станом похожи на оленей, но большие, как буйволы, и с короткими мощными рогами, и за северными оленями, станом и мастью похожими на ланей, но с гораздо более ветвистыми рогами, и я видел северного оленя с пятьюдесятью четырьмя рожками. За три пары таких животных он уплатил купцам четыре тысячи пятьсот немецких флоринов»[8].

Свою заботу он проявлял и многими другими способами, еще более странными на взгляд современного человека. Король велел купить двенадцать фунтов воска, чтобы изготовить восковую собаку, которую поднесли в дар, в знак его благочестия, святому Мартину Турскому. В 1469 году он прислал в Нотр-Дам-де-Клери два серебряных обетных дара в виде птиц, а годом позже — еще одного серебряного сокола со щитом с гербом Франции. Ювелир из Тура получил плату за трех птиц, а в Нойоне, в «святом месте», была установлена восковая птица.

Его враги, в первую очередь Тома Базен, а затем Шателен и Жак дю Клерк, говорили, что король Людовик сразу после своего восшествия на престол запретил дворянам охотиться каким бы то ни было способом. Якобы он, «усмиритель и преследователь всех вельмож в своем королевстве», велел отсечь ухо благородному нормандцу, виновному в том, что загнал зайца на собственных землях; он приказал, как говорит Базен, сжечь все сети и охотничьи силки во владениях сеньора де Монморанси, на большом костре, сооруженном на центральной площади, запретив прихожанам оставить даже одну-единственную веревку, чтобы звонить в церковный колокол. Некоторые видели в этом одну из

причин, по которым многие дворяне примкнули к Лиге общественного блага. В самом деле, хотя запрет касался лишь представителей третьего сословия и агенты короля должны были конфисковать «всех птиц, собак и прочие приспособления для ловли любыми способами зверей и птиц у всех особ неблагородного сословия, которые ежедневно их используют», дворян все же подвергали разным проверкам, а их права на охоту — серьезным ограничениям.

Дело в том, что королевская охота не была простым развлечением или отдыхом для человека, замученного делами; король не занимался ею в одиночку. Напротив, она имела важное социальное и политическое значение, была способом продемонстрировать особую роскошь, утвердиться перед вассалами и соседями. В начале сентября 1479 года дворецкие уплатили восемнадцати перевозчикам, которые «водили галиот короля» во время двух путешествий из Тура в порт Сен-Косм — на охоту, а потом еще двадцати четырем, нанятым на «большой корабль», чтобы привезти туда и обратно короля и «людей из его общества»; еще две команды, в четырнадцать и тридцать шесть человек, «перевозили собак, коней и кобылиц целый день». То же было в конце месяца. Два десятка корабельщиков и их помощники отвели три королевских корабля из Тура на остров под Рошкарбоном, чтобы охотиться там на лис. Эти выезды на охоту, порой продолжавшиеся по несколько недель, не оставались незамеченными: восемь возчиков трудились целых семьдесят дней, возя с октября 1469 года по март 1470 года палатки, сети и охотничье снаряжение по всем тем местам, где был король, а его ловчие уплатили одному крестьянину за лошадь, которую они убили, «дабы приманить волков, находившихся в лесу Амбуаза». Вечером одного из таких дней три женщины из городка Сен-Мартен подошли к столу, за которым обедал король; он дал каждой по золотому экю.

Людовик считал себя великим охотником и хотел, чтобы об этом знали. Пьеру Дориолю, ставшему его милостью дворянином, канцлером Франции, он определил герб в виде трех птичьих стай; гербом Жана дю Фу стали два сокола, а Тристана Лермита — оленья голова. Оливье, сын одного фландрского слуги по имени Неккер, стал на службе короля Оливье ле Деном[9]. «Сказы» Жака де Брезе, бывшего тогда великим сенешалем Нормандии, — небольшие стихотворения в пятьдесят строк — были написаны во славу Суйяра — «красивого гончего пса» Людовика XI — и Гастона де Лиона, сенешаля Сентонжа. В «Похвале Мадам Французской» (Анне де Боже, дочери короля) того же автора подробно расписывается, как принцесса овладела искусством

псовой охоты и умела управлять своими ловчими. Это искусство Брезе, сам большой специалист, в мельчайших подробностях описывает в «Охоте» — поэме в пятьдесят пять строф по десять строк каждая.

3. Величие и декорации

Предпочитал ли он общество мещан окружению вельмож? Это утверждают многие современники, а за ними и историки. Миланский посол рассказывает, как король в Туре после мессы уселся за столиком в простой таверне на рыночной площади, под вывеской Святого Мартина. Надо полагать, им руководили как природная склонность (он чувствовал себя там привольнее), так и политический расчет: надо было вызвать к себе уважение и снискать союзников — не в народе, конечно, а среди нотаблей, синдиков, купцов или законников, в чьих руках находились городское управление и финансы: ведь только они могли ввести новые налоги. Поэтому он чаще останавливался у них, в каком-нибудь особняке, нежели в замке или во дворце. Там он принимал городских старшин, сплошь купцов, выслушивал их, интересовался их судьбой и неизменно уверял в своем благорасположении. В их обществе он пировал; им оказывал честь, приглашая их супруг на балы.

Эти гости на один вечер в Париже или в Туре, конечно, не были незначительными людьми, мелкими лавочниками, это были присяжные мастера, имеющие вес в обществе и большую клиентуру, а главное — управленческие должности. В их доме он не пренебрегал церемониалом и требовал обхождения, достойного короля Франции. В 1465 году — мрачном году Лиги общественного блага, когда ему нужно было очаровать парижан, — он задал в отеле Арменонвиль большой пир и бал в честь «горожан», на который явился сам, «одетый с ранее невиданной роскошью, в пурпурное платье до пят, подбитое горностаем, которое шло ему гораздо больше, нежели короткие одежды, кои он носил прежде». На самом деле особняки, городские дома, куда он отправлялся пировать или ночевать, чаще всего принадлежали королевским чиновникам, советникам, председателям парламентов, придворным, а не простым купцам, не имеющим никакого отношения к правительству и двору. 4 сентября 1467 года, по случаю свадьбы Никола Балю, брата епископа, с дочерью Жана Бюро, устроили большой пир в особняке герцогов Бурбонских. Король с королевой были там, «а затем устроили большие пиршества в нескольких особняках своих слуг и городских чиновников». Месяцем позже, вернувшись из Сен-Дени,

Людовик, остановившийся в своем особняке Турнель, отправился ужинать к Дени Эслену, своему хлебодару и парижскому «выборному». Его дом не был скромным жилищем: «В оном доме король пировал и нашел там три богато украшенные ванны, в коих король мог выкупаться к своему удовольствию, однако он того не сделал, поелику был простужен, да и погода стояла весьма недобрая и нездоровая».

В книгах того времени и современных трудах слишком часто забывают напомнить, что король умел, когда считал нужным, предстать в облике владетельного государя, окруженного большой пышностью. Искусство преподнести себя через церемонии и декорации, заставить уважать ритуалы и подчеркнуть различия, иерархию было ему хорошо знакомо. Он владел им мастерски и регулярно к нему прибегал, сознавая, что тот, кто хочет нравиться и править по-настоящему, должен так поступать. Вопреки расхожим представлениям, празднества, показное богатство и нарочитая роскошь не оскорбляли простой народ. Конечно, пиршества в узком кругу избранных могли вызвать сильное недовольство у тех соискателей почестей, которые не были туда приглашены. Но они устраивались не так часто и нередко сопровождались представлениями для уличной толпы. Для того, кто хочет усвоить этот немаловажный аспект искусства управлять страной, важно понять, что праздники для народа с давних пор, по меньшей мере, со времен римлян — состязаний в цирках и триумфов, — были настоящей обязанностью для правителя, случаем показать себя и внушить к себе уважение. На протяжении веков к этому средству прибегали все: римские консулы и императоры, средневековые государи, тираны и правители итальянских городов и, хотя на это обычно не указывают, вожди городских патрициев в городах Фландрии и других местах. Наши моралисты ошибочно видят в этом только трату денег, нелепый способ выставить напоказ безрассудную роскошь, или хуже того, гордыню, самодовольство и презрение к бедным. Они глубоко заблуждаются, говоря лишь о безудержном стремлении к роскоши или разврату, и оскорбленно и возмущенно задаваясь вопросом о том, сколько же все это могло стоить. Это стоило дорого, но подобные расходы, разумеется, вписывались в политические планы; они отвечали ожиданиям, обеспечивали славу, а значит — власть. Распорядитель празднеств, раздающий милостыню и находящийся на виду, прослывет щедрым и одновременно успокоит своих подданных по поводу своего материального состояния. Тот, кто не устраивал роскошных шествий и зрелищ, не привлекал к себе людей и вызывал ропот недовольства.

Один безвестный автор долго описывает большой зал дворца и столы, накрытые для пира во время вступления в Париж в 1461 году: высокие своды, затянутые реймсскими холстами, стены, покрытые златотканой или сребротканой материей и шпалерами, три столика со всевозможными драгоценными изделиями. На том, что стоял рядом с королевским столом, находились: 64 больших блюда из позолоченного серебра, сто больших фиалов, 24 чаши, из которых две, очень большие, из массивного золота, 24 малых золотых блюда и без числа других из золоченого серебра, десятки золотых чашек. Освещали залу 74 золотых канделябра, подвешенные очень высоко, 18 больших факелов перед королевским столом и еще 400 факелов вокруг, на стенах. Каждый стол обслуживали двенадцать дворецких, каждому из них помогали двадцать пять пажей, все они были одеты в ливреи из александрийского бархата, расшитые серебром и жемчугом. Они подали гостям двенадцать закусок «с сюрпризом» и двенадцать блюд из дорогих сортов мяса. Понятно, что очевидец, как и многие другие, слегка «увлекся». Полагаться на него во всем и доверять его цифрам было бы наивно. Но ясно, что этот пир был случаем выставить напоказ богатство, ослепить, явить государя во всем блеске. Традиция больших пиров, роскошной обстановки, буфетов, ломящихся от серебряной посуды, перемены блюд, похожей на спектакль, не была утрачена. Парижский пир, верно, ни в чем не уступал пирам герцогов Бургундских, подробно описанных хронистами.

Несколько лет спустя Людовик XI находился в Туре, чтобы председательствовать на Генеральных штатах. Он показывался на улицах города подолгу, стараясь произвести впечатление человека, поглощенного делами и мыслями об экономии; его стража «в торжестве и великолепии ехала на лошадях в богатой сбруе, а сзади следовали много принцев и сеньоров в пышных и богатых одеждах». Он отправился ночевать в замок, а не к какому-нибудь горожанину. Собрания проходили в зале дворца архиепископа, «большом, богатом, убранном коврами»; место короля находилось под синим пологом с королевскими лилиями, на высоком помосте, куда вели пять-шесть ступенек. Справа и слева от него помещались только кардинал-епископ Эвре и Рене Анжуйский, король Сицилии и Иерусалима. Предстоятели Церкви сидели на скамье на две ступени ниже, а совсем внизу помещались высшие королевские чиновники, графы и сеньоры, представители городов. В протоколах заседаний, составленных очень тщательно, чтобы показать, что все было как следует продумано, говорится, что на высокой скамье напротив церковных пэров, по другую руку от короля, «не было ни одного

светского пэра». Нельзя было сажать на почетное место принцев, подозреваемых в сочувствии Карлу Гиеньскому, сторонников того, чтобы доверить ему правление Нормандией. Эти штаты отражали четко выраженную политическую позицию, король председательствовал на них во всем блеске своего могущества, верные ему люди занимали подобающие им места, все церемониалы соблюдались.

Людовик умел поставить каждого на свое место и воздать ему положенные почести. Он вовсе не ратовал за общественный порядок и этикет, который попирал бы права крови и первородства. 19 ноября 1467 года он торжественно объявил, что Франсуа де Лаваль должен пользоваться теми же прерогативами, что и графы д'Арманьяк, де Фуа и де Вандом, и что «в нашем большом совете, в нашем парламенте и в посольствах» его место впереди канцлера Франции «и всех прелатов нашего королевства». Часто он приказывал жителям того или иного города оказать достойный прием тому или иному принцу или вельможе, проезжающему мимо или останавливающемуся на несколько дней. Маргарита Савойская, тетка королевы Шарлотты, отправлявшаяся в паломничество в Сантьяго-де-Компостела, остановилась в сентябре 1466 года в Амбуазе. Городские советники решили отвести ей для ночлега особняк Жана Буржуа, разместить ее женскую свиту в другом особняке, а ее слуг и пятьдесят шесть лошадей — на улице Бушри. Королевский дворецкий заверил счет в несколько сотен ливров, выставленный для возмещения расходов.

Сам король, вне всякого сомнения, умел проявить щедрость и тратить без счета. В наших книгах и даже учебниках много говорится о пиршествах и приемах при бургундском дворе в противовес якобы блеклой, лишенной всякого блеска жизни при французском дворе той же эпохи. Те же авторы никогда не забывают упомянуть о «празднествах эпохи Возрождения», а в политическом плане — о знаменитом Золотом шатре, раскинутом в июне 1520 года для встречи Франциска I с английским королем Генрихом VIII. Разумеется, ведь это эпоха Возрождения, время блеска! Зато ни слова не сказано о короле Людовике, который полувеком раньше, в июне 1467 года, устроил в Руане поистине роскошный прием графу Уорвику, выехав ему навстречу с большой свитой из вельмож и дам и не поскупившись на такое великолепие, что все очевидцы были просто поражены. В ноябре 1470 года Маргарита Анжуйская, супруга английского короля Генриха VI, вступила в Париж вместе со своим сыном, принцем Уэльским. «От имени короля» ее сопровождали графы д'Э, де Вандом, де Дюнуа и «другие благородные сеньоры»; «по особому

распоряжению короля» ее встречали епископ Парижский, Университет, палаты Парламента, парижский прево, купеческий старшина и эшевены, купцы, мещане, крестьяне и городские чиновники, «в большом количестве и в праздничных одеждах». Она въехала в город через ворота Сен-Жак, и все улицы, по которым она проезжала, были затянуты красивыми гобеленами до самого дворца, отведенного для ее проживания, который тоже был богато украшен.

Этот король, которого считают врагом церемоний и всякой помпы, был единственным со времен Иоанна Доброго и ордена Звезды, кто основал рыцарский орден — орден Святого Михаила. Это произошло в 1469 году, когда он вернулся из Перонна и Льежа и хотел собрать вокруг себя всех облеченных ответственностью людей в своем королевстве, способных его поддержать. Его брат, Карл Гиеньский, и Рене Анжуйский оказались в числе первых рыцарей. Выбор святого покровителя был неслучаен: во все время английской оккупации нормандцы плотными рядами отправлялись в паломничество на Мон-Сен-Мишель (гору Святого Михаила), тем самым заявляя о своей верности королю Франции. Когда Карл VII начал поход на Руан (1449), толпы народа в Париже и многих других городах королевства устраивали крестные ходы, моля святого Михаила даровать ему победу.

Людовик составил устав, во многом опираясь на устав ордена Золотого руна. Он назначил пятнадцать первых рыцарей и решил, что капитул ордена будет собираться ежегодно, в день тезоименитства святого, либо в Амбуазе, в церкви кордельеров, либо в самом монастыре на Мон-Сен-Мишель, либо в часовне Святого Михаила при королевском дворце в Париже, которая в 1476 году была преобразована в коллегиальную церковь для священников, примкнувших к ордену. На самом деле похоже, что капитул так ни разу и не собрался. В одном из писем короля за тот же 1476 год еще говорится о том, что нужно принять соответствующее решение, а Оливье де ла Марш сообщает, что рыцарей не созывали ни на какое собрание, в каком бы то ни было месте. Однако король не утратил интереса к ордену. Он приказал Жану Фуке проиллюстрировать устав и неоднократно заказывал свой портрет с цепью ордена Святого Михаила. Уже в декабре 1469 года он отправил своего герольда Бернара Рауля в Арманьяк, где находились адмирал Франции и сенешаль Пуату, а оттуда в Каталонию к губернатору Руссильона, чтобы вручить всем троим золотую орденскую цепь. Из пятнадцати рыцарей десять или двенадцать были высшими королевскими чиновниками и военачальниками, это показывает, что Людовик

собирался создать «национальный» орден для поощрения верных себе людей, наградить их особым титулом, высшим достоинством, дворянством, заслуженным единственно службой королю. В рыцари ордена не посвятили ни одного разночинца. Зимой 1470/71 года король написал прево и эшевенам Парижа, сообщая им о своем намерении устроить в городе праздник ордена и о том, что он привезет туда «всех сеньоров своей крови, которые явятся в сопровождении большого числа своих людей».

Король, кстати, вовсе не был противником рыцарских потех. В его царствование, которое мы привыкли считать лишенным блеска, в Париже и в самых разных французских городах регулярно устраивались большие ристалища, которые ни в чем не уступали бургундским или анжуйским.

Глава вторая УМЫСЕЛ И ВЫМЫСЕЛ

1. Мастера пропаганды

Королевские историки

Думал ли Людовик XI, как чуть позднее Ален Бушар, историограф герцогов Бретонских, что хроника, исторический труд, должна писаться на заказ, за деньги и под надзором господина? И что название «хроника» можно применять лишь к произведению, «сочиненному тем, коему оное было поручено, ибо никому не позволено писать хроники, если то не было ему приказано и дозволено»? Для государей и в кругу советников мысль о жестком контроле за изложением выдающихся событий царствования уже давно казалась естественной. Выбирать из множества событий, упорядочивать их, представлять в пристойном виде, а также замалчивать ненужное было слишком серьезным делом, чтобы позволить заниматься им случайным авторам, свободным ото всякого подчинения или еще того хуже — одержимым ненавистью и злобой.

Король Людовик считал, что сведение воедино под его надзором всего, что могло послужить написанию Истории, можно поручить людям не только ученым и одаренным, но прежде всего честным и достойным доверия. Он ясно заявил об этом, охотно и подолгу настаивая на обоснованности такого тезиса и подтвердив, по меньшей мере дважды, в частности, в 1482 году, привилегии коллегии нотариусов, созданной его предшественниками. Четыре книги Священного Писания были написаны евангелистами, говорил он. Затем святые отцы, папы и ученые-богословы, «преемники блаженных апостолов... учредили несколько протонотариусов при Святом папском престоле». Поэтому короли Франции, Божии помазанники, единственно обладающие правом передавать от отца к сыну звание христианнейшего короля, должны поступать так же, чтобы сохранить память о своем времени. Сообразуя свои дела с вышесказанным, короли избрали нескольких людей, нотаблей, обладающих большой ученостью и твердой репутацией, чтобы те изложили на бумаге все достославные и достоверные деяния, которые совершены или произойдут по указанию и распоряжению французских королей. Эти люди должны были сверяться с книгами и реестрами, эдиктами, законами и ордонансами,

протоколами заседаний и всеми другими административными или правительственными документами. Писари, нотариусы и секретари числом пятьдесят девять (король шестидесятый) составляли коллегию под покровительством святого Иоанна Богослова. Получая жалованье, они назначались пожизненно, дабы, не опасаясь лишиться работы, могли лучше и смелее писать, удостоверять и подтверждать истинность событий, доходящих до их сведения.

Что же касается собственно исторических книг — связного и обработанного повествования, то Людовик поощрял и использовал искусство преподносить информацию и передавать ее потомству, которым и до него прекрасно владели с самого начала века. Создавать государю прекрасную репутацию со временем превратилось в профессию, вернее, в придворную должность, наравне с должностями духовника или камергера, находящихся в свите короля. При Карле VI Мишелю Пентуэну, регенту аббатства Сен-Дени, поручили написать «Историю Франции» и «Историю правления Карла VI». Он не получил ни жалованья, ни пенсии, но принес присягу и облекся в придворную ливрею. Его произведение известно под названием «Хроника Сен-Дени», но монахи говорили, что это для отвода глаз, чтобы никто не заподозрил, что его книга была написана кому-то в угоду. На самом деле, уверяли они, это был заказ короля.

Едва овладев Парижем в 1437 году, Карл VII поручил Жану Шартье, тоже монаху из Сен-Дени, продолжить сочинение Пентуэна. Он намеренно превратил этот труд в придворную должность: принесение присяги в присутствии нескольких высокопоставленных особ (в том числе королевского духовника, епископа Кастра Жерара Маше), жалованье в двести ливров, то же содержание для самого хрониста, двух его слуг и трех лошадей, как и для придворных слуг. Шартье написал «Латинскую хронику» и сам перевел ее на французский язык в 1445 году. Священнослужители и ученые-богословы Сен-Дени продолжали служить королевскому делу.

Людовик XI порвал с этой традицией раз и навсегда. Он разгневался на Сен-Дени и лишил монахов позволения вести хронику. Все знали, что тогда, в 1461 году, его гнев обратился на людей, верных его отцу. Он быстро отстранил от дела тех, кто писал хорошее о старом короле, о его свершениях и о судебных процессах того времени, и в этом не было ничего удивительного. Позволение вести летопись было даровано Жану Кастелю, монаху из Сен-Мартен-де-Шан, который, должно быть, приглянулся королю и имел поручителя. Внук Кристины Пизанской, он принадлежал к семье королевских чиновников и уже получил

известность благодаря длинной аллегорической поэме, озаглавленной «Сосна», в которой выводились олень и волк — главные действующие лица в войне между королями Франции и Англии; он также сочинил несколько «сказов» во славу Богоматери. Королевским чиновником он пробыл до самой своей смерти в 1476 году, являясь аббатом Сен-Мор-де-Фоссе.

Король не спешил найти ему преемника и назначил нового королевского хрониста, Матье Леврие, монаха из Сен-Дени, только семью годами позже, в 1483 году. Аббатство снова вошло в милость, приобретя заказ на драгоценные хроники, но сам брат Матье не получил ни жалованья, ни настоящего «контракта». Должность отмерла сама собой. Однако сказать, что Людовик XI более не интересовался этой работой, столь полезной для его репутации, и мало заботился о том, чтобы его манера вести дела была оценена положительно, значит плохо его знать. Похоже, что необходимость платить привилегированному хронисту и гарантировать ему своего рода исключительные права уже не стояла так остро. Другие авторы также прославляли короля и воспевали его заслуги, в малейших деталях повествуя о его подвигах. Во время его царствования не было недостатка в таких рассказах, зачастую, конечно, анекдотических, но почти всегда вдохновленных политическими намерениями, стремящихся восславить своего господина и очернить его противников и бунтовщиков. Кто бы ни брался за перо, надеясь прокормиться им или, по меньшей мере, составить себе имя, творческий прием оставался неизменным. Кое-кто, разумеется, пытался получить должность и втереться в ближнее окружение государя. Некоторые даже потребовали для себя, без всякого на то основания, звания «королевского историка». К таким принадлежал Гильом Данико, монах из аббатства Сен-Жюльен в Оверни, который, когда Людовик был дофином, посвятил Шарлотте Савойской «Житие святого Юлиана». Он называл себя «королевским советником и историком», утверждая, что ему поручено «собирать и изыскивать истории и легенды, относящиеся к событиям в сем королевстве, и помещая их в книги». Таким же был Робер Гаген, который дважды, но напрасно, пытался снискать поручительство короля. Он родился в Артуа и стал монахом ордена Тринитариев. Людовик XI несколько раз отправлял его с поручениями в другие края, в частности в Германию в 1477 году, вскоре после смерти Карла Смелого, но не пожелал взять к себе на службу в должности официального историка. И все же в двух его произведениях, законченных и опубликованных позже, — «Кратком изложении деяний франков» (1501) и «Истории Франции от Фарамонда до Карла VIII» — этих рассказах и

лирических отступлениях во славу королей, в особенности Людовика XI, не отражено никакой обиды, совсем наоборот.

В противоположность, например, итальянским «дневникам» или «счетным книгам», написанным без всякого принуждения купцами и нотариусами, принимавшими ту или иную сторону, французские хроники того времени, авторы которых на сегодняшний день с грехом пополам установлены или так и не определены, почти все пели хвалу государю. Жан Мопуэн, сын конного сержанта и парижский мещанин, ставший монахом в Сент-Катрин де ла Кутюр, а потом, после двух дальних путешествий — в Эно и Монпелье, — приором этого парижского монастыря, был не слишком строгим администратором. Ему несладко пришлось, когда настало время представлять счета и оправдываться перед королевскими агентами. Наверно, он больше интересовался тем, что видел и слышал в Париже, новостями, выкрикиваемыми на перекрестках, и слухами. По его «Дневнику», который он вел с 1460 года в одной тетради со своим бухгалтерским реестром, видно, что он был хорошо осведомлен о поездках короля, интригах и сношениях между принцами, о собраниях нотаблей и о том, что там говорилось. Он толкует обо всем: о войне с Лигой общественного блага и о сражении при Монлери, о последовавших мирных переговорах, о сложных интригах с неожиданными поворотами, в хитросплетении которых менее сведущий человек совершенно бы запутался. Его записи легко читать, так как он, в отличие от других, хуже разбирающихся или менее заинтересованных в происходящем авторов, пишет очень ясно, а его язык прост. Причем его речь — это речь ангажированного автора, решительного сторонника короля, которого он постоянно представляет в лестном обличье покровителя парижского люда и действий которого никогда не критикует.

Похоже, что аббаты, монахи или каноники имели тогда привычку отмечать в своих счетных книгах или реестрах приходских постановлений все, что им казалось интересным и что имело отношение к их церкви, городу или даже королевству. Миряне, советники или чиновники государя, тоже собирали массу информации, черпая ее из писем, посланий, квитанций и протоколов, попадавших к ним в руки. До нас дошло немного таких дневников или сообщений самого разного рода, но все же достаточно, чтобы почувствовать настоящую страсть, с какой люди того времени относились не только к своей личной жизни, к жизни их приходского или социального мирка, но и к жизни королевства, интересуясь конфликтами, передвижениями войск, а главное — деяниями короля. Искреннее желание этих случайных

писателей услужить своему монарху, сказав о нем доброе слово или создав его незапятнанный образ, нельзя отрицать. Эти люди, не «уполномоченные» заниматься такой деятельностью, добросовестно старались говорить о чем-то ином, нежели мелкие текущие события. Они посвящали долгие рассказы тому или иному моменту в жизни их города, когда толпа громко клялась в верности королю. Королевские посещения известны нам не только из официальных хроник или по записям городских счетоводов, из протоколов заседаний советов и эшевенов, а непосредственно по рассказам частных лиц, местных жителей, чьи имена нам теперь неизвестны. По меньшей мере в трех из них, записанных сразу после прибытия Людовика XI в Париж в августе 1461 года, авторы не жалеют чернил, подробно рассказывая о пышном и стройном кортеже, об украшении улиц, о скоплении горожан и простонародья из пригородов и сел. И все это, в общем, служит иллюстрацией к долгому панегирику во славу города, королевства и короля. Авторы малых хроник, «повестей», написанных сразу после событий и ограниченных узкими временными рамками, выказывали такое же желание прославлять, как и «историки», которые, по прошествии некоторого времени, старались составить связный рассказ на хронологической основе, слегка отстраняясь от прошлого, чтобы лучше проанализировать причину вещей и расставить по местам всех действующих лиц политической игры и столкновений.

Война памфлетов

Авторы другого рода, а именно составители юридических трактатов, памфлетов и пасквилей, не испытывали никаких угрызений совести и открыто становились на ту или иную сторону, участвуя в масштабной системе пропаганды. И в этом плане в эпоху Людовика XI также следовали укоренившейся традиции.

В самом начале Столетней войны юристы, верные династии Валуа, беспрестанно взывали к общественному мнению, увлекая его за собой. Может ли английский король по праву претендовать на французский трон? Могут ли французы спокойно смотреть на то, как чужеземные армии захватывают их страну, сея повсюду разрушения и беды? Стоит ли доверять договору в Труа (1420), по которому Генрих V Английский считался наследником французской короны? Доверять договору, заключенному душевнобольным королем (Карлом VI), который, следуя дурным советам, лишил наследства своего сына, дофина Карла (будущего

Карла VII), не имея на то никакого права? По всем этим вопросам и по многим другим подобного же рода писались одна за другой ученые диссертации, воззвания к закону, обличения, имевшие в свое время большой успех и аргументы из которых долго сохранялись в памяти. Когда дофин Людовик отправился сражаться с англичанами в Понтуаз и Дьеп, многие снова пустили в ход свой талант и мстительное рвение.

Позднее сговор или союзы между Эдуардом IV и герцогами Бретонскими или Бургундскими вызвали новый всплеск подобных писаний, обличающих коварство и жестокость англичан, которые «за сто лет перебили и уморили больше христиан, чем все прочие народы»; авторы-публицисты жалели Францию — измученную, опоганенную, израненную и опустошенную, ввергнутую в несчастья, беды и невзгоды. Англия оставалась непримиримым врагом. На протяжении всего царствования Людовика XI полемические трактаты времен Карла VI и Карла VII были в большом хо-ду. Списанные с оригиналов или переведенные, они занимали почетное место в коллекциях государей, вельмож, аббатов и некоторых королевских чиновников, которые черпали в них свое вдохновение, когда им приходилось отправляться в посольства и отстаивать дело короля. Большие отрывки из них обнаружились в компилятивных трудах; историки часто и помногу заимствовали из них для своих опусов. Некоторые писатели, профессиональные компиляторы, старались упростить эти зачастую перегруженные тексты, напичканные латинскими цитатами или аллегориями, слишком «темными» для мирян, в особенности для рыцарства, сделать их доступными для тех, кто, принимая во внимание «краткость и скоротечность человеческой жизни и великие дела, коими они заняты ради общего блага», не имел достаточно времени для чтения подобных трудов. Сокращенные версии, предоставленные в распоряжение более широкого круга читателей, высоко ценились в правление Людовика XI, который стремился воспитать хороших переговорщиков. В 1470 году один безвестный для нас автор обосновал свое желание повторно представить один из таких трактатов, который он озаглавил «Дабы истинное знание иметь»; он знал, что написанное им уже известно «многим дворянам, придворным или чиновникам», но он обращается к широкой аудитории и хочет просветить «простых людей, мужественных и добродетельных, кои желают охранять и защищать благородную корону и королевство Франция, дабы склонить к сему их сердца и доблесть».

Людовик XI, разумеется, поощрял такие труды. Его советники, секретари и особенно писцы видели в них

необходимость. Текущие дела, борьба с вражескими государями не давали им передышки, и пропагандистские сочинения оставались все так же актуальны. Важно было опровергнуть английские доводы, ответить на них доказательно и аргументированно, утверждая права короля. Это было нелегко, ибо в данной области англичане, мастерски владевшие этим искусством, опередили французов, собрав больше текстов, и их дипломаты прекрасно знали, как ими пользоваться. На совещания и мирные переговоры они являлись во всеоружии, снабженные «самыми прекрасными и значительными трудами обо всем, чего они требуют во Франции». Французов это тревожило, поскольку речь шла об интересах короля; в конце концов, они тоже стали выискивать, сводить воедино и представлять тексты. При дворе и в Совете напоминали, что еще при Карле V Никола Орезм собрал для короля писания против англичан и наваррцев, а Жан Ювенал дез Юрсен представил Карлу VII один из своих трактатов, в котором обработал все, что нашел в старинных хрониках и сказаниях.

Ответ, аргументированный и пылкий, был дан в 1464 году в труде неизвестного автора под названием «Дабы многие...», в котором старательно доказывалось, что Эдуард III не мог унаследовать французскую корону от своей матери Изабеллы, поскольку она сама не имела на нее никаких прав. В очередной раз упоминался салический закон, закрывающий женщинам доступ на французский трон и запрещающий им владеть какой-либо частью королевства. Все, что ни было сказано или написано в противоположном смысле, «зиждется на столь слабых и прогнивших опорах, что им не выдержать». Спор о правах Филиппа VI Валуа и Эдуарда III Английского, длившийся около полутора веков, во времена Людовика XI оставался столь же оживленным, вызывал столько же страстей и порождал столько же сочинений. Более того, чтобы сильнее досадить английским королям, на него наслоились другие аргументы и обвинения, состоявшие, например, в том, что и Йорки, и Ланкастеры были только узурпаторами английского трона. Обе стороны, участвовавшие в Войне роз, сражались и памфлетами, которыми вдохновлялись и французы, получавшие с них списки. Автор трактата «Дабы многие...» утверждал, что Эдуард IV был на самом деле внебрачным сыном, родившимся от преступной любви Филиппа Кларенса; в этом автор опирался на пасквиль, написанный Джоном Фортескью. Этот же самый Фортескью в 1468 году прислал Гильому Ювеналу дез Юрсену, канцлеру Франции, длинный и обстоятельный меморандум, «в коем доказывал, что оный король Эдуард ни в коей мере не мог

требовать для себя короны Франции и Англии, не имея на них никакого права».

Такие трактаты не оставались игрой ученых, усердных законников. Напротив, они очень часто использовались, в списках или в печатном виде, агентами французского короля во время многочисленных и трудных дипломатических переговоров, затеянных Людовиком, чтобы предупредить союз между Йорками и герцогами Бургундскими. Они также много способствовали утверждению идеи об «отечественной» войне, а тем самым выковывали и поддерживали ярую верность королю на территориях, отвоеванных у англичан.

Людовик XI старался привлечь к себе как нормандцев, так и жителей Гиени. Это было нелегко. Конечно, во времена Карла VII в Нормандии росло сопротивление английской оккупации, поддерживаемое, возможно, слухами, разносимыми французскими агентами. Во всяком случае, паломничества короля на Мон-Сен-Мишель, ставшую своего рода символом непокорности, подогревали антифранцузские настроения. В Гиени англичане подозревали, что местные жители преданы французскому королю, «храня в сердце цветок лилии». Но королевские чиновники и военачальники знали, что определенное число вельмож и мещан в городах смирилось со случившимся и без зазрения совести приняло сторону английского короля. Другие в 1465 году встали на сторону Карла, брата короля, и даже герцога Бретонского. В 1460—1470-е годы в этих двух провинциях, несомненно, имелись люди, которым нельзя было доверять. Самых отъявленных из их числа, причем выявленных должным образом, покарали. Оставалось привлечь к себе остальных. В первые годы своего правления Людовик XI призвал к себе на службу двух секретарей Карла VII — Ноэля де Фрибуа и Робера Блонделя, которые, оба родом из Нормандии, уехали в изгнание после завоевания их страны англичанами и были ярыми пропагандистами и защитниками французского дела. Фрибуа посвятил королю «Свод французских летописей», плод длительного труда, выдержавший, по крайней мере, пять разных изданий. Он восстанавливал историю наследования трона с 1328 года, к тому же излагал там краткий обзор нарушений божественного и человеческого права, с которыми покойный Генрих V Английский выступил против короля Карла VII. Робер Блондель, наставник Карла Французского, сочинил на латыни яростный памфлет против договора в Труа и франко-бургундского союза, который, тотчас переведенный на французский язык и значительно дополненный — до двух тысяч пятисот шестнадцати строк, — был представлен под заглавием

«Жалоба добрых французов». Сверх того, его «Покорение Нормандии» — более полемическое и резкое произведение, длинное повествование о походах 1459 и 1460 годов — прославляло героев «французской реконкисты».

Меценат и политик

Король-меценат, друг талантливых людей и просвещенный почитатель искусства, ждал от художников, чтобы они служили его славе и воспевали его свершения точно так же, как все должностные лица. Они делали это сотней способов, не гнушаясь самыми скромными работами, зачастую составлявшими основу заказов. Жан Фуке, уроженец Тура, который работал для Карла VII и для казначея Этьена Шевалье, получил задание в 1461 году составить эскиз «царского места» и проект мистерий, которые будут сыграны в день вступления Людовика в Тур. Король не пожелал, чтобы его въезд сопровождался зрелищами, однако художник все же получил сто ливров за труды. «Королевский живописец» Фуке, получивший в 1475 году пенсион и обладавший тогда большой известностью, расписал балдахин для визита короля в Португалию. Эти в некотором роде домашние, совершенно обычные, казалось бы, задачи не считались малоинтересными, а служили к славе художника, как и другие. В Италии в ту же эпоху и даже позже прославленным художникам поручали создание, оформление или роспись повозок для карнавалов, триумфов государей, торжественных въездов высокопоставленных особ.

В декабре 1470 года Жан Фуке получил пятьдесят пять ливров за изготовление некоторых картин, заказанных ему королем для рыцарей ордена Святого Михаила. Эти картины, количество и содержание которых неизвестно, на сегодняшний день утрачены, но до нас дошла большая иллюстрация, выполненная его рукой и занимающая целую страницу на фронтисписе уставов ордена, переписанных для короля, где тот изображен в окружении пятнадцати первых рыцарей, сплошь в длинных белых одеждах. У их ног художник поместил двух красивых борзых, а еще ниже — двух коленопреклоненных ангелов, держащих в одной руке меч, а в другой — цепь, обрамляющую щит с гербом Франции, в которой чередуются раковины и узлы — символы ордена. Эта сцена была чистым вымыслом, ибо собрание капитула ордена, четко обозначенное в уставе, похоже, так ни разу и не состоялось. Однако сама идея была подтверждена картиной, не допускавшей никаких сомнений.

Это значило придать ордену, детищу короля, особый блеск и признать за ним настоящую политическую роль: особая манера интерпретировать не слишком блестящую реальность, вернее, навязывать «свою правду».

Франческо де Лаурана — скульптор, вызванный королем Рене из Неаполя, — выгравировал (наверное, по просьбе своего государя) по меньшей мере три медали с изображением Людовика XI. На всех трех король изображен в правый профиль, в одной и той же фетровой или меховой шляпе. Его лицо ничем не напоминает злобного тирана и не выражает никакой дурной страсти, оно ясно, проникнуто благородством, спокойным достоинством. На обороте одной из медалей — сидящая аллегорическая фигура Согласия с непокрытой головой держит скипетр и пальмовую ветвь; подпись гласит: Concordia Augusta[10]. На другой — щит с цветками лилий, окруженный цепью святого Михаила, и подпись: Sancti Michaelis Ordinis Institutor MCCCCLIX[11]. Фуке и Лаурана прославляли добродетели короля, его умение окружать себя благонамеренными людьми, водворять согласие — залог мира и истинной власти; оба отвечали возлагаемым на них ожиданиям, подчеркивая решительное намерение господина, основателя великого рыцарского ордена, править со всем величием.

Подобно королевским историкам и юристам, художники тоже стремились создать лестный образ самого короля и его правления. Все участвовали в этой большой политической пропаганде, и отдельные хвалы сливались в общий хор. Иллюстрации к повестям и хроникам не были случайными, а выбор сцен — произвольным. Избранные эпизоды должны были представить короля в наиболее выгодном свете и показать его величие на протяжении всей книги. Фуке в нескольких сценах одного из экземпляров «Больших французских хроник» явно постарался превознести королевское величие. Эти «Хроники», имевшие значительный успех (в парижской Национальной библиотеке сегодня хранится тридцать два рукописных списка), заканчивались на смерти Карла V, но иллюстрации Фуке, выполненные в 1459 году, за два года до восшествия на престол Людовика XI, явно делались с учетом полученных наставлений. Восемь прекрасных картин на целую страницу рассказывают о приезде императора Карла IV, брата Бонны Люксембургской, матери короля, в Париж в 1377 году, и в этом плане представляют собой замечательное свидетельство намерений художника или, возможно, указаний, которые ему были даны.

Сначала мы видим трех послов, возвещающих об этом визите, преклонив колено перед Карлом V; затем прием, оказанный

городом Камбре императору, сидящему верхом на белом коне — знаке его достоинства. В Санлисе его встречают герцоги Бургундский и Беррийский, он садится в носилки, которые прислал за ним король, носилки несут два белых коня. Снова белый конь в следующей сцене — встреча с парижским прево Гуго Обрио, с начальником стражи Жаном Кокатрисом и эшевенами. Но затем, в часовне Сен-Дени, происходит обмен лошадьми: у императора черный конь, присланный королем, тогда как он сам прибывает в обществе дофина, и оба на красивых белых конях. Сцена встречи у ворот Сен-Дени не оставляет никаких сомнений в желании подчеркнуть различие: кони, конечно, почти полностью скрыты широкими лазурными покрывалами с золотыми лилиями, но их ноги все же видны у копыт, и у королевского коня они белые, а у императорского — черные.

Король Людовик XI учел важность урока и сделал так, чтобы его запомнили. Несколько лет спустя, в его правление, повесть о визите императора к Карлу V в Париж неоднократно извлекалась из «Больших хроник» и издавалась отдельной тетрадью, что облегчало ее распространение. Сохранились два ее экземпляра того времени, которые разные художники постарались расписать таким же образом.

Вне двора, в более узких и менее престижных кругах другие художники, большею частью оставшиеся безвестными, работали в том же духе, по приказанию властей верных городов, стремившихся продемонстрировать свое усердие. Когда Людовик был дофином, было создано не менее трех иллюстраций к его въездам в Тулузу. На миниатюре 1439 года он изображен один, под балдахином, который несут восемь синдиков, членов городского совета. В 1442 году он следует за королем, и художник постарался сделать хорошие портреты. Наконец, в 1443 году две сцены изображают два последовательных въезда: короля Карла VII и дофина, который везет на крупе коня свою мать Марию Анжуйскую. В том же году в Тулузе на одной из стен в зале заседаний парламента повесили не дошедшую до нас картину, изображающую распятого Христа, Богородицу, святого Иоанна и коленопреклоненных Карла VII и дофина по обе стороны от креста, одетых в свои цвета и со своими гербами.

2. Искусство управлять толпой

Народные празднества во славу государя

Людовик XI умел импонировать обществу и давать уличному

люду зрелища, которые прославляли его власть и заслуги. В каждом большом городе его посещение, обычно самое первое, становилось поводом для больших торжеств, празднеств, шествий и развлечений для многолюдной толпы, выказывающей — искренне или нет — свое ликование. Эти въезды были такими же блестящими в его время, как и в любое другое; народ — городская чернь и сельские жители, стекавшиеся в город, — подтверждал своим присутствием и приветственными кликами свою преданность государю. В общему это были праздники счастливого пришествия государя. И, как всегда и везде, даже в самом далеком прошлом (вспомним: «Хлеба и зрелищ!»), эти увеселения отвечали народным ожиданиям; они удачно дополняли обыденность, привнося в нее веселье, буйство, «пир горой». Восхищение было поистине всеобщим: улицы, усыпанные ветвями и цветами, дома, затянутые расписными холстами и гобеленами, золотые изделия, выставленные в окнах, подмостки на перекрестках для представления «историй и моралите». Не говоря уже о вине и меде, которые рекой текли из огромных бочек или из фонтанов. Славы королю это явно прибавляло, и его образ — образ победителя на белом коне и в богатом окружении — надолго оставался в памяти.

Утвердив свою власть в Париже (31 августа 1461 года), он вступил в Анжер в январе следующего года, в Тулузу — 26 мая 1463 года, в Брив-Ла-Гайярд — 21 июня. Возможно, не все эти въезды были столь же блестящими, яркими и поучительными зрелищами, однако все они сопровождались приветственными церемониями и выражениями покорности. Король охотно их поощрял, даже требовал, преодолевая свою природную скромность и неприятие церемониала, о котором нам сообщают некоторые современные ему авторы. 6 февраля 1464 года он явился в Турнэ — поздравить город с тем, что тот одолжил (?!) ему двадцать тысяч экю из четырехсот тысяч, необходимых для выкупа городов на Сомме. Двенадцать лет спустя Людовик достойно отпраздновал свой «первый въезд» в Лион — город, который, по его словам, был ему очень дорог, поскольку платил большие налоги; до сих пор он воздавал ему почести лишь многочисленными посланиями, написанными с особым тщанием и теплотой.

Это были дни ни с чем не сравнимой пышности и недели или даже месяцы тяжелых расходов. В Анжере старшины уплатили трем возчикам за то, чтобы очистить от грязи улицы и перекрестки, разгрести огромную мусорную кучу перед новыми городскими воротами и вывезти сор за городские стены. Это была работа не из легких: одному, чтобы справиться со своей задачей,

пришлось сделать «девятью двадцать и три» ездки, то есть всего 183, другому — 147, а третьему — 134. Добавьте к этому плату плотникам, столярам, ткачам и малярам, украшавшим подмостки, торговцам воском и вос-колеям за факелы и светильники, регентам и певчим за мессы и процессии, портным за костюмы для пантомим. Организаторы следили за тем, чтобы город был обеспечен провизией в огромных количествах, чтобы все булочники, мясники и прочие продавали еду и питье, запасались провиантом в своих лавках под угрозой наказания за недостаток еды для господ прево и присяжных и чтобы бальи «наказал своим людям привезти в оный город, по воде либо посуху, всякие запасы для людей и лошадей, дабы готовыми быть к прибытию государя с людьми его». Магистраты следили за ценами, пресекали злоупотребления и спекуляцию; они требовали, чтобы трактирщики запасались сеном, овсом и прочим и не заламывали цены. Прежде всего — обеспечить размещение: четыре человека осмотрят дома, подсчитают квартиры и распределят их между квартирмейстерами короля или вельмож; пусть каждый подготовит свой дом для постоя людей и лошадей и исполнит все, что ему будет приказано, без отказа или непослушания, иначе будет наказан как бунтовщик и силой принужден исполнить веленное. Места часто не хватало, и сержанты короля всеми способами старались разместить своих людей. Они проявляли такую настойчивость, что один из современников этому удивлялся: «Самые большие аббатства и приорства Парижа были заняты, дабы разместить там принцев и господ, для которых не нашлось постоялых дворов».

Принцы и вельможи вовсю старались показать, на чьей они стороне. В Тулузе в мае 1463 года короля сопровождали при всем параде его брат Карл, тогда герцог Беррийский, Рене Алансонский, граф дю Перш, Жан де Фуа, Жан д'Арманьяк, тогда маршал Франции, сенешаль Ландов и Гиени Антуан де Ло и прево Тристан Лермит. Городские магистраты — капитулы — встретили их у больших городских ворот: первый этап и первый акт спектакля, который должен был продолжаться на всем протяжении торжественного шествия. Здесь, как и везде в подобных случаях, они по окончании речей торжественно вручили королю ключи от города и подарки, которые сами по себе обычно представляли большую часть расходов, занесенных в список, — шелка, ткани, изделия из золота, напитки и дорогие яства. В Турнэ Людовику подарили «восемь бурдюков вина из разных краев, самые лучшие, какие только удалось сыскать», и серебряные позолоченные украшения стоимостью около тысячи франков. Жители Брива, приведенные в ужас расходами на

подготовку торжественного въезда, подарили только две дюжины факелов, две дюжины гусей, шесть дюжин кур, десять кувшинов вина (похоже, не самого лучшего) и полсотни мер овса; молодой герцог Беррийский получил только двух лососей. Но король знал, что сказать: «Друзья мои, благодарю вас от всего сердца». Эти подарки, знак дружбы и покорности, ясно выражали намерение помочь королю в его предприятиях. Взамен тоже ожидали чего-нибудь — чаще всего снижения налогов или, по меньшей мере, обещания это сделать. Людовик XI в Тулузе поклялся «соблюдать и сохранять привилегии, льготы, вольности, обычаи, статусы и традиции города и графства». Консулы Турнэ в ожидании прибытия короля записали первым пунктом своих постановлений надежду на то, что король откажет в помиловании всем, кого они изгнали за «мятежи и прочие злодеяния», иначе мир и спокойствие города будут поставлены под угрозу.

В церемониях вступления в тот или иной город никогда не допускалось импровизации. Главной заботой властей, поощряемых королевскими чиновниками, было удостовериться в том, что их подопечные выражают свой восторг громкими криками радости, без всякой сдержанности и фальши. Консулов и «знатных горожан и граждан» просили нарядиться в белые одежды и отправиться встречать короля в одном-двух лье от города, верхом на лучших лошадях, старики и хворые, которые не держались в седле, должны были стоять у городских ворот «в таком порядке, дабы король мог их заметить». Городские старшины зачастую устраивали целый приветственный спектакль: жители, демонстрируя свою радость, зажигали огни посреди города и должны были «веселиться изо всех сил» из почтения к королю, их законному государю. Ночью на улицах зажигали факелы, а в домах — фонари и другие светильники у дверей и окон. На пути следования кортежа дома затягивали гобеленами, тканями и другими богатыми украшениями, а улицы усыпали травами и ветками.

Многочисленные указания свидетельствуют о важности подобных празднеств в плане управления страной и общественным мнением. Красивые зрелища, повод полюбоваться богатством и развлечься, вино, текущее рекой, — один из способов снискать народную любовь. Чтобы королевские въезды обрели смысл и преподали ожидаемый урок, требовалось создать и поддерживать радостную атмосферу, дирижируя хором приветственных кликов; полчища детей в белых рубашках, осыпанных цветами, пели хором, каждый держал в руках деревянный щит с гербом Франции, они стояли по обе стороны от дороги и громко кричали: «Слава! Слава! Да здравствует король!»

В Бриве дети шествовали перед королем под колокольный звон. Повсюду были цветки лилий, символ монархии и королевского рода, — на полотнищах, на балдахине, под которым ехал король, словно ковчег с реликвиями, на платьях и мантиях, чтобы каждый мог их видеть, где бы он ни был. Консулы в Турнэ уплатили больше сотни ливров вышивальщикам, которые в спешном порядке вышили золотой нитью сто восемьдесят цветков лилий, больших и малых, и еще один очень большой цветок, помещенный в центре балдахина.

Те же консулы или их уполномоченные приглядывали за постановкой «историй» и их содержанием. Ответственность за это возлагалась на артели или цехи, на их мастеров и «знаменосцев»; мастера должны были выполнить свою задачу быстро и хорошо, без ошибок и промахов, доказав свою покорность и лояльность. Разумеется, нельзя было представлять никаких историй, не показав их прежде городским магистратам для одобрения. «Истории и моралите», разыгранные случайными актерами, чаще всего мимами, не всегда были простым развлечением; не все они вдохновлялись Библией или основывались на таинствах Евангелия. Их общепризнанной целью было развлекать, поучать и напоминать об учении Церкви, но также внушать политические установки, рассказывать о благодеяниях добрых правителей. В Париже в 1461 году из восьми больших «историй» только две были простой забавой, хоть и насыщенной символами: охота на оленя и три обнаженные русалки, за которыми подглядывали дикари обоего пола, у фонтана Понсо, изливавшего вино, молоко и мед. Страсти Христовы представляли у Троицкой больницы. Сам город тоже не был забыт: в одном из представлений участвовали пять аллегорических фигур по числу букв в его названии: Прочность, Амур, Разум, Игривость, Жизнь. Но в этих поучениях толпе главное место отводилось королю. На мосту Менял представляли крещение Хлодвига и чудо явления склянки с миром — напоминание о священности монархии.

Этот, главный для себя аспект Людовик XI подчеркивал во все время своего правления, заставляя признать себя «христианнейшим королем», единственным на Западе. На подмостках у Большой бойни, на перекрестке улиц, пересекающих весь Париж, представляли несколько живых картин и пантомимы: взятие английской крепости во время осады Дьепа, штурм под командованием дофина Людовика, победа и то, как французы резали глотки англичанам. Во время своего первого вступления в этот город, еще не обеспечив себе полной поддержки, король пожелал напомнить парижанам об одном из своих первых военных подвигов — сражении при Дьепе, которое, после того как

был отвоеван Понтуаз, устранило английскую угрозу. Освобождение Дьепа требовалось впечатать в память толпы так же, как в свое время — освобождение Орлеана Жанной д'Арк. В Париже партия короля и его чиновники сами подбирали темы, напоминающие о славных страницах царствования.

Во всяком случае, ясно, что вступление в Париж, несмотря на нехватку времени, было тщательнейшим образом подготовлено. Люди короля, фурьеры, реквизировали жилье, самостоятельно принимая решения о постое, что противоречило привычкам и желаниям парижан. Никто еще не выдвигал подобных требований; фурьеры все решали сами, ничто не делалось без их согласия: если кто-то сам находил себе жилье, фурьеры могли его выселить.

Прославление заслуг короля, его доброты и щедрости часто служило поводом для больших празднеств, буйного народного веселья, процессий и крестных ходов. Некоторые из них были спонтанными или, самое большее, одобренными городскими советами. В конце августа 1465 года, после битвы при Монлери, когда армии принцев стояли лагерем под самым Парижем, король, «возжелав облагодетельствовать подвластный ему город Париж и жителей оного», возвестил о том, что решил отменить налоги на вино и несколько других пошлин. Эту новость выкрикивали на всех перекрестках, и, услышав ее, люди от радости кричали «Слава! Слава!» и зажигали на улицах праздничные огни. Но обычно король давал прямое указание возбудить подобные порывы, устраивая процессии во славу побед его оружия. Все должны были о них знать и радоваться им.

Чтобы вести войну против своих врагов, которые чаще всего были не чужеземцами, а мятежными принцами, пользующимися симпатией и доброй славой, королю требовалось иметь в своем распоряжении все живые силы в стране — людей, оружие, провиант и деньги, а плюс к этому — что было далеко не маловажно — моральную поддержку, соучастие и общие молитвы. Он требовал от своих чиновников, где бы они ни находились, решительно действовать сообща, незамедлительно прибегать к реквизициям, набирать вольных стрелков, обеспечивать расквартирование и снабжение войск, а также контролировать настроение умов. Все его подданные должны были участвовать в общем предприятии, осуществляемом во имя интересов государства с благословения Господа, все должны быть уверены в правоте короля и незамедлительно узнавать о предпринятых им шагах и о достигнутых успехах.

Королевская «отечественная» война, тщательно подготовленная в малейших деталях, направляемая множеством

инструкций, предупреждений и отчетов, тогда не окутывалась глубокой тайной. Каждый участвовал в ней своими переживаниями и страхами, ибо каждый поневоле был в курсе текущих операций и исхода сражений. Королевские агенты прекрасно знали, что не только принцы и вельможи, но также и городская знать, невольные свидетели происходящих событий и заинтересованные лица, беспрестанно писали родственникам или друзьям, чтобы предупредить их о присутствии войск и сообщить, за кем может остаться победа. Ни продвижение войск, ни их численность, ни даже намерения полководцев не ускользали от внимания наблюдателей. Более того, в этих конфликтах, которые порой походили на настоящую гражданскую войну, лагеря и партии не всегда были четко разграничены и исполнены решимости: принять решение, выступить против или вступить в союз всегда было рискованной авантюрой. Информированность о положении дел могла пригодиться. Поэтому каждое сражение, каждый штурм крепости, победа или сдача, разгром или отступление вызывали поспешную отсылку писем: либо чтобы попросту поставить о них в известность, либо—и тогда это было чистой пропагандой — чтобы восславить свою партию и снискать себе сторонников.

Каждый был обязан выбрать свой лагерь. Король Людовик прекрасно это понимал и превосходно владел искусством сделать так, чтобы его подданные сначала заинтересовались, потом уверились и, наконец, присоединились. Уже во время первого большого конфликта — войны с Лигой общественного блага в мае 1465 года — он старательно оповещал население и о провинностях мятежных принцев, и о том, каким образом он подчинил их себе. Во время похода в Берри и Бурбоннэ он диктовал длинные ответы на манифесты Бурбонов и прочих фрондеров. Он хотел, чтобы их публиковали в каждом городе, чтобы его победы праздновали, а главное — чтобы не оставалось никаких сомнений в покорности тех, кто сложил оружие и молил о прощении, а затем получил его. Председатели и советники Парижского парламента получили тогда несколько срочных посланий, в которых король излагал свои планы и намерения («в коих он им сообщал, что собирается осадить Монлюсон и уже взял Шарру») и призывал их отпраздновать его победы над Бурбонами.

С тех пор каждый поход, каждое сражение прославлялись по приказу короля. Чтобы отпраздновать победное сопротивление жителей Бове грозной армии Карла Смелого, и в особенности мужество женщин, сражавшихся на городском валу, король велел передать им, что они должны каждый год устраивать

торжественную процессию в день святой Агадресмы, служить мессу и слушать проповедь «в память и в напоминание о процессии в оном городе (во время осады. — Ж. Э.) и о поклонении мощам оной святой и драгоценному ковчегу с ними, особливо женщин». А посему женщины и девушки могли в этот день идти рядом с мужчинами и носить наряды беспорочности и золотой пояс.

В Париже в июне 1477 года, в честь победы при Гре (Франш-Конте) над войсками принца Оранского, постыдным образом обращенными в бегство, король приказал устроить крестный ход в церкви Сен-Мартен-де-Шан. Несколько недель спустя, в июле, когда стало известно, что герцог Гельдерский, осадивший Турнэ во главе четырнадцати тысяч немцев и фламандцев, был убит во время вылазки осажденных, в парижских церквях служили благодарственные молебны, а на улицах зажигали праздничные огни. Людовик всегда заботился о том, чтобы его родственники и союзники были немедленно оповещены о торжестве его оружия. 10 июля того же 1477 года Рене Анжуйский подарил круглую сумму одному из членов свиты короля, который принес ему весть о разгроме германцев и смерти герцога Гельдерского. Жители Турнэ — лица заинтересованные и, возможно, обеспокоенные, ибо они открыто приняли сторону короля, — также получили письменные известия о его победах, в которых четко оговаривалось, как их отпраздновать: «процессиями и молебнами пред изображением Богородицы, дабы возблагодарить ее за милость, проявленную к нам пред оным градом, и молить ее о том, чтобы она всегда помогала нам во всех делах наших». Жителей Пуатье, далеко отстоящего от полей сражений, все же настоятельно просили устроить пышные процессии «ради добрых и радостных вестей, кои нам первыми сообщили конные гонцы».

Все королевство должно участвовать в «правильной войне» и объединяться в веселье, прославляя победоносного монарха. Крестные ходы во главе с церковными священниками, монахами из монастырей и цеховыми капелланами устраивались в поучение толпе, свидетельствуя о том, что Бог с королем, героем праведной войны, поборником справедливости и добродетели, противостоящим гнусному и подлому врагу. В длинных и выспренних речах напоминалось об оскорблениях, нанесенных этими людьми без чести и совести, мятежниками и клятвопреступниками, которых король Людовик вызвал на бой, разбил и стер в порошок.

Уличные песни

Править значило оповещать, уведомлять обо всех важных событиях царствования и их действующих лицах, о близких и доверенных людях короля. Повсюду, особенно в Париже, на улицы и площади выходили певцы, чтобы в песенной форме сообщить о добрых новостях и событиях, «кои дошли до нас (короля) и случаются каждый Божий день ко благу нашему и наших владений». Думать, будто городское простонародье ничего не знало о событиях — битвах и осадах, встречах принцев и их совещаниях, судебных процессах и мирных договорах — и что оно не должно было принимать чью-либо сторону, радоваться или возмущаться, значило бы недооценивать роль уличных певцов, искусно умевших взволновать толпу, покрыть славой или предать анафеме, — в общем, «сформировать общественное мнение». Что угодно могло послужить поводом к сочинению стихов или баллад, которым было несть числа, хотя хронисты, а тем более историки, о них, как правило, умалчивают. Отыскать их теперь непросто. Почти все они были или стали безыменными; они не привлекали к себе такого же внимания, как поэмы сочинителей, снискавших хорошую репутацию. Некоторые передавались из уст в уста, со вставками и изменениями на злобу дня или по воле исполнителя, и никогда не записывались. Тексты, дошедшие до нас по чистой случайности, обычно в сборниках разнообразного содержания, трудно читать; ссылки и аллюзии можно расшифровать только после пристального изучения. Но это драгоценные свидетельства того, каким образом новости доходили до широких масс и могли быть «приглажены» и идеологически обработаны.

Сочинители и исполнители песен получали информацию сразу и без труда. Велась ли война или сохранялся мир, актеры не всегда оставались простыми исполнителями; многие из них говорили или писали своему господину, своим родственникам и друзьям, чтобы представить свою ангажированность в благоприятном свете. В 1465 году, после победы, сам Людовик XI приехал из замка Монлери в Париж поужинать в особняке Шарля де Мелена «со многими вельможами, девицами и горожанами», которым он «поведал о своих приключениях в прекрасных и жалобных словесах, от чего все залились слезами».

В политическом плане уличные песни поддерживали древнюю традицию зрелищ, увеселений, непочтительных стишков и памфлетов, в которых содержались нападки на известных людей. Такими были игры судебных писцов при Парижском парламенте, чье «королевство» было признано Филиппом Красивым в 1303 году: трижды в год они устраивали шутовские

процессии, пантомимы и маскарады и представляли на перекрестках фарсы, моралите и соти. Таким же играм предавались студенты и преподаватели Парижского университета, сочиняя баллады, рондо и эпиграммы на дурных слуг короля, а по сути — на всех, кто им не нравился. Университет в лице своего ректора Гильома Фише яростно восстал против отмены Прагматической санкции, возложив ответственность на Жана Балю, епископа Анжерского, который посоветовал королю принять такое решение, за что якобы получил внушительные суммы денег и кардинальскую шляпу от папы Павла И. Балю был арестован 23 апреля 1469 года, посажен в Амбуаз, потом в Монбазон, потом в Озен, и пожалел его лишь один Базен, не преминувший рассказать о его темнице и железной клетке. Однако, вопреки тому, что мы часто читаем, общественность была не на его стороне. Сатира под заглавием «Процесс Балю» — длинная поэма в двадцать девять восьмистиший — бичует его без снисхождения, и автор не выказывает ни малейшего сочувствия к своему герою. В поэме, сочиненной, вероятно, одним из студентов Университета, используются все средства, чтобы унизить епископа и подвергнуть его безоговорочному осуждению. Автор язвительно напоминает о его скромном происхождении:

Отец твой подати сбирал,
А сам ты сеном торговал.

Став душеприказчиком Жана Ювенала дез Юрсена, патриарха Антиохии (умершего в 1457 году), Балю присвоил его Сокровища и разграбил его сундуки:

Ты патриарху за добро
Платил изменою коварной:
Себе взял злато-серебро
И скрылся, тать неблагодарный.

Он предал Шарля де Мелена, который представил его королю и способствовал его возвышению:

Тот, кто тебя ввел к королю,
Пал от твоей руки.

Рассказать о его пороках и злодеяниях значило оправдать вынесенный ему приговор и восславить неизменную справедливость короля:

Король наш мудр,
его Совет Безгрешен;
думал ты напрасно,
Что на тебя управы нет.

Четыре другие, гораздо более короткие баллады выдержаны в том же тоне. Ссылаясь на поучительные примеры, они клеймили

предателя, бессовестного, преступного и опасного человека:

О злоязыкий кардинал,
Яд аспида в твоих устах...
О кардинал, лживый и подлый предатель...
Ах, Ганелон, Иуда подлый,
Твоя измена всем видна...
Змей вероломный и лукавый
Закрыл Адаму двери в Рай.
Но вероломства мастер несравненный
Есть кардинал по имени Балю.

Неизвестно, по какой конкретно причине были записаны эти пять баллад. Но тот, кто их записал, поместив в сборнике рядом с трактатом о «притязаниях английских королей на французскую корону» и «Хроникой Нормандии и Бретани», очевидно, придавал им такую же значимость в борьбе идей, как и научным трудам, адресованным иной аудитории. Во всяком случае, заточение кардинала Балю, судя по всему, не вызвало сочувствия — до нас не дошло никаких сожалений по этому поводу.

Песням, созданным, чтобы оклеветать и дискредитировать бургундцев, несть числа. В 1465 году в королевских балладах о сражении при Монлери охотно говорилось о доблести рыцарей, брошенных на штурм графом Карлом де Шароле, однако самого его представляли злонамеренным, жестоким принцем, использующим приемы, недостойные благородного полководца:

Велел он трубам трубить
И бросил громкий клич,
Чтобы всех, взятых в полон,
Лютой смерти предать,
А пощады не ждать никому.

Не все ловкие песенники работали на короля. Верные города сами делали заказы своим поэтам. Турнэ, верный Людовику XI, постоянно подвергался нападкам со стороны соседних городов, покорных герцогу Бургундскому. «Турнейские сказания», написанные в 1466 году в напоминание о бесчисленных злодеяниях и жестокостях бургундских полчищ, воз-вращались в прошлое до 1430 года (осада Компьена) и 1436 года (Динан), однако не пренебрегали и настоящим, и автор в непочтительных стихах потешался над планами крестового похода Филиппа Доброго в 1462—1464 годах и над жалким исходом экспедиции Антуана, бастарда Бургундского, который вернулся в Марсель, потеряв большую часть своего флота.

Карл Смелый был сильно раздосадован и смешон в своем раздражении, когда несчастный беглец Эдуард Английский, изгнанный с трона, укрылся у него, своего шурина, в 1470 году:

Когда в лохмотьях он приплыл
И со смиреньем попросил
На время приютить,
Наш герцог был так сильно зол,
Что весь досадой изошел,
Не мог ни есть, ни пить.

После гибели Карла Смелого под Нанси на свет появилось множество сатирических пьес, памфлетов и песенок весьма грубого тона. Его ужасные преступления, в особенности страшные расправы над непокорными и побежденными городами, вызвали бесчисленные мстительные куплеты. «Бургундская легенда», сочиненная сразу после его смерти и напечатанная не во Франции, а в Страсбурге в начале 1478 года, осыпала его обвинениями, перечисляя одно за другим все его злодеяния, в особенности то, как он покарал Льеж и Динан. В августе 1465 года их жители, поверившие слухам о гибели графа де Шароле при Монлери, восстали против его чиновников и сделали уродливое и потешное чучело графа, которое таскали по улицам. Карл подавил мятеж и обошелся с обоими городами, как с завоеванными, подвергнув их жестокой каре. Двадцать лет спустя рифмованная «Хроника», которую распевали на улицах, воссоздавала эти ужасные картины, чтобы снова поразить ими воображение и возродить страшные воспоминания:

Так поступил он в Динане,
Где не осталось стоять ни одного дома,
Затем захватил и пожег Льеж,
Стены сровнял с землей и две сотни брюхатых жен
Бросил в воду, проехав по ним кораблями.

Баллады и «жалобы» рассказывали о бегстве несчастных жителей, которых лишили имущества, а дома их сожгли. Два латинских стихотворения в форме «Исторических песен» ничем от них не отличаются и говорят о том же: народные песенки и ученые упражнения в стиле прекрасно согласовались друг с другом.

Разумеется, война памфлетов и баллад в Париже и во французских городах могла обернуться лишь к пользе короля. «Турнейские сказания», как можно догадаться, чаще пели на улицах, чем «Ответы», сочиненные бургундским кланом. Королевская власть, сознавая, какова ставка в игре, все держала под своим неусыпным контролем; за этим следил сам Людовик XI. Он велел возвестить, что рассказчики и певцы получат позволение заниматься своим ремеслом, только если поклянутся, что их рассказы и сказки никоим образом не навредят государственным делам и не будут подстрекать к мятежу. В июле

1471 года, «сильно разгневанный клеветническими эпитафиями и пасквилями, ведущими к позору и поношению» некоторых его высших чиновников, в частности коннетабля, король, «дабы узнать правду о тех, кто сие сотворил, велел трубить и кричать на перекрестках оного города (Парижа), чтобы все, кому что-либо ведомо об оных эпитафиях либо же об их сочинителях, немедленно сообщали о том комиссарам и что доносчики получат по триста золотых экю, тем же, кто знает, а не скажет, отрубят голову». Судебные писцы, слишком рьяно нападавшие в острых сатирах на магистров и советников Парламента и множество известных людей, близких к королю, были сурово наказаны. В мае 1476 года им запретили давать представления на улицах, а в следующем году их «короля» и его приближенных выпороли розгами и приговорили к изгнанию и конфискации имущества.

Народные празднества и народные песни — все это должно было способствовать созданию достохвального образа короля. Поэтому, за исключением протестов против налогов, и речи не было о возмущениях — спонтанных или вызванных вражеской пропагандой. Во Франции хронисты и авторы баллад работали в одном ключе, как подобает. Совершенно ясно, что не их усилиями был создан зловещий и двусмысленный образ Людовика XI, который нам так хорошо знаком.

3. Мрачная легенда: взгляд на историю из Бургундии

Война велась не только на полях сражений, и в этой войне французскому королю противостоял сильный противник. Его соседи и даже некоторые герцоги и графы не из последних в самом королевстве мастерски владели искусством представлять себя в лучшем свете, оправдывать свои поступки и убеждать своих подданных в правоте своего дела. Они тоже привлекали на свою службу выдающихся мемуаристов, историков, а того более — полемистов, ловко умеющих обсуждать, комментировать события и поливать соперника грязью.

Хронисты, нанятые Людовиком XI, его законники и памфлетисты, вовлеченные в ту же борьбу, имели дело с многочисленными и отнюдь не маловажными трудами людей, находящихся под покровительством, на содержании и на службе у врагов или мятежников, явных или тайных. Разумеется, Людовик XI пытался привлечь их на свою сторону и заставить работать на себя. Он принял савойца Гильома Фише и отправил его с посольством в Милан в 1470 году, а два года спустя поручил ему сопровождать кардинала Виссариона в Италию. Робер дю Эрлен, долгое время бывший секретарем короля Рене, приехал к

Людовику во Францию, когда почувствовал, что Прованс скоро будет присоединен к королевству. Это исключение: сманивать советников или военачальников оказалось гораздо легче, чем литераторов, которые, по большей части, оставались верны своим господам.

Реньо Ле-Кё, родившийся в Дуэ и сначала получавший пенсион от Шарля де Гокура, дворецкого Карла VII, годами оставался под покровительством Марии Анжуйской. В 1463 году он сочинил «Плач о кончине Марии Анжуйской», где ее смерть представлялась как апофеоз. Впоследствии он поддерживал тесные связи с несколькими чиновниками Карла Гиеньского, с его главным камергером, казначеем и сержантом его охраны; он читал им свои произведения, а те высказывали свое мнение. Лишь после примирения Людовика и Карла, которое Ле-Кё воспел в своем «Плаче Мегеры» (Мегера, вдохновительница ссор и подлых интриг, сокрушалась оттого, что более не властна над обоими братьями), он стал служить королю. Но все же не приблизился к нему, не получив должности историографа, которой домогался, хотя наверняка не заслуживал, и продолжал писать для других: для Марии Киевской, супруги Карла Орлеанского, для Рене Анжуйского, для сеньора де ла Гарда, Андре Жирона, верного Карлу Гиеньскому. Он постоянно находился при дворе — но не королевском, а герцога Орлеанского, в Блуа.

С наибольшим упорством короля чернили бургундцы. Жорж Шателен — вероятно, самый известный в свое время — долго жил во Франции и даже состоял на службе Карла VII, выполнив два поручения во Фландрии. Но с 1445 года он устроился при герцоге Бургундском: хлебодар, стольник, затем «оратор и историограф», наконец — советник Филиппа Доброго. Карл Смелый сделал его рыцарем ордена Золотого руна. Его «Хроника», написанная в его красивом доме в Валансьене, не претендовала на то, чтобы изложить всю историю Бургундии; это было, так сказать, злободневное произведение, ведшее рассказ только с 1419 года — года убийства Иоанна Бесстрашного при Монтеро, с истоков франко-бургундского конфликта. В противовес множеству других оно было выдержано в умеренном и сдержанном тоне. Многие критики признают за ним некоторую объективность, стремление не скатываться к пропаганде и даже создают культ автора, который стоит над страстями и мелкой подлостью. Его ученик и друг Жан Мешино такой сдержанностью похвастаться не мог и свободно изливал свою брань. Сын Гильома Мешино, сеньора Мортье — вотчины, входившей в баронство Клиссон, — Жан стал пажом герцогов Бретонских: последовательно Франциска I, Пьера

II, Артура III и Франциска II; он также был дворецким Анны Бретонской. Служил он не каким-нибудь мелким чиновником, а с оружием в руках, «дворянином-гвардейцем», обязанным, в частности, проводить смотры войск, набранных герцогом. Писал со знанием дела: он общался с военачальниками и видел разоренные села и поля во время походов герцога Бретонского или короля в Нормандию. Он мог говорить как очевидец и позволял себе извлекать уроки, называть виновных. Как писатель — вернее, поэт, но поэт воинствующий, суровый сатирик, — он сражался своим пером так же, как копьем.

Главное произведение Мешино — «Зрительное стекло для государей», состоящее из более трех тысяч стихов, — это автобиографическое повествование, в котором он рассказывает о несчастьях своего времени, поддерживает бедных и слабых, обличает суровость сильных. Он подолгу расписывает сцены грабежей и жестокости солдат, ставших разбойниками. С другой стороны, он бичует злоупотребления судей и адвокатов, а главное — придворные нравы («Двор — это море, по которому ходят/ Волны гордыни и зависти бури»); этот труд выдержал десять изданий до 1500 года — успех, сопоставимый с «Завещаниями» Франсуа Вийона.

Союз между герцогами Бретани и Бургундии, часто возобновляемый и всегда принимаемый как негласный, дублировался настоящим сотрудничеством между их историографами. Они активно переписывались и посылали друг другу свои произведения. Шателен отправил свою поэму «Государи» Мешино, и тот взял по первой строке из каждой из двадцати пяти строф, чтобы сочинить из них двадцать пять баллад. Эти баллады общим объемом в девятьсот стихов — «Сатиры на Людовика XI», иногда представляемые как совместное творчество, — по сути яростный памфлет, в котором образ короля представлен без всякого снисхождения: это презренный тиран, циничный и жестокий, «неверный государь, запятнанный различными пороками, исполненный неблагодарности». Именно об этом и сообщают нам наши учебники: о мошенничествах и уловках, о слащавых уверениях, об обмане, ловушках и махинациях. Этот государь окружал себя только людьми низкого происхождения, честолюбивыми посредственностями, ненасытными, ловкими льстецами и жалкими висельниками: «Невинность ложная проникнута лукавством,/ Гордыней и тщеславием пустым./ Щедротами осыпав недостойных, /Он доблестных оставил без вниманья». «Сатиры» Мешино звучат громко, побуждая к бунту. По мнению некоторых толкователей, 17-я баллада, в которой автор созывает в День святого Валентина

рыцарей и господ, «доблестных в бою и желающих свершить похвальное дело», на самом деле является призывом к принцам и вельможам примкнуть к Лиге общественного блага. Эти поэмы, разумеется, не являются трудом историка; они ни в коей мере не отражают действительность, и было бы ошибкой отнестись к ним со вниманием, приняв предлагаемый в них карикатурный образ короля за настоящий. Однако они полезны и ценны как пример вовлеченности сочинителя в современные ему конфликты, как иллюстрация того, каким образом придворный писатель занимался своим ремеслом.

Жоржа Шателена, умершего в 1475 году, сменил на посту историографа герцога Бургундского Жан Молине. Родившись в Девре под Булонью в 1435 году, он учился в Париже в коллеже кардинала Лемуана и долгое время там прожил в поисках должности или покровителя. Это оказалось трудным делом, он прозябал в жалком положении бедного писца, стучась во все двери. Он тщетно пытался устроиться секретарем к Людовику XI, а затем, с тем же успехом, — к герцогу Бретонскому. На какое-то время он нашел приют, стол и кров у Амедея IX Савойского, но тот умер в 1472 году, и Молине стал одним из клиентов и слуг Карла д'Артуа, графа д'Э — главного наместника короля во Франции, потом попытал счастья у Адольфа Киевского и в конечном счете нанялся к Карлу Смелому, чтобы помогать Шателену в Валансьене.

Молине занимал четкую пробургундскую и антифранцузскую позицию. С самой первой своей поэмы («Сказ четырех вин»), написанной вскоре после сражения при Монлери, он постоянно описывал ужасы войны и страдания бедного лю-да, регулярно обвиняя в них короля. Его долгие рассказы о битвах — например, песня из тридцати куплетов о сражении при Гинегатте — твердят о бесчинствах королевских войск, об их манере все крушить на своем пути, грабить, пытать простых людей, сжигать или уничтожать урожай. В другой поэме в том же тоне безжалостного обвинения описывается поход Людовика XI на север, через несколько месяцев после смерти Карла Смелого: десять тысяч головорезов, набранных капитанами короля, запалили созревшие хлебные поля вокруг Валансьена; «все жестокости, каким тираны-язычники в давние времена подвергали христиан, обрушили французы на бургундцев». Зато в этом произведении прославляется благородство и щедрость герцога Бургундского; Молине сопровождал его на осаду Нейсса, ослепленный выставленным напоказ великолепием, о чем поведал в длинном восторженном повествовании «Великолепие осады Нейсса». Бургундская армия не была сборищем кровожадных и алчных

разбойников, она являла собой ни с чем не сравнимое зрелище: девятьсот палаток или шатров один прекраснее другого, с залами и кухнями с кирпичными трубами, с печами, водяными и ветряными мельницами, игрой в мяч, тавернами и трактирами, банями и пивными; в один день аптекарь привез туда пять кибиток и открыл лавку, как в Генте или в Брюгге. Совершенно очевидно, что поэма была ангажированным произведением, без удержу подчеркивающим щедрость герцога в противовес жестокому королю и его лиходеям.

Другие труды Молине преследовали те же цели: «Надежда простых людей», «Храм Марса», «Почетный трон» (прославление Филиппа Доброго), а главное — «Кораблекрушение Девы»: эту деву — Марию Бургундскую, пленницу дьявольских чудовищ, — спасает святой Георгий, чудесным образом вырвав ее из пасти кита (разумеется, Людовика XI). Сила и постоянство его пробургундской позиции сопоставимы с яростью атак, которые вели на него писатели короля. Он был излюбленной мишенью для нападок, особенно для уроженцев Турнэ — города, который Молине, из-за его верности королю, считал образцом гордыни и вероломства. Его называли пустозвоном, рифмоплетом, жонглером, брехуном, наконец, бесталанным хронистом, «многословным, заумным, насмешливым, непристойным подхалимом, который зачастую просто смешон». Такие эпитеты в адрес прославленного человека, рыцаря ордена Золотого руна, автора многочисленных поэм, которые высоко ценились даже вне его лагеря и его среды, ясно показывают, что его хулители с головой ушли в войну принцев и от души оказывали услуги своему хозяину — королю.

Они использовали самые разные аргументы, говорили как о Боге и Божественном праве, о добродетелях своего господина, так и о сверхъестественных знаках и о том, что сообщили им звезды. Сам Шателен посвятил длинное рассуждение комете, явившейся в 1468 году — году Перонна и репрессий против жителей Льежа; он подробно ее описывает и говорит, насколько государь, его советники и народ были поражены этим зрелищем: «Некоторые тогда говорили и твердо уверовали, что сия комета есть знак для них, а не для прочих». Другие выражались яснее, и к ним прислушивались, ведь в те времена вера во влияние звезд была достаточно распространена в политических кругах, чтобы превратить астрологические предсказания в рычаг власти. Впрочем, Людовика XI мало заинтересовали предсказания астролога Жака Лоста, который прислал ему в ноябре 1463 года шесть записок о каждом из шести предстоящих лет. Зато Жан де Везаль, врач и астролог, снискал своими антифранцузскими

прогнозами доверие герцога Бургундского и его советников.

Придворные писатели, разумеется, поддерживали друг друга и советовались между собой. Маститые помогали молодым. Шателен постоянно обменивался с Жаном Мешино письмами и планами. Конечно, они многое сделали для создания мрачной легенды, но им помогали менее ангажированные люди, не состоявшие на жалованье, но затаившие обиду, недовольные своей судьбой и стремившиеся дискредитировать короля, которого они обвиняли в своих несчастьях. Они называли Людовика неблагодарным, коварным, не держащим своего слова — короче, обвиняли его в бездарности, выставляли первопричиной смуты и невзгод. Некоторые были озлоблены своим осуждением и намеревались призвать судей к ответу потоками сатирических стихов, далеко не всегда имевших художественную ценность. Мэтр Анри Бод, назначенный Карлом VII «выборным в нижнем Лимузене» в 1458 году, последовал за дофином, когда тот оставил двор, чтобы править Дофине. Когда он вместе с королем вернулся из ссылки в 1461 году, провинциальные штаты обличили его в злоупотреблениях, он просидел четырнадцать месяцев в тюрьме, был признан невиновным, а доносчики, ложные свидетели, были осуждены. Снова подвергшись обвинениям в 1467 году, он был вынужден представить счетные книги за последние шесть лет и на сей раз уплатить штраф в восемьсот ливров. Живя в Париже, он написал большое количество баллад и «жалоб», а также «Нравоучительных сказов для гобеленов» (еще говорили «для росписи ковров и оконных стекол») — маленьких жанровых пьес, напичканных расхожими поговорками, в которых содержались нападки на судей из Парламента и короля. Он выставлял себя пламенным защитником доброго французского народа — народа-пахаря, «который платит и не может наслаждаться покоем». Конечно же изгнанники изъяснялись таким же языком. В первую очередь Тома Базен, который, попав в немилость, написал в Бургундии — в Лейвене и Утрехте — свою «Апологию», а потом «Историю Людовика XI» (начатую в 1473 году).

Этот образ, почти целиком выписанный черной краской, утвердился лишь благодаря успеху таких произведений — не ученых упражнений, читаемых верными людьми, уже принадлежащими к той же партии, а широко распространяемых, переписываемых, вставляемых в сборники, переделываемых в баллады или песни. Это подтверждает тот факт, что некоторые из таких трудов, уже известные или еще мало кому знакомые, очень быстро оказались напечатаны. Например, «Храм Марса» Молине был опубликован в 1476 году, а «Защита эрцгерцога Австрийского

и герцогини Бургундской», написанная в конце 1477 года неизвестным автором, сначала рукописная и украшенная несколькими иллюстрациями, вышла из-под пресса одного печатника-немца в Брюгге в начале следующего года. «Защита», восстанавливающая историю конфликта, обвиняла во всем Людовика XI.

Песни, обличавшие короля — предателя и клятвопреступника, распевали в Бургундии и Фландрии и даже в самой Франции. В 1464 году появилась «Песнь о пленении Филиппа Савойского» (сына герцога Людовика I), написанная, вероятно, им самим. Она повествовала о несчастьях принца, заманенного в ловушку и лишившегося свободы из-за лживости короля Людовика:

Послушайте жалобную песнь,
Исторгнутую скорбным сердцем.
Я пленник короля Франции...
Мог ли я только подумать,
Что королевская кровь способна лгать.

В следующем году — году Лиги общественного блага — другие безвестные авторы порицали советников короля, его скупость, непомерные налоги и мотовство:

О король, называющий себя французским,
Неужто всю Францию ты хочешь погубить?
Замучил ты ее податями и плутовством...

Позднее Тома Базен ни о чем другом и не говорил. Однако те первые нападки, последовавшие непосредственно за событием, скорее всего, со временем были позабыты. Обвинять короля в тирании, в неверности данному слову, в причудах и нелепостях, в угнетении народа было явно недостаточно, чтобы очернить его в глазах потомков. Требовалось больше: возложить на него вину за настоящие преступления, за хладнокровно задуманные и подготовленные убийства. И мемуаристы из бургундского лагеря и авторы баллад пошли на это. Они ревностно распространяли мрачные легенды и пели на все голоса, что Людовик велел убивать людей, вставших у него на пути.

Дело бастарда Рюбампре, обвиненного в 1464 году в намерении убить или похитить Карла, герцога де Шароле, и признания одного из его людей имели значительный резонанс. Карл не желал слушать французских послов и кричал, что его хотели убить. Хронисты охотно это подтверждают, Шателен в первую очередь. В одной из песен того времени обвинялся конкретно Антуан де Круа, враг Карла и, как полагали, вдохновитель всей этой истории:

Ягненок белый на лугу

Был не смирнее Шароле,
Но сын побочный Рюбампре
Его задумал умертвить,
Твоей рукою погубить.

Тома Базен не преминул передать слухи о смерти Карла Гиеньского (28 мая 1472 года), обвинив короля в подкупе двух слуг своего брата: его духовника и постельничего Журдена Фора, аббата Сен-Жан-д'Анжели, и его стольника Анри де ла Роша, которые якобы и отравили его. Эти слухи не имели под собой никаких доказательств, опираясь только на поспешность, с какой Людовик выехал в Гиень, и нетерпение, с каким он ждал новостей, а также на усердие, с каким он оповещал своих подданных. Однако легенда об отравлении, запущенная графом де Комменжем, Оде д'Айди, и его товарищами, укрывшимися в Бретани, и тотчас подхваченная бретонцами и бургундцами, сложилась удивительно быстро. Много позже Брантом передавал ее на полном серьезе, напоминая, что это преступление было всем известно, поскольку сам король признался в нем вслух в Нотр-Дам-де-Клери («А что мне оставалось делать? Он вносил смуту в мое королевство!»). Находившийся при нем шут будто бы услышал это и не стал держать сказанное в секрете.

Оба подозреваемых были тотчас арестованы, препровождены в Бордо и предстали перед судом архиепископа и первого председателя Парламента, Жана де Шассеня. Они во всем признались. Людовик XI заявлял о своем чистосердечии и любви к справедливости: «Более всего на свете я желаю, чтобы была установлена истина... и чтобы должным образом свершилось наказание». Он призвал архиепископа Бордоского Артура де Монтобана, который якобы проводил расследование о смерти Карла, передать все полномочия и все документы архиепископу Турскому. Он пригрозил своим гневом Жану де Шассеню, канцлеру Бретани, и графу де Комменжу, подозревая их в соучастии. А главное, он лично назначил в большой спешке пять высокопоставленных членов комиссии — архиепископа Турского, епископа Ламбе, председателей парламентов Парижа, Тулузы и Дофине, — чтобы они одни судили двух человек, «обвиненных в злодеянии над моим братом Гиеньским».

Перед приездом представителей короля герцог Бретонский велел перевезти своих узников в Нант, где они после нового допроса подтвердили свои слова. Журден Фор, запертый в большой башне замка, однажды утром был найден мертвым от удара молнии, с распухшим и почерневшим лицом, черным как уголь телом и языком, на полфута свисавшим изо рта.

Нехорошие слухи все же не прекратились: тотчас вспомнили

о том, что тремя месяцами раньше епископ Парижский Гильом Шартье, который 1 мая 1472 года возглавил крестный ход, чтобы просить Бога о примирении короля со своим братом, внезапно умер несколько часов спустя, явно от отравы. Толпы верующих, пораженных до глубины души и начинавших роптать, пришли поцеловать ему руки и ступни, как святому, и это дело вызвало столько пересудов и подозрений, что король запретил парижским властям сооружать епископу надгробие.

Писатели Франции и Бургундии, авторы высокохудожественных произведений в прозе или стихах, которые могли свободно соперничать с итальянцами, стали придворными или остались независимыми, но поступили на службу к государям и участвовали в их распрях. Они поддерживали их своим пером и пели им хвалу, не слишком заботясь о правде. Они охотно обрушивали на противника свой сарказм, беспощадно и огульно обвиняя его в черных злодеяниях. Все участвовали в этой войне «историй» или «пасквилей», чтобы создать светлый образ своего господина, обвинить другого и снискать благосклонность общественности. Намеренно ввязавшись в масштабную политическую пропаганду, эти слуги короля и принцев были им так же полезны, как и обладатели придворных должностей. Их работа состояла в том, чтобы выковать свою правду против правды другого лагеря. Почитать их, так каждый поступок их господина был продиктован моральным долгом, заботой о том, чтобы правое дело восторжествовало над изменниками чести и веры.

Разумеется, события, в частности военные подвиги или мирные переговоры, преподносились совершенно по-разно-му. Один противоречил другому, получая за это жалованье. Оливье де ла Марш — бургундец, преданный своему герцогу, и капитан — сражался при Монлери, став рыцарем в самое утро битвы. Он был уверен в победе бургундцев, хотя знал, что другие утверждают обратное: поле битвы осталось за Карлом, графом де Шароле, пишет он, «что бы там ни говорили господа французские историографы, которые пишут, что битву выиграл король Франции, — это не так».

Кому верить? У каждого своя правда...

Во всяком случае, в отношении образа короля нельзя полагаться на суждения о властителях, об их характере, их добродетелях и пороках. И та, и другая сторона субъективна в своих оценках.

Остается вопрос: почему и каким образом в истории укоренились отвратительные картины, созданные врагами короля Людовика, которые наверняка не отражают действительности?

Людовик XI вовсе не внушал ненависти как невыносимый тиран, и факты говорят совсем о другом, нежели сказки, опирающиеся только на слухи и вымысел. Он без большого труда получил поддержку общественного мнения, бывшего на его стороне, и совладал с грозной Лигой общественного блага. Его чиновники, губернаторы, капитаны, сенешали и советники в целом до конца оставались ему верны. Мало кто покинул его, чтобы служить другим, тогда как тех, кто переметнулся к нему из Бретани и особенно из Бургундии, — великое множество. Удивительная притягательная сила для человека, которого обычно представляют отталкивающим, нечестивым, непредсказуемым, опасным!

Почему в Истории сохранились только мрачная легенда и образ недалекого, злого, циничного короля? Конечно, его люди создали совсем другую легенду, которая не имела такого же успеха и едва упоминается в наших книгах. Она казалась льстивой, и потому предпочтение отдали версии его врагов, вернее, озлобленных и злопамятных людей, и эта версия, подхваченная многими нетерпеливыми авторами, утвердилась в качестве истины.

Кстати, это произошло уже в ту эпоху. В 1413—1418 годах Иоанн Бесстрашный снискал любовь парижан, а арманьяков тогда представляли в сочинениях разного рода тиранами, их людей — разбойниками, грабителями и кровопийцами. Во времена Людовика XI бургундские историографы, взяв числом и, возможно, качеством своих трудов, одержали верх благодаря мемуарам и повествованиям, изобилующим анекдотами, — более красноречивыми и убедительными, всегда обращающимися к конкретике, к мелким происшествиям, преподносимыми с настоящим искусством прославлять одного и обвинять другого; эти повествования зачастую украшались длинными описаниями, вызывавшими доверие и застревавшими в памяти. Много лет спустя историки, а тем паче романисты XIX века, не менее доверчивые, переписали их в свою очередь почти без изменений, придав еще большую рельефность зловещим фигурам.

Часть третья «ОН ХОТЕЛ ТОЛЬКО ВЛАСТВОВАТЬ»

В деле превращения короля в полноценного государственного деятеля не было мелочей.

Его наставник Жан Мажорис был выбран не случайно: лиценциат права, богослов, близкий друг Гильома Маше (духовника Карла VII), он уже в 1429 году получил строгие инструкции от самого Жана Жерсона, одного из самых знаменитых докторов Парижского университета. Мажорис, опиравшийся на поддержку высших советников, располагал значительными средствами: в 1453 году, через полтора десятка лет после того, как он оставил свою должность, он уступил за сто ливров королеве Марии Анжуйской шесть учебных книг, раскрашенных яркими фигурами и живописными сценами, по которым он учил Людовика чтению и истории; Марии они были нужны для ее второго сына Карла, которому тогда было около семи лет. Мажорис оправдал доверие. Крайне внимательный, верный и преданный, он получал частое и щедрое вознаграждение за свои услуги. Духовник дофина, он стал каноником Реймсского собора (в 1434 году), затем собора Парижской Богоматери, настоятелем собора в Туре с неплохими доходами: он заказал серию гобеленов на тему жития святого Мартина и велел вывесить их в Турском соборе. Даже Рим воздал ему должное: в 1447 году папа Николай V наделил его правом давать отпущение грехов и освобождать от поста.

Дофин явно был хорошим учеником. Он читал по-латыни, прекрасно владел искусством письма и диктовал свои послания на замечательно ясном и четком французском языке, лишенном всякого формализма, а тем более двусмысленности («ибо мы никогда не пишем, не зная что»). Умение изъявлять свои решения, заставлять себе повиноваться — это великое искусство. Воспитанный смолоду на добрых советах и нужных книгах, Людовик был подготовлен к изучению и применению на деле Политики, которую уже рассматривали не как некую доблесть или изучение римского права, а как настоящую науку. Его воспитатели научили его следовать не только учению францисканцев времен Людовика Святого, авторов «Зеркал» — догматических трактатов, но и авторам времен правления Карла V и Карла VI, которые больше говорили об управлении людьми, о том, как обращаться к собраниям, к общинам и уличной толпе. В качестве примеров ему цитировали Никола Орезма и его учеников, которые насмехались над правоведами, погрязшими в тяжеловесных толкованиях кодексов и трактатов, тогда как

«политика для жизни королевства есть то же, что медицина для здоровья тела». Ему давали читать и Кристину Пизанскую, ее «Книгу о деяниях и добрых нравах мудрого короля Карла V», которая уже послужила к образованию Людовика Гиеньского в 1410-е годы, а также более ясную, более близкую к новым воззрениям на искусство управлять людьми «Книгу о политике» — настоящий сборник рецептов поведения. Будущий король знал, что для хорошего управления важнее всего осторожность, «мудрость» и опыт.

Обучение ремеслу не было чисто теоретическим. Редко когда сын короля так часто оказывался на передовой и сталкивался со столькими трудностями. С самого юного возраста он следовал за отцом в военные походы, в «верные города» королевства, порой оказывавшие им сдержанный прием, даже не до конца покорившиеся, во всяком случае, не собиравшиеся раскошеливаться. В девять лет он проскакал с отцом через всю Францию, побывал в центре, в Оверни, и на юге, в Лангедоке; в этих походах не было ничего от торжественных шествий или увеселительных прогулок, это были поспешные переезды из замка в замок или из лагеря в лагерь, лишенные всякого комфорта. Он заседал рядом с отцом на собраниях штатов, чтобы вырвать у них одобрение или субсидии. Это явно нельзя назвать беззаботной юностью, и ничто не сулило ему безоблачного будущего.

Время ученичества быстро осложнялось недоверием и подозрениями; это было время испытаний, когда требовалось взять в свои руки управление страной, укрепиться перед лицом партий и мятежных принцев, упрочить шаткую, спорную власть, которую обескровили и ослабили гражданская война, продолжительные отсутствия короля и дальние расстояния. Властная необходимость восстановить порядок определяла эти годы отрочества, когда дофин желал быть не зрителем, усваивающим урок, а актером на авансцене, даже автором пьесы, делающим ставки и принимающим решения. Нет сомнений в том, что честолюбие, желание урвать себе долю власти помогли ему обучиться тому, как удержать людей при себе, как вести игру, как — уже тогда — плести тонкие и замысловатые интриги, а главное — как окружить себя сильной клиентурой. В этом смысле Прагерия 1440 года (не первый мятеж принцев, а единственный с сознательным участием сына короля) стала важным уроком. Мы знаем, какую пользу Людовик извлек из него четверть века спустя, когда ему в свою очередь пришлось противостоять Лиге общественного блага и он сумел одержать верх в большей степени благодаря искусству рушить союзы, а не только на полях сражений.

Разрыв с отцом привел его в Дофине, которым он правил один, почти как суверенный монарх. В тех тяжелых и опасных условиях это снова стало суровым и серьезным уроком: реорганизация административной машины, расстановка верных людей, заигрывание со «страной», которая естественным образом была привязана к своим традициям и своим правителям. За годы полуизгнания он добился успеха и многому научился. Позднее, в Женаппе, и на сей раз находясь вдали от дел Франции как изгнанник, он все же не переставал ими заниматься, вмешиваясь в них при каждом удобном случае, противопоставляя себя советникам короля. Он также мог — и не преминул это сделать — вмешиваться в дела Бургундии, поддерживать дружеские связи, участвовать в ссоре между Филиппом Добрым и его сыном Карлом. В истории Франции мало примеров того, чтобы государственный деятель, призванный к власти, был так хорошо к ней подготовлен не только простым и рутинным изучением функционирования государственных органов, но и солидным опытом в искусстве верховодить людьми, ломать сопротивление, привлекать к себе и добиваться успеха.

Глава первая КОРОЛЬ В ПУТИ

1. Маршруты и пристанища

Последние Капетинги, начиная с Филиппа Красивого, и первые Валуа в мирное время по большей части сидели дома, в своих дворцах, обычно в Париже, не покидая их в течение целых недель или даже месяцев. Принцы и вельможи строили или покупали особняки рядом с Лувром, где жили во время частых приездов или где оставались их доверенные люди, стряпчие и уполномоченные. Карл V, совладав с волнениями 1357 года, крепко держал Париж в своих руках с помощью прево Гуго Обрио. Он сделал город и окрестные замки своей излюбленной резиденцией. Несколько лет, зимой и летом, он не покидал эти края: жил в Лувре, в особняке Сен-Поль, в Венсенском замке или Сен-Жермене, Мобюиссоне, Понтуазе или еще в Санлисе, Компьене, Мелене, иногда в Милли или Фонтенбло, но не дальше.

Карл VII, изгнанный из Парижа еще будучи дофином и остерегавшийся туда возвращаться, ввел иную манеру правления и возил свой двор и Совет в разные места. Во время путешествия в Лангедок в 1437 году его не было в столице больше двух месяцев. Для Людовика XI это стало правилом. Он знал, что должен выезжать на места, показываться на людях, выступать лично, вызывать к себе уважение и быстро принимать решения. Он прошел хорошую школу, впервые появившись на публике еще в качестве дофина, всегда был в пути, навязывая себе неделю за неделей напряженный ритм, так что быстро приобрел репутацию неутомимого всадника и путешественника. Все знали, что он способен примчаться туда, где он нужен.

Следовать за ним шаг за шагом, день за днем не так-то легко, ибо нет среди государей меньшего домоседа, чем Людовик XI. Ученые, восстановившие пути его передвижений, по большей части отыскивали и отмечали места, откуда посылались королевские письма, — по счастью, весьма многочисленные. И все же существуют пробелы, порой по несколько месяцев кряду. Более того, король не всегда брал с собой секретарей. Например, во время выездов на охоту, которые могли увести его очень далеко. Письма, датированные этим периодом, написанные в соответствии с отданными перед отъездом распоряжениями и отмеченные его «меткой», содержали упоминание о месте, где остался его «кабинет».

Как бы то ни было, эти «маршруты», неполные и порой ненадежные, показывают, что с 1461 по 1483 год он надолго оставался в одном и том же городе или замке только в редких случаях: в Бордо в марте-апреле 1462 года, чтобы подготовить встречу в Байонне; в Париже в январе—марте 1465 года, выезжая однако за его пределы, чаще всего в Нотр-Дам-де-ла-Виктуар под Санлисом; наконец, в Лионе, с 6 мая по 26 июня 1476 года, чтобы встретиться там с королем Рене и Джулиано делла Ровере, племянником папы.

Зима не была для него препятствием. В декабре 1461 года его конюшие раздобыли повозки и подготовили переезд из Тура в Амбуаз, потом в Монти-ле-Тур, снова Амбуаз и Тур. В декабре следующего, 1462 года — из Амбуаза в Тур и Пуатье; в январе 1463 года — из Пуатье в Нотр-Дам-де-Сель (Сель-сюр-Бель, ныне Дё-Севр), в Сент, Jla-Рошель, Нотр-Дам-де-Сулиак (Жиронда), Кастельно-де-Медок и Бордо. Следующей зимой (1463) в декабре король жил в Абвиле, в Кротуа, потом в Э, снова в Абвиле, Сен-Рикье, Нувьон-ан-Понтье, Абвиле и рядом, в Марейле. Уже ослабев, зимой 1480/81 года, он продолжал свои поездки и визиты: из Бонавантюра («Веселое приключение»), деревянного домика под Шиноном, отправился в Сен-Мартен-де-Канд, в Плесси, в Пюи-Нотр-Дам под Сомюром, в Тур, Амбуаз и Плесси в декабре; в Шательро, Пуатье и Форж под Шиноном в январе. Только под конец своей жизни, уже очень больной и старый, он отправлялся «на зимние квартиры», оставаясь там почти безвыездно: в Туаре с декабря 1481-го по январь 1482 года, в Туре и Плесси следующей зимой.

Ему не нравилось целыми неделями оставаться на одном месте, и управлял он иначе. Если не считать долгих остановок, вызванных необходимостью дипломатических переговоров или возрастом и болезнью, он постоянно переезжал с места на место. Так, летом 1464 года он 1 июня выехал из Парижа в Санлис, 3-го был в Компьене, 5-го — в Руа, с 6-го по 9-е жил в замке Луан-ан-Сантер под Перонном, затем в Амьене (с 10-го по 18-е), в Луане под Дулленом (с 17-го по 20-е), в самом Дуллене (21-го и 22-го), в Сен-Поль-сюр-Тернуаз (23-го), в Эсдене (с 24-го по 26-е), наконец, в Дампьере до конца месяца. В июле он проживал в Эсдене, Абвиле, Дьепе, Руане, Арке и Мони под Руаном.

Десятью годами позже, в 1475 году государь не выказывал никаких признаков усталости и не изменил своим привычкам: он все так же часто и подолгу был в пути. После необычно длительного пребывания в Париже, с января по март, он в начале апреля выехал оттуда в Анш под Менте-ноном, затем в Верной, Пон-Сент-Максанс, Крейль, Нотр-Дам-де-ла-Виктуар под

Санлисом. В мае его слуги подготовили для проживания не менее двенадцати мест: в Троншуа (на Сомме), в Руа, в Беврене неподалеку оттуда, в Бре-сюр-Сомм под Перонном, в Корби, Амьене, Санлисе, Нотр-Дам-де-ла-Виктуар, Компьене, Нойоне, Крейле и Руане. В июне он посетил Онфлер, Дьеп, Ко и Экуи; в июле — Ко, Санлис и Бове; в августе — Крейль, Компьен, Нотр-Дам-де-ла-Виктуар и Амьен. И так до наступления холодов. 24 ноября он очутился в Плесси, но все же до конца года совершив еще три поездки, в том числе в Сен-Флоран под Сомюром. В феврале он отправился в Бурж, в марте — в Пюи-ан-Велэ, Валенс, Сен-Марселен и Лион. В целом за год — с начала апреля 1475-го по 31 марта 1476 года — он посетил по меньшей мере восемьдесят разных мест (некоторые из них нам неизвестны).

Весть о смерти Карла Смелого в январе 1477 года вновь позвала его в дальнюю дорогу, чтобы привлечь на свою сторону жителей Артуа и организовать наступление. Он не устраивал ставки, в которой получал бы донесения и отдавал приказы, а каждый месяц посещал по пять—девять разных мест и провел всего три дня в Париже. Это не было приятной прогулкой; он «выезжал на место событий», зачастую в большой спешке, отвечая ударом на удар, и останавливался в жилищах, подготовленных на скорую руку.

Король старался держать себя в постоянной боеготовности, навещать своих подданных там, где его ждали, возглавлять армию, принимать решения всякого рода, а это требовало постоянных разъездов. Однако нет сомнений в том, что он ставил перед собой и другие, менее срочные цели: часто и подолгу находиться вне королевского домена не просто для того, чтобы пожить на чужой счет и по скупости сэкономить на еде, а чтобы принцы, вельможи и чернь понимали, что король везде у себя дома. Хотя за исключением неудачной встречи в Перонне и военных походов он редко отваживался посещать Бургундию, его долгие и частые остановки в долине Луары заслуживают внимания и могут быть истолкованы иначе, нежели так, как это обычно делали его современники и более поздние историки. Конечно, ему нравилось жить в Плесси, Туре, Лоше или Шиноне, и нам внушают, что все эти замки в долине Луары отвечали все тем же заурядным намерениям: держаться подальше от Парижа, наслаждаться простой жизнью вдали от суеты, в излюбленных им землях и городах. Это значит забывать о других пристанищах и местах для проживания, избранных намеренно, а не случайно.

Если подсчитать его резиденции за все время правления, становится ясно, что он не отдавал предпочтения Турени, входящей в королевский домен: в Турени их около двадцати пяти

и в герцогстве Орлеанском столько же, два десятка в Анжу. В 1466 году он приехал из Шартра в Орлеан 20 февраля и пробыл там до 2 марта. Затем отправился в Жаржо, встретил Пасху в Орлеане (6 апреля), потом снова жил в Жаржо, в Мен-сюр-Луар, Орлеане, Артене. Весь май провел в Мен-сюр-Луар или Божанси; в июне и июле — по большей части в Монтаржи; в августе охотился в Мотт-д'Эгри. Наконец, после многочисленных и длительных остановок в Мотт, Монтаржи, Анжервиль-ла-Ривьер, а главное, в Орлеане (в ноябре), он выехал из герцогства Орлеанского в Меан-сюр-Иевр только 22 или 23 декабря 1466 года. Там он пробыл целых десять месяцев, не возвращаясь в королевский домен. Незваный гость или же долгожданный? Во всяком случае, настырный.

В 1468/69 году казначей Александр Сестр получил пятьсот ливров годового жалованья, а сверх того еще семьсот на дорогу и лошадей, а также на расходы на проводников, на случай утраты средств и на обмен денег. Камергер, которого писец именует попросту Этьеном, получил сверх жалованья триста семьдесят пять ливров на дорожные расходы и лошадей. Другие, столь же значительные суммы пошли на уплату жалованья возчикам, покупку дорожных сундуков, баулов и прочего, чем в основном занимался Жан Валетт, придворный возчик. Писари придворного казначейства каждый месяц заносили в книги расходы на конюхов и фуражиров: на четырехколесную повозку с новыми железными ободьями для перевозки гобеленов и королевского гардероба, на два больших баула из коровьей кожи, купленных у Жана Буасье, «сундучного мастера из Лоша». Пять лошадей тащили повозку с одеждой камергеров и камердинеров, еще пять, погоняемые двумя возчиками, — другую повозку с доспехами короля, и на все это за одну поездку тратилось шестьсот тридцать ливров.

Это были настоящие переезды. Слуга каретного двора нанял на четыре месяца трех человек и трех лошадей, чтобы возить вслед за королем три деревянные походные кровати; два возчика в течение двух месяцев перевозили из дома в дом на другой повозке кровати королевских лакеев, ванну для омовений и «прочие необходимые вещи». Наконец, некий Мартен Герье получил пятьдесят су за то, что десять дней перевозил на своей лошади часы.

Остановки проездом или на длительное время давали, возможно, еще больше работы плотникам, корабелам и лодочникам. К ним постоянно обращались и хорошо платили, так что они держали на Луаре и речках Турени или Иль-де-Франс целый флот. Король им пользовался не только для увеселительных поездок или чтобы перебраться за реку вместе со

свитой во время большой королевской Охоты, но и для настоящих путешествий на большие расстояния. В октябре 1478 года один мореход за две недели и с помощью двадцати пяти человек привел из Тура в Ла-Менитре один большой корабль и два малых, которые должны были измерять глубину перед большим; еще один привел с двенадцатью моряками «ладью» короля, а два других морехода получили плату за то, что пригнали новый корабль, на котором государь велел выстроить деревянное помещение. Несколько недель спустя один из придворных получил вознаграждение за посредничество в строительстве галеота для хождения по Луаре: закупку снастей и весел и устройство того самого деревянного помещения, свет в которое проникал через три больших расписных окна, каждое три фута шириной. Тот же писец сразу же отметил стоимость другого деревянного дома, на сей раз на «шаланде» короля, в две сажени в длину и в полторы сажени в ширину, с камином, двумя застекленными деревянными рамами, столом и скамьями.

Весной 1479 года Людовик отправился на одном из таких судов из Корбейля в Париж, а оттуда под Санлис, потом, на другом судне, из Орлеана в Клержи и Божанси. В 1480 году он велел купить большой корабль в Руане, который сначала привели в Пон-де-л'Арш, а затем перевезли на шести лошадях, меняя их каждые четыре лье, в Ножан-ле-Руа. Гильому Пани, королевскому приставу в Париже, поручили сделать заказ сельским жителям, чтобы те обустроили пути для бечевой тяги и сломали мосты и шлюзы, дабы королевский корабль мог там пройти. За ним следовал другой, с гардеробом и «прочими людьми».

Эти почти непрекращающиеся переезды не облегчали задачу поставщикам. Заказ, полученный в их городе, когда король остановился там на несколько дней, надо было, выполнив, передать возчику, который старался его доставить, следуя за королем и никогда не будучи уверенным в том, что найдет его по указанному адресу. Расходы двора, особенно дворцовой конюшни, увеличивались еще больше в связи с тратами, вызванными погоней тяжелых повозок за августейшим клиентом. Слуги или возчики обязательно напоминали обо всех превратностях этой погони и, чтобы оправдать свои запросы, отмечали все этапы длительных путешествий. Вышивальщик Жан Гюло отправил на вьючных лошадях куртки для королевских трубачей из Шартра в Ножан-ле-Руа, откуда они вернулись в Шартр и были доставлены к мосту Сен-Клу, где и были, наконец, сданы, чтобы люди короля могли их надеть во время вступления в Париж. Мастер перьевых изделий Гильом Боде также отправил в повозках и на лошадях свои перины и обои из Тура в Шартр и

Париж, потом снова в Шартр и Сен-Клу. Уже упоминавшийся Жан Валетт возместил себе расходы на другую экспедицию, в ходе которой столкнулся со многими препятствиями: несколько подвод блуждали двадцать два дня, теряясь в неизвестности, то неожиданно останавливаясь, то поспешно пускаясь в путь, чтобы доставить парадные покровы, удила, уздечки, покрывала для лошадей и прочие вещи из Парижа в Компьен, Руа, Вилле-Бретонне, Корби, Амьен, Альбер, Сен-Поль, Эсден, Дьеп и снова Эсден, Дампьер, Невиль под Ар-ком, Руан и, наконец, Дьеп.

За королем почти всегда следовал внушительный обоз с коврами, шпалерами, покрывалами и походными кроватями. Плюс мебель, книги, одна-две клетки для птиц и зачастую свора борзых. И даже часы: «Жану из Парижа, часовщику, за часы с циферблатом и звоном, кои оный государь повелел у него купить, дабы возить за ним повсюду, куда он ни направится».

Эти переезды, продиктованные желанием всегда быть на месте, чтобы сразу же решать все дела, навязывали суровые ограничения, так как король не мог каждый раз останавливаться в богатых и гостеприимных домах. Представить себе, что он переезжал из замка в замок или из особняка одного богатого аристократа в другой, повсюду встречая достойный прием, ни в чем не нуждаясь и получая самое лучшее во время этих визитов, тщательно подготовленных заранее, значило бы исказить действительность, бывшую гораздо более прозаичной. Скорее всего, ему приходилось полагаться на случай и использовать то, что под рукой. В 1475 году, проезжая через Валенс в Нотр-Дам-дю-Пюи, он предупредил своих фурьеров, что в этом городе у него есть добрый друг, у которого он желает остановиться, и что, если у него не найдется чем расплатиться за понесенные расходы, этот друг примет его задаром и будет кормить три дня. На самом деле он очень часто селился в весьма скромных жилищах, выбранных по мере продвижения, где ничего не было по-настоящему подготовлено, разве что наспех. Выехав из Туара 4 или 5 апреля 1470 года, король прибыл в Сомюр только 30-го, двадцать шесть дней спустя, остановившись в девятнадцати разных местах. Его письма отправлялись из городков и сел (Сельан-Пуату, Лимон, ле-Шателье, Сент-Антуан-де-ла-Ланд, Самарколь, Азе-ле-Брюле) или из церквей и монастырей (аббатство Ферьер, Нотр-Дам-дю-Пюи, Нотр-Дам-де-Фонбланш, Нотр-Дам-де-Сель) и даже с простых стоянок, которые писцы или секретари обозначали так: «между Jla-Ферьер и Уаром» или «между Ла-Барром и Гильотьером».

Эти жилища зачастую нужно было вычистить сверху донизу, а некоторые, где король останавливался более чем на день,

отремонтировать. Фурьеры делали, что могли, но забот было много, приходилось призывать на подмогу рабочих всех специальностей. Гильом, слуга при конюшне, представил придворным клеркам счет в семьдесят пять ливров за ремонт нескольких пристанищ короля с 24 мая по 30 июня 1480 года: он уплатил плотникам, столярам, каменщикам, чернорабочим, закупил деревянный брус, известь, гипс, скобы и гвозди; в одном жилище он установил винтовую лестницу для подъема в спальни, уложил тысячу плиток новой черепицы на крышу и вставил 12 700 стекол в витражи трех больших комнат и часовни. Чтобы доставить эти материалы из Монтаржи в Шатоден, потребовалось уплатить за сорок рабочих дней возчикам, за двенадцать дней — на то, чтобы убрать грязь и камни со двора и вокруг дома, еще за сто семь дней плотницких и столярных работ и за пятьдесят дней каменщикам, которые потребовали возместить им также расходы на четырнадцать ладоней бумаги, пошедшей на оклеивание оконных рам. В Венсен привезли великое множество бруса для дверей, окон, рам, столов и скамей, а также скобы, ключи и железные засовы для дверей. В том же 1480 году в усадьбе «Прекрасная прогулка» под Орлеаном отделали пострадавшую от пожара спальню, вставили несколько новых стекол и установили вокруг дома деревянный забор в сорок саженей длиной. Несколько дней спустя один стекольщик из Орлеана вставил стекла в спальне короля в Мотг-д'Эгри. В августе и сентябре снова привезли дерево, известь, песок и стекло для непродолжительного ремонта в Сен-Жермен-де-Гиер, Клери, Анжере и Пюи-Нотр-Дам, а также в усадьбах Форж и «Веселое приключение» под Шиноном.

В Форже десять человек конопатили стены, другие устанавливали силки на ворон и сов, а сторожу уплатили семьдесят ливров за деревянный домик в лесу для кабанов. Один купец из Шинона привез в «Веселое приключение» покрывала, столовое белье, кожи, клей и бумагу, чтобы заклеить окна. В Кюссе-сюр-Луар в декабре того же 1480 года слуга фурьера нанял каменщиков и плотников и купил восемь деревянных брусьев и четыре решетины для изготовления кроватей, дверей, окон. Следующей весной, далеко оттуда, столяр и слесарь из Понтуаза получили сорок пять ливров — немалая сумма — за обрамление дверей и окон в четырех новых комнатах королевского жилища в Э, включая замки и засовы.

«Веселое приключение», Кюссе, Э были всего лишь полевыми и лесными домиками, которые редко посещались, и отсутствие присмотра и, возможно, постоянного сторожа вызвало необходимость в серьезном ремонте. Но крупные починки, во

всяком случае замена окон и дверей, возникали при любых обстоятельствах, в том числе и в городских домах. Два слесаря получили жалованье за девять недель, поскольку побывали во всех домах, где король останавливался во время своего путешествия в Пуатье летом 1480 года. Эти жилища наверняка были в неплохом состоянии, что в Пуатье, что в других городах, где королевская свита размещалась либо в замке, либо в особняке какого-нибудь знатного горожанина. Однако в Пуатье снова пять столяров, три плотника, четыре каменщика, два слесаря и один суконщик, проживавшие в городе, несколько дней изготовляли кровати, окна и чердачные оконца для особняков господина де Рошфора, господина де Вильдье и каноника церкви Святого Гилария, в которых поочередно проживал король. Затем он перебрался в другой особняк — Франсуа Бурдена, и это обошлось в шестьдесят пять ливров на покупку бруса и уплату рабочим. На обратном пути возместили ущерб Эймеру Кану, горожанину Шательро: слуги короля, «обустраивая жилье», поломали там кое-какую мебель.

2. Гонцы и вестовые

Управлять страной, рассылая приказы в дальние края, конечно, не было новшеством. Мы слишком преувеличиваем трудности и медленность сообщения в Средние века, когда людям были еще недоступны благодеяния технического прогресса. Это неверный взгляд на предмет. Купцы вели дела в далеких странах через переписку и получали от своих корреспондентов, живущих на других берегах морей — в частности, Средиземного, Северного и Балтийского, — множество сведений о курсах товаров и о грузах на отправляющихся кораблях. Уже в 1300-е годы флорентийские компании, утвердившиеся в Авиньоне, установили великолепные связи со своими головными предприятиями во Флоренции. Один-два раза в неделю, а то и чаще в случае срочной необходимости, гонцы привозили сумки с платежными ведомостями и векселями, а также с выговорами. О быстрой и конфиденциальной передаче новостей тщательно заботились, это было необходимо.

Неужели в политике могло быть иначе и король или князья не могли овладеть подобными приемами? Большинству из них приходилось управлять разрозненными землями, зачастую далеко отстоящими друг от друга. Чтобы заставить себе повиноваться, им приходилось писать, причем издалека. До нас дошло множество писем и различных указов Карла Анжуйского — графа Прованского, а затем короля Неаполя, — в общей сложности

более одиннадцати сотен, отправленных с 1257 по 1284 год его чиновникам или советникам в Анжу и Прованс из разных мест — Флоренции, Рима, Неаполя или Капуи, из замков и городов Южной Италии. Авиньонские папы тоже учредили замечательную организацию, подчиненную папской курии. Полвека спустя, но все же задолго до восшествия на трон Людовика XI, в счетных книгах главных сборщиков доходов герцогов Бургундских, Филиппа Отважного, а затем Иоанна Бесстрашного, отводилось две статьи на почтовые расходы: одна — на «посольства, поездки и дальнюю почту», другая — на «ближнюю почту». Расходы были немалые: тридцать записей за один год (июнь 1413-го — июнь 1414 года), сделанных сборщиком по Фландрии и Артуа, и пятьдесят некоторое время спустя (ноябрь 1416-го — июнь 1418 года) — его преемником как о конных гонцах, так и о скороходах.

Хотя Людовик XI ничего не изобрел (знаменитый эдикт от 1471 года, в котором усматривали зарождение настоящей королевской почты, похоже, — фальшивка), он все же строго следил за экспедицией, стремясь сделать ее более быстрой и надежной. В 1470 году при дворе состояли не менее восьми простых вестовых, а в июле один из них, Филипп де Ламотт, получил около тридцати ливров на прокорм для себя и лошадей и в награду за несколько поездок, которые он совершил «со всею поспешностью в Нормандию к адмиралу Франции и в иные места». Счетоводы королевской палаты целыми днями изводили бумагу, занося в счетные книги суммы, уплаченные вестовым, сержантам или свитским, пажам, писцам и нотариусам, порой аббатам, явившимся с запечатанными письмами или инструкциями. Например, с 11 ноября 1469 года по конец октября 1470 года было совершено около ста пятидесяти поездок за 3479 ливров и почти столько же в следующем году. Каждая из таких поездок подробно описывалась в десятке строк: имя и звание гонца, дата, место отправления, пункт назначения, количество дней в пути, характер письма. В случае необходимости упоминалось, что тот или иной гонец отправился в путь ночью и «со всею поспешностью». Некоторые гонцы уезжали, не совсем твердо представляя, куда направляются («где бы ни находился» адмирал, губернатор, сенешаль), но все же должны были привезти ответ.

В 1477 году король учредил по всему королевству почтовые станции для гонцов и лошадей, которые должны были получить уход и охрану. Два года спустя, в октябре 1479 года, Робер Пан, «главный надзиратель над вестовыми», учредил почтовые станции через каждые семь лье. На каждой из них находились несколько лошадей и один человек, который всегда ездил по одному и тому

же пути, туда и обратно. После этого послания из Тура стали приходить в Бордо или Амьен менее чем за сутки.

Управлять страной значило для Людовика писать письма по всякому поводу и быстро сообщать свою волю, где бы ни находились его чиновники. Не скупиться на постоянные, многочисленные и точные сведения, чтобы население всегда было уверено в том, что участвует в жизни государства, по меньшей мере, чувствовало, что его это касается, что к нему прислушиваются. В этом плане он был просто образцом совершенства. Его переписка, публиковавшаяся с 1883 по 1909 год, насчитывает десять томов, и это конечно же только письма, собранные авторами сборников в различных разрозненных фондах и дошедшие до наших дней совершенно случайно. Разумеется, это лишь небольшая часть тех посланий, что были написаны и отправлены за все время его царствования. Остается найти другие фонды, либо в архивах французских городов, либо за границей, в особенности в Италии — Милане, Флоренции и Риме. Необходимость диктовать свои решения и инструкции, следить за их исполнением, назначать новых людей на ту или иную должность, влиять на решения городских советов или церковных капитулов, сообщать известия о победах, обличать подлость и бесчестность врагов — все это было в центре его внимания. Так он понимал свое ремесло короля.

Людовик окружил себя многочисленной и замечательной командой «нотариусов и секретарей», которую он полностью обновил после своего восшествия на трон, не оставив никого из помощников своего отца. Образованные, дельные люди, способные оказывать самые разнообразные услуги, они пользовались его доверием и были важными помощниками в осуществлении политики, основанной на строгом контроле всех начинаний, затевавшихся в королевстве, даже очень далеко от королевской резиденции на данный момент — ведь король переезжал с места на место со скоростью, которая не облегчала задачи. Некоторые секретари, которым приходилось самим улаживать деликатные вопросы или быстро и тайно исполнять дела, не доводившиеся до сведения всех советников, стали богатыми и могущественными. Таков, например, Николь Тилар, нормандец из Сен-Ло, эрудит, друг художников и литераторов, владелец большого поместья, приобретенного по милости короля; под конец жизни он стал надзирателем за финансами трех сенешальств в Лангедоке. И все же этих влиятельных людей, часто дававших ценные советы, неоднократно имевших решающий голос в принятии решений, было недостаточно для выполнения поставленной задачи. Много лет спустя Брантом

нашел в «домашней сокровищнице» целую сотню писем, написанных к его предку Жаку де Бомону, господину де Брессюиру. На многих из них не было никакой печати, никакой привычной подписи секретаря. Значит, король, находясь в пути, охотно диктовал письма писцам или нотариусам, которых встречал в городах и весях.

Глава вторая В ХОЗЯЙСКИХ РУКАХ

1. Люди короля

Людовик не мог присматривать за всей бесчисленной армией чиновников. Но он хотел всех их знать, оценить, чего они стоят, и требовал от них беспрекословного повиновения, без отсрочек и опозданий: «я вами сильно недоволен... сделайте так, чтобы все было исполнено, и быстро, и чтобы я о том более не слышал», или: «ежели сие не исполнено, вы не прослужите мне более и часа», или: «я прекращаю платить вам жалованье», «опасайтесь не угодить мне, ибо тогда вы узнаете, чего вам это будет стоить».

Он вершил их карьеру и судьбу, использовал их по своему усмотрению и не допускал своеволия, а тем более пожизненного владения какой-либо должностью. Его люди действовали там и тогда, где и когда он их призывал, и не представляли собой единого корпуса со ступенчатой или территориальной организацией. «Верные и преданные други» годились для любого дела, им давали то одно поручение, то другое, и порой так неожиданно, что подобная смена рода деятельности нас бы сегодня шокировала: от сенешаля или бальи до прокурора или представителя короля на судебных процессах, от распорядителя финансов до посла. Обычно какой-нибудь королевский дворецкий, или советник, находящийся в фаворе, или сенешаль мог возглавить военный поход далеко от своего дома или «места работы».

Людовик XI опирался на этих верных и преданных людей, которым постоянно грозила опала, но которые составляли ядро его политического аппарата. Из них состояла наибольшая и самая стабильная часть Королевского совета — совещательного органа, который подготавливал множество решений. Король приглашал на него, кого хотел, но если некоторые (таких было подавляющее большинство) появлялись там лишь изредка, других призывали всегда, как только они оказывались рядом. Из 462 известных членов Совета за все время царствования 183 упоминаются лишь однажды, еще 119 заседали в Совете только в течение трех лет, призываясь восемь—десять раз, тогда как фавориты, ближние и доверенные люди, присутствовали на тридцати, пятидесяти, а кое-кто даже на шестидесяти восьми заседаниях.

Король Людовик хотел все знать и все решать сам. Это не вызывает никаких сомнений, но это обусловлено не только его характером, личностными особенностями. К тому вела вся форма

правления, политическая структура королевства. Страна постепенно приспосабливалась ко все более ярко выраженной административной централизации. Королевский суд стал обычной практикой. С другой стороны, французы видели в решениях, принятых Королевским советом, Парламентом или самим королем, хорошее и действенное средство против решений бальи и сенешалей, прево и распорядителей финансов, подозреваемых в злоупотреблении властью или произволе. Простое изучение четырех больших томов Королевских ордонансов, изданных в царствование Людовика, показывает, что люди всех сословий — рыцари, мещане и знать, а в особенности сельские общины — не колеблясь, обращались к королю, который один только мог оградить их от преследований, неприятностей, придирок со стороны местных властей. Ничто не делалось и не имело под собой прочной основы, если король не давал на это формального разрешения, так тогда считали практически все, поэтому в ордонансах подробнейшим образом расписано, как следует исполнять то или иное ремесло, в какое время года и в течение скольких дней проводить ярмарку или базар, как взимать ту или иную подать.

Если кто-нибудь боялся, что прево или бальи воспользуются случаем учинить расправу или потребовать неподъемную компенсацию, он обращался к государю, который действительно вникал во все дела, не считая ни один предмет недостойным своего внимания, и умудрялся находиться в курсе всего. Привычное представление о королевстве, где полномочия плохо определены, а границы между бальяжами или сенешальствами зыбкие, нечеткие и спорные, следует пересмотреть. Уже более двух веков, по меньшей мере, со времен знаменитых «Расследований» Людовика Святого в 1247 году, политические и судебные округа были четко очерчены. Бальяжи состояли из кастелянских округов, определенных еще в далеком прошлом. Кастелянства мелкопоместных феодалов, конечно, зачастую состояли из разрозненных земель, удаленных друг от друга. Королевские тоже не представляли собой одного массива: в Иль-де-Франс кастелянству Понтуаз принадлежало имущество в десяти лье оттуда, в Пикардии, а кастелянство Пьерфон представляло собой архипелаг с большим центральным островом. Но эти хитросплетения и большое количество анклавов не означали неразберихи. В каждом округе было четко известно количество приходов, которое не менялось. Налоговые округа, основанные в XIV веке, изменялись мало или оставались неизменны, они обычно рассчитывались на основе епархий, тоже четко определенных по принадлежности каждого прихода. Так

что хотя король и его советники не располагали ни административными картами на манер наших, ни кадастрами, они знали, что кому принадлежит и насколько простираются полномочия того или иного королевского чиновника или общины.

Знали они и о ресурсах, которые можно извлечь из каждого края. В марте 1483 года король дал нагоняй советникам и руководителям счетной палаты Анжу: он велел им сообщить «истинную ценность всего герцогства Анжуйского, ничего не упустив», однако получил весьма неполные сведения. «Вы упускаете сети и рыбную ловлю, — выговаривал король, — что есть основное».

С ранних лет принимавший участие в делах, но торопившийся избавиться от отеческой опеки, Людовик тоже хотел, чтобы ему «верно служили». Будучи дофином, он рано обзавелся собственным «домом» и двором, отличным от двора его матери Марии Анжуйской. Рядом с ним всегда были несколько тщательно отобранных советников: его гувернер Бернар д'Арманьяк, гиеньский рыцарь Амори д'Эстиссак — обер-камергер, главный дворецкий Габриэль де Берн, постельничий Симон Вержюс, Жан Мажорис, ставший из наставника его духовником, и врач Гильом Летье. Столь юный, но уже опытный в искусстве обольщать и переманивать верных людей, Людовик, управляя без короля Лангедоком в 1439 году, осыпал близких себе людей подарками и формировал свою клиентуру. 13 октября он подарил крупные суммы денег верным людям, которые его сопровождали: 50 ливров стольнику Жану Труссо и Гильому Летье, 20 экю своему духовнику, по сто каждому из двух камердинеров и двести господину д'Эстиссаку. Тремя годами позже из 30 тысяч флоринов, предоставленных ему штатами Дофине, крупные суммы были отданы «некоторым знатным особам из окружения дофина»: 500 флоринов адмиралу Коэтиви, столько же камергеру Жаку дю Тилли, двести Габриэлю де Берну, наместнику в Дофине, и еще два десятка подарков, от 25 до 250 флоринов, людям из ближнего круга, исполняющим мелкие должности.

В 1446 году, покинув двор, чтобы управлять Дофине, изгнанный и приговоренный к своего рода ссылке, он уехал не как изгнанник, в сопровождении нескольких слуг, а во главе многочисленного и блестящего эскорта. Это были заслуженные люди, долгое время исполнявшие ответственные должности: Жан де Лескен, бастард д'Арманьяк, Жан де Бюэй, Шарль де Мелен, Луи де Крюссоль и больше десятка знатных людей, имеющих владения в различных областях Франции и большой опыт как в

государственных делах, так и в придворных играх и заседаниях Совета. Людовик тотчас назначил двенадцать секретарей, на преданность которых мог рассчитывать; в их числе были Жан Бошель, женившийся на сестре Жака Кёра, Жан Бурре, простой писец, которого он повстречал в Париже и быстро продвинул наверх, и Жан Жопитр.

Находясь в ссылке, Людовик сумел привязать к себе людей, защитить их, осыпать милостями не только в Дофине, но и во всем королевстве. Каждый должен был понять, что если правильно выберет свой лагерь, то получит кое-что взамен. Место епископа Шалонского пустовало, король твердо поддерживал Жоффруа Флеро, епископа Нимского, но Людовик написал старейшине и капитулу, сообщив о своем желании поставить во главе епископства своего человека, Амвросия де Камбре, сына первого председателя Парижского парламента, уже бывшего архидьяконом Шалона, а главное — его дворецким. Он твердо стоял на своем, требуя, чтобы капитул избрал этого человека, хотя о нем говорили много дурного (помимо прочих злодеяний, он изготовил или велел изготовить подложные папские буллы, чтобы дать разрешение на брак Жана V д'Арманьяка с его сестрой Изабеллой). Но все напрасно: епископом Шалонским стал Флеро, а Амвросий де Камбре был избран в Але. Однако эта история и письма Людовика наделали много шуму и показали, что он принимал близко к сердцу интересы своих слуг.

Как только он стал королем, то сразу принялся за полное обновление штата, и не только в высших эшелонах. Об этом было известно, и Дюнуа воскликнул в тот самый день, когда узнал о смерти Карла VII, что он сам и все добрые слуги потеряли своего господина и что теперь каждый должен подумать о себе. Претенденты являлись толпами. Охота за почестями приняла неприличный оборот. Уже 24 июля 1461 года, всего через два дня после смерти короля Карла, несколько знатных особ и горожан выехали из Парижа и его окрестностей и отправились в Геннегау, Брабант и Фландрию на встречу с королем Людовиком, одни — чтобы получить от него земли, губернаторства и должности, другие — чтобы увидеть его и умолить сохранить земли, правительства и должности за их родственниками и друзьями, которые служили королю Карлу. Людовик громко заявил, что не желает ни о чем слушать и производить назначения до тех пор, пока его отец не будет предан земле, а он сам —коронован в Реймсе.

Но зато 2 сентября он так рьяно взялся за дело, что все были ошеломлены, а некоторые даже возмущены подобной «смутой» — настоящей чисткой, «охотой на ведьм», как мы сегодня бы

сказали. Она проводилась хозяйской рукой, не предоставляя ничего на волю случая. В особняке Турнель король собрал герцогов, графов и рыцарей, а также нескольких «мудрых и осторожных нотаблей», чтобы произвести назначения на должности. Это оказалось непростым делом — на совещания ушло целых три недели. Были смещены самые высшие чиновники в королевстве, а также множество секретарей, советников и писцов Счетной палаты, Парламента, казначейства, Монетного двора и пр. Имена жертв были известны, и каждый хронист приводит их список: Жан де Бюэй — граф де Сансер и адмирал, Робер де Гокур, адмирал Франции Логеак, Гильом Ювенал дез Юрсен, генеральный прокурор Жан Дове, который проводил ликвидацию имущества Жака Кёра, Ив де Сепо — первый председатель Парижского парламента, камергер Гильом Гуфье… Другие, больше себя скомпрометировавшие, чьих интриг и проступков Людовик не забыл, были арестованы и посажены в тюрьму (советники Гильом Кузино и Этьен Шевалье); Пьер де Брезе, великий сенешаль Нормандии, сбежал, а Антуан де Шабанн скрывался в окрестностях Эвре. Король послал за ним погоню и пообещал полторы тысячи экю тому, кто его приведет, заявив, что «когда его поймает, бросит его сердце своим собакам». Эти люди расплачивались за свою преданность Карлу VII. Людовик не терпел рядом с собой тех, кто верно служил его отцу и отказался последовать за ним, дофином, или, по меньшей мере, интриговать в его пользу и держать его в курсе всего, что затевалось при дворе. Верные советники подверглись преследованию, лишились имущества, попали во внезапную опалу, без всякого уважения к оказанным услугам, вынужденные довольствоваться скудными средствами, не допускаясь к принятию решений и ответственным должностям.

Габриэля де Руссильона, который в 1456 году уехал из Дофине, откликнувшись на призыв Карла VII, в 1461 году обвинили в сговоре с епископом Валенсийским Луи де Пуатье и взвалили на него вину за «разрыв между покойным королем и его сыном». Имущество его конфисковали и передали тогдашнему фавориту Эмберу де Батарне, свою жизнь он окончил в тюрьме, в замке Борепер в Дофине. Оливье де Коэтиви, в ранней молодости ставшего гранд-адмиралом Франции (в 1434 году), одного из героев завоевания Нормандии, посвященного в рыцари королем после победы при Форминьи (15 апреля 1450 года) и ставшего господином Тайбура по смерти своего брата Прежана, тоже не пощадили, несмотря на все его титулы и блестящую репутацию военачальника. Складывалось такое впечатление, что его заслуги и связи обернулись против него. В ноябре 1458 года Карл VII

женил его на своей побочной дочери Марии де Валуа, которая принесла ему, помимо приданого в двенадцать тысяч экю, одежд, шелка и мехов более чем на двенадцать тысяч ливров, еще и владение Сентонж с городами Ройан и Морнак. Придя к власти, Людовик XI сразу же лишил Оливье командования отрядом в пятьдесят копий, отнял у него губернаторство и сенешальство в Гиени, конфисковал его владения и отказался выплатить остаток приданого Марии. Он даже хотел лишить всех прочих наследников Прежана имущества, отнятого у англичан во время отвоевания земель. 28 ноября 1461 года Жан Изоре, советник и камергер короля, явился в замок Тайбур, чтобы сообщить Коэтиви и его жене, «госпоже Марии Французской», что они должны сдать «баронство, замок, земли и владение Тайбур со всем, что ему принадлежит и к нему относится», или же уплатить тысячу марок золота. Люди короля потребовали, чтобы их впустили в донжон, не нашли там ни мебели, ни утвари, но забрали вино. Затем они завладели портом Тайбура, относящимся к данному владению, а в самом Тайбуре — особняком Сен-Серен. Суровость короля, его желание забрать всё себе или для своих близких не знали никаких границ. Жан де Фуа, граф де Кандаль, «державший сторону англичан», был пленен «в честном бою» Прежаном де Коэтиви в 1450 году и обязался уплатить крупный выкуп в двадцать три тысячи восемьсот пятьдесят золотых экю в течение полутора лет, под страхом штрафа в пятьсот дукатов за каждый месяц задержки. Десять лет спустя Оливье де Коэтиви, унаследовавший этот выкуп, так еще ничего и не получил, а Кандаль «своими докуками и улещаниями» добился от короля снятия выкупа. Уже лишившись своих земель, Оливье де Коэтиви не посмел противиться королевской воле («Бойтесь гнева государева!») и вернул ему его обязательства, скрепленные печатью.

Других советников ждала расплата за темные интриги, которые во времена Карла VII привели их к власти, и за провинности перед друзьями дофина. Некоторые авторы утверждают, что Людовик был очень дружен с Жаком Кёром и что эта дружба в 1450 году стала одной из причин опалы казначея, изгнанного грубым и бесстыдным образом партией честолюбивых придворных, возглавляемых Шабанном, графом де Даммартеном. Поэтому опала его самого никого не удивила. Во всяком случае, стала ли эта чистка без суда и следствия проявлением политической мудрости и разумного недоверия или сведением счетов, ее размах наделал много шуму.

Всех отстраненных от должностей заменили новые люди или верные слуги времен изгнания и борьбы против Карла VII. В

Париже Людовик сначала велел везти себя во дворец на острове Сите, в главный зал, и заявил, что все, кого его отец бросил в тюрьму Лувра, будут немедленно освобождены. Среди них был Робер д'Этутвиль, парижский прево, арестованный в 1460 году солдатней, которая перевернула в его доме все вверх дном в поисках шкатулок, ящичков и прочих мест, в каких могли бы находиться бумаги, и нанесла «множество оскорблений его жене, почтенной, благородной и порядочной даме». Д'Этутвилю вернули должность прево.

Тех, кто последовал за дофином в изгнание в Женапп, вознесли и наградили высокими должностями. Так, Жан де Монтобан стал адмиралом Франции и смотрителем рек и лесов. Жан Бурре стал одним из приближенных короля, который прислушивался к нему более, чем к другим. Его назначили составлять и запечатывать патенты о предоставлении должностей, что принесло ему значительное состояние.

Хронисты того времени уделяли меньше внимания государственным институтам, чем королевским чиновникам, и мало или в самых общих чертах говорили о потрясениях, коснувшихся палат Парламента или Счетной палаты. Однако мы знаем, что большинство из пятнадцати почти постоянных членов Большого совета были уволены; остались только Жан де Бурбон и Жан Бюро, смотритель артиллерии, от которого Людовик многого ожидал. С тех пор и в течение долгого времени люди, которых часто призывали на заседания Совета, были сплошь людьми короля, теми, кого он знал в юности и кому доверял, — Жан Дайон, сеньор дю Люд, Пьер Дориоль, распорядитель финансов, — а еще больше было тех, кто находился рядом с ним в трудные годы и в ссылке, — Жан, бастард д'Арманьяк, Антуан де Кастельно, Луи де Крюссоль, Жан де Монтобан, Жан де Монтеспедон, а также давние друзья Жака Кёра: Жан де Бар и Гильом де Вари. Жан Барийе, арестованный по приказу Карла VII в 1449 году и двумя годами позже приговоренный к тюрьме и штрафу в шестьдесят тысяч экю, в октябре 1462 года был назначен магистром Счетной палаты.

По традиции (или легенде?) считается, что Людовик XI старался окружить себя людьми, находившимися полностью в его власти, выходцами из незнатного сословия. Эти верные ему люди были накрепко с ним связаны, находились в его тени, следовали за ним повсюду, а чтобы скомпрометировать их и забрать над ними полную власть, он поручал им грязную работу — арест подозреваемых, расследования, заседание в чрезвычайных трибуналах, тайные поручения и переговоры. Авторы приводят имена Жана де Монтобана, Амвросия де Камбре, а главное —

Тристана Лермита и Оливье ле Дена, как будто эти люди были единственными наперсниками государя. Тристан, ничем не выделявшийся среди прочих, когда он в 1431 году поступил на службу к Карлу VII, двадцатью годами позже был посвящен в рыцари и оставался при Людовике XI до самой своей смерти в 1478 году, не зная опалы. Этот человек, которого ненавидели аристократия и знать, телом и душой преданный королю, сурово покарал по его приказу в 1466 году в Нормандии сторонников Карла Французского и герцога Бретонского; в том же году он помогал вести процесс над Шарлем де Меленом и добился его осуждения, получив в награду кое-что из пожитков покойного. Что же касается Оливье ле Дена, Людовик чисто случайно встретил его в небольшом фландрском городке Тиелт, находясь в изгнании в Бургундии, отличил и сделал своим слугой — цирюльником, но также жестоким и тайным исполнителем гнусных дел; он даже доверил ему несколько посольских поручений, пожаловал дворянство и сделал графом де Меленом[12]. Ни тот ни другой не получили снисхождения от мемуаристов, которые очень недобро смотрели на то, как король благодарил их за службу. Все, вслед за Коммином, удивлялись «должности, пожалованной сим мудрым королем столь малому человеку (Оливье ле Дену. — Ж Э.), не способному ее исполнять».

Их присутствие среди самых достойных королевских чиновников, а тем более широта их полномочий, которые называли тайными, и мрак, который зачастую окутывал их деятельность, во многом способствовали созданию представления о Людовике как о злобном, во всяком случае скрытном короле, беспрестанно готовящем всякие преступления, властителе, которому нравилось поручать подобные дела соглядатаям и худородным изуверам, сущим разбойникам.

Образы из легенды, легко утвердившиеся в XIX веке по воле писателей-романтиков, ставших «властителями дум», напоминали о «мрачных временах Средневековья». Вернуться к реальности — значит представить себе государя, более заинтересованного в услугах известных людей, которые уже проявили свои навыки и умения, нежели окружающего себя людьми без чести и совести, а также без всяких способностей. Он умел выбирать и не засорял свой аппарат посредственностями, стараясь окружать себя людьми хоть и скромными, но уже имевшими опыт государственной деятельности. В 1465 году, когда был заключен мир с принцами из Лиги общественного блага, он отправился из Парижа в Орлеан и «взял с собой Арно Люилье, парижского менялу и мещанина, которому настоятельно велел следовать за ним и всегда находиться подле него, и взял также мастера Жана

Лонгжо-младшего... для участия в своем Большом совете». А главное — об этом уже было сказано, и не раз, — он превосходно владел искусством сманивать доверенных людей своих соседей. Высшие чиновники, ведшие политическую игру, по большей части были перебежчиками. Никто не старался так, как он, привлечь к себе человека, который мог ему служить. Он настаивал, не отступался, предпринимал все новые попытки «и не обижался, получив единожды отказ от человека, коего он желал переманить к себе, а продолжал его осаждать, давая большие посулы, деньги и должности, о которых знал, что придутся ему по душе». Он не делал тайны из этих маневров, вслух высказывая свое намерение щедро отблагодарить всех тех, кто оставит своего господина и явится к нему, подав пример всем его подданным, «под какими бы принцами и вельможами они ни находились, покинуть все прочие страны, чтобы служить нам как своему самодержавному господину». А верные ему люди, в первую очередь Коммин, наперебой восхищались государем, который лучше всех, кого они знавали, «умел почитать и уважать порядочных и стоящих людей». Разве умение «приблизить к себе добродетельных и почтенных людей, знающих и толковых», не являлось главнейшим качеством короля?

Он постоянно справлялся о достоинствах советников или высших чиновников, которых хотел сманить от их господина; каждый визит от двора к двору давал ему повод провести переговоры, маневры, подарить подарки или поманить красивыми обещаниями, а также случай подготовить измену. Его послы поступали так же; они подготавливали почву и тотчас сообщали обо всем королю. Ничто не должно было от него ускользнуть, и он являлся на встречи лично, уверенный в том, что сумеет убедить любого.

Те, кто отвечал на его авансы, стремились к безопасности, уверенности в завтрашнем дне. В те времена войн и мятежей власть принцев, даже в самой Бургундии, слабела от множества восстаний, внезапных или подготовленных, а Французское королевство, пройдя через кризис Лиги общественного блага, становилось все сильнее и крепче. Соблазн примкнуть к нему для многих был непреодолим. Слуги принцев или вельмож уже не хранили им непоколебимую верность: государственная служба возобладала над прежней феодальной службой. Коммин, ловко нашедший предлог для своей бесславной измены, прекрасно определяет чувство неуверенности и смятения таких слуг: «Мы утратили всякую веру и искренность по отношению друг к другу, и трудно сказать, какие узы еще могли бы связать нас».

А еще — и прежде всего — им нужны были деньги, и тот же

самый Коммин договорился до того, что всякая измена отвратительна, если совершена не за плату. А король Людовик был так щедр, расточая свое золото и дары! Часто он попросту предлагал сделку. 25 апреля 1470 года, находясь в Гаскони, в Лимоне, он попросил Жана Бурре, бывшего в Сомюре, прислать ему немного денег, ибо, по его словам, «у меня здесь множество гасконцев, а мне нечего им дать»; трое из них были людьми Жана д'Арманьяка и только что перешли на сторону короля. Для других, тщательно подготовленных переходов, проводилась длительная предварительная работа, переговоры, на которых обговаривались условия, а под конец происходила передача средств, сопровождаемая разнообразными гарантиями. Коммин, которого посланец короля уже уговорил изменить своему герцогу, воспользовался в 1471 году поручением к королю Кастилии и паломничеством в Сантьяго-де-Компостела, чтобы проехать через Францию, говоря, что сначала наведается в Бретань; в Туре он получил обещание пенсиона в шесть тысяч ливров. Эту сумму тотчас передали на сохранение купцу Жану де Бону, бывшему приказчику Жака Кёра. По возвращении из паломничества Коммин все еще пользовался доверием Карла Смелого, но в ночь с 7 на 8 августа 1472 года оставил бургундский лагерь под Дьепом. Позднее, после смерти герцога Бургундского, король занялся покорением городов к северу от Соммы, повсюду обещая деньги: «если в какой-либо крепости находился капитан, способный сдать ее за деньги, и заводил знакомство с королем, он мог быть уверен, что нашел покупателя, и не боялся его отпугнуть, запросив слишком большую сумму, каковую тот щедро ему предоставлял».

Щедрой рукой король повелел раздать в целом пятнадцать тысяч золотых экю. Это было сопряжено с определенным риском: «тот, кому сие было велено, удержал часть себе и плохо ею распорядился, как о том прознал король».

Хотя все авторы сходились в том, что король умел обольстить или подкупить, ни один не показал, какой поистине необычайный размах приняло перебежничество и насколько политическая верхушка королевства благодаря этому обогатилась и обновилась.

Боффилле де Джудичи, отпрыск одного неаполитанского рода, сначала служил Иоанну Калабрийскому в королевстве Неаполь, потом в Каталонии, во время похода 1466 года. После смерти Иоанна (16 декабря 1470 года в Барселоне) он вернулся в Прованс, приведя военный отряд и доставив крупные суммы денег королю Рене, который сделал его советником и камергером. Уже в следующем году он предложил свои услуги королю Людовику, который отправил его с посольством в Милан, а потом

послал подавлять восстание в Руссильоне в 1473 году, назначил его бальи Перпиньяна, затем вице-королем Руссильона и Сердани, капитаном Кол-лиура. Поручил ему также множество посольств в Венецию, Милан, к английскому королю Эдуарду IV. Оставаясь в милости у короля, он участвовал в судебном процессе над графом де Першем в марте 1483 года. Еще один неаполитанец, Никола де Монфор, граф де Кампо-Бассо, «человек бессовестный и опасный», сражался в Иль-де-Франс вместе с Иоанном Калабрийским во время войны с Лигой общественного блага. Став камергером герцога Бургундского, он предложил свои услуги королю, который долго колебался, трижды ему отказывал и даже просил герцога Миланского и герцогиню Савойскую арестовать этого Кампо-Бассо, который должен был пройти по их землям, чтобы набрать в Тоскане и на юге Италии войска для Карла Смелого. И только три года спустя, в конце 1476 года, во время осады Нанси тот бросил бургундцев, перешел в лагерь герцога Лотарингского и в конечном счете поступил-таки на службу к Людовику XI.

Большой популярностью пользовались бретонцы. Вассалы герцога могли только поражаться козням своего сюзерена, который в соответствии с соглашением между Иоанном II Бретонским и Филиппом IV Красивым, заключенным в 1297 году, должен был подчиняться французскому королю; однако он беспрестанно интриговал против короля, заключая договоры с бургундцами или англичанами. Во время Лиги общественного блага им было трудно сделать выбор, множество из них пребывало в нерешительности и сомнениях. Объявить себя одновременно «добрыми бретонцами и добрыми французами» было легко, труднее было поддерживать эту фикцию. Не все остались глухи к королевским обещаниям пенсий и должностей. Людовик XI поставил на поток сманивание бретонских советников и военачальников. Таннеги дю Шатель, прекрасно знавший механику этих измен, поскольку сам ушел в 1461 году от герцога к королю, потом вернулся в бретонскую армию в 1465 году, наконец был прощен и снова примкнул к Людовику в 1468 году, сказал, что его господин хотел «вывести из окружения герцога всех влиятельных, державных и могущественных людей, находившихся у него в услужении, дабы герцог склонился пред волей короля». Он не считал за труд лично встречаться с тем или иным вельможей или чиновником, находившимся в шатком положении, недовольным своей судьбой в Бретани, чтобы перечислить ему все выгоды от перехода на королевскую службу. Пеан Годен, уволенный герцогом с должности смотрителя артиллерии, приехал в Амбуаз, чтобы уладить кое-какие дела и

переговорить с несколькими бретонскими пушкарями, служившими тогда в королевской артиллерии. Тут подошел король и стал убеждать его остаться. Людовик долго его улещивал, горько сетуя на «измены, мятежи и злодейства, причиненные ему герцогом и иже с ним», а затем предложил показать ему свои пушки.

Некоторые из перебежчиков потом передумали, раскаявшись, стосковавшись по родине или пожелав вернуть свое имущество в Бретани, а может быть, откликнувшись на зов герцога, который наверняка не сидел сложа руки. Жан де Роган в апреле 1470 года сказал, что отправляется по святым местам, а сам покинул Нант и мчался сломя голову до самого французского двора. Осенью 1475 года, раздосадованный тем, что платили ему не лучше, он решил вернуться к прежнему господину. Он уже находился в одном аббатстве рядом с Нантом, когда король сообщил об этом господину де Брессюиру, сказав, что рассердится, если Роган доведет свой план до конца: «Возьмите трех-четырех человек из тех, которые взялись доставить его в Бретань, привезите их ко мне и пообещайте им всяких благ, а также то, что я хорошо обойдусь с монсеньором де Роганом». Во всяком случае, сделайте так, чтобы он не смог продолжить свой путь; я знаю одного юношу из Дофине в его свите (добавил король), «поговорите с ним и со всеми прочими, что стоят над ним». Другие тоже мучились сомнениями, хотели вернуться, потом опять уезжали. Филипп Дезессар, дворецкий Людовика XI в 1465 году, капитан Монти-ле-Тур, которому к тому же была поручена охрана зверей и птиц (отнюдь не простое дело), сбежал в Бретань и стал губернатором Монфора. Но король надавал ему столько обещаний — и тотчас предоставил пожизненную пенсию в четыре тысячи золотых экю, — что он вернулся, стал бальи Мо, смотрителем рек и лесов Франции с пенсионом в тысячу двести ливров. И находился на этом посту до самой смерти в 1478 году.

Людовик не потерял понапрасну ни одного дня после смерти своего брата Карла Гиеньского. Он находился неподалеку, поспешно продвигался вперед и ждал только известия о кончине, чтобы прибрать к рукам и герцогство, и чиновников, у которых не оставалось другого выбора, кроме как подчиниться или укрыться в союзной Бретани. Упрям-цы, которые никуда не уехали и были схвачены, — «отказники» — узнали почем фунт лиха: их обвинили в измене и тотчас вынесли приговор. Более покладистые принесли присягу: высшие чиновники — поодиночке, их подчиненные, слуги и кое-какие вельможи не столь высокого ранга — целыми группами. 29 мая 1472 года двадцать три человека поклялись перед Жаном Бурре в верности

королю «на голове святого Евтропия, возложив руку на оную голову», и тотчас получили управленческие должности. Среди них был Панталеон, впоследствии ставший личным врачом короля. Жильбер де Шабанн, племянник недоброй памяти Антуана, графа де Даммартена, камергер и сенешаль Гиени, перешел на службу к королю сразу после смерти Карла, получив за это сенешальство Базас.

По меньшей мере, двое из тех, кто уехал в Бретань, пробыли там недолго, соблазненные посулами пенсий и должностей. Гасконец Оде д'Айди, господин де Лескен, служивший Карлу VII, Франциску II Бретонскому, а потом Карлу Гиеньскому, сначала укрылся в Нанте, где дал приют другому беглецу — Гильому де Супленвилю, вице-адмиралу герцога Гиеньского. Однако тотчас отправил его в сентябре 1472 года с посольством к королю в Пон-де-Се, чтобы поговорить о возвращении. Гильом не устоял перед шестью тысячами экю, выплаченными наличными, пенсией в тысячу двести ливров, местом градоначальника Байонны, прево Дакса, владением Сен-Север и, позднее, бальяжем Монтаржи. У каждого была своя цена, и Оде д'Айди, наведя справки о намерениях короля, последовал за ним. Он тоже не проиграл и обеспечил себе прекрасную карьеру: великий сенешаль Гиени, капитан Бордо, сенешаль Ландов, граф де Комменж и адмирал Франции.

На самом деле эти люди, возможно, подвергавшиеся большой опасности и уже представлявшие себе, как их предадут королевскому суду по обвинению в сговоре с герцогом Карлом, в первые недели или месяцы стремились только к тому, чтобы сменить господина. Они перестали злословить на счет короля, обвинять его в отравлении брата и получили обратно хорошие должности у себя в Базасе, Даксе или Бордо. Доказательство мудрости: в этих краях, присоединенных к владениям французской короны всего два десятка лет назад, король не насаждал пришлых сенешалей или капитанов. В 1476 году он торжественно примирился со всей ги-еньской знатью и сделал Бертрана, бастарда де Галара де Дюрфора, до сих пор хранившего верность английскому королю Эдуарду IV, своим советником и камергером.

Несвоевременные демарши герцогов Бретонских, а потом смерть Карла Гиеньского многое упростили. Однако со стороны Филиппа Доброго, а потом Карла Смелого Людовик XI наталкивался на более упорное сопротивление. Чтобы подбить на измену и побег, ему приходилось пускать в ход все средства, тратить много денег, а главное — подстерегать промахи соперника. Он добился успеха, многих этим удивив, — вырвал у

бургундского государства такое количество достойных людей, что это государство, и без того ослабленное потерей нескольких капитанов и советников в сражении при Монлери (камергеры Филипп де Лален и Жоффруа де Сен-Белен, бальи Куртре Филипп д'Уаньи), было совершенно обескровлено. В списке смененных королем было не менее двух-трех десятков человек. При герцоге Филиппе их было еще не так много, но при Карле Смелом уже больше, а уж после его смерти — тем более.

История утверждает, что во время знаменитой встречи в Перонне (октябрь 1468 года) король сговорился с несколькими чиновниками герцога, которые держали его в курсе дел и даже предостерегали от опасностей, намереваясь впоследствии принять их к себе на службу. Это не чистый вымысел, поскольку он сам на это намекнул, припомнив, что Филипп де Коммин тогда сильно ему помог: «Когда мы были в руках и во власти неких из мятежников и непокорных... и в опасности подвергнуться заточению... он, не убоясь грозящей ему опасности, предупреждал нас обо всем, о чем мог, ради нашего блага». Перонннское дело обернулось так плохо, что собрать жатву удалось еще не скоро, и она оказалась небогатой. Жан де Бодрикур, сеньор де Вокулер, примкнул к королю в том же году, но Гийо По заставил себя ждать дольше: он получил должность бальи Вермандуа и командование Копьеном в 1469 году. Гасконец Антуан де Кастельно, сенешаль Гиени, обвиненный в измене вскоре после Монлери, попал в тюрьму, сбежал, укрылся в Бургундии, оказал несколько услуг Людовику в Перонне, но примкнул к нему в конечном счете лишь в 1471 году.

Между тем осенью 1470 года Людовик предоставил убежище двум беглецам, близким знакомцам Бодуэна, бастарда Бургундского, которые участвовали в заговоре с целью убить Карла Смелого. Их гонец по ошибке передал их письма другому бастарду Бургундскому — Антуану. Бодуэн сбежал, и король подарил ему виконтство Орбек. Однако Парламент отказался зарегистрировать дарственную, в итоге перебежчик примирился с Карлом Смелым и сражался рядом с ним во время осады Нанси.

В 1472 году настал черед Коммина, потом, в 1475 году, — Иоанна Бургундского, кузена герцога, и Жака, господина де Монмартрен и де Луан. Кое-кто покинул Карла Смелого после ареста Иоланды Савойской, сестры короля, — Иоанн, принц Оранский, Гильом де Рошфор, которого Людовик потом сделал канцлером, врач Анджело Като, ставший в 1482 году архиепископом Валенсийским. Как только стало известно о драме в Нанси, Филипп де Коммин и Людовик, бастард Бурбонский, были отправлены королем в бургундские земли, «дабы привести к

покорности всех, кто того пожелает», и сделать выгодные предложения тем, кто сдаст свои замки и города. В Абвиле Коммин пообещал кругленькие суммы денег и пенсии магистратам, чтобы те впустили его войска. Однако двери раскрыл народ, ремесленники и чернь, так что нотабли ничего не получили, «поелику крепость была сдана не ими». Губернатор Арраса Филипп де Кревкёр «вышел из города и вывел из него бывших с ним солдат, и каждый отправился туда, куда пожелал, поступив так, как ему было угодно»; сам же он примкнул к королю, который сделал его губернатором Арраса и Пикардии, обер-камергером и маршалом Франции; его брат Антуан получил цепь ордена Святого Михаила и должность начальника над волчьей ловлей. Перонн без боя сдал Гильом Биш, «человек низкого происхождения, коего обогатил и возвысил герцог Карл».

Другие заставляли себя упрашивать, дожидаясь, пока успехи короля сделаются очевиднее: таковы Гильом IV де Биржи, барон де Бурбон-Ланси, фламандец Жан Дриеш, Филипп де Ошберг, маркиз де Ротлен и господин де Баден-вейлер, который женился на Марии Савойской, племяннице Людовика XI, и получил в приданое земли Монбар, а затем владения Жу, Юзиль и Понтарлье. Вскоре после того к ним присоединился Гильом де Клюни, папский протонотарий, епископ Теруаннский, который на службе у короля получил епископство Пуатье. Великому бастарду Бургундскому Антуану, пленнику Рене Лотарингского, король сделал щедрые предложения, уверяя, что отблагодарит его больше, нежели противоположная сторона. Тот согласился перейти на его сторону и действительно получил графства Гиз и Отремон.

После побед в войне за завоевание Бургундии поток перебежчиков усилился. Капитаны, захваченные на поле битвы, недолго подвергались суровому обращению и, очутившись перед лицом короля, знали, как повести переговоры о своем переходе к нему на службу: «Я видел много знатных узников ... впоследствии они, к своей великой чести и радости, вышли из заключения и получили от короля большие блага. Среди них был сын монсеньора де ла Грютюза из Фландрии, плененный в сражении, — его король женил, сделал своим камергером, сенешалем Анжу и дал сто копий. Также сеньор де Пьен, попавший в плен во время войны, и сеньор де Вержи — они оба получили от него кавалерийские отряды и стали камергерами его или его сына, заняв одновременно и другие посты». Симон де Кенже, бургундский военачальник, захваченный в плен во время похода 1478 года, тоже покорился и был освобожден. Это было какое-то поветрие, охватывавшее людей, на чьих глазах Мария

Бургундская и ее сторонники теряли города и земли. Людовик все-таки держался начеку и наводил справки. В том же 1478 году, узнав, что к нему собираются переметнуться Жан де Круа и Оливье де ла Марш, он усомнился в их искренности и попросил разведать получше: «Я сильно опасаюсь, нет ли в том какого обмана». Однако, по его словам, он страстно желал, чтобы де Круа был на его стороне. Так в конце концов и случилось.

2. Обеспеченные и удачно женатые

Все эти люди полностью от него зависели; «пенсии» тогда составляли более трети всех государственных расходов, и это для девятисот человек. Конечно, большую часть получали принцы, принцессы крови и крупные вельможи, но в ту же статью писари Счетной палаты заносили около полусотни бальи и сенешалей, капитанов и большое количество чиновников ниже рангом. Эти пенсии обходились дорого и вызывали резкую критику как со стороны некоторых моралистов и хронистов, так и отдельных советников. Вскоре после смерти короля, на Генеральных штатах, собравшихся в 1484 году, это прозвучало одним из самых больших упреков в адрес его правительства. Тома Базен, очень жестко высказывающийся по этому поводу, видел в выплате пенсий одну из причин затруднений, испытываемых королевской казной, и нищеты народа. Другие немного позднее писали, что для короля это был способ составить и сохранить клиентуру из своих протеже, получавших деньги за приведение в действие колесиков и винтиков государственного механизма, и что эти «пенсионеры» были попросту «купленными» людьми. Но идея о «монархическом клане», королевской партии на государственном финансировании на поверку оказывается несостоятельной: на самом деле эти пенсии были жалованьем, регулярно выплачиваемым за исполнение определенной должности.

Однако король следил и за тем — и это вызвало гораздо больше словопрений, — чтобы эти люди пользовались его покровительством и зачастую большими привилегиями. Он постоянно требовал от сборщиков той или иной подати, чтобы те вычеркнули их из своих списков и возместили им уже уплаченные суммы. Это не могло не вызвать противодействия, ибо городские общины, обложенные тяжелыми поборами, недобро смотрели на освобождение от налогов людей, которые казались им чужаками и щеголяли перед нотаблями-налогоплательщиками неслыханным богатством. Людовик сделал все возможное, чтобы подавить это сопротивление, и упорно называл освобождение от налогов добрым обычаем.

В 1448 году, еще будучи дофином, он послал одно за другим с десяток писем магистратам Лиона, приказывая им более не облагать налогом некоторых чиновников на его службе. Обложить их налогом считалось злоупотреблением, «чудным» и беспричинным делом, «ибо вы знаете, что чиновники и служители королевы и наши свободны во всем королевстве ото всех податей и выплат». Это касается Жерара Самота, «нашего возлюбленного хирурга и камердинера», Гильома Бесея, распорядителя двора, Жана Ботю, секретаря дофина. А также Антуана Ледье, камердинера и первого ювелира, Матье Томассена, ибо он и его жена принадлежат к королевскому двору и двору дофины, Жана дю Перье, брадобрея и слуги архиепископа Вьенского. Советники и финансисты Лиона посовещались, помялись, но подчинились и вычеркнули из списков тех, кого велели. Через четыре года они отказались освободить от податей вдову и детей одного лионского «выборного», Гильома Моро, и захватили и продали в один день все их залоги, но получили хороший нагоняй. Людовик настоял на своем, «памятуя об удовольствиях, доставленных нам оным выборным при жизни его», напомнил, что один из сыновей Моро был его крестником и носил его имя. И на этот раз ему покорились.

Став королем, он не колеблясь заявлял о своих правах и грозил расправой. 3 августа 1469 года он обязал тех же самых магистратов и жителей Лиона более ничего не взыскивать с двух его слуг — конюшего Жана де Вильнева и его брата Пьера, которые с оружием в руках сражались против мятежников из Лиги общественного блага. Он проявил такую настойчивость, что послал в один день три письма по одному и тому же вопросу: одно — городским советникам, второе — сенешалю Лиона и третье — лионским выборным. Пусть обоих братьев освободят от податей и от выплаты вспомоществования городу, а то, что у них уже взяли, пусть им вернут. Он четко излагает свою мысль: «И ежели повеленное не будет исполнено и они снова будут обижены вами, знайте, что мы тем будем весьма недовольны». На сей раз советники взяли время на размышление и собрались лишь три недели спустя, 25 августа, чтобы в конечном счете, взвесив все «за» и «против», всё же повиноваться...

Самодержавный владыка людских судеб, Людовик XI принимал решения обо всех назначениях и решительно прогонял любого, кто ему не услужил или разонравился, зачастую пав жертвой тайных интриг, которые плели завистники. Таких людей обвиняли в худших злодеяниях, предавали суду королевских комиссаров и безжалостно осуждали. История этого царствования соткана из подобного соперничества и опал, часто бывших

следствием мерзких интриг. Некоторые теряли всё — должность, имущество и жизнь.

Зато верные и «возлюбленные», сумевшие сохранить доверие к себе, имели всё, что пожелают. Конечно, пенсий — поначалу очень скромных для большого числа слуг — не хватало для удовлетворения запросов честолюбцев, которые мечтали о богатстве и выгодных браках для своих детей. Король помогал им, дарил земли, владения, особняки в городах. К пенсиям он присовокуплял награды за особые услуги, пошлины на соль, на продажу того или иного продукта, взимание дорожной подати. В Анжу он приказал уплатить пятьсот ливров ренты Дитриху фон Хальвилу, которого ему представил пятнадцатью годами раньше другой «немец» — Николай фон Дисбах, бывший вообще-то швейцарцем. Этот Дитрих, переименованный в Теодориха, воспитанный при дворе как паж, сражался в 1470 году с бретонцами, потом, бок о бок со швейцарцами, с бургундцами при Грансоне и Морате в 1476 году. Он стал хлебодаром короля, который назначил его также судебным приставом в Анжу.

Эмбер де Батарне, которого Людовик повстречал ребенком на дороге из Вьена в Дофине и тотчас принял к себе на службу, последовал за ним в изгнание в Женапп и всю жизнь сохранял к себе его доверие. Став в 1461 году сеньором дю Бушажем, в следующем — капитаном Блэ и Дакса, а затем начальником отряда в сто копий во время походов в Гасконь и Гиень, он каждый год получал новые доказательства неизменной щедрости: смотритель портов и дорог, досмотрщик соляных амбаров в сенешальстве Лиона; обла-датель ренты с доходов от нескольких кастелянств в Дофине; капитан Мон-Сен-Мишеля, опирающийся на лейтенантов, которые были его родственниками или друзьями (1464); капитан замка Меан-сюр-Иевр и смотритель соляного амбара в Бурже (1465); наконец, постельничий в 1468 году. При этом каждое исполненное поручение приносило ему владения и поместья, которые трудно подсчитать, настолько длинен список королевских даров. Денег у него было вдосталь, и он еще расширил свои внушительные земельные владения путем многочисленных приобретений: в Турени — имение Бридоре (между Лошем и Шатильоном), которое он сделал своей обычной резиденцией; в Берри — Мулен; в Гаскони — Ош, купленный в 1474 году у Филиппа де ла Мотта, вестового, который получил его в благодарность за свои услуги. Король восстановил для него графство Фрезансак и повысил титул в его пользу, потом сделал имение Бушаж баронством.

Еще один спутник по изгнанию в Дофине и Женапп Жан Бурре — тоже не был забыт и не прозябал в бедности. Этот

человек, про которого говорили, что его ум и манеры лишены утонченности и достойны презрения, получал самые доверительные поручения и под конец жизни сколотил невероятное состояние, притом что ничем не был обязан своим предкам. Его имя навеки связано с замком Плесси-Бурре, но у него, по меньшей мере, было еще четыре: Жарзе — самый большой и красивый, одно из богатейших строений Анжу, в поместье, приобретенном в 1465 году (его сожгли в 1793-м); Кудре, Лонге и Антрамм, тоже разрушенные. И это не считая нескольких домов в его родном городке Шато-Гонтье, дома в Туре на улице де ла Сельри, еще одного в Амбуазе на берегах Луары и особняка в Париже.

В наших учебниках говорится, что средневековый феодал располагал вдовами и дочерьми-сиротами своих вассалов, быстро и по своему усмотрению выдавая их замуж за людей, способных исполнять воинскую повинность, зачастую вопреки желанию рода, который сделал бы иной выбор. По правде говоря, подобные конфликты и силой навязанные брачные союзы были более редким делом, чем нас уверяют некоторые авторы, стараясь создать отталкивающую картину феодализма.

Людовик XI, во всяком случае, не злоупотреблял так называемым феодальным правом, даже правом сюзерена. Он стремился не сохранить вотчины за боеспособными рыцарями, а во имя общего блага и государственных интересов отблагодарить советников, чиновников всякого ранга, преданных слуг, и те оказывались таким образом связаны с семьями, которые иначе бы их не приняли. Подобное вмешательство в личную жизнь, которое из-за угроз и принуждений порой принимало драматический оборот, шокировало тем более, что почти всегда шло вразрез с интересами родственников, строивших иные планы. Король не проявлял щепетильности, использовал любые средства, внимательно и упорно следил за продвижением подобных дел, никогда не отказываясь от задуманного. Приходится констатировать, что он стремился не только облагодетельствовать какого-ни-будь своего слугу, но и ослабить и унизить род, не внушавший ему доверия. Тогда он навязывал такому клану худородного человека, обязанного сим странным счастием только работе, выполненной для своего господина, — порой это была неприглядная работенка, столь же подлая, как и его происхождение.

Жорж де Брилак, вельможа, принадлежащий к Орлеанской партии, был вынужден выдать свою дочь за некоего Люка — камер-лакея, человека с худой славой. С другой стороны, король сосватал мадемуазель де ла Берандьер, сироту и богатую

наследницу из Анжу, за одного из своих ловчих — Рене де ла Роша. Он приказал силой забрать от деда другую сироту, двенадцати лет от роду, чтобы выдать ее за камер-лакея, а мадам де Пюзаньи, вдову одного феодала из Сентонжа, принудили выйти замуж за шотландца из королевской гвардии.

Чиновники из мещан, подвластные королю, подвергались дурному обхождению, как только кто-нибудь позарится на их состояние: один богатый «выборный» из Суассона был вынужден, чтобы сохранить свою должность и, вероятно, свободу, дать согласие на брак своей единственной дочери с простым слугой из королевского дворца.

Пусть женщина уже замужем, пусть семья сопротивляется, взывает к своим друзьям, даже к Парламенту или к Церкви, — это неважно. Людовик отобрал законную супругу у господина де Фэя, брата епископа Лиможского, и отдал ее Понбриану, капитану отряда в сто копий. Чтобы женить одного из своих печально известных агентов — некоего Жос-лена де Буа Бальи — гоффурьера, а на самом деле слугу на все руки, — он велел арестовать сразу после свадьбы Анну Гас, которая вышла замуж за господина де Магрена, знатного лимузенца. Ее вместе с матерью доставили в Ниор к сенешалю Пуату, а потом в Тур к королю, на их головы низверглись брань и страшные угрозы, так что они уступили. Неизвестно, каким образом первый брак был признан недействительным.

Для крупных военачальников и высокопоставленных чиновников король подбирал еще более знатные семьи. Он ничего не принимал в расчет и не обращал внимания на ясные отказы, повторяемые на все лады. Он заставил вмешаться архиепископа Нарбоннского, чтобы принудить графа д'Альбре, который не смирялся и громко возмущался, отдать свою дочь за Бофиля де Жюжа. Эмбер де Батарне, ставший сеньором дю Бушажем единственно по королевской милости, хотел жениться на Жоржетте, дочери Фулька де Маршеню, сеньора де Шатонёфа, но натолкнулся на сопротивление отца, который решительно восстал против этой подлости. Фулька бросили в тюрьму, и он пробыл там год под угрозой потери всего своего имущества; он также опасался за судьбу своих родных, преследуемых разными способами, подвергающихся невыносимому давлению, и в конце концов смирился; брачный договор был подписан в присутствии короля 24 марта 1463 года, а свадьбу отпраздновали, не откладывая, 25 апреля. Брат Эмбера Антуан, королевский кравчий, женился на Мэй де Ульфор, дочери канского бальи, и получил кругленькую сумму в шесть тысяч закладных экю (не выплаченных тотчас же) под залог владения Эвреси в том же

самом бальяже.

Братья Вильнев, состоявшие при королевском дворе, заявляли о своей принадлежности к знати, но недавней, пожалованной королевскими грамотами от 14 июля 1469 года. В начале августа Людовик приказал парижской Счетной палате утвердить эти грамоты. Он был не такой человек, чтобы терять время.

Жалование дворянства не было нововведением. Прежде так поступал Карл VII, в частности, в пользу Жака Кёра, однако расширение подобной практики, потрясавшей социальные основы, все же вызывало ропот. Но королю это было выгодно: так он платил за услуги, оказывал почет верным людям, повышал их социальный статус, привлекал к себе верных клиентов и платил им, не тратя на это свои деньги, ибо дворянством награждали не бесплатно. Если Вильневы ничего не уплатили в казну, то лишь потому, напоминает король, что «мы оставили и даровали им средства, полагающиеся к уплате за оное дворянство». Так же и врач Тома Киссарн ничего не платил; смотрителям Счетной палаты велели ратифицировать грамоты о дворянстве, дарованном «ему и его прямому потомству, уже порожденному, и тому, что родится от него в законном браке», ибо полагающаяся к уплате сумма была ему подарена. Большинство новоиспеченных дворян выплачивали нужную сумму, однако требовали освободить себя от податей.

В социальном плане жалованное дворянство в итоге создало новую знать, которая, по крайней мере в первое время, оставалась преданной королю, в случае необходимости противостояла старой и не всеми признавалась. До сих пор дворянство, конечно, не было ни «классом», ни даже четко определенным «сословием». Положение «благородного» не соответствовало никакому правовому понятию, и пополнение этой социальной группы не было оговорено четкими правилами. «Благородство» во Французском королевстве было делом личных достоинств, доблести и образа жизни — всего, что ценилось близкими и признавалось остальными. Доступ к «благородству» не был закрыт. К нему вел своего рода консенсус благородных соседей, которые убеждались в том, что данный человек служил с оружием в руках, набирал войска, командовал отрядами, владел поместьями, приличными доходами, большим домом, скорее, замком, и лошадьми и что он через посредство брака вступил в союз со знатным семейством. Однако грамоты о жаловании дворянства и выбор короля, не нуждавшийся в одобрении и считавшийся произвольным, навязывали совершенно иную концепцию дворянства. Люди короля становились благородными по заказу, и мнение равных им или их соседей не принималось в

расчет.

Более того, король Людовик не стремился, как его отец, отличить людей, уже проявивших себя на высоких постах и снискавших почести, уважаемых за свои заслуги. Он «облагораживал» самых разных людей потому только, что они были призваны исполнять какую-то должность — чисто административную, без всякого риска или жертв. Уже в ноябре 1461 года он самовластно решил, что все городские власти Ниора — мэр, двенадцать эшевенов и двенадцать советников — «станут считаться, отныне и навсегда, благородными в суде, в военное время и в каком бы то ни было месте». В июле 1470 года жители Орлеана получили право приобретать вотчины знати, сохраняя за ними все феодальные права. Король также возвысил магистратов Тура, Бове и Анже.

То, что раньше было признаком действительных отличий, стало волей государя. Над внезапным и громким успехом довлела печать произвола.

Глава третья.
ЧАСТО СОВЕЩАТЬСЯ И ВСЕГДА ВСЕ РЕШАТЬ САМОМУ

1. Париж, забытый город

Опытный и осторожный, король Франции умел извлекать уроки из прошлого, которого он не застал, но которое, будучи недавним, оставалось в памяти в образах беспорядков и насилия. Отец и советники научили его остерегаться Парижа. В противоположность другим городам в королевстве он все еще казался очень опасным и во всяком случае ненадежным. Тогда в нем проживали более ста тысяч жителей, против двадцати-тридцати тысяч в Руане. Этот город сотрясали социальные бури, он был уязвимым, способным восстать и последовать за проповедниками любого толка, за принцами крови с плотно набитыми кошельками и хорошо подвешенными языками, раздающими направо и налево обещания и бочки с вином, или за вдохновенными ораторами, призывающими к справедливости без всякого риска для самих себя, разглагольствующими о Божьем гневе и Страшном суде. Карл V, будучи дофином, а потом Карл VI оказались заперты в Париже, постоянно подвергаясь опасности, и многие их чиновники расстались там с жизнью. Осознание этих угроз было вызвано и жуткой резней в майскую ночь 1418 года, когда от десяти до двадцати тысяч человек — мужчин, женщин и детей, — признанных (зачастую по ошибке) сторонниками арманьяков, были убиты в тюрьмах и на улицах. Карл VII был тогда дофином, ему чудом удалось бежать из города, находившегося во власти толпы, которую уже не мог обуздать ни один трибун. Став королем, он сумел подчинить себе этот город только после четырнадцати лет сражений, но так и не обосновался в нем по-настоящему. Он только наезжал в столицу на краткое время, положив тем самым начало длительному периоду отсутствия здесь монарха, вплоть до наследников Франциска I. Все время находясь на подозрении, город лишился двора, чужеземных купцов и крупных финансистов. Дела пришли в упадок, денег стало не хватать; художники отправились творить сначала в Бурж, потом в города и замки в центре страны. То, что мы обычно называем эпохой «замков Луары», сначала было эпохой замков на реках Шер или Эндр и стало следствием не каприза, а выверенного политического решения. Речь шла не о возвращении к природе, не об играх в пастушков среди полей, а

об управлении вдали от угроз и давления уличной толпы.

Людовик XI на протяжении всего своего правления не терял бдительности, чтобы не попасться в ловушки, расставленные смутьянами, способными взбунтовать парижан. Он не хотел, чтобы против его власти восстал какой-нибудь Этьен Марсель или Иоанн Бесстрашный, и позаботился о том, чтобы не оказаться заложником разгневанной толпы, которую так легко взбаламутить. Он был достаточно ловок, чтобы быстро подчинить себе город, увериться в его покорности... и отправиться жить в другое место, где он мог спокойно управлять делами страны.

Он устроил себе блестящий прием в Париже в 1461 году, утверждая законность своей власти, навязывая свое присутствие. Он тотчас провел в городе совет, вернее, продиктовал свою волю по поводу обновления чиновничьего корпуса в государстве. Во время войны с Лигой общественного блага он понимал, насколько велика ставка в игре, и знал, что потеря столицы наверняка принесет победу мятежникам. Именно чтобы сохранить ее, он и повел свою настоящую войну. Велел вооружить ополчение и укрепить стены. А главное — постарался привлечь на свою сторону торговую аристократию и народ, раздавая и тем и другим кое-какие привилегии или налоговые послабления. Ему это прекрасно удалось: осаждаемый принцами, которые старались поднять бунт знати или народное восстание и беспрестанно засылали агитаторов, Париж остался верен королю.

Июль и август 1465 года: после Монлери начались нескончаемые переговоры между принцами, ставшими лагерем под Парижем, и королем, или, точнее сказать, правительством и королевской партией. За короля действовали его наместник-губернатор и нотабли, представляющие институты управления, которые всегда были на посту и участвовали в совещаниях: «И в то время собрали они церковников, суд Парламента и граждан Парижа, дабы вместе потрапезничать и решить, что надлежит совершить по всем делам и по каждому в отдельности». Ибо в те дни Людовик был в Манте или в Нормандии, чтобы собрать «в свой отряд тридцать тысяч нормандских и прочих воинов», а город сам занимался ведением мирных переговоров и собственной обороной. Эти люди, назначенные неизвестно как, но, во всяком случае, истинные и бесспорные представители своего круга, заняли удивительно твердую позицию по отношению к мятежникам, храня верность королевским чиновникам и знати из партии Людовика. В первые же дни купеческий старшина отказался действовать, не посоветовавшись с ними. А позднее заявил представителю принцев Дюнуа, что не даст никакого ответа, предварительно не переговорив об этом с

королем и не узнав, какова будет его воля.

В отсутствие короля среди парижан постоянно велась всякого рода пропаганда. Сам Дюнуа и другие агитаторы то и дело приезжали в город, распускали слухи о недовольстве принцев, чтобы восстановить толпу против государя, которого представляли настоящим тираном, повинным в злодеяниях и преступлениях, разбазарившим государственную казну, заключающим союз с иноземцами против «благородных семейств Франции», силой принуждающим к браку представителей разных сословий, к бесчестию и неудовольствию оных, по меньшей мере, их родственников, более того, назначающим недостойных людей на высшие посты в государстве. Все напрасно. Времена Этьена Марселя и «живодеров» прошли, и город не поддавался на провокации: «Знатные люди в Париже, солдаты и простолюдины стояли за короля». Королевские чиновники знали, как удержаться, а нотабли — как привлечь толпу на сторону короля. Они раздували слухи о том, что принцы «умышляют ввести в Париж бретонцев и бургундцев на беду королю и городу, а посему народ взволновался и убил оных посланников». Они обличали «горожан, имевших в мыслях впустить господ сих в Париж». Так что тот самый народ, который в 1418 году раскрыл ворота бургундцам, теперь укреплял стены и обходил их дозором.

Карл Беррийский и его лигисты пошли с другой карты. Они попросили собрать штаты королевства; король отказался, и тогда они потребовали, чтобы мирный договор рассматривался не в его владениях, в Париже или в ином месте пребывания его Совета, а у них, в лагере Боте-сюр-Марн, без его присутствия, тридцатью шестью комиссарами, назначенными для этой цели. Среди них должны были быть двенадцать церковнослужителей, двенадцать дворян и двенадцать разночинцев, все заслуженные люди, которым герцог Беррийский и его сторонники открыли бы причины, вынудившие их взяться за оружие. В общем, предлагалось провести собрание штатов, ограниченное парижанами. Город, конечно, выставил своих представителей, делегацию возглавлял епископ Гильом. Но большинство быстро утомилось и перестало показываться на заседаниях. Ничего не решили и, судя по всему, не выдвинули никаких предложений. Попытка поговорить в обход короля, представить ему, как некогда сделали «живодеры», реформу государства в форме ордонанса, жалким образом провалилась. Мирные договоры, положившие конец Лиге общественного блага, были подписаны, а ни о каких реформах даже не упоминалось.

Впоследствии, когда кризис миновал, а союз принцев ослаб и распался, король показывался в городе все реже и реже, не

задерживаясь в нем дольше, чем на несколько дней, предпочитая ему городки, селения или замки Иль-де-Франс. У него не было парадной резиденции в Париже, и он не выстроил или не обустроил там никакого особняка, который был бы связан с его именем. В 1464 году, когда дела призывали его в Нормандию и Пикардию и ему приходилось проезжать через Иль-де-Франс, он провел там в общей сложности только двадцать четыре дня против сорока четырех в Ножан-ле-Руа на реке Эр, под Ментеноном, тридцати восьми в Абвиле, двадцати семи в Руане и двенадцати в Турнэ. В 1477 году, во время первого большого похода на бургунд-цев, он останавливался в тридцати разных местах, от Турени до Артуа, но ни разу в Париже.

Он управлял из провинции по расчету, по политическому решению, из которого не делал тайны. Всегда осмотрительный, даже подозрительный, он неохотно доверял людям из Иль-де-Франс. Во времена первых Валуа и Карла VI эти люди — церковники, аристократы или законники — составляли подавляющее большинство в Королевском совете. Напротив, Людовик XI постоянно поощрял области, которые некогда выступили на стороне его отца Карла VII и Жанны д'Арк против парижан и бургундцев. Из двухсот сорока восьми членов Совета за все время его правления только из долины Луары было пятьдесят шесть, то есть четверть; в нем заседали тридцать семь обычных советников из центральных районов Франции, тогда как парижан было всего двадцать один, то есть менее десяти процентов. Это означало продолжение политики Карла VII, с той лишь оговоркой, что людей из Дофине и Нормандии призывали в Совет чаще и в большем количестве.

Король не намеревался править из настоящей столицы и придавать ей особое значение в стране. Двор, Совет, секретарская коллегия и нотариусы не должны были прочно обосновываться в том или ином дворце. Они были при короле, там, где находился он сам. По меньшей мере один раз он, чтобы не ехать в Париж, предпочел вызвать к себе представителей главных государственных институтов, которые, конечно, и подумать не могли, что им придется сниматься с места. В 1468 году «король вернулся в Санлис и Компьен, куда повелел приехать и предстать пред ним всему суду Парламента, своей Счетной палате, распорядителям финансов и прочим чиновникам, что они и сделали».

Более того, Людовик ясно выказал свое намерение привлечь к делам все городские общины. Города были широко представлены на Генеральных штатах в Туре. Позвали семьдесят городов, и больше шестидесяти выслали своих выборных представителей.

Этих делегатов не держали в стороне и обращались с ними уважительно. Они заседали в одном зале с представителями духовенства и дворянства, на соседних скамьях, и брали слово в назначенный час, в те же дни. На скамьях, отведенных для «верных городов», каждый сам выбирал себе место, соседствуя с кем хочет. Среди представителей больше всего было «буржуа», купцов, ремесленников или законоведов: два-три светских лица на одного церковника. А главное — Париж не пользовался никаким предпочтением: шесть делегатов против трех-четырех от других городов; принимая во внимание большую разницу в численности населения, столица была представлена много скромнее.

Для Людовика XI одним из главных качеств государственного деятеля было умение убеждать, предвидеть или улаживать конфликты. Всегда показывать, что король рядом, что он заботится о своих подданных и уважает их, чтобы у тех не было оснований сплетничать у него за спиной и выставлять ему претензии. Все должно быть ясно сказано, и искусство управлять зиждется прежде всего на широком согласии, тщательно подготовленном и поддерживаемом.

Пятого апреля 1466 года он сообщил своим «дорогим и возлюбленным лионцам», что вынужден забрать управление Нормандией у своего брата Карла, и в оправдание себе отправил длинное послание, лишенное канцеляризмов и туманностей, написанное на одном дыхании, доступно, ясно и четко. Как усомниться в искренности человека, который не напускает туману, а идет прямо к цели? Год назад, сразу после завершения мрачной истории с Лигой общественного блага, он уступил Нормандию Карлу против «своей воли и желания». И это было ошибкой. Ему не следовало этого делать, ибо сей поступок противоречил «запретам, изложенным в ордонансах французских королей», которые, опасаясь несчастий, могущих случиться в этом королевстве, как в былые времена, не желали, чтобы брат короля был правителем Нормандии. Более того, это герцогство «дорогого стоит», и оттого что его передали под отдельное управление, «все Французское королевство могло потерпеть большой убыток». И он, король, поклявшийся сохранить в неприкосновенности права короны, просто обязан, по совету многих вельмож одной с ним крови и прочих знатных людей, вернуть Нормандию под свое начало и более ее не отдавать.

До нас дошло только письмо к лионцам, но наверняка такие же послания разлетелись по остальным верным городам. Король не мог допустить, чтобы некоторые, не поставленные в известность о происходящем, «удивились»; все верные и добрые

подданные должны одобрить его действия, оказать ему помощь и поддержку. Пусть знают также, что Карл, если будет вести себя как подобает, получит большие и хорошие владения.

Ведя военные действия, король подробно оповещал всех об успехах своих войск. Ему казалось полезным показать «знатным и честным людям», что поступившие от них деньги используются должным образом, успокоить их, пресечь подлые слухи, предупредить смятение или дезертирство. 15 июня 1477 года Жорж де Ла-Тремуйль одержал крупную победу во Франш-Конте, возле городка Грей, над войсками принца Оранского. Уже 22-го числа, всего через неделю, Людовик XI написал в города, в том числе в Руан, Лион, Пуатье, Бордо и Турнэ, чтобы их жители знали о масштабах «разгрома», учиненного над врагом. Он не удовольствовался простым известием, а представил это сражение военным подвигом, показав, что это было почти чудо, случившееся с помощью Господа и Богородицы. Сын принца, Гуго де Шато-Атлэ пришел «с силой великою», с другими капитанами и военачальниками, во главе бургундцев и немцев, на помощь своему отцу. Но тот уже бежал, все его люди рассеялись, охваченные паническим страхом при мысли о том, что Бог и судьба против них. Точно неизвестно, каковы их потери, ибо гонцы, принесшие счастливую весть, отправились в путь тотчас же. Во всяком случае, погибло не менее четырех тысяч (?) человек и многие были взяты в плен, оружие и военные трофеи также были захвачены на поле битвы. И король незамедлительно оповещает о том своих верных подданных, поскольку не сомневается, что им всегда приятно получить «столь добрые вести». Если случится еще что-ни-будь, он тотчас сообщит им со всею поспешностью.

Тома Базен и прочие недоброжелатели часто обвиняли его в том, что он не собирал Генеральные штаты королевства. Однако, разумеется, предпочитали не напоминать, что он поступал так по веским причинам. Воспоминание о Генеральных штатах, созванных в Париже в 1357 году, которыми заправляли Этьен Марсель и Робер Ле Кок, подстрекатели к мятежу, еще не стерлось из памяти. Любой ценой не допустить повторения этого! Карл VII остерегался созывать Генеральные штаты, и дофин Людовик присутствовал рядом с отцом только на местных собраниях, проводимых в гораздо более спокойных городах, вдали от взрывоопасной столицы. Контролировать провинциальные штаты — в Оверни, Лимузене или Лангедоке — было гораздо легче, и речь на них шла не о крупной реформе государства, вдохновляемой дурными замыслами честолюбцев, а о частных делах.

По сути, Людовик XI собрал Генеральные штаты лишь один раз за все свое правление, продолжавшееся более двадцати лет. Это случилось в 1468 году, и не в Париже, а в Туре, вдали от волнений. То, каким образом созывалось и проводилось турское собрание, меры, принятые для контролирования и ограничения дебатов, — верх политического искусства. Король, конечно, интересовался мнением делегатов и выслушивал их, но ничем при этом не рисковал. Извещения о созыве штатов разослали 26 февраля — всего за пять недель до назначенного дня: 5 апреля. Штаты в целом заседали всего девять дней, вынужденные следовать четко определенной программе. Каждый выступал по очереди, соблюдая регламент. Для прений места не осталось — ни для общих, ни для частных. И конечно же ни о малейшей реформе правительства и советов речи не было. Король не собирался выслушивать советы и упреки. Он превратил это торжественное собрание во вспомогательный механизм и позволил упомянуть лишь о возврате Нормандии, отобранной у его брата Карла, чтобы штаты дали согласие на отвоевание ее королевской армией — проявление силы, которое все же вызывало кое у кого возмущение. Канцлер Гильом дез Юрсен задавал вопросы: должно ли герцогство отделиться от владений французской короны? Следует ли принудить герцога Бретонского оставить еще удерживаемые им крепости? Потребовать, чтобы он отказался от мысли впустить англичан во Францию? Только это, и ничего другого.

Генеральные штаты, которые до сих пор, и в частности в 1357 году, состояли из людей, назначенных самыми разными способами, без четких правил и зачастую произвольно, теперь, в Туре, действительно представляли всю страну. Король установил некоторый паритет между числом людей, призванных лично королевскими письмами, и выборными от городов. Он даже разослал приглашения более ста пятидесяти представителям дворянства, Парламента, духовенства и семидесяти «верным городам», в которых были устроены выборы представителей. Таким образом он дал понять, что все королевство — за него. Штаты не просто одобрили при-соединение Нормандии. Они отправили своих делегатов в Камбре вести переговоры о продлении перемирия с герцогом Бургундским и добиться, чтобы он перестал поддерживать Карла, брата короля. Тот факт, что из семи делегатов Генеральных штатов пятеро были королевскими чиновниками, в том числе Жан Дове, первый председатель Парижского парламента, Гильом Кузино, губернатор Монпелье, и Жан Гран, генеральный наместник в сенешальстве Лион, ясно показывает, что король не уступал своих прерогатив и сохранял

инициативу. Штаты выполнили свою роль, как никогда прежде.

2. Города и ремесла под опекой

Король был не радетелем городов и горожан, а их господином. С первых же лет своего правления он навязал им администраторов, по большей части выбранных или предложенных им самим или его доверенными людьми. Этот «король-буржуа» всегда был враждебен институтам, которые мы сегодня назвали бы «демократическими», то есть избранным всем населением. Он сам учреждал только городские советы, где принятие решений и управление были доверены ограниченному кругу лиц, которых было легко контролировать. Никто не просил его об этом, да и он никого не спрашивал: «Поелику наш город... в былые времена не управлялся мэром и эшевенами, а нам угодно, чтобы отныне было так...» Эта фраза стала обычной для его писарей и нотариусов и не менялась от письма к письму.

В 1461 году, вскоре после своего вступления в Тур, он предоставил жителям города те же «привилегии», что его отец некогда даровал Ла-Рошели: корпус из ста выборных горожан, совет из семидесяти шести членов, двадцать четыре эшевена и мэр. На самом деле управляли городом только мэр и эшевены. Они могли собирать советы колокольным звоном, но целью этих собраний было только сообщение о принятых решениях. Они также могли приобрести ратушу и земли за городской чертой, чтобы сваливать туда вывозимые из города нечистоты.

Ларошельский «рецепт», списанный с более древних «Учреждений» Руана, быстро применили ко множеству городов по всему королевству, вплоть до Лиможа, Сента, Манда и Труа, где крестьян и горожан призвали избрать тридцать шесть эшевенов, из них обязательно двенадцать церковнослужителей и двенадцать «мещан или иных жителей, верных и преданных нам и нашей короне, в делах осторожных, доброй славы, честной жизни, рассудительных в речах, радеющих о пользе и выгоде оного города и общем благе». Города попросту передавались под контроль администрации. Но обычно это представляли в выгодном свете, как единственный способ положить конец некоторым злоупотреблениям (никогда не называвшимся), как знак королевской заботы и даже как награду за выдающиеся услуги. В Туре король сослался на то, что именно здесь «нас долгое время кормили, и здесь нашли мы отраду и учтивость». Бове отличился, сопротивляясь «жестоким и сильным вассалам герцога Бургундского», и его жители, мужчины, женщины и дети, в те дни сражались на стенах, «не щадя живота своего».

В Анжере учреждение муниципалитета стало поводом пробить брешь в полномочиях герцога Анжуйского и его агентов. В хартии ясно говорилось, что этот город, один из самых больших, древних и значительных в королевстве, сильно уменьшился и обеднел, рвы и защитные стены находятся в плохом состоянии из-за плохого ухода и управления. Виной всему этому, конечно, войны с англичанами, но также «нехватка полиции и совета, и что нет никакой общины, как в других верных городах и селениях». Первым деянием мэрии, учрежденной в этом ленном владении, стало твердое и торжественное заявление, обличающее чиновников Рене Анжуйского, корыстных и некомпетентных. Было запрещено заключать договоры, скрепляя их иной печатью, кроме печати мэра, что, в общем, было посягательством на права герцогского нотариуса, а анжуйскому судье запретили разбирать дела сторон, проживающих в городе или его окрестностях.

Мэр и эшевены получили право взимать различные подати как на общественные расходы, так и по требованию короля, например, акцизы, налоги с розничных продаж вина, на повозки и на скотные рынки. В Анжере они определяли пошлину на переезд через Луару, либо взимая ее непосредственно, либо давая на откуп, и все сборы с транзита товаров, составлявшие до тысячи ливров в год. Но прежде всего они должны были обеспечить общественный порядок, предотвратить или пресечь брожение толпы. Король напоминал им об этом и возлагал на них ответственность: в случае беспорядков пусть захватывают зачинщиков с помощью вооруженных горожан. После волнений в Бурже он в мае 1474 года учредил там мэра и двенадцать эшевенов и сам назначил мэром Франсуа Готье, а эшевенами — родственников Рауле. Этот Рауле, или Роле, де Кастелло, виночерпий короля и королевский прево в самом этом городе, предста-вил ему список нотаблей для утверждения их эшевенами, и список был тотчас утвержден, за исключением одного имени — Филиппона де ла Лу, о котором король был дурного мнения. Более того, Рауле поручили набрать столько сержантов, сколько потребуется для захвата смутьянов и для удержания их в покорности. Мэр и эшевены поклялись «не допускать никаких беспорядков». Пятнадцать нотаблей из Тура — эшевенов — привели в Анжер, чтобы они поклялись на кресте святого Лода, что «не допустят, чтобы кто бы то ни было во граде Туре получал должности и доходы, не будучи предан королю, а ежели попытается, они помешают ему своею властию и известят о том государя».

Существовал ли риск народных волнений или нет, все

«мэрии» должны были чувствовать на себе хозяйское ярмо и сотрудничать с королевскими чиновниками в самом городе или в бальяже. 12 апреля 1473 года лионцев попросили оказать хороший прием господину де ла Барду, назначенному бальи Макона и сенешалем Лиона. Они поспешили преподнести ему в качестве приветственного подарка два бурдюка лучшего кларета, двенадцать толстых факелов на палках, двенадцать фунтов лучшего варенья и сто мер овса для его лошадей. Затем с готовностью назначили его капитаном городской стражи, зная о его опытности в военном деле. Сам Людовик XI (об этом уже шла речь) старался жить в разных городах своего королевства, дабы наблюдать, делать выводы и следить за тем, чтобы установленному им порядку ничто не угрожало. В мае 1481 года, уже больной и ослабевший, он поручил сеньору де Брессюиру разузнать, не продает ли Жан Меришон, мещанин из Ла-Рошели, свой особняк в этом городе; дом был ему нужен, чтобы «быть ближе к ним и держать их на коротком поводке», но пусть дело ведется тайно, «дабы он не заподозрил, что сие исходит от меня или что я желаю иметь сей дом».

Мэр зачастую был попросту королевским агентом, во всяком случае, доверенным лицом, получавшим плату за услуги. В Туре им сначала стал Жан Брисонне (1462), женатый на Жанне Бертело — дочери распорядителя королевского Монетного двора и приобретший несколько владений в Ту-рени. Рекомендательные письма, вернее, предостережения, постоянно рассылавшиеся во все концы, невозможно сосчитать, они не оставляют никаких сомнений в постоянном стремлении государя навязать своих людей. В 1467 году он писал жителям Пуатье: «Нам угодно, чтобы ваш город получил в градоправители честного и знатного человека, который был бы нам верен и предан»; посему просим вас из-брать Кола Мурана, одного из двадцати пяти эшевенов и старейших и почетных горожан; «и мы поручаем нашему прокурору Жану Шевредану сообщить вам об этом». Жителям Амьена, приславшим к нему одного из своих эшевенов, чтобы узнать, кого им выбрать мэром, король ответил, что им должен стать мэтр Жан Дюкорель. На собрании эшевенов тот «взял самоотвод», говоря, что на него и так уже возложены ответственные должности: его «избрали» для взимания вспомоществования и наместником бальи Амьена, а все его время занято «прочими важными делами». Тщетное сопротивление: на следующий день распорядитель королевского двора сказал ему, что «поскольку так угодно королю, отказываться невозможно». Тот и не стал. Летом 1481 года король сам назначил мэра (Пьера Тюилье) и шестерых эшевенов Бордо, потом мэра Абвиля.

Называемый в учебниках истории «королем-буржуа», он старался держать города и городскую знать в своих руках... Почти все градоначальники были его людьми, ставленниками его двора или Парламента, или финансовыми деятелями.

Даже выборы эшевенов не всегда проходили без его участия: в апреле 1466 года он известил жителей Пуатье о том, что его камердинер Пьер Лэньо, торговец солью из Шартра, женился на женщине из их города и намерен там поселиться; король рекомендовал горожанам сделать его эшевеном, как только освободится вакансия, отдав ему предпочтение перед другими. Градоначальники, сплошь верные королю, обычно получали четкие инструкции и оказывали давление на выборы эшевенов, придавая им нужное направление. Почти всегда вмешательство короля имело целью уравновесить власть аристократических родов. До сих пор богатые купцы, менялы, законники оставляли за собой административные должности по негласному уговору или даже методом простой кооптации. Король хотел отстранить их от этих должностей или, по меньшей мере, расширить социальную базу узких советов, в частности, совета эшевенов, и ввести в него простых торговцев и ремесленников. В Туре в 1469 году из двадцати трех установленных эшевенов пятеро были адвокатами и семь купцами, но остальные одиннадцать — мастеровыми. В 1475 году законники из Анжера горько сетовали на выбор Гильома де Серизе — мэра, поставленного над ними королем, который назначил в эшевены людей низкого происхождения, своих родственников и близких, а также союзников и сообщников, не сведущих в юриспруденции. Такие люди наверняка не воспротивились бы государевой воле.

Однако мастеровые люди, на которых король таким образом возлагал некую политическую и налоговую ответственность, одновременно утрачивали право заниматься делами своей профессии. Их ассоциации, гильдии и цехи, подпали под власть королевских агентов или мэра, и король намеревался установить за ними строгий надзор. В Анжере мэр и эшевены контролировали вступление в гильдии, систему членских взносов и штрафов, а также институты взаимопомощи и благотворительности. Людовик годами приказывал проводить расследования, подтверждал или лично реформировал устав многих цехов по всему королевству, каждый раз говоря о необходимости положить конец поистине нетерпимому положению, до которого докатилось ремесло «за неимением верной политики, порядка и устава». Так было с турскими хлебопеками и сапожниками, канскими мясниками, парижскими рыбаками, ткачами и вышивальщиками Вьерзона, скорняками и

мясниками Амьена, бочарами, столярами и слесарями Эвре.

Бальи Кана, Руана и Жизора, а также виконт Фалеза могли «увеличивать и сокращать, как им угодно», уставы цехов; они следили за прохождением судебных процессов и приведением приговоров в исполнение. То же было в Бурже, Шартре и Труа. Парижские прево Жак де Вилье, а потом Робер д'Этутвиль занимались поддержанием порядка и реформами в области общей политики и управления всеми городскими цехами. С другой стороны, король утвердил за собой, а потом за королевой, дофином и кое-какими людьми из своего ближнего круга право назначать мастеров, освобожденных от изготовления «шедевра». В конце августа 1461 года, всего через несколько недель после вступления в Париж, он напомнил, что по случаю своего благополучного прихода к власти ему угодно назначить в каждом верном городе присяжного мастера каждого цеха; так, он сделал Ришара де Монтрусселя мастером цеха мясников. Десятью годами позже он назначил другого — Жана Депре-младшего. В 1463—1464 годах в одном только Амьене было уже тридцать три цеховых мастера, назначенных королем; с годами их становилось все больше.

3. Управление экономикой и государственный капитализм

Вмешательство короля или его ставленников в дела и жизнь цехов вписывалось в рамки более общей, четко определенной политики, целью которой были контроль и твердое управление производственной, торговой, финансовой и банковской деятельностью в стране. Пьер Буассонад проанализировал в 1927 году стиль управления экономикой Людовика XI и назвал его «государственным социализмом». Этот термин воспринимается как чрезмерная модернизация, однако совершенно точно, что Людовик, следуя примеру своего отца и Жака Кёра, старался поставить крупные секторы производства и торговли под государственный контроль — создавая своего рода «государственный капитализм», во всяком случае государственное управление экономикой.

С этой целью он окружил себя людьми, на которых обратил внимание еще когда был дофином и которые явно поддерживали его политику государственного вмешательства в производство. Не все финансовые советники Карла VII были изгнаны в 1461 году, пав жертвами большой перетряски кадров и обновления аппарата. Этьен Пети, главный казначей Лангедока, который, будучи нотариусом и секретарем короля, сколотил огромное состояние,

остался на своей должности, пользуясь доверием нового повелителя. После его смерти в 1469 году его сменил сын, тоже Этьен.

Людовик XI вернул сыну Жака Кёра Жоффруа земли, конфискованные у его отца во время процесса 1450 года. Не дав согласия на пересмотр этого процесса, против чего выступал Парламент, он все же написал, что казначей Карла VII был обвинен «по доносам, сочиненным некими злопыхателями, стремящимися обездолить его и присвоить его имущество, а среди прочих — Антуаном де Шабанном». Он вернул на службу Гильома де Вари, главного поверенного, а потом товарища Жака Кёра, сделал его земским судьей Эг-Морта и поручал ему важные задания, задействовав его, таким образом, в осуществлении своих великих проектов. Когда Вари умер в 1469 году, он выдал его вдову, Шарлотту де Бар, замуж за Пьера Дориоля, одного из своих самых доверенных советников, который стал в 1472 году канцлером Франции. Вари окружала целая группа выходцев из Берри: Жан Бошетель, Рауле, Луи Тутен, Жан де Виллаж и Жан Труссо. Вместе с Жаном де Боном, тоже бывшим приказчиком Жака Кёра и его помощником, которого король в 1472 году сделал казначеем дофина Карла, прибыла другая когорта финансистов — из долины Луары и центра Франции, в частности братья Брисонне — Гильом, Жан и Пьер.

Жан де Бон и его зять Жан Брисонне (сын Жана Брисонне — первого мэра Тура) взяли на откуп несколько дорожных застав в королевстве и разбогатели на торговле сукном и шелком, солью и хлебом. В начале царствования они часто одалживали королю крупные суммы денег. Переписываясь в Туре с двумя флорентийскими компаниями — Перуцци и Медичи, они, по сути, служили лишь посредниками, получая от итальянских банкиров краткосрочные займы либо под гарантию золотой и серебряной посуды или драгоценностей, либо под письменные обязательства. Вся прибыль доставалась флорентийцам, в основном Медичи, представители которых в Лионе — Франческино Нори и Лионетто де Росси — открыли счета для нескольких королевских советников и чиновников, в частности Бофиля де Жюжа и Эмбера де Батарне.

Людовик XI пожелал положить конец этой практике, которая ставила его самого и близких ему людей в сильную зависимость от иностранных финансистов. Итальянцы требовали, сверх процентов с одолженных сумм, плату за услуги и даже пытались иногда повлиять на принимаемые решения политического характера. Более того, эти компании уже давно завоевали и не выпускали из рук почти полную монополию на взимание и

пересылку в Рим доходов французской Церкви, так что король не знал их объема и не мог их контролировать. Поэтому в 1462 году он поручил Гильому де Вари основать банк, который имел бы монопольное право переводить деньги папской десятины, так чтобы его правительство точно знало, сколько золота и серебра вывозится из королевства и сколько ввозится в Италию.

Вари серьезно взялся за дело; поселившись в Монпелье, он опубликовал свои планы и первые распоряжения. Он хотел дать полномочия одному «честному человеку» в Лионе и другому в Париже для сбора переводов из Нормандии, Пикардии и Шампани, затем назначить еще одного поверенного в самом Монпелье. Только эти люди должны были вести дела с корреспондентами из Рима, но чтобы избежать больших убытков, которые в прошлом понесли все, кто имел дело с итальянцами при римском дворе из-за банкротств и разорений, от них потребовали больших залогов и верной отчетности без всякого лукавства. Королевский банк был учрежден, члены общества собраны, а руководители разместились в Париже (Никола Арну), Лионе (Жан де Камбре, сбиравший вспомоществование в Лионе, Форе и Божоле) и Монпелье (Жоффруа де Сирье). Но затея провалилась из-за мошенничества, сразу же принявшего крупные размеры и еще усугубившегося во время войны с Лигой общественного блага. Людовику XI пришлось отказаться от своего замечательного плана и предоставить иностранным компаниям свободно перевозить деньги и отправлять их в Рим. Снова обратились к Медичи. Большой государственный банк приказал долго жить.

Как раз в это время Гильом де Вари был назначен управляющим другой государственной компанией, основанной по приказу короля, чтобы вести морскую торговлю со странами Востока. Эта компания стала бы почти точной копией «Французских галер» Жака Кёра и точно так же должна была обеспечить королевскую монополию на морские перевозки. Ордонанс от ноября 1463 года запретил ввозить в страну пряности иначе, чем через порты Лангедока и Руссильона. Несколько месяцев спустя, в августе 1464 года, Вари отправил лионцам длинное письмо, рекомендовав им две большие галеры — «Нотр-Дам Сен-Мартен» и «Нотр-Дам Сен-Никола», которые строились по приказу короля в Бо-кере; он расхваливал их достоинства и побуждал лионских купцов воспользоваться этими судами уже в первый их выход в море, назначенный на 15 марта будущего года. Все сведения можно получить у его людей в самом Лионе или в Париже, Бурже и Туре, писал он; в первых двух городах это были служащие банковской компании. Только

иностранцы, поселившиеся в Лионе, в основном флорентийцы, получили разрешение ввозить пряности без их посредства.

Королевские галеры не должны были ограничиваться, как некогда суда Жака Кёра, заходом в порты Родоса и Александрии в Египте, а следовать также в Яффу, чтобы доставить туда паломников, идущих в Иерусалим, и в Бейрут. Еще два корабля — «Нотр-Дам Сен-Мари» и «Нотр-Дам Сен-Луи» — сошли со стапелей чуть позже, благодаря субсидиям, предоставленным штатами Лангедока. Их хозяевами были не судовладельцы или капитаны из Нарбонна или Монпелье, а, как во времена Карла VII, люди из центра Франции, королевские чиновники, управленцы, по большей части казначеи: Пьер Брисонне, Тома де Виллаж, Гильом де ла Круа, Пьер Гайар. Умелые управленцы, знающие, как правильно вести счета, они обладали весьма скудным опытом навигации, а знаний о дальних странах, возможно, вообще не имели.

В 1469 году Пьер Дориоль сменил Вари на посту главы этой морской компании. В 1471 году он добился полной монополии на торговлю пряностями, к большой досаде лионцев, поскольку их итальянские корреспонденты лишились прибыли. Они отправили к королю юриста Гильома Биллиу, снабдив его кругленькой суммой денег от итальянцев, чтобы изложить свои обиды и предложения. Дориоль и король отвергли всё сразу и бесповоротно. Монополия Лангедока, вернее сказать, государства, укрепилась. Людовик XI ее поддерживал. В июне 1472 года он повелел Рене Анжуйскому освободить одну из галер, арестованных его чиновниками в Марселе под предлогом того, что она осуществляла снабжение Барселоны, тогда как Прованс вел с Каталонией жестокую войну на море. По всему королевству провозгласили, что это было ложной причиной и тяжкой обидой, ибо французские купцы не смогли вовремя забрать груз для доставки на Восток; таким образом, суда выбивались из графика. Рене препятствовал перевозкам, осуществляемым королевской компанией. В следующем году король, все так же заботливо поддерживавший монополию основанной им компании, снабженцы и капитаны которой были его людьми, отказал своему союзнику Лоренцо Медичи в разрешении для одной из, флорентийских галер зайти в порт Эг-Морта; он сообщил, что не может этого сделать, не предупредив штаты Дˆягедока и не заручившись их согласием, поскольку в силу предоставленных им привилегий ни одна иностранная галера не может причаливать к сим берегам.

Война за Руссильон спутала все карты. Суда, реквизированные в 1474 и 1475 годах Жаном де Бурбоном,

епископом Альбигойским, для снабжения войск, сражавшихся под Перпиньяном, больше не отправлялись на Восток. Победа осталась за лионцами, и королевской монополии пришел конец. В 1476 году Пьер Дориоль со товарищи продали свои потрепанные корабли Мишелю Гайару всего за двадцать пять ливров.

Этот Мишель Гайар не был лангедокцем и не имел большого опыта командования на Средиземноморье. Сеньор де Лонжюмо, сначала состоявший при дворе Марии Анжуйской, матери короля, а затем ставший советником, постельничим, казначеем и главным сборщиком налогов герцогини Орлеанской, получил на откуп соляные подати в Пуату и Сентонже, стал губернатором Ла-Рошели, «выборным» для сбора вспомоществования в Блуа, главным сборщиком государственных доходов в Лангедойле (в декабре 1473 года). Отправленный в Лион с поручением получить там пятьдесят тысяч дукатов, одолженных герцогом Миланским, он сам авансировал крупные суммы денег королевской казне: около четырех тысяч ливров в 1475 году, из них две тысячи были уплачены швейцарцам, в частности из Берна, и в том же году десять тысяч экю из пятидесяти семи тысяч, которые Людовик XI выплатил по договору английскому королю.

Забрав старые корабли Дориоля, Гайар получил и королевскую дотацию в тридцать две тысячи ливров на строительство других судов и на прочие расходы. Таким образом, это стало третьим предприятием, после Вари и Дориоля, существующим на государственные средства, контролируемым королем и управляемым от его имени. Управляющий галерами оставался финансовым чиновником, облеченным большой ответственностью: в 1477 году, всего через год после приобретения судов, Мишель Гайар был назначен распорядителем финансов Лангедока. Столкнувшись с тяжелой финансовой ситуацией, он получил поддержку государя: в апреле 1480 года ему передали в вотчину владение Сен-Мишель де Коллиур — порт, который должен был стать головным в торговле с левантийскими странами, и еще тысячу золотых экю на обустройство в Лангедоке. Однако и это предприятие ждал провал: 27 июля 1481 года право на ведение торговли, строительство кораблей, ввоза и вывоза товаров любым путем вернулось к жителям Лангедока.

Присоединение Прованса вдохнуло в предприятие новую жизнь. Уже 26 декабря 1481 года Людовик написал из Туара лионцам, сообщив им о своем намерении превратить Марсель в главный порт королевства на Средиземноморье. В Провансе, говорил он, есть много прекрасных гаваней, пляжей и морских портов, в которые с древнейших времен приезжают торговать

представители всех народов, и христиане, и неверные. В «славном» Марселе он намерен строить галеры и прочие суда и предоставить этому порту большие вольности, чтобы иностранцы во множестве привозили туда свои товары, которые потом отправлялись бы через всё королевство в Париж, Бордо, Руан и еще далее — в Англию, Шотландию, Голландию и Зеландию. Негоцианты, которые присоединятся к предприятию, чтобы заниматься «оным мореплаванием», быстро получат от него большие прибыли и выгоды. Марсель, в котором Жак Кёр уже однажды учредил факторию и который тогда предоставлял значительную часть грузов для королевских галер, окончательно должен был заменить собой Эг-Морт, чью бухту все больше заносило песком.

Десять городов — Париж, Лион, Монпелье, Тулуза, Бурж, Орлеан, Тур, Анже, Пуатье и Лимож — избрали по два купца, которые собрались в Туре в конце января 1482 года и получили от Мишеля Гайара предложение основать новую торговую компанию с капиталом в сто тысяч ливров, которая получит монополию на перевозку пряностей. Они отказались все как один, ссылаясь на нехватку денег, но на самом деле потому, что не принимали монополий: если мореплавание и торговля открыты для всех, то найдется достаточно торговцев, которые вложат в них свои деньги, «и поболее, нежели если то совершалось бы через товарищество».

Однако Людовик XI не сдался. Жан Моро, сын Гийона Моро де Тура, камердинера и аптекаря короля, уже приобретший доходы от всех соляных складов в королевстве, за исключением Лангедока и Бургундии, занял денег у Коммина, объединился с Мишелем Гайаром, и оба получили право поднимать на своих кораблях королевский флаг (18 февраля 1483 года); немного позже король запретил всем прочим торговать с Востоком. Обходными путями он восстановил монополию, даровав ее двум «бизнесменам», которые на самом деле были всего лишь финансовыми агентами, приказчиками. Штаты Лангедока, которые долго терпели эти монополии и королевские общества, хотя и сильно недовольные главенствующей ролью, отведенной Марселю, запротестовали так громко, что 10 июля 1483 года Людовик вернул всем негоциантам и судовладельцам в королевстве свободу торговли.

Покровительствуя четырем морским компаниям, учрежденным одна за другой по одному образцу и пользующимся реальной монополией под контролем государственной казны, король так и не сумел получить от них прибыль. Государственное вмешательство в экономику наталкивалось на слишком сильное

сопротивление.

Мастера цехов и крупные негоцианты, заправлявшие производством, не лучшим образом восприняли вмешательство короля. Они не желали подчиняться монополиям, чересчур многочисленным уложениям, не без основания опасаясь, что расплачиваться за все придется им.

Карл VII печалился о том, что закупка шелка в Италии приводит к вывозу из страны значительных денежных сумм, и Жак Кёр дважды объединялся с флорентийцами, чтобы управлять во Флоренции «шелковой лавкой». Результаты надежд не оправдали, предприятие потеряло много денег. Однако связи с ремесленниками, мастерами и предпринимателями Тосканы поддерживались еще долгое время. Гильом де Вари, участник второго флорентийского общества, завязал и сохранил дружеские отношения с несколькими семействами и решил попытаться наладить производство шелка в одном из французских городов. Выбрали Лион. И здесь все произошло по инициативе королевского чиновника — Жана Грана, наместника бальи, который привез рабочих-профессионалов, сумел выткать и окрасить несколько штук шелка, но потерял все, что имел, и обратился к королю за помощью.

Людовик XI назначил номинальным руководителем предприятия бальи Гильома Кузино (23 ноября 1466 года) и попросил у жителей субсидию в две тысячи ливров, которую назвал чрезвычайной (они все были такими!). Те сначала отказались, заявив, что фабрика такого рода потребует гораздо больше денег, вероятно, тридцать-сорок тысяч ливров: в 1459 году, при Карле VII, устройство поначалу немногочисленных ткачей в Перуже, под Лионом, обошлось коммуне в тысячу двести золотых флоринов за десять лет! Король и ухом не повел, потребовал уплатить назначенную им сумму и повелел горожанам и крестьянам, чтобы они предоставили итальянским мастерам дома, необходимые орудия и пятьсот флоринов ежегодно. Жан Гран остался руководить предприятием, но несмотря на значительные налоговые послабления, предоставленные иммигрантам, тех оказалось всего семь или восемь, и производство шло слабо, как и денежные поступления. Начались перебои с деньгами. 29 марта 1469 года король снова написал лионцам: Жан Гран не сможет продолжить начатое, если ему не помочь, а мы знаем, что вы не уплатили ему того, что должны. Заплатите немедленно и дайте ему все необходимое, чтобы он мог работать. Как бы не так. Шелковые ткани, сотканные в Лионе, становились все большим раритетом.

В феврале 1470 года Масе Пико, казначею Нима, поручили

организовать переезд рабочих в Тур, и жители Лиона дорого заплатили за их отъезд. Людовик XI выбрал Тур, расположенный в самом сердце королевства, рядом с его излюбленными резиденциями, так как думал, что его жители, многие из которых были придворными поставщиками и этим кормились, ни в чем ему не откажут. Он убаюкивал их красивыми словами, утверждая, что вся прибыль пойдет им, а расходы — ему, но требовал от них очень много: тысячу двести экю на жилье и оборудование, шесть тысяч на закупку сырья — шелка-сырца и красителей. Пико, а потом сменивший его Пьер Дориоль встретили очень плохой прием, но не придали значения яростному сопротивлению, ибо так «было угодно государю» и мастера должны были поскорее приниматься за работу. Они заставили эшевенов уступить итальянцам для установки станков и прочих инструментов большое помещение в особняке Кларте-Дье, где уже работали суконщики. Первые результаты (за год, в декабре 1472 года) были неудовлетворительны: 1185 ливров расходов на шелк и жалованье, 728 ливров выручки от продажи тринадцати штук шелка. Но люди короля следили за тем, чтобы производство продолжалось; они заставили муниципалитет выплатить оговоренные суммы, и десятью годами позже итальянцев стало больше, а результаты начали вселять надежду.

Внедрение шелкового производства увенчалось относительным успехом лишь благодаря многочисленным вмешательствам со стороны королевской власти. Конечно, прежде всего речь шла о том, чтобы покончить с вывозом крупных денежных сумм за границу, но король сумел поставить серьезное производство под контроль своих агентов, которые не были ни опытными дельцами, ни признанными мастерами в этом деле, а его собственными казначеями или сборщиками налогов.

По сути, в этом вмешательстве не было ничего исключительного, и государственное управление, та же манера порождать и контролировать экономическую деятельность утвердились и в других областях производства, взятых под опеку, подверженных регламентированию «сверху» и подчиненных «засланным» управляющим, чиновникам королевского двора или администрации. В 1475 году в парижской ратуше состоялось собрание мещан и купцов: король интересовался их мнением по поводу производства шерстяных тканей, чтобы разработать ряд уставов и уложений. В ордонансе от 1479 года долго расписывается, как надлежит изготовлять разного рода ткани, и эти распоряжения обязательно применялись, под страхом тяжкого наказания, парламентами Парижа, Руана, Бордо и Тулузы — в общем, на большей части страны. С другой стороны, на ином,

совершенно отличном поле деятельности королевские мастера-плотники и каменщики получили в свое ведение строительные цеха. В 1464 году Людовик XI учредил должность «великого магистра кровельщиков Франции». А главное, уже в сентябре 1461 года, вскоре после своего прихода к власти, он торжественно провозгласил в знаменитом ордонансе о «правах и преимуществах короны и государства» абсолютное право государства на полезные ископаемые и запретил всем вельможам, кем бы они ни были, вмешиваться в разработку шахт, не получив на то формального разрешения. Тем же ордонансом учреждалась должность мастера, управляющего и смотрителя шахт. Десятью годами позже, в июле 1471 года, была создана специальная комиссия по разведке и оценке природных ресурсов. Гильом Кузино, губернатор Монпелье и главный смотритель, тотчас отправился инспектировать серебряные копи в Руэрг; он вызвал немецких шахтеров для работы в Руссильоне, Фуа, Кузеране и Комменже.

Раньше граф Шампанский самовластно проводил в своем графстве большие ярмарки, а принцы, вельможи, архиепископы, епископы или настоятели крупных аббатств тоже могли проводить на своих землях или на подвластных им территориях одну-две ярмарки в год и гарантировать купцам значительные налоговые послабления и защиту от злодеев и разбойников. При Людовике XI только король назначал место, количество и даты ярмарок, определяя условия и гарантируя их спокойное протекание. Он беспрестанно выдавал множество «жалованных грамот», зачастую в ответ на мольбы местных жителей, в основном торговцев или менял, которые видели в этом случай развить свою деятельность и получать прибыль. Бальи и сенешали проводили расследование, чтобы оценить выгоду от местного рынка для экономики страны и налоговые поступления, которые можно было от него ожидать; поскольку ярмарки становились все многочисленнее, они также должны были предупреждать возможную конкуренцию между ними и конфликты между общинами.

Эти уступки сыграли большую роль в утверждении власти государя, способного принимать решения о торговых центрах и о будущности путей сообщения. К тому же они стали политическим оружием, зачастую очень действенным и даже грозным, которое кое-кто испытал на себе. Ничто не делалось без задней мысли. Речь попросту шла о распределении благ между фаворитами, о благодарности за верную службу и о том, чтобы облагодетельствованные оставались верны, и это касалось все большего количества людей. Придворным чиновникам и

городским общинам предоставили ярмарки, не все из которых были так уж необходимы, и не всем из них было уготовано прекрасное будущее. Но их учреждение говорило об участии короля, о его интересе к делам его верных подданных.

Ярмарку Сен-Ромен в Руане в ноябре 1468 года продлили до шести рабочих дней. За полгода, с февраля по июль 1470 года, Людовик создал две ежегодные ярмарки в Турно-не и одну в Шартре, подтвердил большие торжища в Сен-Максане и две ярмарки в Ване (Лангедок), дарованные Карлом VII в 1455 году. Подобные вмешательства позволяли ему контролировать ярмарочную торговлю в стране, назначать места и даты проведения ярмарок, чтобы избегать чересчур острого соперничества. Жителям Монвиля в бальяже Руана, которые сообщили ему в марте 1473 года, что в их городок каждый год в декабре приезжает много купцов на праздник Зачатия Богородицы, позволили создать ярмарку при том условии, чтобы никакой другой не было на четыре лье в округе. В городе Арк под Дьепом до того момента проводились две ярмарки — в июне на святого Варнаву и в январе на святого Винцента, а еще рынок по субботам; но в городке Анвермейль, в Дьепе и в полулье оттуда рынок также открывался по субботам, поэтому рынок в Арке «отменили»: его перенесли на понедельник, если только в этот день не проводится других торжищ в пределах четырех лье. Сеньор де Давенкур из Пикардии пожаловался королю: его трехдневная ярмарка на святого Михаила в конце сентября терпит конкуренцию со стороны ярмарки Катенуа и других вольных ярмарок в округе, а посему она обезлюдела и не приносит дохода. Ему разрешили перенести ее на зиму, на День святого Мартина.

В результате каждому становилось ясно, что власть короля простирается повсеместно, до самых дальних уголков страны. А уж когда конфликт возникал между гораздо более важными интересами и общинами, чей голос звучал достаточно громко, решения подолгу взвешивались и принимались после расследования и сопоставления. Нужно ли сохранить некоторые привилегии и статус-кво? Или наоборот — открыть другие пути и торговые маршруты? Последнее слово оставалось за королем. Три ярмарки в Пезена и две в Монтаньяке уже давно оставались единственными на тридцать лье в округе, и их жители выиграли дело против граждан Безье, Люнеля, Нима, Алеса, Милло и даже Авиньона, которым пришлось отменить свои ярмарки или перенести их дату. В феврале 1471 года, под угрозой со стороны Бокера, они обратились к королю, который, в ответ на их четко аргументированную просьбу, повелел запретить ярмарки в Бокере

и торжественно напомнил об обязательстве не проводить ярмарок на тридцать лье в округе.

Вмешательство в экономику широко практиковалось еще Карлом VII и Жаком Кёром и его подручными. Но теперь оно восторжествовало окончательно, хотя, конечно, и противоречило множеству частных интересов и успешной работе многих предприятий либо из-за некомпетентности, либо из-за ненасытности их руководителей. Не вызывает сомнений, что возникшая тогда практика и государственные структуры определили концепцию предприятий и менталитет в стране на целые века вперед. Сказать, что в конечном итоге это обернулось во благо, значит сделать спорное заявление. Здесь нам важнее задержать внимание на обстоятельствах того времени и отметить, что самодержавные меры короля, его решимость и даже его упрямство отвечали некоторым ожиданиям. Столетняя война, а еще более гражданские войны и разбой, порождение безвластия, разорили страну. Опустошенные и невозделанные земли, болота, заброшенные фермы, выкопанные пограничные столбы и споры о правах собственности — многие думали, что только король сможет преодолеть все эти беды своей властью, восстановив порядок и заставив исполнять строгие указания.

Людовик велел «продать с молотка» необитаемые владения. Трижды — в 1467, 1470 и 1477 годах — он провозглашал в своих ордонансах, что орудия труда землепашцев не могут быть конфискованы землевладельцами, а также ростовщиками, требующими возврата задолженностей. Он запретил купцам, заимодавцам и спекулянтам покупать хлеб на корню и продавать его до августа. Однако это участие к крестьянам, задавленным долгами и угрозой лишиться всего, имело свои границы, ибо король выказал себя решительным сторонником более рационального, более рентабельного землепользования, а потому поощрял «огораживание» лугов для развития животноводства, в частности овцеводства. Это «огораживание», которое тогда уже коренным образом изменило сельский пейзаж в нескольких графствах Англии, посягало на коллективные права сельских общин, например на право «вольного выпаса», позволявшее каждому, даже последнему бедняку, пасти свой скот на землях, оставленных под паром. Однако королевские агенты не отступали, и король лично вмешался, чтобы поддержать своего верного Коммина против жителей одного из его владений — Савиньи.

С другой стороны, для того чтобы вдохнуть больше жизни во французскую экономику, Людовик постоянно пользовался своей властью, намереваясь продвигать или контролировать развитие

торговли, промышленности и добычи полезных ископаемых. Он часто напоминал о необходимости не терять из виду «торговлю — источник богатства, плодородия и изобилия». Он «ясно видел по опыту», что страны, ведущие активную торговлю, были самыми богатыми и «обильными», что благодаря негоции и перевозке по морю и по суше больших караванов многие соседние страны обеспечивали свое население, «которое иначе пребывало бы в праздности», честной и доходной работой. Эти страны были богаче других во всем, и даже в народонаселении, «а оное есть наибольшая слава и счастье для государя, коего ему должно желать». Но в нашем королевстве, говорил он, в частности в Дофине, товарообмен еще недостаточен, нестабилен и мало распространен, поскольку до сих пор благородному сословию не было позволено заниматься коммерцией, не поступаясь правами дворянства, а королевским чиновникам, принцам и служителям Церкви — не подвергаясь преследованиям по суду и штрафам. Поэтому он своим эдиктом, ордонансом и государственным уложением приказал, чтобы отныне все его подданные, какого бы роду они ни были, могли торговать на суше и на море, не лишаясь своих сословных прав, должностей, достоинств и прерогатив.

Эти меры явно были продиктованы заботой о восстановлении и дальнейшем развитии экономики страны, разоренной и ослабленной за долгие годы беспорядков. Людовик не боялся действовать вопреки привычкам, которые он считал дурными. Но его действия выражали и совершенно твердое намерение все подчинить своему собственному контролю. Они свидетельствуют не только о желании сохранить унаследованную страну, хорошо ею править и защищать права каждого. Людовик был не судьей, а деятелем, убежденным в том, что мир и процветание в королевстве зависят от вмешательства государства.

Его времена, похоже, еще не настали, но он сделал больше, нежели просто наметил путь.

Часть четвертая. КОРОЛЕВСКОЕ ПРАВОСУДИЕ. ПОЛИЦИЯ И ПОЛИТИКА

Глава первая. ЭПОХА СТРАХА

1. Король под угрозой?

История несчастных Жана Балю и Гильома де Арокура, арестованных без всякого почтения к их сану и брошенных в темницы, испытавших на себе суровую жестокость и насмешки господина, изложена во всех учебниках. Кое-что, как обычно, выглядит чистой воды вымыслом. Однако нельзя не видеть в Людовике XI короля, подозрительного до безумия, одержимого страхом заговоров и подосланных убийц. Будучи дофином, укрывшись в Брабанте под покровительством герцога Бургундского, он целыми месяцами предавался панике, уверяя, что агенты его отца хотят прорваться к нему и зарезать. Став королем, он всегда прислушивался к доносам, требовал от своих шпионов или вестовых, чтобы те сообщали ему о подозрительных поступках или встречах, а от судебных приставов — чтобы допрашивали с пристрастием узников, подозреваемых в дурных делах. Больше всего он боялся яда. Как и все короли его времени, он велел пробовать приготовленные для него блюда, устанавливал надзор за кухней и велел вскрывать письма, отнятые у путешественников, которые показались его чиновникам вовлеченными в черные замыслы. В результате работы им хватало, и не по одному делу велось следствие.

Правда, не всё основывалось только на подозрениях. Едва узнав о смерти своего брата Карла Гиеньского, Людовик попытался привлечь к себе на службу его постельничего Итье Маршана; пообещал ему пенсию в тысячу ливров и сделал его в мае 1473 года учетчиком чрезвычайных расходов своего двора. Маршан, сначала укрывшийся во Фландрии и занявший сдержанную позицию, в конечном счете до-верил ведение переговоров своему слуге Жану Арди. Тот неоднократно ездил в Амбуаз, но, похоже, с единственной целью — отравить короля. Он предложил за это двадцать тысяч экю одному поваренку, который пришел в ужас и обо всем донес «куда следует». Арди захватили в Этампе, привезли в Амбуаз, потом в Париж, осудили и тотчас казнили. Соучастие герцога Бургундского, на которого, естественно, пали подозрения, доказать не удалось, до него было не добраться. Прочие заплатили своей жизнью. Королевское правосудие разило вслепую.

Двенадцатого мая 1478 года началось следствие по делу принца Оранского и Луи Аллемана, сеньора д'Арбента, которые

«умышляли отравить короля». Признания Жана Рено-на, торговца снадобьями из Клермона, не оставляют никаких сомнений относительно усердия следователей и того, насколько серьезно они подошли к делу. Этот Ренон сообщил, что ехал во Флоренцию, когда его арестовали возле Нантуа два вооруженных человека, посланных д'Арбентом, и бросили в тюрьму Сен-Клода. Он пробыл там три дня и предстал на суд принца Оранского в Арбуа. Принц, засыпав его красивыми словами и обещаниями, заставил его поклясться на Библии и выкупить свою свободу, сделав то, что ему прикажут. Он так и поступил, поскольку находился в руках принца, однако «не имел ни желания, ни намерения сдержать сию клятву». Ему показали пять свинцовых коробочек, в каждой из которых была жидкость разного цвета; ее он должен был вылить в Туре либо на покрывало алтаря, которое король поцелует после мессы, либо на землю, «кою у него в обычае целовать при молитве». Принц сам показал ему, как это сделать («и чтобы он остерегался дотрагиваться до них руками»), и пообещал двести экю, а также управление солеварней в Салене (эта должность приносила две тысячи четыреста ливров в год) с проживанием при этой солеварне. Ренон, которого держали на верхнем этаже замка, влез в камин к вентиляционной трубе, идущей из зала этажом ниже, чтобы подслушать, что там говорилось; он услышал, как Аллеман сетовал на то, что в отравители выбрали Ренона, поскольку, будучи французом, он непременно их выдаст («если бы вы пообещали сделать его рыцарем, король сделал бы его графом»). Незадолго до того Людовик обеспечил крупной рентой одного рыцаря, раскрывшего подобный заговор.

Приникнув ухом к трубе, Ренон понял, что коробочки с ядом доверят сыну Аллемана, а его самого бросят в реку, чтобы он никого не выдал. Ренон принес обет Богоматери из Пюи и святому Иакову Галисийскому, пообещал совершить паломничество и чудом сумел бежать при помощи двух копий, составленных конец с концом, и веревок, которые он нашел. Он отправился в Бурж, чтобы рассказать обо всем сеньору дю Бушажу. Король оповестил своих чиновников и магистратов верных городов. Через три недели копию этого длинного королевского заявления получили жители Лиона. В сопутствующих письмах им предписывалось сообщить через глашатаев, что тот, кто захватит Аллемана и сдаст его людям короля, получит двадцать тысяч экю. Это объявление действительно выкликали под звуки трубы на обоих концах моста через Сону и вывесили на дверях ратуши.

2. Ложные вести и сеятели паники

Преступления против короля или преступления против королевства? Хотя в летописях много говорится о попытках отравления, большинство судебных процессов на самом деле касались более общих вопросов. Еще в большей степени, чем при Карле VII, партия короля оказалась втянутой в серьезные конфликты между принцами, которые даже во время перемирий постоянно сговаривались и подготавливали новые союзы. Совершенно очевидно, что они искали поддержки и старались заручиться сообщничеством других крупных вельмож или даже некоторых епископов и верных королю людей. Они предлагали деньги, разжигали соперничество, играли на недовольстве, называли себя защитниками народных интересов, общественного блага, борцами за справедливость.

Король, конечно, мог звонить в колокола, чтобы отпраздновать свои успехи и напомнить о позоре своих врагов, мог зажигать праздничные огни, устраивать массовые процессии и служить молебны. Но он не был уверен в том, что это ликование по заказу охватит широкие массы. Народная поддержка, даже мастерски организованная и слаженная, не могла окрепнуть от дурных вестей, тревог и лишений. Не раз, когда судьба армии висела на волоске, не хватало продовольствия, а налоги непомерно возрастали, мужчины и женщины, особенно в Париже, охотнее прислушивались к иным речам и верили сеятелям паники, которые на улицах и на подворьях монастырей, а также на кладбищах обличали мотовство и злоупотребления дурных слуг короля.

Подобные методы подкупа общественности были придуманы не вчера. Карл Злой, король Наварры, пользовался ими в борьбе с королем Иоанном Добрым, дофином Карлом и его советниками в 1356—1357 годах, после поражения при Пуатье. Иоанн Бесстрашный, герцог Бургундский, поступал так же в Париже в 1413 и 1418 годах, его друзья и сторонники не скупились тогда на громкие слова и на бочки с вином. Двадцать лет спустя, опять-таки в Париже, несколько монахов целыми днями проповедовали, чтобы восстановить уличный люд против Жанны д'Арк, которую, как они говорили, соблазнил дьявол. И целые толпы пошли за ними, проклиная ведьму и радуясь тому, что ее сожгли в Руане. Двух женщин, подозреваемых в дружбе с нею и в том, что они совершали странные обряды и занимались колдовством, арестовали и тоже сожгли на площади.

Король Людовик ничего этого не забыл. Он знал, какие беды могут накликать уличные проповедники, распространители

ложных новостей, обмана и подстрекательств к бунту, способные вызвать волнения и панику. Он велел своим чиновникам принимать суровые меры, прежде чем к смутьянам начнут прислушиваться. Во время войны с Лигой общественного блага некоего Казена Шолле, схваченного, когда он кричал на парижских улицах: «Расходитесь по домам и заприте двери — бургундцы в городе!» — били розгами на всех перекрестках и месяц продержали в тюрьме на хлебе и воде.

Наиболее агрессивные и явно действующие по указке врагов проповедники громко обличали любые промахи королевской власти. В Бурбонне и Берри война с Лигой общественного блага была поначалу — весной 1465 года — войной манифестов: король и принцы во главе с Иоанном II де Бурбоном по очереди оправдывали себя в глазах своих сторонников. Бурбон заявлял, что он и его друзья хотят королевству только добра, и обличал тяжкое и непосильное бремя, возложенное на несчастный народ, поборы, оскорбления и нестерпимые притеснения. Обращаясь к королю, они напоминали, что ему самому и тем, кого ему было угодно возвысить и приблизить к себе, неоднократно предъявлялись претензии как общего, так и частного порядка. В ответ король не преминул напомнить о несчастьях, некогда навлеченных мятежниками на Париж и все королевство: «И множество городов, селений, церквей были разрушены и покинуты, жены и девы поруганы, знатные и богатые люди ввергнуты в нищету, и многие прочие бесконечные и бесчисленные несчастья, кои еще ощутимы в королевстве и не сгладятся во сто лет». Принцы вовсе не думают о благе народа, а только жаждут денег и почестей, преследуя собственные интересы: «Было так потому, что они пожелали пенсий и благодеяний от короля без счета, много больше, нежели имели». Эти письма широко распространялись; королевские — зачитывали в Париже глашатаи на улицах, воззвания мятежников читали менее открыто, и все же они имели широкий отклик, о чем доносили королевские агенты.

Летом в Париже речи тайных или явных агентов принцев встречали большой отклик. Становилось ясно, что продажных чиновников, изменников или бездельников очень много. В те времена тревоги и подозрительности не было ничего проще, чем взволновать толпу. В августе 1465 года, вскоре после кровопролитной битвы при Монлери, когда город, которому угрожали армии из Бургундии и Берри, переживал черные дни, беспокоясь о своей судьбе, «вороги, стоявшие под Парижем, сочиняли баллады, рондо и клеветнические памфлеты с целью опорочить добрых слуг короля». Один молодой подмастерье

заявил, что пришел из Бретани, чтобы сказать государю и добрым людям, что «многие нотабли в его городе верны королю, а некоторые капитаны королевских войск ему изменили». Его схватили по доносу и устроили очную ставку с добрыми горожанами, слышавшими его речи. Ссылаясь на слова очевидцев, судьи заявили, что подмастерье явился в Париж, чтобы шпионить и подсчитывать численность войск, верных королю. Сеятель паники и раздора, к тому же шпион, он был четвертован 4 августа 1465 года на Рыночной площади, на глазах у огромной толпы, в назидание другим. Трое арестованных, которые хотели уехать из Парижа в Бретань, «составив заговор против короля», были тотчас осуждены и брошены в Сену; то же сталось с бедным подмастерьем каменщика, явно честным человеком, который оказал услугу одной женщине, передав письма ее мужу, находившемуся тогда в Этампе и служившему брату мятежника графа де Сен-Поля.

Сторонникам короля везде мерещились подозрительные личности. Они указывали пальцем на изменников, обвиняя их в сговоре с врагом и отдавая на расправу толпе. О разного рода заговорах ходили самые нелепые слухи: однажды, около полуночи, по всему Парижу разожгли костры, особенно большие перед домами военачальников, поскольку у отцов города возникли подозрения в заговоре против короля и горожан, на поверку оказавшиеся беспочвенными. В сентябре следующего, 1466 года парижане по-прежнему верили в заговоры и старательно доносили на тех, кто, как говорили, замышлял измену. Нужно было, чтобы народ не терял бдительности и помнил о злодеяниях изменников и предателей. На дно рва у ворот Сент-Антуан-де-Шан положили большой плоский камень, на котором было написано большими буквами: «Здесь проводилась ярмарка измен... Будь проклят тот, кто ее затеял!»

Прикрываясь проповедованием добродетели и борьбой с грехом, монахи, особенно нищенствующих орденов, часто безжалостно бичевали пороки своего времени, несправедливость и злоупотребления, продажность власть предержащих. Их ежедневные проповеди увлекали и распаляли многочисленные, быстро возбуждающиеся толпы, одержимые праведным гневом. Ораторы находили убежище за стенами монастырей, куда королевские приставы не могли попасть, не вызвав бурного возмущения. Королю приходилось нелегко, наталкиваясь на вольности Церкви и Университета, на невозможность нарушить старинные традиции неприкосновенности, на множество территориальных анклавов и частных, ревниво охраняемых юрисдикций. А кроме того — на простой народ, толпы мужчин и

женщин, подзадориваемых красноречивыми призывами покарать изменников и еретиков. Многие считали этих проповедников святыми, устами которых говорил Господь. 26 мая 1478 года, во времена бургундских войн, на улицах Парижа провозгласили под звуки труб, что отныне, под страхом сурового наказания, запрещено кому бы то ни было, к какому бы сословию он ни принадлежал, проводить собрания в городе без дозволения на то короля или назначенного им судьи. Это было сделано, чтобы положить конец проповедям кордельера Антуана Фрадена, который целыми днями порицал пороки, а затем обращал в истинную веру женщин, «отдававшихся наслаждению мужчин», говорил о королевском правосудии, обличал дурных советников, недостойных слуг, в которых вселился дьявол и которых король должен прогнать, «ибо ежели он не выставит их вон, они погубят его самого и королевство в придачу». Людовик XI известил его через Оливье ле Дена, что он не должен более проповедовать. Но монах снискал поклонение и поддержку многочисленных сторонников, особенно женщин, которые, боясь, как бы судебные приставы его не арестовали или «не причинили ему какого зла», целыми толпами дежурили денно и нощно в монастыре кордельеров, вооружившись камнями, ножами и прочими орудиями. Король снова велел провозгласить: запрещено толпиться в монастыре и приказал мужьям запретить своим женам туда ходить. Бесполезно. Запрет вызвал недовольство, а когда Антуана-проповедника навсегда изгнали из королевства, приказав уехать на следующий же день, раздались возмущенные крики. Поклонники долго провожали его по дороге.

Тогда король отдал приказ, чтобы на каждом перекрестке в городе дежурил местный нотабль, который заговаривал бы с прохожими, чтобы знать, кто они такие и куда направляются.

3. Неотступные мысли о заговоре

Когда с Лигой общественного блага было покончено, герцог Бретонский и его ближайшие советники не смирились и продолжали интриговать, заключать союзы. Король явно опасался бретонцев. Состоявшие в союзе с его братом Карлом во время нормандских походов, а потом его правления в Гиени, они после его смерти приняли к себе и осыпали благодеяниями нескольких высших чиновников, которых Людовик хотел арестовать. Так что даже через двадцать и более лет после Монлери их все еще держали на подозрении. Летом 1477 года, когда можно было опасаться нападения со стороны бургундцев или англичан, король приказал укрепить стены городов на севере и востоке

королевства. Узнав, что в Реймсе не было предпринято ничего серьезного, он тотчас настрочил письмо горожанам и крестьянам, чтобы выразить им свое неудовольствие и потребовать принятия неотложных мер. В беспорядке и саботаже он обвинял бретонцев, которые, переметнувшись на сторону врага, надеялись оставить город без защиты: «Вам ведомо об изменах, бунтах и злодеяниях, учиненных герцогом и иже с ним». Главная вина была возложена на архиепископа Пьера де Ла-валя, бретонца, бросившего в тюрьму Раулена Кошинара со товарищи, которым было поручено надзирать за проведением работ. Людовик приказал тотчас освободить узников, отремонтировать и надстроить стены и отныне не принимать ни на какую должность ни одного человека из свиты архиепископа и вообще ни одного бретонца. Все эти люди должны быть отстранены от должностей и отправлены восвояси. Что же до Пьера де Лаваля, пусть припомнит свои прежние прегрешения: «Вам должно быть довольно мятежа, поднятого вами, когда мы получили корону», только попробуйте продолжать в том же духе — вы дорого за это заплатите.

Во время бургундских войн начиная с 1477 года — в основном это были осады — командиры гарнизонов в городах на Сомме и к северу от нее часто набирали рабочих в Бретани, чтобы восстановить обветшавшие стены и углубить рвы. К бретонцам относились плохо, думая, что они в сговоре с врагом и в любую минуту готовы к измене. Некоторые отказывались работать и изгонялись без пощады. Другие целыми артелями сами покидали город, вызывая еще больше сомнений в своей верности и порядочности. Ходили слухи, что бретонцы опасны и что с них глаз нельзя спускать, чтобы они не сообщили бургундцам о состоянии оборонительных сооружений. По многовековому опыту было известно, что хорошо укрепленный и бдительно охраняемый город может быть взят, только если его сдадут люди, которые сообщают точные сведения врагу, направляют его во время приступа и даже открывают ему ворота. Поэтому единственно из-за присутствия рабочих-бретонцев города, защищаемые королевскими войсками, переживали тяжелые дни, а их жители были просто одержимы мыслью о заговоре.

26 октября 1477 года Оливье де Куайаман написал королю из Арраса о том, что получил известие о попытке захватить город «посредством мин, заложенных перед большим рынком и замком», велел обыскать все рвы и простукать стены в поисках этих мин. Он также приказал осмотреть погреба этого рынка и все пустоты под ним и даже за городской чертой. Найти он ничего не нашел, но принял решение еще больше усилить охрану, еще чуть-чуть углубить рвы, а солдат развести по гарнизонам. Больше

всего его тревожило то, что в городе есть много людей, состоящих в сговоре с заговорщиками-подрывниками. «По оной причине я велел изгнать из города большое число бретонских копейщиков». В глазах короля, это не было паникерством или избытком усердия. Он знал, что бретонские пикейщики или землекопы могли дезертировать с намерением оповестить врага, а потому отдавал четкие, настойчиво повторяемые приказания. Пусть жители Сен-Кантена и Арраса бдительно охраняют ворота своего города, ибо множество землекопов, «коих мы повелели привести из Бретани, уходят и пропадают день за днем, один за другим, сменив платье», с полученными деньгами и «не отработав по специальности». Арестовывайте покидающих город и допрашивайте всех, кто говорит по-бретонски. И остерегайтесь людей, в чьей лояльности вы не уверены, бретонцев или бургундцев: «Присматривайте за женами, приходящими к узникам, и прочими вестниками, дабы ничто от вас не укрылось».

4. Доносы и опалы

В такой атмосфере подозрительности, когда каждый был готов поверить в худшее, люди, до сих пор считавшиеся безупречными и верными, пали жертвами гнусных заговоров, составленных завистниками, возжелавшими их должностей и имущества. Усердию доносчиков не было границ, и король не мог оставаться безучастным. Ему приходилось их выслушивать, потом проводить расследование, и зачастую он уступал фаворитам, засыпавшим его мольбами. Поэтому его правление было на всем своем протяжении отмечено внезапными опалами, в результате которых верные слуги были брошены в тюрьму, на волю судей — вернее, комиссаров, которым было приказано не затягивать дело.

Шарль де Мелен верно служил королю во время войны с Лигой общественного блага; во главе большого отряда он захватил Жизор и Гурнэ, занял добрую часть области Ко, а под Руаном опрокинул шотландские войска, шедшие на помощь к Карлу, брату короля. Осыпанный почестями — главный королевский дворецкий, главный наместник в Париже и Иль-де-Франс, — он все же не устоял под натиском Антуана де Шабанна, графа де Даммартена. Тот не однажды менял лагерь. В 1461 году Парламент приговорил его к смертной казни, которую затем заменили пожизненным заключением. Он бежал из крепости Сент-Антуан и в 1465 году примкнул к армии Бурбона. Примирившись по непонятным причинам и непонятным образом с королем в январе 1466 года, он с тех пор всеми средствами старался дискредитировать и свалить своих прежних обидчиков.

Мелен был из их числа. Шабанн повел против него клеветническую кампанию, распуская по Парижу песенки, в которых его выставляли в смешном и неприглядном виде, и добился лишения Мелена всех должностей: в феврале 1466 года — командования отрядом в сто копий, в сентябре — должности капитана стражи Мелена, отданной Франсуа де Лавалю, и Венсенского леса; в феврале 1467 года — должности главного дворецкого, отошедшей к Шабанну. Ближайшие родственники тоже пострадали: отец, Филипп де Мелен, лишился места губернатора Бастилии; Жан Марк, его заместитель, женившийся на побочной дочери Шарля де Мелена, был с позором изгнан, равно как и другой союзник — господин де Бло, сенешаль Оверни и комендант Бастилии. Шабанн и его союзники — епископ Балю, королева Шарлотта Савойская — не ослабляли натиск, и Людовик XI лишь несколько месяцев противился их давлению и потоку лжи. Шарля де Мелена арестовали в Шато-Гайяре; он предстал перед пятью судья-ми-комиссарами, в том числе мрачной славы Тристаном Лермитом. Под пыткой он признался, что сместил без вины нескольких королевских чиновников, заключил перемирия, выгодные для принцев, хотел сдать им Париж, недостаточно помогал королю во время сражения при Монлери и в конечном счете участвовал в заговоре против него. Ничто из этого, разумеется, не было доказано, но Мелену отрубили голову в Лез-Андели, а все его имущество передали Шабанну, за исключением одного-единственного имения, оставленного вдове.

К обвинениям в заговоре всегда прислушивались. Долгие годы король не мог забыть о грозном союзе принцев из Лиги общественного блага. Он знал по собственному опыту, полученному во время и после Прагерии в 1440 году, что глава партии мятежников неохотно расстается со своими союзниками-соучастниками, поддерживает с ними связь, намереваясь взять реванш или хотя бы изменить соотношение сил в стране. Он не считал соглашения, заключенные в Конфлане и Сен-Мор-де-Фоссе, настоящими мирными договорами. Его подозрения естественным образом пали сначала на брата Карла и на герцога Бретонского. Именно с ними, их чиновниками, их армиями и их сообщниками боролись войска и агенты короля, чтобы опередить их и завладеть Нормандией. Карл, став герцогом Гиеньским, примирился с королем лишь в сентябре 1466 года, а прибыл ко французскому двору только в декабре 1469 года — в Монти-ле-Тур, потом в Тур, а еще после того в Амбуаз. На протяжении целых четырех лет суровых репрессий его сторонники находились в опасности — подозреваемые, преследуемые, сурово осуждаемые, лишаемые должностей. Так было с Ан-туаном де

Кастельно — сиром дю Ло, капитаном Фалеза, — который чересчур быстро сдал эту крепость бретонцам; и с Жаном V де Бюэйем, обвиненным в том, что в декабре 1465 года он привел сто двадцать шотландцев из королевской гвардии под знамена Карла. Людовик беспрестанно писал своим чиновникам, губернаторам и владельцам замков в городах Нормандии и всего запада страны, прося их провести расследование и отдать под суд тех, кто не оказывал помощи его людям. Первое письмо о помиловании, подписанное только в конце января 1466 года в Понт-Одемере, исключало из амнистии шестерых высокопоставленных особ — Луи д'Аркура, епископа Байё; Жана Лотарингского, графа д'Аркура; Жана де Бюэйя, графа де Сансера; Пьера д'Амбуаза и его сына Шарля; Жана де Дайона, сеньора дю Люда. В письмах, датированных августом 1466 года из Монтаржи, упоминаются еще трое непомилованных, а общая амнистия для сторонников Карла Гиеньского была торжественно провозглашена только в мае 1469 года в Боже.

Впоследствии главной жертвой этих гонений или, по крайней мере, человеком, поднявшим вокруг них больше всего шуму, стал Тома Базен. Сын мещанина из Кодебека, разбогатевшего на торговле пряностями, владевшего тремя домами в Руане и еще несколькими в Кодебеке, Тома стал епископом Лизье. Некоторое время находясь в рядах сторонников короля Людовика, он выступил во время кризиса в защиту Карла. После он здраво рассудил, что только изгнание поможет ему выпутаться из этой истории. В июле 1466 года он отправил свои книги и мебель в Лейвен, куда Карл незадолго до того посылал его с поручением, и выехал туда сам, надеясь на поддержку герцога Бургундского. Здесь его ждало разочарование, и он решил повиниться своему королю, который очень плохо принял его в Орлеане и сказал, что хочет дать ему должность в Перпиньяне. Базен воспринял это как ссылку: «Я уже был знаком с другими людьми, которые были прежде меня посланы в Перпиньян; они достаточно рассказали мне об удовольствии там жить». Нормандец по рождению, он думал о лихорадках, о летней жаре. Однако смирился и в начале апреля 1467 года отправился туда в качестве канцлера графств Руссильон и Сердань. В следующем году Людовик XI позволил ему вернуться (в феврале 1468 года), но два месяца спустя аннулировал свое письмо и отправил его с посольством в Барселону к Иоанну Калабрийскому. Базен повиновался: «Нужно было вести кое-какие малоинтересные и малополезные, даже ненужные дела». Когда он вернулся, его ждал приказ не покидать Перпиньяна. Тогда он понял, что его еще долго хотят держать в удалении. Спешно выслав вперед багаж, он приехал в Женеву, где

скрывался три месяца. Из Базеля он снова попытался умилостивить короля. Прибыв в Брабант, он попросил Карла Смелого вступиться за него во время встречи в Перонне, а потом несколько лет прожил в Трире, с января 1471-го по июнь 1476 года, пока окончательно не поселился в Утрехте.

Разумеется, король все эти годы преследовал Тома Базе-на, который вдохновенно описывал свое житье в Трире наподобие изгнания на Патмос святого Иоанна, преследуемого Домицианом. Людовик считал его виновным, по меньшей мере, в преступном сговоре с его врагами, к тому же ему не нравилось, что Базен воззвал к иному правосудию, нежели его собственное, обратившись в Бургундию и Рим. Под давлением своего брата Карла, теперь бывшего с ним в мире, он согласился снова пожаловать изгнаннику епископство, но не в Нормандии, а в Лангедоке. Этим он ограничился в своем прощении и без колебаний расправился с его родственниками, подозреваемыми в соучастии: бра-тья Тома — Томассен и Луи (последний был смотрителем соляных складов в Лизье и получил дворянство в 1464 году) — были брошены в тюрьму в Туре. Более того, заинтересованные лица старались сделать так, чтобы приговор стал еще более суровым. Больше всех усердствовали Маннури, которые прибрали к рукам епископство Лизье и не собирались его отдавать. Робер де Маннури, телохранитель короля, был назначен хранителем доходов епископства и сделал своими помощниками своего брата Анри и своего отца Гильома; Робера сменил его кузен Жан де Маннури. Все они крепко вцепились в свое добро, и Базен обвинял их в том, что они хотят добиться избрания другого брата или кузена епископом, место которого все еще оставалось вакантным. Он сумел частично вернуть себе благорасположение короля, лишь когда отказался от борьбы в 1474 году, находясь в Риме, и принял от папы, в плату за покорность, неплохую пенсию... и архиепископство Цезареи.

Другая несчастная жертва этого сведёния счетов, Жан Балю, вызвал гораздо больше разговоров. Сын скромного служителя казначейства в Пуату, он, неприметный клерк, был отмечен и взят под свое покровительство епископом Анжерским, который сделал его своим наместником и помог сколотить состояние. Людовик XI тоже его отличил, взял себе в духовники в 1464 году, регулярно призывал на Большой совет и доставил себе много хлопот, неоднократно обращаясь к папе, чтобы тот, несмотря на всем известное аморальное поведение Балю, сделал его кардиналом. Балю получил кардинальскую шляпу и 22 ноября 1468 года устроил для своих друзей большой пир с несметными и роскошными блюдами. Но тут поползли слухи, обвинявшие его в

разных нечистоплотных поступках. Его все более многочисленные враги изо всех сил стремились его погубить. Дурная молва росла, крепла и дошла до ушей короля, который, убежденный в том, что Балю замыслил и устроил ловушку в Перонне, исключил его из Совета и лишил своего доверия.

Вместе с епископом Верденским Гильомом де Арокуром, Жан Балю, кардинал и епископ Анжерский после смерти своего покровителя, переметнулся тогда на сторону Карла Гиеньского и вызвался служить ему при герцоге Бургундском. Заговор был раскрыт после ареста их гонца 22 апреля 1469 года. На следующий же день заговорщики были арестованы и брошены в тюрьму, где они провели долгие годы, так и не представ перед судом: Балю — до 1480 года, Аро-кур — на два года дольше. Их судьба, особенно судьба Балю, который тщетно взывал к Риму, прося папу о поддержке, в наших учебниках представлена в качестве примера того, как король мог унизить, обесчестить, преследовать своей местью, а главное — выказывать свое презрение. Однако, говоря о жестокости Людовика, его мелочности, жажде растоптать человека, который ему изменил, а теперь был лишен всех почестей и обращен в ничто, не следует забывать, что эта опала была не просто капризом государя, а результатом интриг со стороны завистников, которым не терпелось получить освободившиеся таким образом должности.

Глава вторая. ПРИНЦЫ. ПРЕСЛЕДОВАНИЕ И ПАДЕНИЕ

1. Крупные феодалы и главы кланов

История оставила нам образ государя, постоянно борющегося с оппозицией и раскрывающего заговоры, охотно выдумывающего их, чтобы воспользоваться ими как предлогом и сразить тех, кто утратил его благорасположение, и тех, чье имущество он рассчитывал конфисковать. В такой обстановке соперничество между отдельными людьми, а также кланами, хитроумные интриги, клеветнические кампании, разумеется, только усугубляли тлетворную, быстро ставшую невыносимой атмосферу страха и тревоги.

В прошлом несколько вынесенных приговоров уже вызвали скандал, рассматривались как произвол, суровость, выходящая за рамки разумного. Несколько даже верноподданных авторов, ни в коей мере не враждебных королевской власти, обличили их, назвав оскорблениями, нанесенными Богу и правосудию. Процесс над тамплиерами, затем, при Филиппе VI, публичные казни в Париже знатных нормандцев, потом еще целая серия «дел» против Брезе, Ксенкуэна, Жака Кёра, порученные Карлом VII комиссарам, выбранным им самим, явно не встретили одобрения со стороны лояльных подданных и несколько омрачили славу этих королей, как и их тогдашних фаворитов. А тем паче большой «политический» процесс над Жаном д'Алансоном в конце царствования, в августе 1458 года. При Людовике XI такого рода процессы перестали быть прискорбной случайностью, став обычным уделом в политической игре, обыденностью продуманной политики. Каждый ощущал себя под угрозой и мог опасаться падения, бесчестья и позора, неизбежного разорения для своей семьи, того, что его имущество перейдет к подлым противникам, завзятым доносчикам, гнусным интриганам, сумевшим втереться в доверие к господину.

Никто не мог считать себя в безопасности в такое время, когда принцы, сплотившиеся против короля, искали союзников, рассылали более или менее тайно гонцов к королевским чиновникам, чтобы попытаться перетянуть их на свою сторону или побудить выступить в свою защиту. Встречи друзей или сторонников, обычно проводившиеся вдали от Парижа и даже королевства — в графстве Бресс или в Савойе, — бросали тень на многих людей, сообщников поневоле, которых в нужный момент

можно было назвать виновными. Везде царил страх, ибо королевский полицейский аппарат располагал целой армией агентов, приставов и комиссаров, способных действовать где угодно и быстро. Закон, изданный 22 сентября 1477 года, обязывал их разыскивать и налагать наказание на всех, «кто проведает о сговоре, замыслах, заговорах и предприятиях против короля». Такие люди подвергались той же каре, что и сами заговорщики.

Принцы и вельможи опасались всего. Они устраивали для себя убежища и укрепляли свои дома. Граф де Сен-Поль велел укрепить защитные сооружения в своих пикардийских крепостях, особенно замок Э, «который ему дорого обошелся, ибо он построил его, дабы спастись в лихой час, и снабдил его всем необходимым». Но подготовить укрытия значило возбудить еще большие подозрения. Мысль о бегстве тоже не сулила добра. Кое-кто подумывал отправиться в Рим, как Жак Кёр в 1451 году (об этом подвиге вспоминали до сих пор), или в Авиньон — он поближе, но не так надежен. Это было не так легко, и Коммин говорит, что мало кто сумел вовремя сбежать: одни не надеялись получить надежное убежище в соседних странах, другие слишком дорожили своим имуществом, женами и детьми. Полно, так ли велика грозящая опасность, чтобы обречь свою семью на изгнание?

Боялись еще и наемных убийц, бакалейщиков, сведущих в ядах, и просто шпионов... Карл, граф дю Мэн, «пребывал в великом страхе, понеже ему казалось, что даже среди людей в его дому есть соглядатаи, и не знал он, как ему быть». Герцогу де Немуру приснился кошмарный сон, в котором король послал войска, чтобы его захватить, «ибо говорили, что как только король выберет время, то пошлет великого магистра с восемью сотнями копий, дабы схватить его». Все прекрасно помнили Монтеро и то, как был убит Иоанн Бесстрашный 10 сентября 1419 года, направляясь на встречу с дофином по мосту, переброшенному через реку. Некоторые не решались предстать перед королем, опасаясь западни, или требовали принятия дополнительных предосторожностей. В 1474 году граф дю Мэн, который должен был прибыть ко двору, переезжал из дома в дом по ночам.

Принцы, приписывавшие Людовику черные замыслы, видя, что его советники желают им погибели и следят за ними, постоянно отправляли переодетых агентов выведывать обо всем, что затевает король. В хрониках того времени часто говорится о разоблаченных шпионах, жертвах своей неловкости или случая, узнанных каким-нибудь приставом, тотчас арестованных и

подвергнутых суровому допросу. Порой из-под пера авторов хроник выходили настоящие романы, но все же в них была большая доля истины, ибо любой облеченный властью человек, испытывавший тревогу и опасения, использовал шпионов, поскольку не мог пребывать в неведении относительно того, что замышляет враг — или пока еще друг. Вельможи поддерживали широкую сеть информаторов, верных и более-менее ловких. Граф де Сен-Поль, судимый за измену и оскорбление величия, доверял подобные поручения молодым людям из своих войск: «несколько раз просил их провести день-другой при дворе, дабы разузнать о новостях и донести ему»; известно также, что послания чаще доверяли «маленьким» людям — пажу, самому неприметному лучнику из личной охраны, галантерейщикам или придворным купцам, а еще того более — монахам, особенно якобинцам, которые снискали себе солидную репутацию в этом деле… но которых вскоре и стали подозревать чаще других. Эти люди путешествовали под прикрытием совершенно обыденных поручений, или по своим делам, или по делам своих церквей и монастырей. Некоторые говорили, что совершают паломничество, и действительно отправлялись по святым местам, что не должно было возбудить подозрений во времена, когда святилищ и мест поклонения святым было много во всех краях.

Чтобы сноситься друг с другом, передавать сведения, сообщать свои планы и намерения, принцы вели строго засекреченную переписку, стараясь переиграть королевских агентов, которые перехватывали их письма, с готовностью видя в них доказательства заговоров или гнусных интриг. Они использовали шифры, одни — совершенно обычные, с простыми ключами, другие — более мудреные, зная (или надеясь), что ключа к ним не подобрать. Естественно, послания тщательно прятали, зашивали в подкладку одежды или шляпы, вставляли в полую палку, в сбрую или седло. Реньо де Велор, знакомый и доверенный человек Карла дю Мэна, сильно постарался, чтобы как следует спрятать письма, доверенные его слуге Кастилю и предназначенные для Жильбера де Грассе, слуги герцога Бургундского. Он сложил их, скатал в шарик размером не больше ореха и обмазал воском, велев гонцу, в случае опасности, проглотить этот шарик, чтобы письма не были обнаружены.

Напрасные предосторожности? Чрезмерная тяга к таинственности? Конечно же нет: люди короля следили за всеми передвижениями, которые казались им необычными, за иностранцами, у которых не было веских причин находиться там, где они находились, а в особенности — за чиновниками и слугами вельмож. При малейшей тревоге они быстро ставили в

известность своего господина, который хотел знать обо всем. Ордонанс от 1464 года предписывал всем гонцам, направляющимся через королевство, явиться к смотрителю почты или его помощникам и показать им свою суму и письма, чтобы те могли посмотреть, нет ли в них чего-либо зловредного для короля или требующего расследования. Гонцов, застигнутых на объездных и окольных дорогах, передавали бальи или сенешалям, а их письма или пакеты предъявляли королю. Людовик XI утверждал, что приказал соблюдать право на свободное перемещение по королевству для людей папы и иностранных принцев, однако он все же арестовал и отдал на суд Парижского парламента одного тайного агента по имени Джованни Чезарини, которого папа Пий II послал к герцогу Бретонскому. Когда начинался самый тяжелый конфликт с бургундцами, он постарался пресечь всякую вражескую пропаганду и принял меры, чтобы подозрительные принцы и вельможи не могли переписываться. Его агенты постоянно сообщали ему о способах прятать письма: их доверяли уже не конным гонцам или слугам, а ярмарочным торговцам или церковникам; «многие монахи, шествующие дорогами нашего королевства, были застигнуты с несколькими письмами и с поручением передать разные послания, направленные нам во зло». Аббатам Клюни и Сито, а также Шартреза было приказано запретить подобную практику, иначе их всех, вместе с монахами их ордена, выгонят из королевства и лишат всего имущества.

В июне 1474 года Карл де Бурбон, легат в Авиньоне, верный королю и пользующийся его покровительством, велел арестовать арагонского рыцаря Гильома де Сен-Клемана, направлявшегося из Неаполя в Арагон; при нем нашли не-сколько писем и инструкций неаполитанского короля Фердинанда. Людовик XI письменно поздравил консулов и жителей Авиньона, сообщив, что пришлет к ним своего дворецкого Антуана де Фудра с поручением привезти пленника к королю для допроса: «Вельми желаем услышать речи оного рыцаря и выведать у него, в чем было его поручение, поелику подозреваем, что оно нам во вред». Во всяком случае, из писем, перехваченных в Авиньоне, наверняка можно будет узнать, что затевают арагонцы против французской оккупации Перпиньяна и Руссильона, поддерживают ли они мятежников и поощряют ли бунты. Принимаемые меры во многом зависели от подобного надзора и перехвата почты.

Неизвестно, что сталось с этим рыцарем, арестованным по дороге, но совершенно точно, что гонцы с тайными посланиями подвергались большому риску: 28 ноября 1475 года в Париже был четвертован доверенный человек графа дю Мэна, который

неоднократно путешествовал по различным владениям королевства, выступал посредником на переговорах и перевозил запечатанные послания, «зловредные для короля и общественного дела». Некоторые, взвесив свои шансы, рассудили, что надежнее — по меньшей мере, не так опасно и, возможно, более прибыльно — будет изменить и выдать своего господина. Так поступил в 1467 году Луи де Люссо, сеньор де Вильфор, посланный братом короля Карлом к Жаку д'Арманьяку, герцогу де Немуру, чтобы заключить союз и поговорить о плане отвоевания Нормандии.

Король широко использовал информацию, добытую у гонцов, и его комиссары всегда держали такие письма наготове. Поэтому, если им не удавалось достать подлинных, они, не колеблясь, изготовляли подложные. Специалисты в этом деле ценились очень высоко. Ясно как день, что обвинения, выдвинутые во время суда над Жаном V, графом д'Арманьяком, опирались только на подделки, в частности на письма, которые граф якобы написал и послал английскому королю Эдуарду IV. На самом деле они принадлежали перу Жана Дайона, сеньора дю Люда, которого королевские фавориты и сам Людовик обычно называли «мэтр Жан Ловкач». Все дело строилось на показаниях некоего Жана Бума, англичанина, который якобы перевозил запечатанные записки своего короля и письма графа д'Арманьяка. Этот Жан Бум, гонец «низшего разряда», получил свое: представ перед скоротечным судом и приговоренный к ослеплению, он сохранил один глаз лишь из-за неловкости палача. Король остался недоволен такой «халтурой» и приказал довершить дело и выколоть ему оба глаза.

Люди, которым было поручено ведение таких судебных процессов, не всегда доставляли себе столько хлопот, ибо для обвинения в измене не было необходимости предъявлять какие бы то ни было доказательства. В 1481 году Рене д'Алансона обвинили в том, что он «без нашей печати отправил несколько посланий к принцам и вельможам, которые состояли тогда и все еще состоят в союзе с нашими врагами». Ни одно из этих писем предъявлено не было.

В первые месяцы своего правления Людовик XI не сделал ничего такого, что могло бы вызвать недовольство вельмож. Масштабная «чистка» в Париже коснулась только чиновников, находившихся непосредственно на службе у его отца, и выглядела простым обновлением политических кадров, в частности в ближнем кругу государя. В том же 1461 году он велел освободить Жана д'Алансона, сурово осужденного во время знаменитого «королевского суда» 21 августа 1458 года и содержавшегося под стражей в Мелене, в замке Нонетт, в башне Констанции в Эг-

Морте и, наконец, в тюрьме замка Лош.

Лига общественного блага вынудила его проводить иную политику, во всяком случае, дала ему повод начать действовать против крупных феодальных владельцев. Принцы и вельможи, яростно отстаивавшие свои права перед наступлением королевских агентов, связанные тесными семейными узами и узами покровительства, постоянно заключали между собой соглашения о взаимопомощи — то есть заговоры. Их вотчины выглядели в королевстве настоящими анклавами, очагами сопротивления и мятежа. Арманьяк, Альбре, Немур в политическом плане играли существенную роль. Их владения, унаследованные от отцов, приобретенные через брак или завоеванные у соседей, часто простирались в гористых местностях, усеянных замками и крепостями, к которым было трудно подступиться и которые могли выдерживать длительную осаду. Ален д'Альбре, прозванный Аленом Великим, унаследовал обширные владения дома Альбре, часть Базаде с Кастельжалу, часть Кондомуа с Нераком, несколько замков и переправ через Гаронну. Женившись в 1456 году на Франсуазе де Блуа, он получил несколько нормандских вотчин, поместья в районе Пантьевра и еще дальше, в Геннегау.

Те же роды обладали значительным социальным и демографическим весом, опираясь на свои традиции, родню и свойственников, на свои брачные союзы, а также на многочисленных побочных детей, уважаемых и поддерживаемых друг другом. В противоположность странам, входящим в Священную Римскую империю, во Французском королевстве положение внебрачного сына не было порицаемым, к нему не относились уничижительно, а, напротив, заявляли о нем с гордостью. Многочисленные побочные сыновья были признаны и приняты их законными братьями: во второй половине XV века судебные чиновники зарегистрировали за плату (около пятидесяти экю) в общей сложности четыреста пятьдесят девять писем об усыновлении незаконнорожденных детей. Все с гордо поднятой головой поддерживали честь своей семьи. Фремен де Шатильон в 1463 году представлялся «великим бастардом Дофине» и славил своих предков. Такие люди, как Дюнуа, бастард Орлеанский, и Антуан, «великий бастард Бургундский», по мнению всех хронистов своего времени, заслужили уважение своих родителей своими подвигами и неизменной преданностью. Жан, бастард д'Арманьяк, стал губернатором Дофине и маршалом Франции в 1466 году. Людовик Бурбонский, побочный сын герцога Карла I и Жанны де Бурно, узаконенный королевской грамотой в сентябре 1463 года за незначительные услуги, стал

после войны с Лигой общественного блага адмиралом Франции.

У трех первых герцогов Бургундских из династии Валуа (Филиппа Смелого, Иоанна Бесстрашного и Филиппа Доброго) было в общей сложности более сорока внебрачных детей; если прибавить побочных отпрысков их кузенов, то эта цифра составит около семидесяти. Все сыновья занимали должности при дворе, в армии или в Церкви. Судьи Жака де Немура бросили ему в лицо, что его следует сравнить с «царем Астиагом, у которого было шесть сотен ублюдков».

Эти многочисленные сыновья были хорошей подмогой для глав больших семейств, которые, чтобы бороться с вассалами и чиновниками короля, должны были окружить себя «защитной стеной» из верных людей, опирающейся на владения в отцовских землях. Бастарды часто становились пламенными борцами за интересы рода. Королю приходилось с ними считаться, и ему нечасто удавалось, несмотря на все усилия, соблазнить их красивыми обещаниями: говорили, что бастард д'Алансон подсылал к нему убийцу с кинжалом, чтобы отомстить за герцога Рене, обвиненного и осужденного.

2. Оружие короля

Союзы и браки

Противопоставить принцам, их бесчисленным сыновьям, кузенам и бастардам крепкие союзы было непросто. Однако король сумел это сделать, тоже окружив себя верными людьми, соединенными кровными узами. Нет никаких сомнений в том, что он, как и его враги, проводил тогда осознанную, грамотную и, в общем, успешную семейную политику.

Карл VII удачно выдал замуж своих законных дочерей. Екатерина, супруга Карла Бургундского, умерла молодой, в 1448 году, но Жанна, выданная за Иоанна II де Бурбона, Иоланда, супруга герцога Савойского Амедея IX, и Мадлен, жена Гастона IV Наваррского, были его союзницами и играли значительную роль на дипломатической арене. Став королем, Людовик XI беспрестанно переписывался и заключал соглашения с тремя своими сестрами, которых так хорошо пристроил его отец. Он никогда не отказывал им в поддержке и часто выступал в их защиту, отстаивал их собственные интересы и интересы их детей. Занятый в апреле 1478 года войной в Бургундии и Пикардии, он написал одной придворной даме, госпоже дю Люд, что к великому своему сожалению не может «уладить» брак

мадемуазель де Вандом, дочери его сестры Жанны, с его «племянником» и камергером Луи де Жуайезом, графом де Граншре. Пусть она позаботится обо всем сама, пробудет пять-шесть дней подле молодой женщины, чтобы убедить и ее, и также Граншре, что «я сделаю ему больше добра, нежели обещал, и ей». С другой стороны, 7 декабря 1481 года он строго предупредил канцлера Франции, агенты которого затеяли судебный процесс против Мадлен де Виан, вдовы Гастона IV, смертельно раненного на турнире в Либурне в 1470 году, и опекунши его сына Франсуа Феба, графа де Фуа и де Бигорр, «дабы никакого обмана не было учинено ни надо мной, ни над нею».

Выбрать для своих дочерей достойных супругов, опытных и стоящих, а главное, способных привести с собой свиту других протеже, всегда было главной его заботой, поводом для всякого рода демаршей, переговоров, маневров и сделок. Анна в 1473 году вышла замуж за Пьера де Бурбона, сира де Боже, графа де ла Марша, сына герцога Карла I, который был одним из самых рьяных агентов, расследовавших преступления арманьяков. Юного герцога Людовика Орлеанского принудили жениться на Жанне — больном и увечном ребенке — с единственной целью: лишить Орлеанскую династию всякой надежды на продление рода и таким образом пресечь ее. Король вслух этим похвалялся, прямо написав графу де Даммартену, что решился на это, «поелику сдается мне, что им недорого станет прокормить детей, кои у них родятся». Брак заключили наперекор всем и вся, «а все, кто ему воспротивятся, должны опасаться за свою жизнь в моем королевстве». О нем впервые заговорили уже в мае 1464 года, всего через месяц после рождения маленькой Жанны. Мария Клевская, вдова Карла Орлеанского и мать Людовика, хотела этому помешать, но ей пригрозили изгнанием, Людовику — заточением в монастырь, а ее советникам — плахой. В конечном итоге 19 февраля 1476 года было получено разрешение папы на родственный брак, и свадьбу отпраздновали 29 августа в отсутствие короля в часовне замка Монришар — именно там, где Анна Французская вышла замуж за Пьера де Боже. Король, конечно, был этому рад: он одержал блестящую победу над упорным противником и не преминул оповестить об этом: «Как он (Людовик Орлеанский) ни упирался, а пришлось ему покориться».

Это была мрачная, гротесковая, отвратительная комедия. Юный Людовик отказался жить со своей женой, находившейся в замке Линьер, и не пожелал даже прикоснуться к приданому в сто тысяч экю. Король бушевал, кричал, что бросит его в реку, так что он сгинет, как последний простолюдин. Он установил за ним постоянный надзор, прислал к нему своего врача Гильома

Лошета, чтобы давать ему советы, и сказал, что поручит двум нотариусам составить протокол у брачного ложа. Одного из советников герцогов Орлеанских, Франсуа Брезиля, арестовали, привезли в Тур, подвергли пытке, продержали полтора месяца в тюрьме и приговорили к смерти; его помиловали, но ему пришлось вступить в Орден госпитальеров. Другого близкого к молодому герцогу человека, Гектора де Монтенака, обвинили в том, что он подбивал Людовика к сопротивлению, тоже бросили в тюрьму и сделали рыцарем этого ордена. Последней жертвой этой жалкой истории — по меньшей мере, последней, известной нам, — стал Франсуа де Гиварле: король велел повсюду водить его за собой в цепях. У герцогов Орлеанских не должно было быть наследников.

Он позаботился и о дочерях своего отца от Агнессы Сорель, обеспечив и укрепив их положение. Марию Карл VII выдал в 1458 году за Оливье де Коэтиви, так что Людовик, став королем, занялся судьбой двух младших сестер. Жанну он в 1461 году выдал за Антуана, сына Жана де Бюэйя, а Шарлотту годом позже — за Жака, сына Пьера де Брезе. Это был способ обеспечить себе их услуги, а для дворян, не имевших тогда большого состояния, — шанс на неожиданный социальный взлет. Бюэй и Брезе были обязаны отличием и положением при дворе своему участию в походах против англичан. Но им не хватало денег, а благодаря этим брачным союзам они оказались «вовлечены в волшебный круг королевской родни». Людовик никогда не терял их из виду. Мари де Бюэй, дочь Жанны, которую король называл своей «племянницей», вышла его заботами замуж в марте 1480 года за Жана де Брюгге, сира де ла Грютюза, который был пленен во время бургундских войн и перешел на сторону короля.

Людовик доставил себе много хлопот ради Катрин, старшей дочери Мари де Коэтиви и, соответственно, внучки Карла VII и Агнессы Сорель. Он писал письмо за письмом, обращался за поддержкой к тем и другим, чтобы выдать ее за Антуана де Шурса, сеньора де Мэнье; он расхваливал достоинства этого человека, «одного из лучших военачальников, какие только есть сегодня в нашем королевстве, под началом которого четыре тысячи вольных стрелков и шестьсот солдат». Он хотел, чтобы этот брак был заключен быстро («...и уверяю вас, что со своей стороны буду способствовать этому так, как если бы речь шла о моей родной дочери»), и специально прислал для этой цели своего доверенного человека. Договор был заключен, а две другие дочери Мари де Коэтиви — Маргарита и Жилетта, еще совсем юные, были доверены гувернантке, госпоже де ла Бельер, вдове Таннеги дю Шателя, которую король засыпал советами и

рекомендациями: «Сдается мне, что не должно не дозволять им пить около двух часов, когда возжаждут, и слишком разбавлять водой их вино, но пусть пьют только легкие вина из Турени... не давайте им ни солонины, ни пряного мяса, а только каши и всякого вареного мяса»; никаких фруктов, кроме зрелого винограда.

К своим родным дочерям, рожденным вне брака от неизвестных нам женщин, он относился так же участливо, но тоже подобрал им в мужья людей, которые многим были ему обязаны и наверняка не могли претендовать на союз с королевским домом. Мария в 1467 году вышла за Аймара де Пуатье, вдового и безденежного; он умер два года спустя, и король забрал обратно тридцать тысяч экю приданого. Жанну отдали в жены Людовику, бастарду Бурбонскому, которому было уготовано прекрасное будущее.

Пристраивая племянниц или дочерей, Людовик использовал брачные союзы как оружие против принцев, отвечая ударом на удар. В этом отношении он вел последовательную политику, окружая себя многочисленными «родственниками и друзьями по плоти». Таким образом, он стремился внушить дворянству мысль о вездесущности его самодержавно-то владыки.

Союзники последнего часа

Ища союзников, стремясь собрать вокруг себя клиентуру из верных людей, чтобы противостоять враждебным ему принцам и подавлять их окружение, король Людовик использовал все средства, дабы привлечь и удержать под своей властью вчерашних врагов, которые примкнули к нему, нарушив прежние обязательства, изменив своим друзьям. Злопыхатели могли тогда сколько угодно говорить, что высокие должности часто доставались семьям, долгое время бывшим враждебными, по меньше мере подозрительными, в уплату за измену. Некоторые здорово выиграли в этой игре, особенно после окончания войны с Лигой общественного блага. Король щедро расточал свое покровительство и доходные места людям, которые одно время сражались против него, но покорились прежде других.

После смерти кардинала Пьера де Фуа, папского легата и, следовательно, управляющего Авиньоном и графством Венессен, Людовик сделал все возможное, чтобы поставить на его место своего кандидата против кандидатуры Рима. Конечно, это был совершенно обычный поступок, имевший целью сохранить французское влияние, однако его выбор пал на племянника

покойного кардинала, которому было всего пятнадцать лет. Столкнувшись с упорными возражениями, ему пришлось уступить, но он тотчас выставил кандидатом Жан-Луи Савойского, брата королевы Шарлотты, епископа Женевского. Новая неудача только усилила его желание добиться своего. Нескольких высших чиновников посылали одного за другим в Авиньон с настойчивыми инструкциями, в частности, дворецкого Арно де Монбардона и бастарда д'Арманьяка Жана де Лескена, губернатора Дофине; Жан де Рейлак отправился с посольством в Рим. Третьим кандидатом стал брат Жана де Лескена, тоже Жан, архиепископ Ошский, и Людовик многое сделал, чтобы поддержать его и склонить в его пользу авиньонцев. К ним день за днем прибывали королевские агенты с длинными посланиями. Но и тут выбор оказался не слишком удачным, и в конечном счете королю пришлось отступиться. Однако его участие к выходцам из родов Фуа и Арманьяк (Лескен) явно вписывалось в продуманную цепочку: теснее привязать к себе перебежчиков, которые своей изменой навлекли на себя гнев своих родственников.

В деле с Авиньоном король обратился тогда к Бурбонам, которые принимали активное участие во фронде 1465 года, возглавив первую коалицию, но покорились первыми и как будто больше не вынашивали недобрых замыслов. Он явно хотел отблагодарить их и привязать к себе высокими должностями, в то время как прочие лигисты интриговали как никогда. Иоанна II де Бурбона он сделал главным наместником в герцогствах Орлеанском и Беррийском, графстве Блуа, сенешальствах Руэрг, Керси, Лимузен, Перигор и в бальяжах Велэ, Жеводан и Виваре; чуть позднее тот получил должность губернатора Лангедока. Людовик, незаконнорожденный брат Иоанна II, женился на Жанне, внебрачной дочери короля, и стал главным наместником в Нормандии, а потом адмиралом Франции. На должность папского легата в Авиньоне Людовик XI прочил другого брата Иоанна, Карла, архиепископа Лионского... одиннадцати лет от роду; но дело не продвигалось так быстро, как он бы того хотел; папа Павел II тянул время, тогда как король засыпал его письмами, предоставлял гарантии, а Бурбоны доказывали Людовику свою верность: в Перонне Иоанн II и юный архиепископ Карл отдали себя в заложники герцогу Бургундскому.

Павел II умер 26 июля 1471 года, и новый папа Сикст IV прежде всего сообщил, что удовлетворяет желание французского короля; он прислал в Лион через кардинала Виссариона буллу о назначении Карла... постаравшись при этом сократить полномочия легата и круг вопросов, находящихся в его ведении. Сначала Карл де Бурбон был хорошо принят в Авиньоне,

попытался мудро править и усмирять ссоры между фракциями, которые тогда вызывали сильные волнения в городе, но вскоре столкнулся со всякого рода противодействием со стороны Сикста IV, изменившего свое мнение, а главное — его племянника Джулиано делла Ровере, назначенного епископом Авиньонским. Ему пришлось покинуть Авиньон; он отправился заседать в Королевский совет и назначил своим наместником своего незаконнорожденного брата Рено де Бурбона, архиепископа Нарбоннского. Но тот не продвинулся дальше Карпантра. Король наотрез отказался дать согласие на смещение своего легата, напомнив, что тот был торжественно провозглашен в таком качестве и папой в Риме, и Джулиано в Авиньоне. Карл де Бурбон и три его брата — адмирал Людовик, Пьер, сир де Боже, и Рено — снова вступили в город и в очередной раз были вынуждены его покинуть.

Непотизму папы, который раздавал своим племянникам и кузенам множество церковных бенефициев, противостояла стратегия короля, который, не тревожась о совмещении должностей, старался наделить ими одно-единственное княжеское семейство, на тот момент дружественно к нему настроенное: четыре брата Бурбонские, законные сыновья и побочный отпрыск, были брошены на завоевание Авиньона!

Король — зачинщик смуты, союзник коммун

Принцев, заподозренных в измене или склонности к мятежу, подвергали настоящему полицейскому и судебному преследованию, сажали на скамью подсудимых во время тщательно подготовленных процессов, вплоть до их осуждения и распределения их должностей и владений между людьми, предоставившими достаточно доказательств своей преданности. Просто удивительно, что в плане преследований в Истории сохранились только темница и железная клетка Балю, а не суды над французскими вельможами, которые явно были более зрелищными и имели больший резонанс и более тяжкие последствия, внося глубинные изменения в геополитический пейзаж Франции.

Как и Людовик VI Толстый, который обличал злодеяния «господ-разбойников», Людовик XI предавал общественному порицанию зарвавшихся феодалов. Они никого не уважали, в особенности королевских агентов, и вели себя во главе своих войск как настоящая солдатня, головорезы, разбойники с большой дороги. Подобные обвинения были обычными для

королевских чиновников, и множество следственных комиссий пользовались ими напропалую. Шарля д'Арманьяка обвинили не в участии в Лиге общественного блага, а в том, что он воспользовался смутой, чтобы бросить своих людей на разграбление городов и селений в области Ларзак, в ущельях Тарна и Дурби. Говорили, что он издевался над народом «хуже англичан и забирал еду, хлеб, овец, быков, коров, мулов и свиней, если от него не успели отбиться»; хуже того, он «избил королевского пристава, явившегося призвать его к порядку», а в довершение всего «поколотил своего исповедника, когда тот не пожелал отпустить ему грехи». По всей стране сообщили о том, что гасконские и наваррские авантюристы на жалованье у Жана V Арманьяка свирепствовали и разбойничали в 1472 году под Лектуром. Королевский лагерь был разграблен, с захваченными в плен крупными военачальниками — Жаном де Фуа, Пьером де Бурбоном и Пьером де Боже — обходились достойно, но «людей, кои ранее служили господину де Боже стольниками и прочими, принудили служить нагими, без штанов, колпаков и прочих одежд».

Через двадцать лет после учреждения Карлом VII ордонансных рот и запрета частных армий Людовик XI нарочито возобновил этот запрет, «дабы никто, к какому бы сословию ни принадлежал и какой бы властью ни обладал, особливо наши кузены де Фуа, д'Арманьяк, де Немур, сеньор д'Альбре и граф д'Астарак, не смели собирать и содержать войска, не имея на то нашего поручения».

«Мятежники» знали, что король, ведущий войну с бургундцами или предпринимающий военные походы в Русильоне, не мог в любой момент бросить против них все силы. Однако и они не могли долго противостоять государю, который располагал значительными денежными поступлениями, а следовательно, многочисленными военными отрядами на хорошем жалованье, тогда как их собственные отряды таяли, поскольку расходы с каждым годом становились все больше. Управление своим имуществом обходилось дорого, ведь надо было содержать чиновников, агентов, сборщиков податей. Переплетение земельных владений и юрисдикций, такое сложное, что сегодня его попросту невозможно себе представить, вызывало споры о наследстве, присвоение и захват соседних земель; эти споры не всегда можно было уладить полюбовно, совсем наоборот. В последние годы правления Людовика XI дом Альбре вел в суде семьдесят тяжб. А эти тяжбы требовали огромных денег. Некоторые оставались незавершенными до самой смерти истца; их наследовали дети. Знатным семьям приходилось

содержать при судах бальи и сенешалей, а при Парламенте — множество стряпчих и поверенных. Все более частые, почти систематические обращения к королевскому правосудию порождали множество финансовых проблем.

Непросто было управлять владениями, расположенными очень далеко друг от друга, не показываясь в них; приходилось на месте разбирать споры, выслушивать жалобы и обвинения. В 1483 году Ален д'Альбре в апреле жил в Туре, в июле — в Амьене, Амбуазе и Сегюре (Лимузен), в августе — в Монтиньяке и Нераке, в сентябре — в Тулузе, в октябре — в Блуа, наконец, в декабре — в Нотр-Дам-де-Клери и Туре. Более того, крупные вельможи, подобно королю, содержали роскошные дворы. Многие авторы, а уж тем более историки видели в расходах на богатые одежды, шелка и меха, на ловчих соколов и охотничьих собак, на празднества и на пожертвования церквям за все возрастающее количество месс главную причину их разорения или, по меньшей мере, неспособности собрать достаточно войск, чтобы защитить свои владения от нападок короля.

Государева служба накладывала на них слишком тяжелые обязанности за чересчур слабое вознаграждение, которое либо выплачивалось непосредственно наличными, либо заключалось в доходах с определенных земель (что влекло за собой большие расходы) и всегда поступало с опозданием. Чтобы отправиться в Байонну, д'Альбре, командующий королевской армией, захватил двадцать три лошади для себя и своих пажей, десять для своих слуг и трубачей, девять для дворецких, секретарей и капелланов, шесть для кравчих и поваров, четыре для герольдов и прочих свитских. В 1471 году из десяти тысяч ливров, пожалованных ему, он получил едва ли половину, и то ему все время приходилось напоминать о себе королевским казначеям, задабривая их подарками.

Король, разумеется, предоставлял действовать своим бальи и судейским, которые с давних пор, во всяком случае со времен Людовика Святого, умели вытребовать больше как от вельмож, так и от епископов, и охотно, с упорством, достойным лучшего применения, чинили произвол, захватывая земли и предъявляя права короля во всех областях. Давление на знать, постоянно оказываемое этими людьми, сторонниками четкой административной централизации, во времена Людовика XI стало источником бесчисленных конфликтов, разрастающихся в политическом контексте мятежей и даже гражданских войн. Немуры, Арманьяки и Альбре обвиняли королевских чиновников в злоупотреблении властью, в завышенных требованиях по выплате жалованья вольным стрелкам, в упорном размещении

жандармов там, где их быть не должно. А главное — в заключении союза с муниципалитетами. Здесь тоже переплетались различные права. Трудно было определить природу платы за проезд или других обычных сборов в пользу феодала, занимавшего замок, так что споры были неизбежны. Городские власти и народ цеплялись за любой предлог, чтобы сбросить феодальное иго, зная, что король их поддержит. В 1465 году тулузский парламент приказал конфисковать имущество Шарля II д'Альбре, союзника Лиги общественного блага, в частности в графстве Гор в Арманьяке и в городе Флеранс. После подписания мирных договоров в Конфлане и Сен-Мор-де-Фоссе имущество следовало бы возвратить, но парламент не отменил своего решения, а жители Флеранса продолжали бунтовать и вооружались. Жан д'Альбре, сын Шарля, явился их урезонить с тремя тысячами головорезов и учинил над ними ужасную расправу, повесил консулов на четырех городских воротах, а королевского прокурора бросил в реку Жерс. Однако это дело не имело больших последствий, поскольку оно рассматривалось не в Тулузе и не в Париже, а в Бордо, Карлом Гиеньским, который вынес расплывчатое, во всяком случае снисходительное, постановление.

Людовик смотрел на дело иначе. Он поддерживал, даже силой оружия, бунты в городах, принадлежащих принцам.

Сторонников же принцев в тех местностях, которые оставались им верны, старался стереть в порошок. В 1475 году Жак д'Арманьяк, герцог де Немур, укрепился в своем замке Карла в Оверни, чтобы завладеть Орильяком. Он рассчитывал на несколько богатых семейств этого города, в частности на Лаберов, которые вместе с сотней союзников, включая нескольких мясников, подняли мятеж против королевских агентов и установили свою власть над консулатом. Людовик XI послал войска во главе с Обером Ле-Вис-том: «Любая крайность будет оправданной, ибо они всегда были изменниками и злодеями». Жандармы Ле-Виста не смогли расправиться с главными бунтовщиками, укрывшимися у Арманьяков, но дом Пьера Лабера был торжественно разрушен до основания. В Родезе гражданская война привела к полной анархии. Город, удерживаемый сторонниками Жана V д'Арманьяка, противостоял пригороду, где укрепились люди епископа. Королю удалось установить мир, заключенный через посредство двух комиссаров-судей, но Жан д'Арманьяк явился туда на девять месяцев со своими войсками, которые его квартирмейстеры распределяли по домам силой, вышибая двери, избивая и оскорбляя консулов, завладевая мебелью и провиантом, а тех, кто имел лишь одну кровать для

себя и жены, попросту выбрасывая на улицу. Подобное нарушение мирного договора вызвало громкое негодование; король присоединил к нему свой голос и всячески его разжигал.

3. Крупные судебные процессы. Конец удельных владений

Арманьяк и Альбре

Крупные судебные процессы, о которых наши учебники так скудно упоминают, были, без сомнения, самым важным и самым значительным по своим последствиям предприятием короля. Велись они твердой рукой, по большому, четкому плану, без колебаний и угрызений совести. Мир в стране и благо государства были лишь предлогом и аргументами, выдвигаемыми, чтобы оправдать обвинения, вооруженные нападения, репрессии и казни. Речь шла не о том, чтобы обуздать вельмож-разбойников или расстроить злые заговоры, а о том, чтобы положить конец княжеским родам, которые еще отстаивали свои права наперекор претензиям и хищническим устремлениям королевских агентов.

Король вел войну на два фронта. С одной стороны — против герцогов и графов юга Франции (Немур, Альбре, Арманьяк), подозреваемых в желании любой ценой сохранить независимость и в слишком хороших отношениях с Карлом Гиеньским, братом короля. Против них проводили расследования, им делали предостережения. Их представляли смутьянами, непокорными, изменниками. С другой стороны — против крупных феодалов в северной части королевства (Алансон, Сен-Поль), которые, чтобы сохранить за собой некую свободу действий, установили связь либо с герцогом Бретонским, либо с Бургундией, а потому их не без причины обвинили в тайном союзе с врагами короля.

Жан V д'Арманьяк был приговорен к изгнанию тремя постановлениями Парламента, вынесенными с промежутком в несколько лет. Но каждый раз он успевал вернуться, навлечь на себя новые обвинения и залечь в свое логово, пока не погиб во время одного путаного столкновения в Лектуре летом 1472 года, по всей видимости, намеренно убитый.

Лектурская драма вписывалась в череду авантюрных, почти былинных приключений с предательствами и примирениями, неожиданными поворотами сюжета и внезапной развязкой. Сын Жана IV, умершего в 1450 году, дважды отлученный от Церкви папой за кровосмесительную связь со своей сестрой Изабеллой,

которая родила ему двух детей, обвиненный в насильственном присвоении имущества короля, чеканке монеты против королевской воли и самовольном назначении своего незаконнорожденного брата Жана де Лескена архиепископом Ошским, он получил приказ покориться и жениться на женщине, которую ему укажут. Король сначала подослал к нему его дядю Бернара д'Арманьяка и его тетку Анну д'Альбре. Напрасный труд: он отказался подчиниться и с гордостью демонстрировал третьего ребенка, рожденного Изабеллой. Тогда явилась внушительная армия из двадцати четырех тысяч солдат под блестящим руководством крупных военачальников — графа де Даммартена, маршалов Франции Логеака и Ксентрайя, бальи Лиона и Эвре. Запершись на какое-то время в Лектуре, Арманьяк понял, что дело плохо, и сбежал в Арагон. Вернувшись во Францию и окопавшись в укрепленном замке Брюйер-ле-Шатель под Корбьером, он был призван на суд Парижского парламента в марте 1458 года и снова сбежал, на сей раз в Бургундию, где Филипп Добрый отказался его принять. Но в Женаппе дофин Людовик оказал ему теплый прием и выслушал все его недобрые слова в адрес короля. Оттуда он отправился к принцу Оранскому Луи де Шалону, который был женат на его сестре Элеоноре. Приговоренный 13 мая 1460 года за оскорбление величия, бунт и кровосмешение к конфискации имущества и пожизненному изгнанию, он добился в Риме прощения от папы и удалился в Арагон, где влачил жалкое существование до самой смерти Карла VII.

Когда Людовик стал королем, Жан де Лескен, верно служивший ему в Дофине и Женаппе, тотчас добился помилования изгнанника.

Его возвращение наделало много шуму и вызвало бурные проявления энтузиазма в областях к югу от Гаронны. В Ногаро Жан V собрал окрестных дворян, каноников и городских консулов; в Эньяне он объявил, что король пообещал сделать его коннетаблем. Этого не случилось. Все же он добился быстрого пересмотра своего процесса в Парламенте и вернул себе все имущество вместе с милостью короля, который отправил его с посольством к Генриху IV Кастильскому. Но Арманьяк решительно не мог служить и хранить верность. Несколько месяцев спустя он снова начал интриговать. Обвиненный в заговоре, он собрал войска, заперся в крепости Капденак, некоторое время сопротивлялся, потом сбежал в Испанию, чтобы в конечном итоге, истратив все средства, просить короля о прощении и получить его (1463).

Однако в мае 1465 года он вместе с Немуром и семью-

восьмью тысячами солдат напал на Сен-Флур и Рием, затем, в июле, захватил Шампань вплоть до Труа, Шалона и Реймса. После подписания мирного договора король снова захотел его женить, подумывая о Марии Савойской, сестре королевы. Антуан де Брилак получил аванс в шестьсот экю и поручение вести переговоры о заключении этого брака; остальные десять тысяч ему пообещали выплатить «по его первому требованию, как только оный брак будет заключен и свершен». Бракосочетание не состоялось, и Людовик XI еще несколько раз потерпел неудачу, встретив отказ со стороны семейств, которые приходили в ужас при мысли о союзе их дочери с кровосмесителем. Он дал свое согласие на брак Жана V с Жанной де Фуа, дочерью Гастона IV де Фуа, но воспротивился этой свадьбе и попытался ее запретить, когда его брат Карл стал правителем Гиени: это значило, что на юго-западе у него появится слишком много врагов. Тем не менее свадьбу отпраздновали в Лектуре в августе 1469 года.

Под предлогом раскрытия заговора, который был выявлен лишь на основе показаний, полученных в пыточной, король бросил против Арманьяка новую армию в тысячу четыреста копий и десять тысяч вольных стрелков и снабженную кое-какой артиллерией. Во главе ее стояли крупные военачальники (Логеак, Кран, адмирал де Бурбон) и три сенешаля (Пуату, Тулузы и Каркассона); им было приказано захватить Лектур. Когда город был взят, тулузский парламент 7 сентября 1470 года заочно приговорил Жана V за оскорбление величия и государственную измену к конфискации вотчин и владений. Но Карл Гиеньский очень скоро ему их вернул, и тот поселился в своих землях. Во время нового наступления под руководством сенешалей южных городов королевские войска заняли почти все города и крепости Арманьяка. Укрывшись в Лектуре, не надеясь получить подкрепление, Жан V капитулировал и получил 17 июня 1472 года охранную грамоту на полгода и право уехать со свитой в двести человек в любое место в королевстве и за его пределами, но только не в Арманьяке, за исключением нескольких немногочисленных и точно названных мест.

Однако он вернулся и без боя, с помощью Шарля д'Альбре, захватил Лектур. В конечном итоге Людовик XI, подписавший перемирия с бретонцами и бургундцами, смог бросить против него другие отряды и мощную артиллерию. Начались переговоры, было подписано соглашение о всеобщем помиловании. Жан V освободил своих пленников, но войска короля, ворвавшиеся в город с криками «бей! бей!», набросились на дом графа и убили его во время стычки: «Не было такого вольного стрелка, который не вырвал бы хоть волос с его головы!» Его раздетый,

изуродованный труп волочили по улицам. Началась настоящая охота на людей, на женщин и добро: дома сжигали, городские стены разрушали, и «не осталось никого, ни церковника, ни дворянина, слуги Арманьяка, кто не был бы пленен, связан по рукам и ногам, и с кого не потребовали бы большого выкупа, и многих убили».

И в Арманьяке, и в Совете многие думали, что все это случилось по воле короля. Говорили также, что к графине Жанне, супруге Жана V, заключенной в замок Бюзе под Тулузой и подвергавшейся дурному обхождению, явились два посланных короля с аптекарем, которые «ласковыми словами и хитрым обхождением принудили ее выпить некое снадобье, так что через несколько дней она исторгла из себя прекрасного младенца мужеского пола».

Падение этого крупного вельможи и его рода, который, от отца к сыну, постоянно утверждал свою независимость по отношению к королю и противился его воле, еще усугубилось падением Шарля д'Альбре — «младшего Альбре», сына Шарля II д'Альбре и внука коннетабля Бернара VII д'Арманьяка. Женившись 15 августа 1472 года в Миранде на Марии, дочери графа Жана IV д'Астарака, он помог Жану V отбить Лектур. Его арестовали в день капитуляции этого города и убийства графа и привезли в замок Лузиньян. Представ перед спешно созванной комиссией, Шарль д'Альбре был приговорен к смерти 7 апреля 1473 года и казнен в Пуатье.

Жак де Немур

Это был лишь первый из крупных политических процессов. Процесс над герцогом де Немуром занял больше времени и сопровождался совсем иными приготовлениями. Он явно поразил общественность и заставил ее роптать на короля, ибо для всех было очевидно, что обвинение не имело под собой никаких конкретных оснований. Многие хронисты, потрясенные тем, что человек, достигший высших почестей и богатства, оказался низвергнут с вершин, поняли, что действия короля были продиктованы едва завуалированным желанием отобрать чужие земли. Никакого доказательства измены представлено не было, даже подозрения были высосаны из пальца.

Жак де Немур, кузен Жана V д'Арманьяка, покорился королю после войны с Лигой общественного блага и мирно жил в своем замке Карла. Но Карл Французский, укрывшийся тогда в Бретани, стремился возродить свои союзнические связи и прислал к нему

Жана ле Менгра, ярого противника короля, который пробыл рядом с Немуром три года и, как говорят, с помощью одного монаха-кордельера, называвшего себя астрологом, убедил его продолжить кое-какие переговоры, по правде сказать, довольно невинные.

Когда Карл примирился со своим братом-королем, Немур тоже присягнул ему на верность, подписал 17 января 1470 года «соглашение» в епископском дворце Сен-Флура с Антуаном де Шабанном, присланным королем, и передал ему четыре из своих крепостей в Оверни. Он торжественно принес присягу на кресте святого Лода в церкви под Анже, в присутствии двух специальных уполномоченных — епископа Лангрского Ги Бернара и Ферри II Лотарингского. Однако после смерти Карла он связался с графом де Сен-Полем, и тотчас поползли слухи: его обвиняли в заговоре с англичанами. Сопротивлялся он недолго: большая королевская армия осадила Карла; он сдал город после месячного сопротивления, 9 марта 1476 года, сенешалю Руэрга Палья-ру д'Юрфе и наместнику бальи Овернских гор Пьеру де Тарду. Надеясь умилостивить Людовика XI, он прислал к нему сначала нескольких эмиссаров в Пикардию, потом свою же-ну Луизу Анжуйскую и своих детей в Тур. Все напрасно: его заточили в тюрьму Вьена, затем в замок Пьер-Сиз под Лионом, а под конец, 4 августа 1476 года в Бастилию. Комиссары, исполнявшие роль судей, выдвинули против него все возможные обвинения: мятеж, оскорбление величия, сообщничество или сношения с врагами короля и даже ведовство, «противное христианской вере». Несколько свидетелей заявили, что Немур следовал советам своего исповедника Ги де Бриансона — францисканца, астролога и составителя астрологических таблиц, в которых указывалось, в какие дни и часы следует посылать письма к королю, чтобы снискать его благоволение и действовать наверняка.

Заранее осужденный, приговоренный к смерти, он был казнен 4 марта 1477 года на Рыбном рынке.

Луи де Люксембург, граф де Сен-Поль, и герцоги Алансонские

Луи де Люксембург, граф де Сен-Поль, был союзником бургундцев во время Лиги общественного блага, но быстро в них разочаровался из-за того, что получил недостаточно денег. В 1466 году он примкнул к Людовику XI, который женил его на Марии Савойской, сестре королевы, чью руку до того тщетно предлагал Жану V д'Арманьяку. Сен-Поля справедливо называли богатейшим вельможей своего времени, он унаследовал

обширные вотчины от отца, матери и дяди, а также от своего первого брака с Жанной де Бар. Брак с Марией Савойской принес ему сверх того значительные денежные поступления и большие доходы: подарок в 84 тысячи золотых экю, пенсию в 12 тысяч ливров, жалованье коннетабля, то есть 24 тысячи ливров, управление Нормандией, которое приносило еще 4400 ливров в год, и ордо-нансную роту в четыреста копий. Но его владения, список которых кажется бесконечным (он был графом де Сен-Поль, де Бриен, де Линьи и де Конверсан, владельцем замка Лилль, господином Энгьена, Уази, Гама, Боэна, Бове, Конде в Бри, Бурбурга и т. д.), были разбросаны по всему королевству, вдаваясь во владения короля и герцога Бургундского, и нигде не образовывали большой территории, на которую можно было бы опереться. Целое выглядело искусственным, словно случайным, и на непоколебимую верность подчиненных рассчитывать не приходилось.

Его положение еще более ослабло после того, как в январе 1471 года он занял Сен-Кантен именем короля, а его владения в Бургундии были конфискованы Карлом Смелым. Поэтому он постоянно искал союзников — Карла Гиеньского, Филиппа Савойского, графа де Бресса, Рене Анжуйского, герцогов Бретонских и Бурбонских. Возможно, он «водил шашни», обмениваясь письмами и уполномоченными советниками, с английским королем и семейством Сфорца из Милана. Возможно, он даже сговорился с несколькими людьми короля — Антуаном де Шабанном, Жаном де Бюэй-ем, Людовиком, бастардом Бурбонским...

Сен-Кантен стал его столицей, вернее, его убежищем. Решив утвердить свою полную независимость, намереваясь вести двойную игру, он изгнал королевский гарнизон и удерживал город с одним немногочисленным отрядом. Его брат Жак привел к нему лишь слабое подкрепление — восемьсот лошадей, «которых он набрал с бору по сосенке, так что не было и пятидесяти копий». Хорошо осведомленный о намерениях короля и сознавая слабость сил, которые он мог ему противопоставить, он думал только о бегстве, но пребывал в нерешительности. Отправиться в паломничество в Сен-Клод во Франш-Конте, что стало бы простым предлогом, чтобы покинуть земли короля? Или в Бретань? Или же в Германию, где он смог бы купить себе крепость на Рейне и продержаться там, пока не получит предложение о мире от короля или герцога? Он не мог решиться, к тому же боялся увлекать за собой в дорогу свою беременную жену, которая вот-вот должна была родить.

Однако он попытался найти убежище у бургундцев, где два

его родственника — Жан, граф де ла Марш, и Антуан де Руси — могли, как он думал, поддержать его. Но после заключения мира в Солёре (13 сентября 1475 года) между Людовиком XI и Карлом Смелым последний не захотел провоцировать новых конфликтов и обязался выдать графа де Сен-Поля. Взамен, если верить Тома Базену, король пообещал уступить ему город Сен-Кантен с окрестными землями и покинуть, не оказав им помощи, войска герцога Лотарингского, на которые армии бургундцев напали в долине Мозеля. Запершись в замке Гам, Сен-Поль понимал, что не сможет долго сопротивляться отрядам короля, брошенным за ним в погоню. Он получил охранную грамоту от герцога Бургундского, но был арестован по его приказу в Монсе, пленен и 24 ноября выдан французам. Его препроводили в Париж и заточили в Сент-Антуанскую крепость.

Суд над ним, «с большой поспешностью» проведенный Парижским парламентом под председательством Пьера Дориоля (он всегда оказывался под рукой в такого рода делах и оправдывал доверие), закончился очень быстро. Сен-Поль был признан виновным в заговорах и махинациях с целью сбить с верного пути, прельстить и разжалобить нескольких принцев и вельмож во Французском королевстве и вне его. Приговоренный 12 декабря к смерти за оскорбление величия, он был казнен три дня спустя на Гревской площади, в присутствии огромной толпы, которую королевские глашатаи на всех перекрестках приглашали посмотреть на казнь. Чтобы все знали о бесчестье графа и о том, каким суровым может быть король, копии следственных протоколов, допросов и судебного постановления — 267 параграфов на 36 листах — тотчас разослали всем принцам по всему королевству.

Герцоги Алансонские, обвиненные в государственной измене за то, что и они тоже чересчур охотно поддерживали контакты либо с герцогом Бретонским, либо с англичанами, трижды представали перед судом: Жан II — при Карле VII, в 1458 году, а потом в 1474-м, и его сын Рене — в 1481 году. В последних числах апреля 1456 года Жан II послал гонца, Пьера Форбена, к чиновникам английского короля; на обратном пути ответ перехватили по приказу Пьера де Брезе, который, явно хорошо осведомленный, усилил посты на дорогах Нормандии. Герцог Алансонский, не знавший об этом злосчастном обстоятельстве или пренебрегший опасностью, все же отправился на назначенную им встречу. 27 мая 1456 года он был арестован, отвезен в Мелен, потом в замок Нонетт и наконец в башню Констанции в Эг-Морте. Для суда над ним в Вандоме 21 августа 1458 года состоялось торжественное заседание парламента в

присутствии короля, отображенное на знаменитой иллюстрации Жана Фуке. 10 октября его приговорили к смерти, Карл VII сохранил ему жизнь, но лишил всего имущества и заточил в замок Лош. Его герцогство Алансон отошло к короне, графство Перш — к его детям, а прочие земли и владения — к нескольким фаворитам короля, в частности к Антуану д'Обюссону, сеньору де Монтейю, занимавшему высокое положение при дворе, так как он был женат на Маргарите де Виллекье, сестре Андре де Виллекье — супруга любовницы короля.

Дофин, бывший в курсе многочисленных интриг, вызвавших падение одного из крупнейших вельмож в королевстве, не остался безучастным к тому, что он считал насмешкой над правосудием. Людовик находился в изгнании в Дофине, а потом в Женаппе, и возвышение клана Виллекье было для него нестерпимым. Поэтому, став королем, он поспешил освободить Жана II Алансонского, который, не теряя времени, отомстил тем, кто способствовал его несчасть-ям, при этом не утруждая себя обращением к правосудию. Форбен, который предал его и сделал возможным его арест, был убит наемными убийцами на пути в Сантьяго-де-Компостела. Людовик XI не опечалился, во всяком случае никак на это не отреагировал. 31 декабря 1467 года он даровал свое прощение Жану II, его супруге Марии д'Арманьяк и его сыну Рене, графу дю Першу, хоть и было известно, что тот некоторое время поддерживал герцога Бретонского во время его предприятий в Нормандии двумя годами раньше. Алансонам вернули их земли, и Жан II получил под свое командование сто копий с той же пенсией, что и раньше, плюс двадцать тысяч экю «за понесенные расходы».

Но он не прекратил сношений с англичанами, поддерживал притязания Карла Гиеньского, вел дела с Жаном V д'Арманьяком, братом своей жены Марии. Его арестовали в начале февраля 1473 года, посадили в тюрьму замка Рошкарбон под Туром, и король тотчас приказал скорым делом провести расследование о его злодеяниях. Двух людей из Шато-Гонтье, «ведавших о его измене», подвергли долгому допросу, и королевские комиссары — Дюнуа, Жан ле Буланже, первый председатель Парижского парламента, и Гильом Кузино — без труда увеличили список обвинений: он велел убить Пьера Форбена и золотых дел мастера по имени Эмери, который помогал ему чеканить фальшивую монету; предложил англичанам, в залог союза, сдать им кое-какие из своих крепостей в Нормандии; вступил в сговор с принцами и фламандскими феодалами, враждебными королю; наконец, много интриговал, чтобы расстроить два брака, которыми очень дорожил король, — брак Эдуарда IV Английского

с дочерью графа де Фуа и своего сына Рене с сестрой герцога де Бурбона. Алансон был приговорен к смерти 18 июля 1474 года, но приговор не привели в исполнение, и он умер в изгнании.

Его имущество отошло к Рене, которого несколькими годами позже, в свою очередь, заподозрили в подготовке заговора или в составлении союзов против короля, во всяком случае, в том, что он не поставил короля о них в известность. Людовик XI выдал замуж Жанну, побочную дочь Жана II Алансонского, за своего камергера Ги де Бомона и дал за ней в приданое двадцать тысяч экю и графство Бомон-ле-Роже. Эти деньги не пропали даром, ибо молодожены оказывали ему большие услуги, шпионя за Рене, а потом выдвинули против него обвинения на суде.

Рене д'Алансон был арестован Жаном Дайоном, заключен в замок Шинон, потом Кудре. С 21 сентября 1481-го по 12 января 1482 года его допрашивали в течение тридцати семи заседаний шесть комиссаров, тщательно отобранных среди высших чиновников в королевстве; все они предоставили достаточно доказательств своей верности и преданности — это были, разумеется, Жан Дайон, Пьер Дориоль, Жан Блоссе — господин де Сен-Пьер, великий сенешаль Нормандии, Леонард де Понто, казначей Франции, Филипп Воде, советник Парламента, и, наконец, Бофиль де Жюж, специально присланный королем, чтобы вести судебный процесс над графом дю Першем. Утверждают, что он хотел бежать в Бретань или в Англию, чтобы не отвечать за свои преступления. Жанна обвиняла своего брата, но не могла представить доказательств, и ее обвинения отметались одно за другим. Дело передали в Парижский парламент, который, после долгого перерыва, вынес свой вердикт 22 марта 1483 года: Рене не был ни осужден, ни оправдан, а попросту принужден просить короля о «милости и прощении».

Глава третья УНИЖЕННЫЕ И ОСУЖДЕННЫЕ

1. Комиссары, чрезвычайный суд

Расстроить заговоры и призвать к порядку злопыхателей было насущной необходимостью, нерушимым правилом. Историки в этом плане не ошиблись, создав образ подозрительного, несговорчивого короля, неспособного прощать — не из-за особенностей своего характера, а из государственных соображений. Сам он в «Наставлениях», данных своему сыну, и в сочинении «Розовый куст войн» оправдывает себя, утверждая, что нельзя «никому прощать его злодеяний», что «самое большое благо, какое король может совершить в своем королевстве, это истребить в нем злодеев», что «нельзя допустить, чтобы хоть один злодей избегнул наказания», и что «недостаточно не вредить другим, нужно также противостоять тем, кто захочет навредить всем прочим».

В судебных процессах — сплошь политических, сплошь по обвинению в измене и оскорблении величия — не допускалось никакой неуверенности. Их целью было уничтожить попавшего в опалу, поразить его род, отнять у него имущество и лишить возможности действовать. Людовик хотел, чтобы процессы велись быстро и без длительного присутствия защиты. Заранее осужденный за злодеяния и коварство, за бунт против королевской власти виновный должен был быстро понести наказание в назидание другим и без пересмотра вынесенного решения.

Доверить ведение следствия и вынесение приговора обычным судебным инстанциям, в частности Парламенту, было слишком рискованно. Не все председатели и советники были у Людовика в кулаке и не все повиновались его приказам. Некоторые старались соблюдать закон и правила судебной процедуры, требуя по меньшей мере формальной независимости. Поэтому некоторые дела, и далеко не самые незначительные, у них забрали и произвольным образом передали на рассмотрение комиссаров, назначаемых для каждого конкретного случая, — на рассмотрение людей, которые хотели только выслужиться.

Конечно, королю не удалось отстранить Парламент от всех дел, но он всеми силами к этому стремился, с завидным упорством используя давление всякого рода, громко объявляя свою волю, засыпая упорствующих советами и угрозами. 7 июля

1467 года он строго запретил Парижскому парламенту вести процесс над Жаном де Бово. Сын сеньора де Пресиньи, избранный епископом Анжереким благодаря вмешательству Карла VII, он был отлучен от Церкви архиепископом Турским, обвинившим его в отравлении одного из каноников кафедрального собора. Папа подтвердил приговор и лишил его епископства и всех бенефициев за «проступки и прегрешения» и за «срам его сословию, жизни и славе». Король, которому поручили исполнить приговор, не заставил себя упрашивать: де Бово вовсе не принадлежал к числу его друзей и верных слуг. Избавиться от него и назначить на его место другого — это вполне устраивало короля. Он громко заявил, что, как добрый сын Церкви, лишь исполняет волю Святого престола. Пусть советники Парламента и не думают заниматься этим делом; оно не входит в сферу их компетенции. Дело было в его руках, и он постоянно вмешивался, чтобы все решить самому. 12 августа 1467 года он сообщил канцлеру, что необходимо привлечь к следствию слуг Жана де Бово, также изобличенных как злодеи. Король настаивал: «Вам ведомо, что дело касается нас, нашей особы и нашего государства; велите же вершить его со всею поспешностью».

Виновные в мятежах, захваченные с оружием в руках или недвусмысленно обличенные усердными доносчиками, очерненные в глазах общественности и обвиненные в ходе скоротечного следствия конечно же не могли рассчитывать на настоящий судебный процесс: наказание настигало их прямо на месте преступления. Ни Большой совет, ни Парламент о них даже не знали. Так стало с рыцарем, сыном испанца Салазара, долгое время служившего графу д'Арманьяку, который поднял восстание в городах Берри против налога на соль и бросил в тюрьму всех королевских чиновников; король велел повесить его самого и его сообщников: «И не скрывайте ничего и никого не бойтесь, ибо я предпочел бы потерять десять тысяч экю, чем чинить над ним суд».

Король и верные исполнители его воли утверждали, что Шарль д'Альбре, приговоренный к смерти в 1473 году, был судим «в Парламенте». Это в большей степени было игрой в слова, чем попыткой успокоить чью-то совесть и унять ропот. Следствие Парламенту не поручали, и только первый председатель и малое число советников состояли в коллегии комиссаров, сплошь назначенцев. Трое из них, которые, несмотря ни на что, отказались поддержать обвинительное заключение, считая Альбре невиновным во всех преступлениях, лишились своей должности. Правда в том, что большая часть имущества осужденного была обещана следователям, в частности сиру де Боже, зятю короля,

который председательствовал на суде, Бофилю де Жюжу, главному обвинителю, и Жану де Дайону, которому часто поручали подобные дела. Допросы вел канцлер Пьер Дориоль, безраздельно преданный королю, уже неоднократно испытанный при подобных обстоятельствах; он окружил себя высокопоставленными чиновниками, назначенными и созванными по приказу короля.

Процесс Рене Алансонского велся не только без участия Парламента, но и без помощи совета комиссаров. Король не постеснялся применить свою власть, застращать судей, держать их под колпаком, диктовать им, что нужно делать и как вести допрос: «Вы позволяете себя обманывать! Рене говорит вам, что в тот день, когда его арестовали, он ехал в Бретань, и вы ему верите. Но это ложь: он направлялся в Англию, чтобы совершить измену».

Расследования, проводившиеся твердой рукой, не раз задействовали всех агентов, которые должны были установить свидетелей или соучастников, предотвратить их отъезд, выявить тех, кто скрывался. Этому преследованию, направляемому непосредственно королем, его приказами, подвергались прежде всего друзья и слуги, априори виновные в тех же проступках, или, по меньшей мере, хранители секретов, а потому способные заговорить, свидетельствовать против обвиняемого и обличить другие преступления или интриги. Требовалось помешать им сговориться, оказать помощь своему господину и подготовить побег. Охота за слугами и оруженосцами часто походила на полицейские облавы, которые не давали роздыху ни подозреваемым, ни ищейкам. Жан де Бово был уличен благодаря королю Рене, который велел схватить и допросить одного из его близких, но и другие явно могли многое порассказать, и Людовик все настойчивее напоминал о своем приказе захватить некоторых слуг Бово, дабы «выведать правду». Он велел немедленно отправить комиссара, чтобы найти этих людей.

Жак де Немур должен был быть заточен в Бастилию, но прежде чем он туда прибудет, Пьеру Дориолю было приказано захватить его слуг, находящихся в Париже, и держать их под замком, а также усилить обычную охрану Бастилии отрядом из двенадцати лучников. Сир дю Бушаж, которому в 1474 году поручили наказать «изменников, виноделов и прочих ремесленников и простолюдинов, избивших и изувечивших почтенного и мудрого Филиппа Буэра, товарища королевского прокурора», целых два месяца получал по этому поводу письма, из которых на него сыпались упреки: разведайте и постарайтесь разыскать тех, кто стоял за этими волнениями, узнайте, кто из

богачей поддерживал беспорядки, ибо бедняки не могли учинить их сами. Никого не щадите. Дознайтесь, были ли у тех пятерых, что вы уже захватили, соучастники, ибо я считаю, что были. Покарайте этих узников так, чтобы другим было неповадно. Вы поместили их в большую башню в Бурже и в Мене; там они находятся слишком близко от своих друзей, нужно разлучить их и отвезти в Венсенский замок. Напрасно вы включили в следственную комиссию Тома Трибона, ведь он один из главных зачинщиков бунта в Сансе; немедленно исключите его. Наместник губернатора Берри сообщает, что после восстания черни в Бурже отправился поговорить с судейскими, чтобы те действовали поскорее, они же ответили, что не смогут, и торопиться не стали. Это недопустимо; отправьте их всех ко мне, и если будут упрямиться, то принудьте. Пришлите ко мне также того человека, который сказал, что не сумевшие избежать ареста были дураками, и дознайтесь, кто он таков, от донесшего на него.

Антуан де Бурбон, сначала служивший герцогу Бургундскому, а потом примкнувший к Людовику XI, в 1477 году вернулся к своему прежнему господину. В общем, совершил предательство. Поползли слухи о том, что некоторые его слуги все еще проживают в Сен-Кантене. Людовик озабочен: пусть мэр, эшевены, мещане, крестьяне и жители города постараются их разыскать, «а ежели вы их отыщете, то немедля пришлите их к нам, где бы мы ни находились, под доброй охраной, дабы не сбежали». Король беспрестанно призывал своих агентов к бдительности, чтобы они были готовы разоблачить подозрительных. Франсуа де Жена, председателю Счетной палаты Дофине, он писал: Понсе де ла Ривьер, которого мы хотим предать суду, намерен бежать, нарядившись монахом-кордельером; установите дозоры на всех дорогах страны и назначьте в них людей, которые его знают, чтобы ему не удалось скрыться.

Парламенту было доверено весьма немного дел. Они велись с необыкновенным тщанием: старались допросить большое число свидетелей, все узнать и в конце концов распутать весь клубок заговоров и интриг. Суды заседали долго: тридцать семь заседаний по делу Рене Алансонского, с 21 сентября 1481-го по 18 января. Список издержек на один из судебных процессов над Жаком де Немуром включает в себя восемьдесят два пункта, в частности дорожные расходы конных приставов, советников или прокуроров, посланных из Парижа отыскать и привезти свидетелей или подозрительных из Труа, Провена, Ножана-сюр-Сен и даже Монлюсона; затраты на доставку писем в Анжу и Турень; на проведение расследования и привод некоторых узников из Руэрга и Бордо. Мишель Понс, королевский прокурор,

отправился в Амьен и другие города Пикардии «к Антуану д'Изому, королевскому нотариусу, дабы получить от него некоторые указания»; с ним было три человека.

Главных свидетелей брали под стражу самым грубым образом, подвергая неудобствам и даже унижениям, однако обычно им возмещали ущерб: некто Пердирак из свиты герцога де Немура получил пятнадцать ливров за «понесенные расходы и прокорм коня в Париже, куда его привезли и держали под стражей, дабы он дал показания по некоторым тайным делам, относящимся до оного процесса»; Гаспар де Новиан, мещанин из Кламси, получил десять ливров в возмещение простоя за время, пока он находился узником в этом городе. Уклониться и отказаться отвечать было нелегко. Жан, бастард д'Арманьяк, епископ Ошский, сказался больным. Приказ дворецкому, сиру дю Бушажу: «Призовите мэтра Айгерана и прочих парижских врачей и осмотрите его... ибо дошло до меня, что болезнь его есть одно притворство».

2. Железные клетки и повозки

Чтобы рассказывать о страданиях узников, запертых в железных клетках, где они едва могли пошевелиться, подвергаемые нестерпимым насмешкам и оскорблениям своего тирана, не нужно перерыть гору документов. Это не требует долгих и кропотливых изысканий. Все авторы того времени, как недоброжелательные, затаившие большую обиду, так и более благорасположенные к государю, например Филипп де Коммин, говорили о них без экивоков, подчеркивая ужас подобного заточения. Гораздо позже в «исторических» романах разными оттенками черного цвета расписали знаменитые темницы, в которые любил наведываться король в шляпе с изображениями святых, медленно обходя их и радуясь жалкой судьбе этих людей, низвергнутых с высоты и обращенных в ничто. Авторы школьных учебников не упускали случая напомнить о бедственном положении несчастного осужденного: утративший доверие короля, он проводил мрачные и долгие годы в железной клетке, выставленный для обозрения, словно хищник, редкий и опасный зверь.

Эти клетки действительно существовали и использовались. Возможно, не так часто, как пишут, и не таким образом, но достаточно, чтобы о них упоминалось в подлинных документах — не только в литературных, но и юридических и бухгалтерских текстах. Без сомнения, такие строгости были продиктованы заботой об охране узника, ведь, судя по количеству

подозреваемых или осужденных, которым удалось бежать из самых высоких башен замков, эти тюрьмы очень плохо охранялись. Тюремщиков, малочисленных и ненадежных, не хватало, чтобы сорвать планы людей, которые сохранили верных друзей и слуг, могли переписываться с ними и рассчитывать на помощь сообщников с воли. В наших документах часто говорится о беглых узниках, которых так и не поймали и которые без особого труда сумели пересечь все королевство и укрыться далеко от своей темницы — во Фландрии, Бургундии, Бретани или даже в Провансе. При Карле VII Гильом Марьетт, королевский нотариус, обвиненный в сговоре с дофином Людовиком, сбежал из королевской тюрьмы в Лионе, укрылся в соборе, был пойман, но снова сумел бежать. И никто не забыл побег Жака Кёра, который, заточенный в замок Пуатье, выбрался оттуда благодаря помощи своего сына и своих близких, сначала спрятался в монастыре якобинцев в Лиможе, потом, несмотря на приставов, брошенных за ним в погоню, и на вы-ставленные сторожевые посты, беспрепятственно добрался до Бокера, а оттуда был вывезен ночью своими марсельскими приказчиками и переправлен через Рону. Король Людовик XI не мог не знать, как два этих узника, Марьетт и Жак Кёр, которые в свое время принадлежали к его лагерю, сумели стряхнуть с себя плохо подогнанные цепи. Нельзя сказать, чтобы при нем сторожа лучше приглядывали за своими узниками, а тюрьмы стали надежнее. Слишком многое говорит об обратном.

Антуан де Шабанн, заключенный в Сент-Антуанскую крепость, сбежал оттуда среди ночи благодаря помощи своей жены и нескольких слуг, которые доставили ему веревки и подготовили побег. У подножия башни его ждали лошади. Они поскакали к мосту Шарантон, но, не найдя там лодочника, проехали дальше до Корбейля, куда проникли через небольшие ворота, оставшиеся открытыми по недосмотру. Оттуда на следующий день Шабанн приехал в Лере — первый городок в Берри, и тотчас отправил письма графам д'Арманьяку, де Немуру и де Шароле, сыну герцога Бургундского. Самый знаменитый, возможно, лучше всех охраняемый из узников смог не только выбраться из крепости и покинуть Париж, но и с легкостью проделал длинный путь через всю страну, оставшись незамеченным.

Некоторые утверждали, что узников сажали в клетки только на ночь, когда надзор за ними слабел. У нас нет тому доказательств. Зато совершенно точно, что король часто проявлял крайнюю суровость, как для принятия чрезвычайных предосторожностей, так и для наказания нерадивых. Господину

де Сен-Пьеру, везшему герцога де Немура в Париж, он писал: «Я недоволен вашим сообщением о том, что ему сняли железа с ног... и что его вынули из клетки, и что его водят слушать мессу, куда приходят женщины, и что ему оставили стражей, кои жалуются на оплату». Сделайте так, чтобы он безвылазно сидел в своей клетке и выходил из нее только на пытку и чтобы его пытали в его комнате.

Антуан де Кастельно, сеньор дю Ло, главный кравчий Франции, сенешаль Гиени и камергер короля, заподозренный в измене, обратился в бегство и был арестован 10 мая 1467 года под Орлеаном: «И понеже он и люди его были замечены в чужом платье, был пленен и препровожден к королю, который отправил его с его людьми узниками в замок под Меном». Тристан Лермит отвез его в замок Юссон в Оверни, откуда ему удалось бежать, чтобы примкнуть к бургундцам в Перонне. Комендант замка Юссон, который отвечал жизнью за охрану узника, был арестован, заключен в замок Лош и обезглавлен. В Туре казнили несовершеннолетнего сына жены этого коменданта, а в Мо — и королевского прокурора в Юссоне.

Из писем короля можно узнать все о его тревогах, о стремлении предотвратить попытки побега и заботах о строгом содержании узников. Казначеи и счетоводы королевского двора в мельчайших подробностях описывали меры, которые он принимал, чтобы держать некоторых узников при себе, где бы он ни был. Просто из предосторожности? Чтобы ему было вольнее их допрашивать? Или ради удовольствия наблюдать день за днем за их угасанием? Трудно сказать, но очень многие были вынуждены следовать за ним в его передвижениях по стране, в цепях и под строгой охраной. «А еще король ввел страшные ножные кандалы, сделанные немцами, очень тяжелые и изнуряющие: на каждую ногу надевалось кольцо вроде ошейника, с трудом открывающееся, а к нему массивная и тяжелая цепь, на конце которой было железное ядро жуткого веса. И называли их "королевскими дочками"». Здесь Коммин ничего не выдумывает: в октябре 1479 года, после бургундских походов, королевский пушкарь Лоран велел выковать «большие закаленные оковы с двойным замком и большую цепь с бубенцом на конце» для Ланселота де Берна; затем еще двое кандалов для двух недавно плененных жандармов и, наконец, несколько наручников и других кандалов, тоже с цепью, бубенцом и наручниками. Один возчик получил плату за труды, когда доставил к королю в Питивье бастарда де Шуази в повозке, охраняемой пятью конными стражами; чуть позже он же привез двадцать немцев из Плесси во Вьевиль под Орлеаном, а еще одного пленника, на сей

раз бретонца, сопровождаемого шестью конниками, — из Мотг-д'Эгри в Орлеан. Король хотел, чтобы они находились рядом, под хорошей охраной и полностью в его власти, и такие возчики сопровождали его, во всяком случае в некоторые годы, во всех передвижениях: «за перевозку в ладье из Орлеана в Плесси слуги фурьера и узника в большой клетке»; за доставку и охрану узника в повозке «через все места, где государь находился в месяцы июль, август и сентябрь»; за сопровождение некоего Пьера Кормери в повозке, запряженной тремя лошадьми, повсюду, куда только направлялся король с 18 августа по 2 сентября.

Эти повозки не оставались незамеченными, и то, как обходились с узниками — вельможами-изменниками и прочими, обреченными на допросы с пристрастием, — становилось известно, естественно, не только судебным приставам и охране, но также городской знати и простонародью, которым сообщалось обо всех этих строгостях. Ни король, ни его ищейки не действовали под покровом тайны. Эти полицейские и судебные приемы совершенно не сравнимы с грязной работенкой, о которой никто не должен был знать; напротив, судебный процесс, заключение в тюрьму, изгнание или казнь широко рекламировались. «Злодея карают не за совершенное им злодеяние, а в назидание другим; да убоятся они творить зло», — написано в «Розовом кусте войн».

3. В назидание: бесчестье и позор

Чтобы обесчестить осужденного и его родню, запугать его друзей и преподать всем урок, не надо ничего скрывать и плодить тайны, напротив, пусть все видят, зарубят себе на носу и сделают выводы! Возмутительно ли это? Необычно? Или же надо полагать, что все вершители политической игры, победители в жестоких столкновениях, стремящиеся покрыть позором поверженного врага, всегда поступали так же? Железные клетки и повозки 1470—1480-х годов, несомненно, следует уподобить тем, в которые посадили в 1214 году, после сражения при Бувине, графа Фландрского, изменника и мятежника, ставшего мишенью для оскорблений черни, согнанной посмотреть, как его везут в Париж в столь жалком экипаже.

Людовик конечно же старался указать на виновных широкой общественности. По примеру своего отца, который за «неповиновение и бунтарство» велел приговорить Жана де ла Роша к разрушению его замка, он приказал стереть с лица земли все дома, замки, крепости и постройки двух дворян, принявших сторону герцога Бретонского. И сурово отчитал своих

чиновников, которые решили сохранить один замок: он был получен одним из приговоренных в приданое, и в нем жила жена приговоренного, храня свою долю наследства. Пусть уничтожат всё, до последнего камня, потребовал Людовик, а жена вместе с детьми пусть убирается в Бретань.

Осужденных казнили среди бела дня и на людном месте. Одних — лакеев и слуг, простолюдинов — топили в реке без всяких церемоний; другим отрубали голову перед ратушей. Сбегалась толпа: «Удивительно видеть, насколько все жители возненавидели осужденного, и дабы удовлетворить это чувство, и дабы казнь послужила примером и поразила их ужасом, король пожелал придать ей столько блеска». Удовлетворить «это чувство»? Или же вызвать его выкриками глашатаев?

Тела повешенных оставались на виселице до тех пор, пока какой-нибудь родственник не получал право их снять и предать достойному погребению, чтобы заставить забыть о бесчестье, павшем на всю семью. Лоран Гарнье, повешенный в Париже за убийство сборщика податей в Провене, болтался на виселице полтора года, пока его брат не смог забрать его останки. Его положили в гроб, который провезли по всему Парижу, а потом доставили на повозке в Провен, где тело должны были предать земле. Глашатаи призывали добрых людей молиться за душу покойного, которого, как они говорили, «только что нашли под дубом». Это была попытка стереть даже воспоминание о преступлении. Но на это требовалось время.

Король лично приказывал, чтобы тела или головы долго оставались выставлены на всеобщее обозрение. В Бурже: «Тех же, кому посчастливится быть казненными, выставите у ворот их домов, как я вам сказал». В Дижоне руки и ноги Кретьенне Виона выставили на кольях перед главными городскими воротами. Людовик XI подверг тяжелому и трагическому наказанию нотаблей Арраса, которые обратились за помощью к Марии Бургундской: они были арестованы и тотчас казнены, и он сделал все возможное, чтобы выставить их на посмешище добрым людям, и неприкрыто этим похвалялся. Мэтр Удар де Бюсси, которому я даровал владения, говорил он, подло мне изменил; я приказал его повесить, а чтобы его узнали, велел надеть ему на голову красивую отороченную мехом шляпу и выставить его на рынке Эсдена, где он председательствовал. Та же суровость и та же гласность для предания позору одного гасконского дворянина по имени Ориоль, который, отстраненный от командования отрядом в сто копий, был уличен в злых речах и заявил о своем намерении служить Максимилиану Австрийскому: его привезли в Тур, тут же обезглавили одновременно с его заместителем, а их головы и

части тел привезли в Аррас и Бетюн в Пикардии и прибили к городским воротам.

Обезглавленные, изуродованные трупы еще служили свою службу: их возили по всему королевству, чтобы сообщить и о преступлении, и о всемогуществе государя. Жан Арди, который хотел отравить короля, был арестован в 1473 году, четвертован на Гревской площади, его голову насадили на пику, воткнутую перед ратушей, а четыре отрубленных члена отвезли в четыре верных города на четырех концах королевства, снабдив их «эпитафией» с объяснениями для зевак. Туловище сожгли, а пепел бросили в Сену; наконец, его дома разрушили, а «место его рождения сровняли с землей, как будто его и не было, и там поставили эпитафию, дабы знали о том, как велико его злодейство». Все, кто помог графу д'Арманьяку отбить Лектур, понесли тяжкое наказание в назидание другим, и это стремление наказать в назидание и сокрушить сообщников простерлось тогда очень далеко, приняв поразительный масштаб: «и с тем снесите, сломайте, уничтожьте и сожгите огнем... города, замки, крепости, селения, дома, амбары и прочие строения, принадлежащие споспешникам оного Арманьяка»; и проследите, чтобы об этом сообщили по всем сенешальствам, бальяжам и областям.

Не имея возможности захватить изменника, чтобы казнить его прилюдно, оставить его тело на виселице на многие дни, а отрубленные члены приколотить к городским воротам, король изощрялся, чтобы подвергнуть виновного поношению, рассылая глашатаев, распространяя постыдные изображения и бесчестящие картинки. Епископ Парижский, умерший 1 мая 1472 года от скоротечной болезни в один день, был всеми любим — «святой, добрый человек и великий церковнослужитель, с великой скорбью оплакиваемый». Поэтому «чернь» толпилась в часовне епископского дворца, чтобы проститься с покойным, помолиться за него, поцеловать его руки и ступни. Но король не мог с этим смириться, зная, что епископ был другом его брату Карлу Гиеньскому. Людовик написал мещанам и купцам, что епископ при жизни «был недобр к нему и не споспешествовал его пользе»; приказал изготовить и положить на его тело дощечку с эпитафией, напоминающей о том, что он вступил в сговор с герцогом Бургундским и прочими вельможами, враждебными королю, во время войны с Лигой общественного блага (семь лет тому назад). Позднее, 7 июня 1477 года, с началом бургундских походов, на перекрестках Парижа под звуки труб выкликались именем короля злодеяния и государственная измена Жана де Шалона, принца Оранского, который, находясь во Франш-Конте, принял сторону Марии Бургундской и прогнал французов. Принц,

которого король теперь называл не иначе как «Принц Тридцати Сребреников», виновный «в четырнадцати изменах, притом призывавший дьявола как еретик и совершивший великие злодеяния, как явствует из писанного его рукой, и прогневивший Бога и Церковь», был лишен ордена Святого Михаила, а его изображение было повешено на виселицах в разных городах королевства.

Объявить человека, принадлежавшего к противной партии, врагом Господа и Церкви, назвать его еретиком и обвинить в сношениях с дьяволом было обычным приемом, а ни в коей мере не нововведением. Любой, вступающий в сражение, причислял себя к силам добра, борющимся за правое дело и справедливость во имя Бога и общего блага с теми, кто, одержимые безумной гордыней, продались лукавому. На протяжении по меньшей мере двух-трех веков правители придерживались такого подхода к делу, называя свои предприятия «доброй войной». Во время гражданских войн, в частности во Франции в 1400-е годы, в результате ссор между партиями — непримиримых, поддерживаемых словесным неистовством, которое трудно себе представить, — получилось так, что конфликты уже не ограничивались политикой, но продолжались в духовном плане, в особенности через обвинения в ереси. Не так давно в Париже бургиньо-ны, с благословения епископа и Университета, устраивали длинные процессии с реликвиями, извлеченными из святилищ, прося Бога сокрушить арманьяков, — и с полным на то основанием, поскольку те были отлучены от Церкви.

Людовик XI взял это за образец и постоянно использовал такие приемы, память о которых была еще жива, дополнив их другими, более зрелищными, предназначенными для толпы. Тела казненных не только выставляли у городских ворот, но, согласно его личным и твердым указаниям, разделывали, а части отправляли в другие города, до самых границ королевства. Другие способы ославить и унизить сраженного противника явно были почерпнуты из древних времен или опыта других стран. Разрушенные дворцы, особняки и дома, возможно, напоминали разрушение римлянами Карфагена или, что более вероятно, приговор, выносимый «мятежникам» в вольных городах Италии, где партия, празднующая победу, превращала в постыдную пустошь, покрытую грязью и нечистотами, земли, где некогда возвышались дворцы вождей побежденной партии. Оскорбительные картины, карикатуры и позорящие изображения этих поверженных, изгнанных или казненных людей, сопровождаемые долгими назидательными речами с перечислением их проступков, вывешивались на виду на стенах

административных зданий целыми десятилетиями, пока их потомки, долгое время служившие мишенью для насмешек и презрения толпы, не выкупали, наконец, свое прощение унизительным раскаянием... и за крупные суммы денег.

Людовик XI также широко использовал, по примеру тех же самых итальянских «коммун», политическое изгнание, изгоняя из королевства всех, кого не мог сразить, но надеялся ослабить благодаря долгому отсутствию. Возможно, эти репрессивные меры с целью унизить «изменника» и покрыть его позором, не приняли во Франции такого масштаба, как в Италии во времена войн между гвельфами и гибеллинами или, в эпоху самого Людовика, между Медичи и Пацци. До нас дошло мало образчиков позорных изображений, заказанных королем, и есть все основания полагать, что он не обращался с этой целью, подобно современным ему властителям Италии, к известным художникам, поскольку сами художники стыдились подобной работы, сравнимой с обязанностями палача. Но отношения с Миланом, Флоренцией и Венецией, постоянные обмены гонцами и посланниками поставляли ему множество сведений о способах дискредитировать своих противников, обвинить их в измене и публично провозгласить врагами общего блага. В этом состояло политическое искусство, которым он владел в совершенстве.

4. Дележ добычи: перекроенная Франция

Во Франции, как и во всей Западной Европе, осужденный за мятеж и измену тотчас после вынесения приговора лишался своего имущества в пользу государя, который располагал им по своему усмотрению, часто раздаривая его верным людям, доносчикам или даже судьям. Такая практика сложилась уже давно. Крестовый поход против альбигойцев и суды инквизиции способствовали большому числу неправого присвоения собственности, передачи вотчин, земель и владений военачальникам, а чаще всего просто соседям-завистникам, мастерам доносов. Полвека спустя, при Людовике Святом, еще не все споры были улажены, и агенты короля по-прежнему старались распутать клубок темных интриг. Опала Жака Кёра в 1450 году, а также нескольких финансовых чиновников непосредственно перед ним ко временам короля Людовика еще не стерлась из памяти. Сыновья Жака Кёра, его друзья и помощники являлись к королю с завидным постоянством, хорошо были им приняты и постоянно напоминали о том, что и так все знали: о бессовестном, порой незаконном присвоении имущества новыми фаворитами, записными мошенниками, отпетыми лжецами.

Еще будучи дофином, Людовик, разумеется, находился в курсе всех этих дел. Он осуждал их, поскольку страдали слуги его друзей. Однако при нем конфискация и раздел отобранного имущества приняли такой размах, что вызвали громкий ропот и нескончаемые тяжбы, не прекратившиеся даже после его смерти. Он часто прибегал к этому средству, возведя его в ранг метода правления. Например, чтобы вознаградить за услуги, не опустошая казну, он выдал тысячу экю из «конфиската» в Бурже Амори де Плюманга — оруженосцу, наместнику капитана де Валоня, который долго служил, не получая жалованья. Гораздо чаще земли и вотчины, отнятые по решению суда, переходили к людям, которые, еще не достигнув высших почестей и не сколотив состояния, отличились во время преследования подозрительных, арестов и судебных процессов: это был способ вызвать или поддержать усердие доносчиков, следователей, комиссаров. Конфискованное имущество также передавалось верным людям, уже занимающим высокие посты, — капитанам или советникам, иностранцам или людям скромного происхождения, которых король хотел сделать богатыми землевладельцами и феодалами.

На процессе Жака де Немура состоялась настоящая «раздача слонов» — список имеющих право на часть «наследства» растянулся до бесконечности. Непристойность, цинизм, разнузданная алчность — репутация судей и короля сильно пострадала.

Никто не обманывался насчет значимости этих дележей и их последствий в социальном плане. Но они не были вызваны неуправляемым стечением обстоятельств, заговорами и судебными процессами, мятежами и изменами. Наоборот: в том, как велись подобные дела, несомненно, просвечивал политический замысел, и от более-менее опытных наблюдателей не могло укрыться, что король преследовал четкие цели. Эти процессы и осуждения позволяли ему обратить в ничто крупные графства и герцогства, раздробить их территории на мелкие участки и в конечном счете распределить их между несколькими новыми вельможами — старательными слугами государства, — и почти стереть воспоминание о власти удельных владык. Это было грозное оружие в руках мастера, которому наказание за преступления давало возможность перекроить политическую карту страны.

Под конец жизни, оставляя записи для своего сына, призванного следовать его примеру, Людовик утверждал, что на протяжении всего своего правления многое сделал, чтобы увеличить «владения короны». Говоря это, он подразумевал

только завоевания на севере и на востоке, а не земли, отнятые у мятежников. В этот плане он больше старался вознаградить верных людей, а потому постоянно противостоял

Парламенту, который каждый раз напоминал королю, что имущество, конфискованное у осужденных, должно в полном объеме отойти государству. Он неотступно требовал в настойчивых, зачастую угрожающих письмах, чтобы Палаты как можно быстрее и без дальнейших изысканий зарегистрировали его дары. Наградив владениями, например, Коммина, он потрудился заранее опровергнуть аргументы законников торжественными заявлениями. Эти земли и владения, приобретенные путем конфискации, были отданы без всякого удержания или взыскания, писал он, за исключением лишь полагающихся нам почестей и уважения. Все должно отойти к Коммину, несмотря на «ордонансы, изданные нашими предшественниками-королями». Людовик настаивал: это дело государственной важности, речь идет об «искуплении нашей особы и об избежании неминуемой опасности и беды для нее, а потому и для всего нашего королевства».

Сопротивление Парламента было вызвано в значительной мере желанием выслушать и признать правоту родственников осужденных, которые оспаривали некоторые решения, утверждая, что то или иное имущество не входило в наследство преступника, а принадлежало другим, или же что оно было продано до осуждения, или являлось частью приданого. Порой утверждалось, и не беспочвенно, что король или его советники не вели точного подсчета этих даров и дважды по-разному распоряжались некоторыми землями. Короче говоря, возникала большая путаница, с которой судьям порой не удавалось разобраться и за долгие годы.

Сопротивление на местах было ожесточенным, яростным, почти непреодолимым, поскольку обобранные могли рассчитывать на широкую и сильную поддержку. Некоторые попросту отказывались уступить, и новым владельцам не всегда удавалось их выселить. Герен д'Апшье, оруженосец из отряда Хуана де Саласара, захотел вступить во владение поместьями Сент-Альбен и Марсилларг в Лангедоке, конфискованными у Гильома Луве, союзника бургундцев во времена Лиги общественного блага. Имея при себе королевские грамоты, он столкнулся с этим самым Луве, который, «непокорный мятежник», направил против него оружие с помощью людей герцога Бурбонского и нескольких соседей-вельмож. Луи Луве, отец Гильома, пригрозил жителям Сент-Альбена сжечь их дома, если они сдадут город. В конечном счете Апшье сумел собрать

солдат и захватил город силой, но без жертв. За это он получил королевское прощение, заверенное сенешалем Бокера, который до того ни во что не вмешивался — то ли не зная о происходящем, то ли не имея средств.

Зато дар короля купцу Жану Ла Гиру — лавка в больших мясных рядах в Париже, «доставшаяся нам через вероломство Бюро де Сент-Иона, преданного смерти правосудием за его злодеяния» — был оспорен, а затем и отменен мастерами общины мясников. Несколько лет спустя король отдал приказ вернуть ее купцу под гарантии. Но хлопотать таким образом и дожидаться, пока Парламент или упрямцы склонятся перед королевской волей, требовало большого терпения и внушительных денежных сумм, потраченных на судебные издержки. По большому счету, лучше было договориться. Николь Тилар получил в 1474 году «в награду за расторопность, с коей им был захвачен отравитель Жан Арди», 4737 ливров и семь земель или владений в окрестностях Провена, отнятых уже не у Арди, который был гол как сокол, а у Пьера де Бофремона, графа де Шарни, который якобы открыто состоял в сговоре с герцогом Бургундским — «мятежником и непокорным подданным нашим». Однако Бофремон умер 7 августа 1472 года, а земли были конфискованы два года спустя или около того. Наследники стали громко возмущаться, приводя в числе прочих доводов тот факт, что его дочь, Антуанетта де Бофремон, уже получила два замка на свадьбу с Антуаном де Люксембургом. Тилару хватило ума замять дело, выкупив (но только в 1480 году!) отказ наследников от их прав за тысячу семьсот франков, выплаченных наличными.

Сир дю Бушаж тоже с немалым трудом завладел наконец имуществом графа де Сен-Поля, его незаконнорожденного кузена Жана, сеньора де Обурдена, и другого Жана де Люксембурга, по прозвищу Колюс, — его побочного сына. Вступить во владение этими имениями ему удалось лишь после бесчисленных демаршей, тяжб, инцидентов, склок и силовых приемов, которые обошлись ему очень дорого.

Дело Коммина наделало несравнимо больше шуму. Как только он окончательно перешел на сторону короля, тот в грамотах от октября 1472 года подарил ему княжество Тальмон с баронствами, замками и кастелянствами, землями и владениями Олонн, Кюрзон, ла-Шон и Шато-Гонтье в Пуату, конфискованными ранее у Амбуазов Карлом VII. Через несколько недель он присовокупил к этому Бран и Брандуаз, все так же в Пуату. Затем выдал за него сестру госпожи де Монсоро, которая принесла ему в приданое еще двенадцать владений и баронство Аржантон. В июне 1473 года, в награду за оборону Турнэ, а на

самом деле за то, что он отговорил военачальников Карла Смелого штурмовать город, Коммин получил еще около пяти тысяч ливров, которые предстояло получить с новых приобретений в области Турнэ, а потом, в октябре 1474 года, — земли Шайо под Парижем (полуразрушенную резиденцию, от которой осталась лишь старая башня, служившая тюрьмой).

Такой поток милостей, столько имений и феодальных поместий, подаренных за столь малое время и всего-то за одну-единственную измену, просто ошеломляли. Жители Турнэ и его окрестностей отказались выплачивать Коммину ожидаемые доходы. Решив прижать крестьян к ногтю, он одержал верх лишь благодаря «суровым письмам» короля, который прислал своих собственных комиссаров для взимания податей.

Став принцем де Тальмоном, он настроил против себя Амбуазов и их родню. Луи де Ла-Тремуйль, который тогда обладал значительным весом, не преминул напомнить, что земли, отнятые у Луи д'Амбуаза Карлом VII в 1431 году, были ему возвращены шестью годами позже, в 1437-м. А Тальмон был приданым его супруги, третьей дочери Луи д'Амбуаза. Он заявлял о неотъемлемых правах на возвращенные владения. Парламент из осторожности затягивал исполнение королевской воли и утвердил королевские грамоты, выданные в 1472 году, лишь в июле 1479 года, то есть семь лет спустя, и только на Тальмон с двумя другими владениями; прочие же должны были остаться Амбуазам.

А Людовик XI не знал покоя. Он велел сжечь и стереть с лица земли замок Шомон, владение Пьера д'Амбуаза, и заявил, что принудит одну из его дочерей, Франсуазу д'Амбуаз, вдову Пьера Бретонского, выйти замуж за одного из его близких слуг. Та сбежала, заперлась в монастыре и пробыла там до конца жизни. Николь де Шамб, вдова Луи д'Амбуаза и известная поэтесса, укрылась у Карла Гиеньского; по словам сторонников короля, она стала любовницей герцога, а по другим свидетельствам, умерла в один день с ним от того же яда.

Коммин обнаружил в бумагах, хранившихся в замке Туар, грамоты Карла VII с разрешением на брак Франсуазы д'Амбуаз с Пьером Бретонским, подтверждающие возврат имущества ее семье. Он поспешил доставить их королю, который бросил их в огонь. В конечном счете Луи д'Амбуаз, не желая «навлечь на себя гнев и неблагосклонность», если не подчинится королевской воле, согласился на обмен владений и земель. Это принесло ему высшее командование во Франш-Конте в 1479 году, во время бургундских войн. Но три его сына — Луи, Жан и Жак — запротестовали, утверждая, что уступленное таким образом

имущество было их законным наследством. Приструнить их удалось не без труда. Им навязали куратора, хотя они и находились на попечительстве отца. Выбор куратора поручили наместнику губернатора Орлеана, Роберу де ла Фуйю, который состоял в свите Коммина и назначил Луи, бастарда дю Мэна... а тот подтвердил обмен с незначительными изменениями. Новый протест со стороны сыновей в мае 1480 года, разумеется, не возымел никакого эффекта. Король приказал передать земли, а Робер де ла Фуй получил место в Парижском парламенте. Принц де Тальмон, сеньор д'Аржантон, комендант Пуатье, а потом сенешаль Пуату — Филипп де Коммин — одержал верх надо всеми, осыпанный почестями, должностями и благами.

После казни Жака де Немура графства Ла Марш и Монтегю в Комбрайе отошли к Божё, зятю короля; Кастр и владение Лезиньян — Бофилю де Жюжу; владения Лез и Конде-ан-Эно — Жану де Дайону. Прочие вотчины были распределены между большим количеством чиновников и слуг всякого разряда, заслуги которых должным образом мог оценить только один король. Но Парижский парламент, поддержанный даже королевскими агентами, бальи или сенешалями, сильно этому воспротивился, еще больше, чем в деле с владениями Амбуазов, уступив только под давлением грубых угроз, поскольку боялся спровоцировать серьезное столкновение. Сразу после заключения графа де Немура в тюрьму Парламент принял упредительные меры: по его приказу королевские агенты захватили Кастр и торжественно провозгласили на главной городской площади 1 марта 1475 года присоединение графства к владениям короны. Вступление во владение городом Бофиля де Жюжа, слуги короля, но чужака, могло быть воспринято только враждебно. Он принес клятву вассала только два года спустя, 19 августа 1477 года в Теруанне, отдал в дар чашу из позолоченного серебра за присвоение ему прав владения и был утвержден в них 31 октября епископом Альбигойским, главным наместником губернатора. Местная знать поклялась ему в верности, ему вручили ключи от замков Рокекурб и Лобер. В Тулузе это восприняли как насилие, и Парламент сначала отказал в регистрации, но потом уступил под давлением, приняв тысячу предосторожностей и уточнив, что люди короля могут продолжить сопротивление, когда захотят.

Епископ Кастрский Жан д'Арманьяк, брат осужденного, укрылся в Риме у Сикста IV. Людовик XI наложил секвестр на его бенефиций, назначив Бофиля де Жюжа распорядителем его дохода. Тот серьезно подошел к делу и привлек к нему команду агентов, а потом, в 1478 году, своего племянника Луи д'Абенабля, папского протонотариуса. Король тогда велел начать следствие и

судебное разбирательство в Парижском парламенте против беглого епископа; он постоянно ходатайствовал перед Римом о назначении епископом Абенабля; его посланник Этьен Паскаль впустую провел там более семи месяцев, снабженный внушительной суммой денег. В 1481 году Людовик отправил в Рим нового посланника, Жана Лаборделя, архидьякона Бове, и в том же году дал указания римским банкирам Альбертини, чтобы те провели обвинительную кампанию против Немуров или Арманьяков и втянули в игру Филиппа Гюгоне, епископа Маконского, находившегося тогда в Риме. Все это и все золото, выплаченное через посредство Медичи в Лионе, оказалось напрасным. Папа не поддался.

Женившись в августе 1480 года в Нераке на Марии, сестре Алена д'Альбре, Бофиль мог надеяться на укрепление своих позиций в Лангедоке, который не желал его принять. Это значило тешить себя иллюзиями: после смерти Людовика XI все изменилось — в конце 1483 года епископ Жан д'Арманьяк вернулся в Кастр, а Бофилю пришлось оставить графство и представить отчет, а потом и расплатиться.

Подобные затруднения все же были исключением из правила. Не все жертвы могли рассчитывать на твердую поддержку и, дискредитированные в глазах общественности умело организованными кампаниями, оказывались под колесами грозной и эффективной государственной машины. Правление Людовика XI, время громких политических процессов, ознаменовалось концом нескольких крупных княжеств и перераспределением земель, прав и полномочий. Последствия этого сказались не сразу.

Часть пятая. КОРОЛЬ И КОРОЛЕВСТВО В ВИХРЕ БУРИ

Глава первая. ОРУЖИЕ И БИТВЫ

Мы плохо себе представляем Людовика XI — воина, лично участвующего в сражениях. Однако с самого раннего возраста дофин командовал королевскими войсками — сначала в Лангедоке, потом в Оверни, Нормандии и Эльзасе. Бесстрашный и непреклонный военачальник, он быстро завоевал репутацию смелого и сурового, даже жестокого человека, остававшуюся неизменной всю его жизнь (в этом все авторы единодушны). Слава великого полководца, которую мы охотно затушевываем, выдвигая на первый план иной, гораздо более блеклый и тусклый образ мастера тайных интриг, а не человека действия, эта слава была заслуженной, завоеванной и утвержденной в пылу сражений, на поле боя. О короле говорили не только как о стратеге, владеющем также искусством набирать солдат и зорко следить за их снабжением, но и как о военачальнике, который на протяжении многих дней разделял тяготы и опасности военных кампаний, выдерживал длительные переходы и вел свои войска, в частности, в Дьепе в 1443 году, на приступ вражеских укреплений. Во время войны со швейцарцами в следующем году он не участвовал в жестоком сражении при Сен-Жаке, находясь со своими людьми в замке в нескольких лье оттуда, но затем сам провел несколько рискованных атак на города и крепости Эльзаса; 7 октября он был серьезно ранен под Дамбанхом, к северо-западу от Агено: стрела пригвоздила его к седлу.

Случаев отличиться было много. В наших учебниках, вынужденно повествующих лишь о нескольких главнейших событиях, и так уже хранящихся в коллективной памяти, говорится по большей части о «конце Столетней войны». Эта четкая хронологическая граница, проходящая через 1453 год, и акцент, сделанный на походах Карла VII с целью отвоевать Нормандию и Гиень, наводят на мысль о том, что затем начался длительный мирный период. Но это значит забыть о других, не менее крупных конфликтах, походивших на настоящие войны и беспрестанно требовавших применять оружие и бросать в бой солдат. Восстановление королевства, ослабленного английской оккупацией и раздробленного из-за распрей между арманьяками и бургиньонами, было только начато при отце Людовика XI и далеко не завершено, когда он стал королем. К тому же своим участием в Прагерии в 1440 году, а также интригами и союзами, заключенными в изгнании, в Дофине и Женаппе, он лишь усугубил положение и поддерживал атмосферу соперничества и споров.

При первых же признаках восстания Лиги общественного блага в марте 1465 года он сам выступил во главе своих ордонансных рот в Берри, командовал атакой на Ганна, а когда эта крепость была захвачена, поужинал одним яйцом, «ибо ничего другого не имелось», и повел своих людей к другим полям сражений. Летом Париж, окруженный армиями принцев, как во времена Столетней войны, выдержал длительную осаду, а король лично отправился в Нормандию, чтобы набрать войска. Позже были большие завоевательные войны, дальние походы на юг (Арманьяк, Альбре, Руссильон). Бургундские войны — на Сомме до смерти Карла Смелого, потом на севере — в Артуа, Бургундии и до самого Франш-Конте, — конечно, все они велись такими же силами и требовали столько же затрат, как и походы Карла VII на англичан.

Король Франции имел дело не только с врагами, сплотившимися против него. Часто ему приходилось вести одновременно две-три операции на фронтах, сильно удаленных друг от друга. Поэтому он был вынужден беспрестанно вступать в переговоры, чтобы обезоружить хотя бы одного из своих противников на какое-то время. Настоящего мира не было, были только перемирия, заключенные с большим трудом и на непродолжительный срок, которые к тому же плохо соблюдались и имели целью выйти из одного сражения, чтобы плотнее ввязаться в другое. Королевство, по сути, постоянно находилось в состоянии войны, и время передышки, вырванное у одного врага, позволяло только собрать силы в кулак против другого: король затягивал переговоры под Лектуром или в Руссильоне, поскольку не мог оттянуть войска с фронта на Сомме; подписывал «мир» с бургундцами, чтобы нанести удар на юге и покарать мятежников из Пер-пиньяна. Нескончаемые переговоры с англичанами, с Уорвиком или Эдуардом IV, обмены посольствами, несколько двусмысленное и зачастую сомнительное участие в английской Войне роз — все эти проекты и демарши были продиктованы той же заботой об обеспечении нейтралитета или сочувствия со стороны соседей.

Так каким же мы видим Людовика XI? Поднаторевшим в искусстве водить соперника за нос, убаюкивающим его красивыми обещаниями, заставляющим сражаться за свои интересы? На сей раз всё сходится, и легенда согласуется с действительностью.

1. Король-самодержец

Дипломатия: искусство обмана

Пожалуй, Людовик первым во Франции стал придавать такое большое значение посольствам. Порой он увеличивал их количество почти до абсурда, пристально следя за ними, держа все нити в своих руках. Владение искусством вести переговоры, которое по праву принесло ему репутацию тонкого обольстителя, ловкого и упорного, никогда не идущего на попятную, на всем протяжении его правления было, наряду с войной, главным инструментом политики, простирающейся одновременно на множество предприятий и планов.

Король намеревался вести политику единолично. Людям, которые его представляли, обычно вручали верительные грамоты со славословиями в его адрес. В отличие от Милана или Венеции, у которых он многому научился, он никуда не отправлял посла на несколько лет. Единственным постоянным его представителем был кардинал д'Этутвиль в Риме, который оставался там, поскольку хорошо знал священную коллегию. Во всех других местах «послы» исполняли лишь одно конкретное поручение, после чего тотчас возвращались. Не всегда эти поездки держались в тайне, однако они ни разу не принимали вида пышных посольств, какие Карл VII некогда отправлял в Рим, — посольств, состоявших из церковных иерархов и высших королевских сановников, окруженных неслыханной роскошью. Посольства Людовика XI были много скромнее. Разумеется, его людям щедро возмещались расходы и выплачивалась награда за успешное выполнение их миссии, однако они никоим образом не олицетворяли собой королевского величия. Они отправлялись в путь с небольшой свитой, просто чтобы изложить волю своего государя, успешно провести переговоры и отчитаться за поездку, зная, что ее всю разберут по косточкам.

Король великолепно этим пользовался, порой даже противопоставляя одних послов другим. Этутвиль находился в Риме, однако Людовик каждый год направлял туда одного-двух послов, чтобы вести речь об отдельных делах: избыток предосторожностей и способ сбить с толку собеседника. А Коммин, хорошо знавший, о чем говорит, напоминал, что зачастую, через две-три недели после отъезда одного из своих людей, король посылал других, так что если первые «уже открылись», но еще не получили ответа, вторые не знали, что и сказать.

Судя по его инструкциям, а также письмам, важно было не столько сделать предложения, сколько понаблюдать за сильными и слабыми сторонами соседа, а главное — ценой туго набитых кошельков заручиться сообщничеством людей, на которых можно было положиться. «Вы не сумеете, — писал Коммин, — послать

столь добрых и надежных шпионов, которые бы все видели и слышали». Король не брезговал пользоваться услугами настоящих шпионов, людей без чести и совести, которые должны были оставаться неузнанными.

Некоторые, к его досаде, были разоблачены и обвинены в подлых интригах. Так стало с Донато де Конти, главным действующим лицом заговора, который в 1477 году плели дядья молодого герцога Миланского Джованни Галеаццо Сфорца против герцогини Бонны. Этот Конти умер в тюрьме замка Монца, а Людовик XI, тайно его поощрявший, вызвал всеобщее возмущение, когда, узнав о его смерти, заявил, что герцогиня велела его отравить. Он поплатился за свои слова: ему тотчас ответили, что Конти умер от приступа подагры и от болезни, подтачивавшей его уже долгое время; если Его Величество не верит, пусть пришлет кого-нибудь из своих людей, чтобы эксгумировать тело и изучать его, сколько угодно. Только пусть примет во внимание, что «это был безмозглый человек и такой неотесанный, что любое дело могло обратиться во вред в его руках».

Послы не были специалистами своего дела. Выполнив поручение, они возвращались к исполнению прежней должности. Людовик не стремился найти или подготовить профессионалов; не подбирал он послов и сообразуясь с их личными качествами или связями с правящей фамилией. Как и во всем остальном, он старался держать в отдалении людей, возглавлявших посольства во времена Карла VII, и обращался к новым, постоянно их меняя и никогда (или очень редко) не поручая одному и тому же лицу несколько дел подряд. Никто не имел возможности составить себе репутацию ловкого переговорщика или завязать отношения с советниками двора, к которому был направлен. Посланников было очень много, они принадлежали ко всем слоям общества, всем государственным и придворным службам: нотариусы и секретари, казначеи и сборщики податей, королевские советники (Дориоль и Морвилье), губернаторы и сенешали, военачальники (Шарль д'Амбуаз, Луи и Жан де Рошешуар), церковники (Жан Кёр, сын Жака, архиепископ Буржский, Тристан д'Ор, епископ Эрский, Луи д'Аркур, епископ Байё) и даже принцы и вельможи (бастард Людовик Бурбонский, Жан д'Арманьяк, Филипп, граф де Бресс).

По существу король терпел только исполнителей его воли и верных людей, которые многим были ему обязаны; и тут, как во многих других областях, он был врагом вельмож, которые могли без него обойтись, и естественным другом разночинцев. Он чувствовал в себе силы всем руководить и называл себя самым ушлым дипломатом в королевстве, умеющим скрывать и

обманывать. Прежде всего — уметь ввести противника в заблуждение. Тот, кто был на это неспособен, не заслуживал его доверия: «Меня уверяли, что вы более ловкий обманщик, чем англичане. Понадеявшись на это, я обманулся. Клянусь своим телом, вы более туда не отправитесь, я натравлю на них другую свору». Боязнь оказаться обманутым превратилась в наваждение: «Они лгут вам, лгите лучше!» Недоверчивый, проницательный и постоянно настороже, тонкий дипломат должен ничего не принимать за чистую монету, никому не верить. Осенью 1478 года папа отправил к нему с посольством Джованни Андреа де Гримальди и епископа Фрежюсского, но король навел справки и тотчас сообщил своим людям: «Нас должным образом предупредили о том, что оный епископ Фрежюсский и прочие явились, дабы скрыть свои намерения и обвести нас вокруг пальца». С самой своей юности и в годы изгнания, а потом в Перонне и при других, менее опасных, но столь же щекотливых обстоятельствах, он научился себя держать и скрывать свои чувства; он был уверен в себе и тем кичился: «Если папа говорит, что я разгневался и должен успокоиться, он плохо меня знает, ибо меня не столь легко взволновать, как он считает, а потому и не стоит успокаивать» (герцогине Миланской).

В инструкциях агентам оговаривалась любая мелочь. Он диктовал им, что следует предпринять, как и с какой целью: «Оставайтесь во Франшизе (Аррас. — Ж. Э.) и прикиньтесь хромым» (тяните время). Хорошо выполнить поручение значило прежде всего завоевать доверие противника, успокоить его красивыми словами и усыпить его бдительность. В марте 1477 года, вскоре после гибели Карла Смелого, Уильям Гастингс находился в Кале с 1000—1200 лучниками, чтобы прийти на помощь французам. Но фламандцы могли этим обеспокоиться, встревожиться и вооружиться: «говорите фламандцам все, что в голову взбредет», объясните, что, хотя англичане уже здесь, король тут ни при чем, а это Маргарита Йоркская, вдова герцога Бургундского, позвала их, чтобы похитить наследницу Марию Бургундскую.

Король требовал точных донесений, не только путевых рассказов и сообщений о встречах, а настоящих протоколов. Своих людей он принимал сначала один или в очень узком кругу советников, и если они приносили дурные вести, то, чтобы «не пугать народ», говорил им, что следует отвечать на расспросы. Конечно, он не всегда был доволен и лично выражал свое неудовольствие тем, кто не следовал его наставлениям буквально. Шарль де Мариньи, епископ Эльнский, с опасностью для жизни провел двадцать шесть месяцев в Англии, ведя

переговоры о заключении мира; его дом разграбили, на слуг напали на улице, его жизнь была под угрозой, а по возвращении его ждали лишь суровые упреки, поскольку он включил в мирный договор герцога Бретонского и Максимилиана Австрийского. Робер Гаген, отправленный с поручением к немецким князьям, чтобы попытаться воспрепятствовать браку между Марией Бургундской и Максимилианом, встретил очень плохой прием и был вынужден спешно покинуть Майнц, ничего не добившись. Когда он явился для отчета к королю, тот повернулся к нему спиной, не пожелал с ним разговаривать и только бормотал нескончаемые молитвы.

Король знал, как принять или не принять послов, явившихся справиться о новостях и попытаться выявить его намерения. Послы Милана и Венеции долгие месяцы и даже годы оставались в королевстве, при дворе и в свите короля, желая все знать, всех расспрашивая и составляя нескончаемые донесения о положении в стране и политике короля. Или, по меньшей мере, о том, что смогли разузнать или предположить, так как задача их была не из легких, ведь Людовик искусно умел водить за нос. Государя окружало множество советников и слуг, помогавших ему в его маневрах и хитростях, которые ограждали его от неугодных. Вопреки расхожему представлению, он неохотно допускал к себе людей и умел не показываться на глаза. «Его величество, — писал в 1479 году Карло Висконти герцогине Миланской, — повелел изготовить большое количество ловушек с острейшими шипами и разбросать их вдоль дорог, ведущих к его жилищу, за исключением одной весьма узкой и неудобной тропы, чтобы никто не мог к нему приблизиться». Более того: «Нас принимают за лазутчиков, шпионов, разведчиков и доносчиков». Сам Висконти пошел на все, чтобы «раствориться в толпе», «офранцузиться» в стиле одежды и манерах. Но и он не смог «оседлать волну» и не знал, как ему пробиться дальше. Ему было приказано не покидать короля. Для этого следовало «ходить очень ловко, на цыпочках, притворяясь, будто тебя здесь нет». Не проявлять излишнего любопытства к новостям, не спешить «нырнуть глубже или увидать дальше прочих». Людовик бежит от толпы и заставляет нас гоняться за собой, сообщал он. Уехав из Тура на охоту в сопровождении только своей охраны и нескольких человек, чье общество было ему приятно, «он повелел нам отправиться в Орлеан, где он сможет нас принять, однако сам отбыл в Монтаржи. Мы явились туда рано утром, в сапогах и сплошь заляпанные грязью, узнав, что он только что встал. Он отправился к заутрене и попросил нас подождать его возвращения в комнате, где он нас примет… Но сразу после

службы уехал на охоту, нам же велел переговорить с его советниками, а через несколько дней приехать к нему в Париж». Но и там встреча не состоялась!

Война: королевское дело

Король не собирался доверять командование войсками коннетаблю — единственному военачальнику, отличавшемуся среди прочих и отвечающему за ведение войны. Он все решал сам. Находился ли он на месте или нет, ничто не ускользало от его внимания, начиная с подготовки и снабжения войск и кончая ведением военных действий. Прошло время подвигов Дюгеклена, которому Карл V, оставаясь в одном из своих парижских дворцов, поручал набирать солдат, назначать командиров и сражаться с англичанами или наваррцами. Миновала эпоха и «товарищей Жанны д'Арк» — Дюнуа, Ла Гира, Ксентрайя и Гокура, которые вели войска на приступ английских укреплений под Орлеаном, связав свои имена со славным освобождением этого города, и сходились с врагом в суровых сражениях в долине Луары, пока король Карл VII находился в тылу и не принимал активного участия в боях.

При Людовике XI ни один человек, ни один военачальник не мог в глазах общественности и потомства приписать себе всю славу великих побед. Должности коннетабля и маршалов, конечно, были сохранены, но эти люди уже не обладали такой властью или авторитетом, как, например, Дюгеклен или Ришмон. Они не были так известны и не находились на первом плане. Сказалось ли в этом болезненное недоверие или истинная мудрость? Во всяком случае, это была продуманная, взвешенная и строго соблюдаемая политика: не дать никому, каков бы ни был его ранг, составить себе слишком громкую репутацию полководца и оказаться во главе войск, более преданных ему самому, нежели королю. Несчастья королевства во времена шаек бродячих солдат или феодальных армий не были забыты.

Людовик вершит судьбу своих военачальников, передает им командование разного рода и часто их меняет, следя за тем, чтобы эти доверенные люди, предоставившие массу доказательств своей компетентности и преданности, не сделали блестящей военной карьеры. Полководцы, конечно, получали хорошую пенсию, а некоторые — щедрую компенсацию собственных затрат. Король дарил им земли и владения. Но он намеревался оставаться безраздельным властителем и охотно поручал им другие задания — отправлял с посольством, вверял оборону

крепости или замка, а то и ставил во главе бальяжа или сенешальства.

Шарль де Гокур, «советник и камергер» Карла VII, а потом и Людовика XI, которому в 1465 году было поручено завладеть имуществом Карла Французского, укрывшегося в Бретани, и удержать Берри «в покорности», был послан с поручением к герцогу Кастильскому, а потом, в 1466 году, в Милан. Пятью годами позже, в июне 1471 года, он занимался укреплением и снабжением Амьена. Тем временем король велел уплатить ему, помимо пенсии в четыре тысячи ливров в год, восемьдесят тысяч золотых экю в счет понесенных расходов. Жильбер де Шабанн, сенешаль у Карла, тогда уже герцога Гиеньского, перешедший после его смерти на сторону короля, стал комендантом Базаса, получил командование ротой в 90 жандармов и 180 обозных, но затем был назначен губернатором и сенешалем Лимузена. Более скромный жизненный путь Этьена де Пуазье, заслуженного военного, отражает тот же замысел господина. Командуя в 1475 году сотней копий, а потом отрядом в четыре тысячи вольных стрелков, он был назначен охранять замок Пуатье, потом Сен-Мишель в Коллиуре и Ионн в Руссильоне; в 1477 году он стал бальи Манта и управляющим городскими солеварнями, а в 1483 году — бальи гор Дофине.

Множество крупных чиновников, таким образом, командовали войсками и исполняли административные должности, переходя от одного к другому и при этом не утрачивая доверия короля. На самом деле дворецкие, бальи и сенешали часто следовали за армией, имеющей к ним очень слабое отношение, чтобы сообщить королевские приказы и проследить за их исполнением. Три сенешаля с юга — из Тулузы, Каркассона и Бокера — присутствовали при осаде Лектура в 1473 году. Несколько недель спустя Людовик сообщил жителям Бове, что посылает им подкрепление под командованием своего камергера Жофруа де Куврана, капитана Жана дю Фу, сеньора де Бульона и сенешалей Тулузы, Гиени и Ажене. Жирар Бюро, ставший в 1450 году виконтом де Каном, а в 1466-м — главным наместником канского бальи, двумя годами позже возглавил артиллерию вассальных войск и армию, находившуюся в Нормандии под началом Людовика Бурбонского, адмирала Франции и наместника короля. Он нанял земляных рабочих, плотников и каменщиков из виконтства Эвре для нужд артиллерии. Именно он отдал приказ уплатить вестовым, которые развозили послания адмирала капитанам отрядов вольных стрелков в бальяжах Руана и Ко, а также виконтам де Виру и де Домфрону.

В 1477 году король сам возглавил свои войска на Сомме и в Артуа. Уже 23 января, всего через две недели после того, как стало известно о смерти Карла Бургундского под Нанси, он покинул свою резиденцию в долине Луары и собрал солдат в Иль-де-Франс. Он так и не появился в Париже, каждый день меняя место проживания — Рамбуйе, Обервилье, Санлис. 30 января он был в Нойоне, 2 февраля — под Перонном и тогда уже провел долгие месяцы в городах и лагерях на севере: Аррас, Ланс, Бетюн, Сен-Кантен, Камбре. Только 8 октября он выступил в обратный путь и остановился в Ле-Бурже, а 9-го в Париже — на три дня, не больше, прежде чем надолго поселиться в Мелене, и наконец вернулся в Шинон и Вандом. Следующей весной, в апреле 1478 года, он снова был в Аррасе. Оттуда он написал дворецкому Эмберу де Батарне, поздравляя его с успехами и прося принять некоторые предосторожности. Никто в лагере противника не должен знать, где находится король — настоящий командующий. Враг может попытаться застигнуть его врасплох или, по меньшей мере, сделать выводы и изменить свои планы: «Завтра я явлюсь благодарить вас лично... но не посылайте никого — ни трубача, ни герольдов, ни прочих вестовых, дабы они не были предупреждены о моем прибытии». Несколько дней спустя он вступил в Конде, который только что отбили у врага.

Во время двух этих походов он беспрестанно получал сведения и командовал, день за днем отдавая приказы командирам отрядов, часто переезжал, осматривал оборонительные сооружения и устраивал смотры жандармам. Его казначеи щедро платили проводникам и местным жителям, которые предоставляли ему сведения о состоянии городов и войск бургундцев: «милости» Юшону Черному, проживающему в Амьене, который «принес ему вести о феодальной армии Карла, так называемого герцога Бургундского», и Лорану Кантену, другому горожанину из Амьена, который точно указал, где именно в городе расквартирован гарнизон. В апреле 1480 года Людовик, уже больной, все еще вел войну в Бургундии и Фландрии.

Даже находясь далеко, он руководил военными действиями, давал указания, засыпал военачальников директивами, в которых ничего не предоставлял на волю случая. Расстояние никогда не являлось для него препятствием. Он всегда был в курсе событий и даже намерений врага и мог со знанием дела дать совет, пригрозить, укорить за ошибки или поздравить с успехом. Военный поход в Руссильон весной 1473 года был подготовлен и проведен благодаря вестовым. Людовик определил количество солдат, состав отрядов, метод их набора и командования, размер

жалованья, маршруты доставки оружия, артиллерийских орудий и провианта. Каждый знал, что ему делать, кому подчиняться и перед кем отчитываться. Король указал, какие силы должны отправиться на юг в подкрепление армии, и провел точные подсчеты: семьсот жандармов, десять тысяч вольных стрелков, всего около шестнадцати тысяч воинов, и большое количество артиллерии; все должны прибыть в Нарбонн в назначенный день. Сеньор дю Люд, командующий войсками в 1474 году, не был предоставлен сам себе: в трех посланиях, отправленных одно за другим, ему приказывалось во что бы то ни стало не распускать лучников, пока не будет взят Перпиньян, даже если на это придется положить шесть лет.

Позднее, для обороны Перпиньяна, все было заново рассмотрено и решено; король не желал терпеть никакого ложного маневра или опоздания, он велел Галиоту де Женульяку, командующему артиллерией, доставить еще незадействованные орудия в несколько городов Лангедока. Для их доставки Бофиль де Жюж должен был реквизировать лошадей, повозки и телеги, «положив за них разумную цену», а неуступчивых принудить всеми возможными способами к тому, чтобы они предоставили тягу. На Королевском совете обсуждалось, какие суммы, почерпнутые из лангедокской казны, ассигновать на ремонт и укрепление стен Перпиньяна, Пюисерда, Эльна и Вильфранша, а в королевских письмах подробно изложено, какие работы следует провести.

Как чиновники королевской администрации — бальи и сенешали, виконты и прево, — так и городские советники должны были способствовать формированию, вооружению и снабжению войск; все они были деятельными помощниками военачальников.

2. Феодальная армия короля

Эти войска отныне стали армией короля, и только его одного. Карл VII запретил в 1439 году частные армии, правда, без большого успеха в нескольких княжествах; он даже провел карательные экспедиции против вельмож-разбойников. Потом, в 1445 году, он основал пятнадцать ордонансных рот, каждая из ста копий по шесть человек, и, наконец, в 1448 году — отряды вольных стрелков. Таким образом, Людовик унаследовал структурированные войска, оснащенные предположительно одинаковым образом, в принципе, регулярно получающие жалованье и находящиеся под его командованием, во всяком случае, подчиняющиеся назначенным им командирам, вне всякой феодальной зависимости. Эти роты весной 1465 года столкнулись

с отрядами герцога Бурбонского и быстро добились значительных успехов. Но когда они сошлись 15 июля 1465 года, под Монлери, с войсками бургундцев — многочисленными, закаленными в боях, под предводительством доблестных капитанов, которые хорошо сражались, лично участвуя в сече, пришлось признать, что победа не на стороне короля. Его советники могли только досадовать, сравнивая этот поход с походами Карла VII в 1440 году против Прагерии и в 1449—1450 годах против англичан в Нормандии. Король оказался неспособен освободить Париж, осажденный принцами, и, испытывая нехватку в людях, бросил парижан на произвол судьбы, отправившись в Нормандию, чтобы худо-бедно набрать жандармов. Договоры в Конфлане и Сен-Мор-де-Фоссе, по которым велись напряженные переговоры, не произвели впечатления того, что Людовик навязал свои условия мира; скорее, он ловко утихомирил мятежников и выиграл время.

Людовик извлек из этого уроки и взялся за реформы. Ордонансные роты в пятьдесят, сто или двести копий были доверены его людям, которые обязывались поддерживать их в боевой готовности, выплачивать жалованье и часто устраивать смотры для проверки личного состава, оснащения, лошадей и оружия. Король следил за этим и сурово отчитывал нерадивых, подозреваемых в дурных намерениях и даже преступных планах. Понсе де ла Ривьеру, капитану сотни копий, он писал: «Дошло до меня, что не все ваши люди налицо, и сие есть большой проступок, ибо вы знаете, что я плачу за все число»; поторопитесь и разыщите остальных. Через полгода Понсе был смещен, а его отряд передали бастарду Людовику Бурбонскому. В 1467 году король сообщил в ордонансе за апрель, что отныне смотр копий будет проводиться каждые три месяца. Их надлежит разместить по квартирам и снабдить всем необходимым, а именно: для каждого «копья» — комната с камином, три кровати с тремя одеялами и шестью парами простыней, две скатерти, дюжина мисок, конюшня на шесть лошадей и помещение для хранения провианта на три месяца. Ни один жандарм не должен находиться более полугода на одной и той же квартире против воли хозяина, который будет получать по тридцать солей в месяц. Капитаны не должны брать продовольствия бесплатно и допускать, чтобы их подчиненные держали собак, птиц или хорьков.

Что касается стрелков, то королевские чиновники постарались — наверное, по примеру англичан — лучше их подготовить. Король лично наделил несколькими привилегиями самых заслуженных. Жители Лаваля, привыкшие состязаться в стрельбе из лука и арбалета, каждый год, 1 мая, выбирали двух

«королей», которые точнее всех стреляли по мишеням или деревянной птичке, выполнявшей ее роль. Этих двоих по королевской милости освобождали от податей и нарядов в дозор, чтобы побудить остальных обучаться стрельбе, упражняться в ней и охранять свой город, расположенный в приграничной зоне.

Реформу стрелковых отрядов поручили бальи Манта Аймару де Пюизье. С 1466 года несколько ордонансов, изданных один за другим, изменили порядок набора и распределения этих пеших воинов, которые, для большей подвижности, получили менее тяжелое вооружение. Для обеспечения массовости и регулярности рекрутских наборов было решено, что отныне их будут производить по четко обозначенным округам из расчета один человек с пятидесяти семей. На все королевство получилось четыре корпуса по четыре тысячи лучников в каждом, под командованием четырех капитанов — Аймара де Пюизье, Пьера Обера, Рюффе де Бальзака и Пьера Канбере. Претворить все это на практике, поддерживать численность личного состава и дисциплину было нелегким делом. Не прошло и десяти лет, как новым ордонансом король попытался исправить положение, покончив с беспорядками и дезертирством. Он обязал проводить смотры, чтобы все стрелки были тщательно зарегистрированы, не было никаких подмен, а оружие проверялось и приводилось в хорошее состояние. Он увеличил жалованье и решил предоставить пехоте, за счет местных жителей, транспорт для перевозки снаряжения: повозку, запряженную тремя лошадьми, на каждых пятнадцать человек. Капитаны не могли снабжать войска по низким ценам, выступать в качестве посредников и выбирать поставщиков военного снаряжения и дрог. Амуницией и снаряжением заведовали сельские или приходские общины, их представителям было дозволено покупать или изготовлять все нужное там, где им будет угодно.

Напрасный труд: люди, мобилизованные и записанные в армию даже против своей воли, посланные сражаться вдали от дома на долгое время, требовали, чтобы их селили в домах, а местные жители ни за что на это не соглашались. Часто солдаты дезертировали, особенно во время бургундских войн в последние годы царствования. А король сыпал предостережениями и наставлениями, чтобы положить конец этим дезертирствам, которые никто теперь не мог не только запретить, но даже и подсчитать точно. Летом 1477 года Людовик приказал вольным стрелкам бальяжа Вир в Нормандии, покинувшим отряд, не получив отпуска, немедленно вернуться обратно. В июле следующего года уже жителям Сен-Кантена было приказано лучше стеречь ворота своего города: «Вольные стрелки уходят

каждый день из нашей армии и возвращаются по домам. Они должны быть арестованы, схвачены и приведены к прево нашего двора, чтобы покарать их как предателей и виновных в оскорблении величия, дабы другим неповадно было».

Как бы то ни было, регулярные отряды и корпуса вольных стрелков не составляли сами по себе внушительной армии. Для своих военных походов Людовик XI регулярно обращался к услугам знати — феодальной службе, которая кое-кому уже казалась пережитком прошлого, однако еще не канула в Лету: «И в субботу, в восьмой день октября [1468], прокричали глашатаи на всех перекрестках града Па-рижа, чтобы все знатные люди, имеющие вотчины в превотстве и виконтстве парижских, явились в полной готовности и во всеоружии в Гонесс, откуда отбудут в следующий понедельник, куда им приказано будет». Год спустя, в ноябре 1469 года, король велел спешно доставить запечатанные письма, распоряжения и указания бальи и виконтам из бальяжа Кан, чтобы созвать всенародное ополчение, дабы все знатные люди и владельцы вотчин были наготове и устраивали смотры своим людям. 25 июля 1472 года скороход Филипп Буррикюэн получил пятнадцать су за то, что отнес три послания от адмирала Франции, главы королевского феодального войска, судебным приставам Аржанса, Труара и Варавиля с предписанием всем лицам дворянского звания и прочим, обычно участвующим в войне, немедленно явиться в армию короля. «Обычно участвующим в войне»? Формулировка, возможно, расплывчатая, однако она отражает распространенную практику, даже обязанность, и король не преминул о ней напомнить. Пятью годами позже, 13 апреля 1477 года, он письменно приказал из Эсдена виконту Вира, чтобы тот созвал всех дворян, разъехавшихся по своим домам, обратно в армию. В июле король отдал из Арраса новые настойчивые приказания: пусть дворяне и все прочие, обязанные служить ему во время войны с оружием в руках, немедленно выступают в поход в добром снаряжении, подобно тому, как они служили раньше, и чтобы ни один из их подчиненных не уклонился.

Конечно же не только нормандскую знать король обязывал либо явиться самим во всеоружии, либо взять на себя расходы по выплате жалованья и оснащению армии. Для походов в Руссильон в 1480 году Бофилю де Жюжу пришлось набрать сотню копий, то есть сто жандармов и двести лучников, которые были предоставлены, вооружены и одеты знатными феодалами и прочими дворянами из сенешальств Тулузы и Каркассона.

В то же время король старался набрать профессиональных солдат за границей. Вспоминая, наверное, о своем длительном

пребывании в Дофине и хорошо зная, что происходит в Италии, он обращался в основном к швейцарским кантонам. Но там он встретил сильное сопротивление. Швейцарцы неохотно записывались в армию и проявляли определенную осторожность. Принять предложение французского короля значило стать его соучастниками и вызвать враждебность к себе со стороны бургундцев. В августе 1470 года они ограничились запретом на вербовку солдат для врагов Франции, потом, наконец, в 1474 году, перейдя в лагерь французов, позволили им набирать людей за четыре с половиной рейнских флорина в месяц каждому, при условии, что наемники не будут сражаться против герцога Бургундского. Смерть Карла Смелого сделала их более сговорчивыми: в 1478 году Людовик получил возможность набрать столько солдат, сколько ему нужно, а двумя годами позже завербовал шесть тысяч швейцарских наемников, передав их под командование «капитан-генерала» Ханса фон Хальвила. Из-за отсутствия договоров со швейцарцами королевским чиновникам часто поручали набирать солдат как в самой Франции, так и за ее пределами. Нужно было спешить и латать прорехи. Для войны в Каталонии в 1473 году Людовик поручил Бофилю де Жюжу сначала завербовать наемников в Италии и Каталонии — до сотни полных копий на итальянский манер, то есть одно копье состояло из одного жандарма, двух кутильеров и одного пажа. Бофиль будет получать по двадцать ливров в месяц для каждого из копий и тысячу ливров за свою должность капитана.

В целом ордонансы Карла VII, а потом Людовика XI принесли свои плоды. Утверждать, что король с 1460-х годов располагал многочисленными регулярными войсками, значило бы, конечно, слишком доверчиво отнестись к словам хронистов, которые, воспевая его заслуги и повествуя о несчастьях мятежников, говорят о «могучих армиях», брошенных на арманьяков, и без колебаний утверждают, что в 1478 году король мог собрать под Пон-де-л'Арш под командованием Филиппа де Кревкёра и руанского бальи два мощных пехотных корпуса, в общей сложности четырнадцать тысяч человек. Это невозможно проверить за неимением точных цифр. Однако истинно одно: армия короля, хоть и постоянно перестраиваемая, пополняемая за счет различных рекрутских наборов, всегда превосходила по численности войска его врагов. А также по опыту, навыкам, владению лучшей техникой, по способности напасть на противника, имея на своей стороне больше шансов. В своем большинстве она состояла из профессионалов — хорошо подготовленных, хорошо оснащенных и хорошо снабжаемых. Уже

в январе 1466 года злоключение под Монлери осталось дурным воспоминанием; королевские войска легко победили в Нормандии явно менее закаленных в бою врагов: «Король со всей своей армией и артиллерией вел обстрел крепости и города Руана, и было много атак и стычек, в которых защитники Руана потеряли изрядно своих людей, поскольку те не были военными и не умели ни нападать, ни защищаться, как жандармы короля».

Во время военных походов разворачивалась все более внушительная система тылов. Вестовые везли приказы и новости из лагеря в лагерь, из ставки короля в верные города королевства, жителей которых просили предоставить денежные средства и поучаствовать в снабжении и вооружении войск. Тяжелые повозки ехали к войскам на передовую. Каким далеким уже казалось то время, когда в бою сталкивались вассалы под предводительством своего сеньора, немногочисленные и неохотно покидающие свои земли и родные места, но и не требовавшие больших затрат. Большая часть жандармов теперь сражалась вдали от дома, находясь в боевой готовности целыми неделями, а то и месяцами, отправляясь туда, куда решил король, и оставаясь там так долго, как он того хотел. Ордонансные роты и корпуса вольных стрелков составляли ядро армии, которая более не имела ничего общего с армиями «феодальных времен», даже по сравнению с началом века. В 1409—1410 годах маршал Бусико, который воевал в Италии, пытаясь отбить Геную, находился во главе «королевской» армии и явно действовал не по собственному почину, но он был вынужден, за неимением стабильного личного состава, набирать время от времени небольшие группы конников по особым договорам, под предводительством неизвестных военачальников, которые являлись со своими людьми и подписывали договор лишь на непродолжительное время, порой только на два-три месяца. Эти небольшие отряды, в общем совершенно не контролируемые командующим, насчитывали в лучшем случае лишь несколько десятков человек. Пехоту набирали только накануне штурма, на три-четыре дня, не больше. Бусико забрал в Лангедоке драгоценности своей жены и велел переплавить их в Турине, чтобы выплатить жалованье. Еще при Карле VII походы 1429 года с целью освобождения Орлеана и завоевания областей на границе с Бургундией вели военачальники, сами набиравшие своих людей, зачастую вассалов или родственников, плативших им из собственного кармана и лишь впоследствии худо-бедно получавшие возмещение расходов.

3. Война без настоящих сражений?

При Людовике XI великие сражения, вошедшие в школьную программу и одним ударом решавшие судьбу всего королевства (Бувин, Креси, Пуатье, Кошерель, Азенкур...), остались только в воспоминаниях. Их время как будто прошло. В истории сохранилось лишь два-три столкновения, в которых и речи не было о подвигах и громкой славе. Мы не придаем им большого значения, и в наших книгах о них охотно забывают. Никто не сможет сказать, кто победил при Монлери в тот мрачный день в самый разгар лета, а пятнадцатью годами позже победа Максимилиана при Гинегатте не помешала королю Франции прибрать к рукам Бургундию. Известны лишь названия осажденных городов, которые упорно оборонялись за своими стенами в течение долгих дней перед лицом мощных армий, разбивавших огромные лагеря — настоящие палаточные городки. Говорят о Дьепе, Нейссе, Льеже, еще больше о Бове и Нанси. Все это славные страницы царствования, а то, как они вписались в хроники своего времени, а потом и в коллективную память, показывает, что война была уже совсем не такой, как раньше.

Дофин Людовик, поссорившись с отцом, не сражался рядом с ним, чтобы отбить Нормандию у англичан. Но он не мог не знать, что своими успехами королевские войска были в большой степени обязаны своему снаряжению, личному оружию и артиллерии. Близкие к нему люди рассказывали о действиях Карла VII по реорганизации производства кольчуг, пик, копий и пушек. Он также знал, что Жак Кёр, придворный казначей, совершил в Милане крупные закупки мечей, копий и доспехов и что на заказы турским оружейникам, немцам по происхождению, регулярно тратятся крупные суммы денег. Людовик XI продолжил эту линию и потратил много сил и средств, чтобы дать развитие оружейным мастерским, особенно в Туре, Париже и Руане. Еще до столкновений с Лигой общественного блага, в 1464 году, он велел выплатить 208 ливров Бальсарену де Тресу, бывшему товарищу Жака Кёра, а теперь королевскому мастеру-оружейнику в Туре, на содержание его оружейной лавки и рабочих; затем еще 100 ливров другому оружейнику из того же города. В том же году придворные клерки внесли в расходные книги 3300 ливров, потраченных на приобретение у пятнадцати кольчужников Тура трехсот новых кольчуг с нарукавниками, покрытых серым сукном, которые были сданы придворному Пьеру де Шампеню; в следующем году заказ был возобновлен на тех же условиях: теперь уже тринадцати оружейникам заказали триста кольчуг за 3350 ливров. Двумя годами позже король отослал из Тура в

Париж четырех мастеров по изготовлению кольчуг, прибывших из Милана, но родившихся и обучавшихся в Германии.

Эта военная индустрия приняла доселе неслыханный размах, неизменно под контролем и покровительством короля; он раздавал пенсии, предоставлял налоговые льготы и делал заказы на внушительные суммы. В одном только Туре насчитывалось четыре оружейника и тринадцать кольчужников, которые работали под надзором дворецких и конюших. Бальсарен де Трес составил состояние, стал в 1471 году эшевеном, а зимой 1477/78 года получил заказ на оружие и латы стоимостью почти сорок тысяч ливров! С 28 ноября по 9 декабря 1480 года люди короля велели изготовить в Туре 5500 пик, 14 500 алебард и 18 500 кинжалов по швейцарским образцам; все это надлежало представить к назначенному дню под страхом крупного штрафа. Заказ обошелся в 44 150 ливров.

«Пушкари», делавшие кулеврины (весом 24—25 фунтов и стрелявшие свинцовыми болванками), серпентины и бомбарды (каменные и железные ядра), зачастую бывшие литейщики колоколов и в большинстве иностранцы, подвергались суровому контролю и получали жесткие нормы выработки, установленные тремя магистрами артиллерии. Каждый имел под своим началом в Туре, Руане, Орлеане, а потом и Монтаржи арсенал, плавильню, склад для оружия и пушек и еще один, для селитры. Производство селитры стало государственным. Несколько комиссаров, отвечавших один за виконтство парижское, другие за Дофине, Пуату, Лангедок и т. д., велели вычищать погреба и отправляли селитру по всей стране. Ее закупали в Неаполе и на Сицилии, вместе с серой. Медь, свинец и цинк поступали из Германии.

Февраль 1477 года: король только что прибыл в Перонн и готовит свой поход в Артуа. Он беспокоится о пушках и боеприпасах, пишет более десятка писем в города Пикардии и Шампани и даже дальше, чтобы их жители прислали ему то, чем располагают: граждане Реймса — порох и селитру, которую они должны отослать в Амьен; жители Компьена — все пушки и то, что к ним полагается (железные ядра, рогатины, банники с прибойниками, пальники и т.д.); кроме того, жители Реймса должны предоставить его уполномоченному Жану де Минре артиллерию, находящуюся в Шампани. Пусть отцы города в Компьене наймут и пришлют к нему в Перонн двадцать лучших каменотесов для обтесывания каменных ядер.

Судя по всему, пушкарские мастерские не имели больших запасов и не могли отвечать потребностям осадной войны, которая продолжалась месяцами. Тогда король в 1477— 1478

годах обратился к ресурсам страны и сделал заказ на пушки нескольким городам, даже тем, что находились далеко и явно не вполне владели искусством отливать крупные изделия. В декабре 1477 года он приказал изготовить «дюжину больших бомбард из чугуна большой длины и толщины»: три — в Париже, три — в Орлеане, три — в Туре и три — в Амьене; отлить большое количество железных ядер в плавильнях, находящихся в лесу под Крейлем, а также наломать камней для бомбард в карьерах под Перонном. Несколько месяцев спустя, в апреле, жители Труа получили приказ отлить пушку, наподобие орудий королевского губернатора Бургундии и Шампани, в Дижоне; для них это стало новостью, они не были к такому готовы: «Ежели вы не хотите либо не можете сего сделать, пришлите нашему губернатору железа и прочих нужных материалов, и он велит изготовить пушки, подобные своим». Лионцев пришлось призвать к порядку: они еще не поставили двух чугунных пушек в три-четыре тысячи фунтов, как были должны, тогда как другие города это сделали; если орудия не готовы, то пусть доставят в Дижон вместо двух пушек шесть тысяч фунтов селитры.

Король вел точный учет этих орудий, пушек и бомбард. Он знал, где они находятся в каждый момент и куда их надо доставить; он знал их по именам. Весной 1481 года он написал Галиоту де Женульяку, мастеру артиллерии, чтобы тот поставил и привез в Перпиньян четыре бомбарды из Безье, называющиеся «Магдалина», «Святой Павел», «Парфянка» и «Француженка», еще две из Нарбонна с двумя пушками под названием «Евангелисты», две по имени «Флор» и «Бонифаций» и восемь чугунных кулеврин.

Оборона. Осадная война

Бове почти месяц, с 27 июня по 22 июля 1472 года, сопротивлялся бургундцам, которые безостановочно бомбардировали его стены и сооружения и подожгли одни из городских ворот. Город был спасен лишь благодаря прибытию подкреплений: сначала двухсот копий из Нойона, потом еще двухсот во главе с Антуаном де Шабанном и, наконец, мощных отрядов под командованием парижского прево Робера д'Этутвиля. Но никто не забыл, что жители долгое время оборонялись сами, заделывая бреши в стенах, туша пожары и отражая приступы. Женщины принимали в этом активное участие, и Жанну Лэне по прозвищу Жанна Ашетт («Сечка») чествовали как героиню. Король тепло поздравил своих храбрых и верных подданных из Бове и предоставил им некоторые льготы и привилегии. Тем не менее он

извлек уроки из осады, как и из утраты незадолго до того других городов, в частности Неля и Руа, и постарался укрепить города, находящиеся под угрозой нападения со стороны англичан или бургундцев. Он писал письма, предостерегал, твердил об опасностях, говоря, что враг уже в пути и полон решимости победить. Везде и всегда обороне уделялось пристальное внимание.

Поначалу он вполне мог рассчитывать на оборонительные сооружения его верных вассалов, на их замки и укрепления. Король тревожился об этом, требовал, чтобы их поддерживали в хорошем состоянии, и побуждал их владельцев строить новые. При том условии, что они будут оповещать о своих намерениях и испрашивать право на подобные точно определенные работы в том или ином месте, дабы ничто не делалось без его согласия. Любое новое оборонительное сооружение должно быть известно государю, который вел их реестр и защищал вельмож от подозрений или нападок своих агентов, всегда бивших тревогу, когда один из аристократов на подвластной им территории принимался усиленно ремонтировать свое жилище.

Еще находясь в полуопале, Оливье де Коэтиви все же получил позволение построить новый замок в Дивоне, на Жиронде, на месте старого, разрушенного, «где укрывались окрестные жители». Один простой нотариус и секретарь тоже получил в мае 1469 года позволение выстроить замок на участке земли рядом с Сен-Бенуа-сюр-Луар, где находился Мотт-ле-Руа, «окруженный красивыми и глубокими рвами». Жители Сен-Бертолен-де-Конфолана, расположенного на границе Лимузена, Оверни, Пуату и Ангумуа, говорили, что в ярмарочные дни к ним съезжается множество торговцев из этих областей; поэтому их «местечко» разрослось и теперь почти соприкасается с городом Конфолан. Их просьбу удовлетворили: они смогут окружить свой городок прочной стеной с башнями, рвами, валами, амбразурами и прочими защитными сооружениями при условии, что стена будет соединяться со стеной Конфолана.

В ноябре 1481 года разрешение на строительство укреплений попросил Понтюс де Бри, родственник епископа Анжерского. Он владел в Серране прекрасным поместьем с правом разбирать уголовные и гражданские дела; его усадьбу, расположенную в пограничной зоне возле границ Бретани и долины Луары, окружали рвы, наполненные водой. Принимая во внимание верную и беспорочную службу его предшественников, которые «не щадили живота и добра своего», король разрешил ему выстроить замок со стенами и валами, укрепленными воротами, бойницами, выступами, амбразурами и рвами такой величины,

ширины и глубины, как он сам пожелает.

Основные усилия, конечно, были обращены на города, которые, укрывшись за крепкими стенами, могли принять внушительные гарнизоны и надолго задержать продвижение врага. Но здесь работа предстояла большая. Париж, осажденный в 1465 году, оказался под ненадежной защитой и оборонялся беспорядочно; он был обязан своим спасением только наличию нескольких рот жандармов, а главное — нерешительности принцев, которые, хоть и стали лагерем со своими войсками прямо против города, предпочли вести переговоры, а не идти на приступ. Муки осады, страх и беспорядки в это тяжелое время было нелегко забыть, и король предпринял полную реорганизацию городских дружин, особенно цеховых. «Ради блага и безопасности нашего доброго града Парижа и для обороны оного» ремесленников распределили по шестидесяти четырем отрядам или ротам, каждый под командованием «старшего» и его заместителя, у каждого было свое знамя с белым крестом посредине и знаками и эмблемами, соответствующими их ремеслу. Мастера и подмастерья должны были сражаться в боевых доспехах: в кольчугах или легких полулатах и в шишаках, вооружившись длинными копьями или кулевринами. Но они приносили присягу королю и могли собираться только по его приказу или по приказу его наместника. Такая предосторожность, разумеется, была продиктована воспоминанием о «народных» волнениях, обычно вызванных, если не организованных, именно цеховыми старейшинами, предводителями торговой аристократии, зачастую сторонниками и клиентами какого-нибудь принца. Ни ворота, ни мосты не должны были оказаться в руках вооруженных и неконтролируемых банд.

В провинции положение было неблестящим и тоже требовало существенных реформ или серьезных восстановительных работ. Расследование, проведенное в первые годы царствования, показало, что жители не горели желанием раскошеливаться и ходить в дозоры. В Туре в 1465 году рвы находились в плачевном состоянии, и уже по меньшей мере пятнадцать лет никто не выставлял ночных караулов. Бальи, пытавшийся навести порядок, жаловался, что никто не желает ходить в дозоры или караулы у ворот. Король приказал любой ценой сформировать солидное городское ополчение и устроить ему смотр.

В города, расположенные поблизости от Бургундии, были разосланы многочисленные, строгие, очень четкие и обстоятельные приказы по всем аспектам данного вопроса. В августе 1473 года магистраты Лана известили о прибытии в их город Герена ле Грозна, бальи Сен-Пьер-ле-Мутье, которому они

должны были повиноваться, бросив все свои дела: разместить по квартирам людей из ордонансных рот, замуровать подземные выходы из крепости, которые не казались надежными, хорошенько охранять крепостные валы, выставлять караулы, никого не впускать, не установив его личность, и непременно допрашивать подозрительных. Жителей призвали принести присягу. «Спецуполномоченный» Робен Колинар поселился в Реймсе вместе с Робером де Краоном и несколькими военачальниками, чтобы углубить рвы на высоту в два человеческих роста; король уполномочил их привлекать к работам всех горожан, в том числе пользующихся льготами и привилегиями. В Лион, «расположенный на окраине нашего королевства и вблизи границы, на оживленных путях», тоже прибыли эксперты — королевские чиновники, чтобы провести инспекцию стен, ворот, валов и улиц города и спешно их восстановить. Каждый должен был принять участие в работах: «будь то знатные люди, церковнослужители, купцы, чиновники и прочие, коли они владеют имуществом или проживают в оном граде». И пусть у каждого в доме хранится достаточно ратного облачения для самих хозяев и для их слуг, и пусть каждый пребудет во всеоружии.

Жители Реймса так легко не отделались. Король писал им снова и снова, поздравлял, чтобы подвигнуть на новые свершения, а потом бранил за недостаток усердия. Они ограничились мелким, незначительным — и недостаточным — ремонтом, тогда как на них шли англичане, «имея в мыслях своих быть там к концу нынешнего месяца» (август 1475 года). Если рвы не будут готовы, в Реймс нельзя будет ввести жандармов, «а посему мы будем принуждены град сей разрушить, к неудовольствию нашему». Углубите рвы еще, так, чтобы стоящий на дне человек не мог дотянуться рукой до края. А еще сговоритесь между собой, чтобы «власть имущие» заказали каждый по кулеврине с крюком в 24—25 фунтов, как сделали жители Нейсса, выстоявшие против Карла Смелого.

Либо горожане укрепят стены и разместят целые роты жандармов, либо их город будет предан огню, стерт с лица земли, чтобы враг не смог там укрыться и укрепиться, когда его захватит. Вообще-то, во время бургундских войн капитаны велели сжигать только предместья, эвакуировать пригородные монастыри и очищать территорию за городской чертой. Людовик настаивал: «Велите поджечь Монтрей и все малые крепостцы по ту сторону, так, чтобы ни одной не осталось, и выселите тех, кто там живет». Разумеется, не все горожане ощущали себя под угрозой, и некоторые не видели никакой необходимости в том,

чтобы подвергаться таким лишениям. Им казалось, что враг далеко, а им приходится расплачиваться, облагать более тяжелыми налогами множество продуктов, подвергать торговлю новым ограничениям, а главное — мириться с тем, что улицы их городов и их собственные дома уже не в их власти, заняты чужаками, зачастую устраивающими беспорядки.

Нанятой на месте рабочей силы не хватало. Весной 1477 года, чтобы вырыть рвы в Эсдене, король приказал городскому голове и эшевенам Абвиля прислать туда 800—1000 землекопов с ломами, лопатами и заступами. Еще один отряд, состоявший из плотников и каменщиков, собранных в Компь-ене, был на пути в Перонн. Такое скопление народа вызывало опасения. Но еще больше опасались жандармов, которых горожане и крестьяне отказывались размещать в своих домах и обвиняли в серьезных проступках. И это делалось не из лукавства, чтобы уклониться от постоя, сохранить свой покой и деньги: если почитать не только полемистов, но и показания очевидцев, и в особенности протоколы заседаний городских советов, становится понятно, что регулярные войска не раз вызывали возмущение обывателей, творя преступления и бесчинства всякого рода. Капитаны не всегда могли их обуздать, и солдаты, которым задерживали жалованье, вымещали зло на горожанах, а то и просто испытывали острую злобу к этим людям, которые не принимали их с распростертыми объятиями, запирали свои дома и очень дорого продавали им съестное. Летом 1475 года парижане жаловались на «бранные слова», изрыгаемые военными, которые вели себя как на завоеванной территории и кричали на улицах: «Сколько ни таращьтесь, мы отнимем ключи от ваших домов и выбросим вас оттуда с домашними вашими; нас здесь довольно, чтобы стать над вами хозяевами».

«Вольные стрелки монсеньора де Беллуа шастают повсюду и чинят разбой... сие насилие и грабеж нестерпимы в нашем краю, а для них отсечь руку горожанину — сущий пустяк». Правда, это было в землях мятежников-арманьяков. Но горожане Пикардии и Шампани тоже натерпелись во время походов 1472—1473 годов от одного только присутствия королевских войск, которых им пришлось размещать и кормить. Солдаты сурово обошлись с жителями Амьена, отказавшись платить за провиант по назначенным ценам; они захватили бедных землепашцев в полях вместе с их скотом, привели в город и стали продавать свою добычу, причем не только скот, но и самих крестьян. Король, конечно, грозился, отчитывал капитанов и требовал, чтобы они наказывали за подобные проступки в назидание другим. Жителям Реймса он написал длинное письмо, сообщив о своем

неудовольствии; он прекрасно знал, что солдаты из ордонансных рот, вольные стрелки и «прочие бродяги», находясь во множестве на просторах Шампани, «захватывают, грабят и обижают наших подданных, чиня им великое зло, поношение и ущерб»; его советник и камергер Жан де Буаредон выехал в путь, чтобы навести порядок.

Похоже, он не достиг больших успехов... Во всяком случае, Дижон — город, конечно, бургундский, но перешедший на сторону короля и покорившийся почти добровольно, — пощажен не был. Зимой 1477 года жандармы потребовали, чтобы их разместили не на постоялых дворах, а в домах мещан и купцов. Они устроили такие беспорядки, что магистраты учредили ночные патрули из горожан, которые обходили улицы, держась за руки. Солдаты из ордонансных рот разграбили предместья и окрестные поля, забрав урожай вместе с запасами, хранившимися в амбарах и погребах, — вино, сено и фураж, овес, хлеб, горох и бобы. В том же году при наборе солдат в швейцарских кантонах с них взяли клятву в том, что они будут соблюдать устав и ордонансы, специально изданные для них. И тем не менее в скором времени Людовик стал получать множество жалоб и донесений от своих чиновников, в которых швейцарцев обвиняли в том, что они вызывают ссоры, драки и раздоры в нескольких шампанских городах, где им велено проживать. Они избили до смерти нескольких местных жителей и сотворили прочие «бесчинства, насилия и бессчетные злодейства, достойные великого и сурового наказания». Бофилю де Жюжу и Жану Рейнье, главному казначею Нормандии, поручили прийти на помощь их капитану Хальвилу и провести расследование по факту беспорядков, неповиновения и убийств, дабы немедленно совершить правосудие, как подобает случаю и как это принято при таких обстоятельствах. Очевидно, ордонансы о наведении порядка, хоть и тщательнейшим образом разработанные, не возымели никакого действия.

По сути, крестьянам и горожанам оставалось только подставлять спину. Им приходилось ловчить, торговаться, идти на жертвы. Жители Бове, которым в январе 1475 года сообщили, что они должны принять в своем городе и разместить в своих домах сто копий сира де Бюэйя, знали, что у них нет другого выбора, кроме как смириться и постараться не навлечь на себя больших напастей. Король настаивал в своих письмах: «Посему просим вас... допустить их в свои дома и предоставить им прочие вещи, кои им потребуются и коими, в разумной мере, должны будут удовольствоваться (съестное, зерно и особенно вино. — Ж. Э.)... и чтобы не чинили они никакой обиды ни вам, ни

имуществу вашему». Будьте внимательны, приглядывайте за всем, а наши агенты, со своей стороны, вам помогут: «Если у них не будет достаточно зерна для пропитания всех этих людей, его свезут сначала с равнины на семь лье вокруг города, а затем из Шампани. Хорошо обходитесь с купцами и платите им так же».

Неизвестно, остались ли горожане довольны. Могли ли они протестовать? Засыпать короля и его чиновников жалобами и требовать справедливости? Наверняка нет. Королевская война, оборона городов, которая одна только и могла остановить продвижение врага, размещение в городских стенах крупных гарнизонов, превращала жителей, порой против их воли, в активных помощников армии. А это обходилось им очень дорого.

Глава вторая. СОВРЕМЕННАЯ ВОЙНА, ВОЙНА ЖЕСТОКАЯ

1. На фронтах экономики: ярмарки и деньги

Нет никаких сомнений, что Людовик XI, как и многие до него, намеренно старался ослабить или разорить дельцов и купцов из противоположного лагеря и вызвать у врага перебои с финансами.

Создание новых ярмарок или поддержка старых никогда не предоставлялись на волю случая. Чтобы задобрить своих новых подданных с земель, недавно присоединенных к владениям короны, король охотно предоставлял им некоторое количество ярмарок. Например, в Иссудене после войны с Лигой общественного блага — в краю, до сих пор управлявшемся его братом Карлом, герцогом Беррийским; затем в Бордоле, после смерти того же самого Карла, ставшего герцогом Гиеньским. Это был один из способов давления, который он широко применял. Чтобы оказать давление на папу, авиньонскую знать и флорентийцев, поселившихся в городе, которые отказывались принять выбранного им легата, он старался разорить торговлю в графстве Венессен, создав два больших рынка на двух из главных подъездных путях — сначала, в 1462 году, в Бриансоне, чтобы преградить путь в Италию и задержать купцов по дороге, затем в Оранже, совсем рядом с речным путем и дорогой на Лион. Рынок в Оранже был подтвержден 12 июня 1476 года, через год после того, как принц Оранский Жан II де Шалон присягнул королю, который тотчас возобновил запрет жителям Дофине торговать в Карпантра, папском городе. Когда с Церковью снова был восстановлен мир, ярмарка в Оранже, сохраненная несмотря ни на что, превратилась в яблоко раздора. Синдики из Карпантра требовали снять наложенный на них запрет, а когда их просьбу отвергли, запросили крупные компенсации, рассчитанные, разумеется, совершенно произвольно. Дело послужило поводом для многочисленных тяжб и бесконечных и бесполезных словопрений.

Все четыре ярмарки Шампани и ярмарка Ланди в Сен-Дени сильно пострадали от войны с англичанами и от гражданских войн. Однако король не стремился вернуть им прежний блеск. Конечно, он подтвердил привилегии для купцов, посещавших эти ярмарки. В июне 1472 года король разрешил проводить ярмарочную неделю в Сен-Дени, начиная с праздника святого

покровителя города в октябре, причем товары, доставлявшиеся туда или вывозимые оттуда, не облагались никакими сборами на протяжении трех недель до начала и по завершении торжищ. 9 марта следующего года он освободил от налога в двенадцать денье с ливра товары, направляющиеся на ярмарки в Провене. Но при этом он, в общем, делал лишь небольшие поблажки, не заходя слишком далеко. Его манили к себе другие горизонты, и совершенно ясно, что упадок, почти исчезновение этих крупных торговых центров, заправлявших жизнью королевства, были вызваны не только новой ситуацией, ослаблением Парижа или смещением на восток больших торговых путей. Этому во многом способствовало желание короля нанести серьезный ущерб ярмаркам и городам Бургундии, привлекая негоциантов, которые обычно посещали ярмарки герцога, на специально созданные привилегированные рынкк на севере и востоке Франции.

В 1470-е годы он пожаловал ярмарку Амьену, а также многочисленным городам на границе, проходящей по Сомме. Непродуманная инициатива: не угаснув совершенно, эти торги имели незначительный успех и не были способны соперничать с гораздо более крупными ярмарками в Бургундии — в Антверпене, Брюгге и Бергоп-Зооме. 8 октября 1470 года король запретил французам посылать товары в бургундские земли и посещать местные ярмарки. Затем, 20-го числа того же месяца, в Туре собрались представители торговых городов королевства, по два от каждого города, чтобы выработать предложения о том, в каких местах должны проходить новые ярмарки. Сначала они предлагали множество разных городов (Пуатье, Орлеан), пока не сошлись на Кане и Руане. Людовик XI выбрал Кан, и уже в ноябре там спешно учредили ярмарки, выработав впоследствии расписание, позволявшее им противостоять ярмаркам в Антверпене. Было разрешено проводить две ежегодные ярмарки по две недели каждая, одна начиналась в среду после Троицы, другая — в сентябре, в среду после праздника Рождества Богородицы. Купцы и «люди всякого сословия» могли, приехав туда и ведя торговлю, оплачивать товар векселями, которые можно было обналичить в любой стране, за исключением Рима. Успех оказался половинчатым, и очень скоро, уже в ноябре 1471 года, ярмарки перевели в Руан. Но и оттуда они не могли грозить Фландрии и Бургундии.

В Туре купеческое собрание предложило, для обеспечения успеха нормандским ярмаркам, закрыть ярмарки в Лионе. Это было важное дело: их сохранение и развитие находилось в центре оживленных споров и большого столкновения интересов, которое никого не могло оставить безучастным как в окружении короля,

так и в торговых городах по всей стране.

Лион или Женева? Королю приходилось принимать в расчет вмешательство герцога Савойского, немецких князей и швейцарских кантонов, а также давление со стороны высших государственных чиновников, принимавших ту или иную сторону, деловых людей из Лангедока и итальянских, особенно флорентийских, компаний, утвердившихся в нескольких городах Франции и Бургундии.

С 1455 по 1460 год лионцы регулярно посылали дофину Людовику с тайным гонцом по три тысячи золотых экю в год, чтобы он отстаивал их интересы. Уже 7 октября 1461 года он подтвердил их право устраивать ярмарки в таком виде, как было заведено при его отце. Немного спустя переезд в Женеву Филиппа де Бресса, сына герцога Савойского, был расценен как угроза, и Людовик принял ряд мер для защиты Лиона от конкуренции, которой опасались все больше и больше. Он запретил французским купцам ездить в Женеву, а иностранным — пересекать французскую территорию (письма из Сен-Мишо-сюр-Луар от 21 октября 1462 года). В марте следующего года продолжительность каждой из четырех лионских ярмарок увеличили до четырех дней, а бальи Макона назначили «хранителем» ярмарок; товары не облагались никаким налогом, иностранные деньги были в свободном хождении, обмен регулировался так же, как в Пезена и Монтаньяке — на крупных ярмарках Лангедока. Опираясь на поддержку короля, лионские консулы широко разрекламировали свои ярмарки, послав своих агентов расхваливать их преимущества в Бурж, во Фландрию, Пикардию, Бургундию, Дофине, в швейцарские кантоны и в ближайшие немецкие княжества.

Ответ не заставил себя ждать. Даже в самой Франции не все дельцы, советники и финансисты короля благоволили к Лиону. Одни находили, что город занимает небезопасное положение, чересчур близко к границе, что облегчает вывоз из Франции доброкачественной монеты и драгоценных металлов. «Оптовики» из Парижа, Тура, Орлеана и Монпелье регулярно посещали Женеву, несмотря на неоднократно изданные запреты, и поддерживали тамошние ярмарки. Недоброжелатели обвиняли их в том, что они забрали всю торговлю в свои руки и хотят «своею властью и хитростями подчинить себе малых купцов и простой народ, чтобы пить их кровь» и выкачивать из них деньги. Эти дельцы и финансисты, говорили они, особенно южане и в первую очередь Гильом де Вари, всеми способами выставляют себя неизбежными посредниками для торговцев поскромнее, для которых поездки в Женеву просто неподъемны.

Как бы то ни было, советники и товарищества, враждебные к Лиону, нашли себе сторонников: Счетная палата сделала все возможное, чтобы оттянуть регистрацию ордонанса от 1463 года, и решилась на это лишь после того, как получила несколько посланий от короля, с каждым разом все более настоятельных. Со своей стороны, женевцы тревожились и не скрывали этого. Они обратились за поддержкой к швейцарцам, которым из-за лионской ярмарки приходилось делать большой крюк и тратить больше времени в пути, и к герцогу Савойскому. Амедей IX решительно поддержал Женеву; 25 сентября 1465 года он запретил своим подданным ездить в Лион, а во время савойских ярмарок — вывозить из герцогства товары иными путями, кроме как через Женеву. Со своей стороны, Филипп Добрый предоставил существенные льготы и привилегии ярмаркам в Шалоне-на-Соне. Война ярмарок становилась все ожесточеннее.

В конечном итоге Людовик XI смирился с мыслью, о дележе и созвал представителей обоих лагерей в Монлюэль, в трех лье к северо-востоку от Лиона. Женевцы прислали туда большое посольство, по меньшей мере двадцать пять человек — нотаблей, законников и купцов. Открывшись в апреле 1477 года под председательством Гильома де Вари, который лично справлялся о мнении иностранцев, в частности флорентийцев, поселившихся в Лионе, совещание в Монлюэле тянулось без конца. Соглашения удалось достичь только в июле, когда договорились проводить по две ярмарки в год в каждом из городов и в несовпадающее время. Лионцы заявили о своем неудовольствии, подчеркивая, что сократить количество ярмарок до двух значило желать их смерти; две другие необходимы, поскольку каждая соответствует своему времени года и торговле особым товаром. Они также сказали, что, если придерживаться этого компромисса, явно внушенного дурными советниками, их город обезлюдеет, а множество недавно выстроенных домов, в которые их владельцы вложили большую часть своих средств, будут распроданы за бесценок. Более того, они проголосовали за налог в четыре тысячи ливров, что вынудило короля выступить с Вандомским заявлением от 14 ноября 1467 года, в котором монлюэльский договор объявлялся недействительным, и восстановить четыре ярмарки в Лионе. Со своей стороны, Карл Смелый твердо поддерживал Женеву, но после его смерти ярмарки там постепенно заглохли, тогда как лионская стала одним из самых крупных торговых и финансовых перекрестков Европы. Даже швейцарские кантоны посылали туда своих людей, равно как и одна из самых мощных компаний Германии — Большое товарищество Равенсбурга.

Людовик сумел выпутаться без потерь из этой

дипломатической неразберихи. В Лионе существенно возросла торговля, как качественно, так и количественно, и вскоре этот город превратился в крупный центр денежного и товарного обмена, особенно благодаря учреждению государственной административной структуры, доверенной самым грамотным агентам. Король сделал это государственным делом. Он понял ожидания деловых людей, которые искали не только покровительства и налоговых послаблений, но и жаждали «государственного» подхода к борьбе с конкурентами. Лионцы постоянно говорили ему, что, будучи властителем в своем королевстве, он должен заботиться о благе и пользе своих подданных и государства. Более того, противопоставив Лион Женеве, он подавил сильное сопротивление со стороны Счетной палаты и Парламента, а также некоторых богатых дельцов, французских или иноземных. Его вмешательство в этой области вписывалось в общую схему, которая состояла в том, чтобы навязать национальной экономике строгое государственное управление.

В плане денежного обращения его политика была продиктована той же заботой, продолжая линию его отца. Конечно, установить контроль над денежными потоками и операциями, чтобы избежать обесценивания расчетных единиц — ливра, су и денье, которые при каждом обмене теряли свою стоимость из-за сокращения доли золота и серебра, снижения пробы или повышения их курса, не представлялось возможным. Но можно было попытаться запретить ввоз большого количества иностранных денег, которые, оцениваясь чересчур высоко, нарушали валютное равновесие. Некоторые торговцы на этом спекулировали: они покупали во Франции различные товары, платили за них высоко котирующимися деньгами, а домой увозили полновесную королевскую монету, вырученную за продажу собственных товаров. Знаменитый «закон Грешэма», названный так по имени английского экономиста XVI века и сводящийся к формуле «Плохие деньги вытесняют из обращения хорошие», был уже хорошо известен, по меньшей мере, со времен правления Карла V. Никола Орезм, советник этого монарха, а потом и все чиновники казначейства прекрасно знали, что попустительство подобной практике рано или поздно приведет к утечке качественной монеты, чеканящейся в королевстве, за его пределы.

Людовик XI беспрестанно издавал распоряжения с целью этому помешать. В 1467 году он попросил четырех главных смотрителей Монетного двора посетить разные области королевства, чтобы проследить за исполнением ордонансов о

запрете на иноземные деньги. Другие предостережения с угрозами наказания издавались регулярно. Но большое количество постановлений, ордонансов, предупреждений свидетельствует о провале принятых мер. В ордонансе от 23 марта 1473 года все еще говорилось о строжайшем воспрещении принимать в любом качестве и по любой цене монеты из Лотарингии, Бретани, Германии, Барселоны, Мальорки и Перпиньяна. Для других, четко обозначенных денежных единиц был установлен твердый курс: сорок су за золотой альфонсин (из Арагона), тридцать пять су за сицилийский золотой аквилон, два су и шесть денье за наваррский грош. В 1479 году каждому верному городу было приказано прислать в Париж по два человека, сведущих в монетном деле; они должны были привезти образцы всех иностранных монет, имеющих хождение в их краях, и разработать со смотрителями Монетного двора способы положить конец тому, что теперь уже напоминало настоящее нашествие. В то же время король корил жителей Пуатье за неповиновение: его ордонансы были опубликованы по всему королевству и всем известны, но ему только что донесли, что в Пуатье и его окрестностях до сих пор имеют хождение несколько иностранных денежных единиц, находящихся под запретом. Остерегайтесь, предупреждал король, и не удивляйтесь, если мы наведем справки о нарушителях.

И все напрасно. Что это? Недобросовестность и отказ повиноваться со стороны торговцев и менял? Недостаток авторитета или средств у агентов, которым было поручено проследить за выполнением распоряжений и преследовать нарушителей, чересчур многочисленных и упорных? По сути, неподчинение было неизбежным, поскольку находилось в природе вещей и в рыночной практике. Чиновники Счетной палаты и Монетного двора могли строго наказывать спекулянтов и фальшивомонетчиков; они также могли, в силу суровых законов против роскоши, запретить вложение большого количества драгоценных металлов в украшения и ювелирные изделия. Но они не могли одновременно поощрять ярмарки в Лионе и Лангедоке, завлекать туда иноземных купцов и запрещать французским торговцам принимать их деньги. Это значило бы обречь ярмарки на провал, а совершенно ясно, что в столкновениях с государями-соседями «валютная война» сопутствовала войне ярмарок.

2. Разорить врага: блокада и «гаст»

Знатным торговцам из Пикардии и Шампани, которые в

военное время просили для себя права на торговлю с бургундскими землями и на продажу им зерна, король ответил твердым отказом: «Поелику оные страны имеют великую потребность в хлебе, пусть же возропщут на государя Бургундского». Роптать против герцога, не оказывать ему содействия, возможно, не платить более налогов или не иметь на то возможности... Людовик XI неоднократно подвергал экспорт зерна суровым ограничениям и разрешал вывозить его только в земли своих союзников или родственников; вывоз же его во Фландрию, подвластную Бургундии, почти всегда был под запретом, и король прямо заявлял о своем праве использовать это как оружие, более действенное, чем все прочие: вызвать дефицит или голод среди населения, чтобы оно, не в силах сопротивляться, предаваясь страху и не видя выхода, отвернулось от своего государя и принудило его подписать мир — то есть признать себя побежденным.

Сжигать деревни и урожай? Королевские военачальники вели такую же грязную войну, как мрачной памяти бродячие солдаты-«живодеры». С той лишь разницей, что разбойники гнались за наживой, захватывали добычу или повиновались мерзким инстинктам, тогда как люди короля поступали так по приказу, в рамках кампании по разрушению, продиктованной политической необходимостью и вписывавшейся в военную практику того времени. Эту практику, которую, коверкая итальянское «guasto», обычно называли «гаст» — «разор», охотно использовали тогдашние государи, и дисциплинированные войска шли за своими командирами опустошать поля и риги, поджигать крестьянские дома, лишать бедный люд пропитания и сеять ужас угрозами худших зверств.

Будучи дофином, Людовик сражался с бандами разбойников и очистил от них несколько провинций королевства. Но почти в то же время он использовал их для грязной работы — «гаста». В 1437 году, получив задание в одиночку отвоевать города, еще удерживаемые англичанами в верховьях Луары, он сначала собрал несколько десятков копий в Жьене, набрал лучников и, наконец, кутильеров. Он поручил им черное дело — беспощадно опустошать края, где английские гарнизоны худо-бедно находили себе пропитание: сжигать поля и хутора, вырубать виноградники и плодовые деревья. Весьма возможно, что несколькими годами позже, узнав о злодеяниях «живодеров» на равнинах Эльзаса, Людовик, вместо того чтобы покарать преступников, увидел в этом способ оказать давление на города и вельмож, чтобы склонить их к переговорам.

Став королем, он больше не имел дела с этими бродягами.

Разор отныне осуществлялся солдатами на жалованье, выполнявшими его приказы. Сначала он оправдывался, утверждая, что его враги первыми подали пример столь ужасных преступлений и применили такой способ ведения войны. Летом 1465 года люди Карла де Шароле, осаждавшие Париж, разбили лагерь возле Гранж-о-Менье и моста Шарантон, «носились по Франции и Бри», грабя амбары, занимаясь конокрадством, обирая мужчин и женщин, разрушая дома в городах, сжигая урожай и вырубая виноградники под Парижем. Немного спустя бретонцы, вынужденные уйти из страны, поступили так же в Нормандии; они разграбили все, что могли найти в полях и деревнях — хлеб, фураж, крупный рогатый скот, коз, овец и свиней, все движимое имущество, словно проводя систематические разрушения на вражеской территории. Тома Базен и Коммин в кои-то веки заявляют в один голос, что королю тоже пришлось издать приказ о погромах, узнав об опустошениях, проведенных Карлом

Смелым в Вермандуа, Бовези и вокруг Нойона по возвращении из нормандского похода в 1473 году. Взъярившись на Людовика XI, которого он обвинял в отравлении Карла Гиеньского, раздосадованный тем, что не смог ничего поделать с Руаном, где он простоял лагерем всего четыре-пять дней, Карл Смелый повел войну так, как никогда ранее этого не делал: сжигая все на своем пути. Обнаружив пустые поля, поскольку крестьяне прятались по лесам или убегали подальше, он не оставил после себя камня на камне.

С тех пор король стал использовать разор как обычное оружие. Уже в июне 1474 года конный отряд, выехав из Ланграа, оказался в одном-двух лье от Дижона, сея ужас на своем пути: разграбленные фермы, вырубленные деревья, угнанный скот, избитые или плененные крестьяне. Годом позже две армии напали на бургундские земли: одна с юга, у Шато-Шинона, другая из Пикардии и Геннегау вплоть до Эсдена, поджигая, грабя и убивая. И это вовсе не было бесчинством разнузданных молодчиков, совсем наоборот; король сам это объяснил: «Дабы порушить планы англичан явиться в Нормандию... я послал своих людей пронестись по Пикардии, дабы сокрушить страну, коя поставляет им пропитание». Приказ был исполнен блестяще; войска дошли до самого моря и «все пожгли от Соммы до Эсдена и до слобод при Эсдене, и оттуда пришли, верша свое дело, до самого Арраса».

Король нанимал настоящих специалистов в искусстве разора и требовал от капитанов, чтобы работа была выполнена быстро и безупречно. Июнь 1477 года: его армия под командованием главного дворецкого хочет покончить с Валансьеном, который

еще сопротивляется: «Посылаю вам три или более тысяч головорезов для ведения "гаста"... приставьте их к делу и не пожалейте пяти-шести бурдюков вина, дабы они его испили и опьянели». И король напоминает, что этот военачальник до сих пор делал дело лишь наполовину: «Прошу вас, чтобы вам не пришлось в другой раз возвращаться для "гаста", ибо вы такой же слуга короны, как и я». Чтобы успокоить его совесть, король припомнил и то, что некогда творили во Франции англичане Тэлбота.

Напоминание о преступлениях англичан было лишь предлогом. В плане разора король показал себя таким же решительным, жестоким и настойчивым во время войны в Руссильоне, уже не пытаясь оправдаться. 9 апреля 1474 года он сообщил из Санлиса губернатору Жану Дайону, что в Париже находятся два посла графа де Перпиньяна. Неизвестно, «явились ли они с добрыми предложениями или же желают обмануть и провести меня». Возможно, они просто хотели выиграть время и затягивать переговоры до тех пор, пока жители Руссильона не соберут урожай. Будем же хитрее: я задержу их здесь до первой недели мая, а вы в это время спешно отправляйтесь в Дофине и соберите сто копий. Вам потребуется только тысяча франков для начальных выплат, поскольку они будут лишь сжигать хлеба и производить опустошения, а затем вернутся обратно, а за это полагается платить по десять франков в месяц на копье. Этих денег будет достаточно, поскольку им потребуется всего восемь-десять дней. Но пусть все будет сделано к 25-му числу сего месяца, с превеликой поспешностью, чтобы вы пораньше сожгли их хлеб. Другой военачальник, Оде д'Айди, получил сто копий, чтобы «помочь вам делать "гаст"». В мае Дайон получил новое письмо, такое же настойчивое, как и предыдущее: король исполнил свою роль и задержал каталонских послов даже дольше, чем обещал; он рад слышать, что замок Перпиньян находится в безопасности, но у него нет точных сведений о «гасте»: «И сотворите его так, дабы не пришлось туда более возвращаться, и чтобы не осталось ни единого дерева хоть с единым плодом, и ни единой непорубленной лозы, и чтобы все хлеба сожжены были». Три месяца спустя — новые инструкции, теперь уже герцогу Миланскому, который прислал ему морем подкрепления для поддержки королевских войск под Колиуром за неделю до Михайлова дня: «Прикажите военачальникам вашим, дабы те вели самую злую, лютую и жестокую войну, какую только возможно».

Лютая и жестокая война... Это были не доблестные сражения с врагом, не честный бой с людьми, вооруженными точно таким

же образом, а грабеж населения, обреченного на голод. И здесь нельзя было пренебрегать ничем. Блокада дорог и портов, перехват караванов с продовольствием, пиратство и набеги — все это существовало с незапамятных времен. Военачальники и чиновники Людовика XI многократно использовали эти средства и зачастую добивались успеха. Война с англичанами и бургундцами на море была в основном войной пиратских набегов и захватов, и хотя о ней упоминается реже, чем о нападениях на пограничные или укрепленные города, она все же требовала немало сил и денег. Из портов на Ла-Манше, особенно Арфлера, регулярно отправлялись каперские корабли, и продажа захваченной добычи была весьма прибыльным делом. Чаще всего король открещивался от капитанов пиратских кораблей, но все знали, как обстояло дело. В последние годы царствования пиратские набеги поддерживали походы против бургундцев и приняли удивительный размах: в море выходили целые флоты, хорошо оснащенные и обстрелянные. В 1480 году корсар Кулон и «прочие морские волки» захватили именем короля почти восемь десятков фландрских кораблей, отправившихся за хлебом в Пруссию; был также захвачен весь улов селедки.

Экономическая и валютная война, разор, блокада и пиратство служили той же политике и были продиктованы теми же намерениями: уничтожать живую силу врага, нарушать его снабжение и сеять панику. Бесспорно, «гаст» являлся знаком времени. Натравить кутильеров, профессионалов разора, на поля, чтобы они вырубали деревья и сжигали урожай на корню или в амбарах, требовало, разумеется, меньше денег, не заключало в себе никакого риска, сулило верный успех и в конечном счете оказывалось более действенным и скорым приемом, чем ведение правильных военных действий. Как следует из писем самого короля, достаточно было сотни головорезов, чинивших разбой на протяжении десятка дней, чтобы сломить сопротивление.

Правда, такие войны велись не против других стран или других народов, а против так называемых мятежных принцев. Фрондеры из Лиги общественного блага сплотились против своего государя; графы д'Арманьяк и другие знатные рода с юга и из центра Франции присягнули королю. Снова взявшись за оружие против него, они стали считаться мятежниками, изменниками и клятвопреступниками. Людовик XI неукоснительно требовал, чтобы каждый вельможа, сдавшийся на его милость, получил прощение, только торжественно поклявшись на кресте Святого Лода из Анжера — реликвии, ценившейся выше всех прочих. Нарушить клятву значило провиниться перед Богом и оправдывало самую ужасную кару. Те

же обвинения выдвигались против герцогов Бургундских, особенно Карла Смелого, которые не уважали неотъемлемые права французской короны в своих государствах и не соблюдали заключенные перемирия. И король, естественно, не упускал случая жестоко наказать чиновников, капитанов и даже простых крестьян и горожан, сражавшихся на стороне этих мятежников.

Во время своего первого военного похода, будучи дофином и командующим королевскими войсками, он захватил 8 июля 1437 года, после осады, длившейся не больше недели, Шато-Ландон, который еще удерживали англичане. Вопреки мнению своих капитанов, он велел повесить английских солдат, а в назидание толпе — обезглавить на городской площади французов, уличенных в «сочувствии» врагу; таких оказалось много. Впоследствии, кажется, он уже не был так суров: например, при взятии Монтеро, где после скорого суда были казнены только наиболее скомпрометировавшие себя представители знати; тогда он явно ограничился тем, что придал некую видимость законности обычному сведению счетов. Но в сентябре 1441 года, под Крейлем и Мобюиссоном, приведенный в ярость долгим сопротивлением англичан, которые сражались две недели подряд, он решил заставить их заплатить дорогую цену и не давать пощады. Множество людей были убиты сразу или в погребах и чуланах, где они прятались; прочие взяты в плен и отведены в Париж, «на хлебе и воде, скованные по двое... как свора охотничьих собак... и каждый был одет в лохмотья, и шли все босые»; там их обложили огромным выкупом или утопили в Сене на глазах у всего народа, связав по рукам и ногам, «как собак, безо всякой жалости». 15 августа 1443 года, войдя в Дьеп, дофин велел казнить всех французов, состоявших на службе у врага, а также нескольких англичан, «покрывавших его бранью» во время штурма; получилось целых триста человек из гарнизона в четыре или пять сотен.

Осадная война, во время которой враги часто находились лицом к лицу в течение дней, недель и даже месяцев, накаляла страсти и обостряла желание отомстить гораздо больше, чем обычные сражения между двумя линиями всадников. Не все люди, втянутые в это невеселое предприятие, были бойцами; они наблюдали за действиями друг друга, перекликались, перебрасывались насмешками и оскорблениями. Они использовали всевозможные приемы, даже нечестные, жестокие: огонь, артобстрел, подкопы и глухая блокада — с одной стороны; неожиданные вылазки в противоположный лагерь во время отдыха, засады, метание камней с крепостных валов — с другой. Может быть, некоторые капитаны слышали о боях между

итальянскими городами во времена войн гвельфов и гибеллинов, когда оскорбительные выкрики, попытки подорвать решимость противника демонстрацией силы и выставить его в смешном виде шутовскими спектаклями были частью военного искусства. В те времена осажденные сбрасывали со стен нечистоты и протухшее мясо, чтобы вызвать эпидемии. Во всяком случае, капитаны знали, что их люди, маясь от безделья и безысходности, не получив трофеев, страдая от холода, а порой и от голода, несущие серьезные потери, думали лишь о том, как отыграют-ся во время штурма на тех, кому недостало ума уступить раньше. Завоеванный город, выломанные ворота, дома, отданные на разграбление, беззащитные женщины и дети — это было лучшим полем для торжества, грабежа и насилия, чем обычное поле битвы вечером после победы.

У современников эти долгие осады вызвали более сильный и длительный отклик, нежели столкновения между отрядами конников или лучников. Почти у всех осад был ужасный конец: победители врывались в город, который так долго их дразнил; командиры не пытались их сдержать и даже опережали события, отдавая тотчас исполнявшиеся приказы, — это было наградой солдатам и поучением другим, кто вздумал бы сопротивляться слишком долго. Мужественное сопротивление расценивалось тогда победителями не как военный подвиг, доблестный поступок, достойный уважения, а как преступное упорство. За победой следовало наказание.

И Карл Смелый тоже поддавался мстительной ярости: осенью 1469 года Льеж был опустошен, а его жителей преследовали даже в церквях; в 1472 году в городе Нель в Вермандуа жители, захваченные живыми, были тотчас повешены, а множеству пленников, которым не удалось убежать далеко, отрубили кисти рук. Людовик XI в 1477—1478 годах казнил столько же человек, в частности во время осады Арраса. Двадцать два или двадцать три посла, отправленных к Марии Бургундской, были перехвачены по дороге; при них нашли бумаги, а им самим отрубили головы. Бургундские гарнизоны Лилля, Дуэ, Орши и Валансьена собрали пятьсот конников и тысячу пехотинцев, которые выступили на Аррас, чтобы помочь осажденным. Жан Дайон нанес им сокрушительное поражение: из шестисот пленников одних повесили, других обезглавили, а остальным удалось бежать. Двумя годами позже, чтобы отомстить за одного капитана-гасконца, которого Максимилиан Австрийский приказал повесить, когда тот сдался взамен на обещание сохранить ему жизнь, король «велел повесить пятьдесят лучших пленников, захваченных его жандармами». Из мести и, возможно, в

назидание другим, чтобы вселить ужас в жителей еще сопротивляющихся городов, он постарался превратить эти казни в настоящую демонстрацию силы. Семерых человек вздернули на том месте, где был повешен капитан короля, десять других — перед стенами Сент-Омера, еще десять — перед Аррасом, и десять — перед Лиллем; прево, которому была поручена эта работа, каждый раз сопровождали восемьсот копий и шесть тысяч вольных стрелков. Затем они отправились в графство Гин и во Фландрию, захватили семнадцать укреплений и «перебили и сожгли все, что там нашли, уведя с собой быков, коров, лошадей и прочее добро, после чего вернулись в свои гарнизоны».

3. Чистки, «переселение народов»

Длительные осады, измены, пережитые страх и ужас, а главное — ожесточение карательных акций и повсеместные казни виновных лишь в том, что они хорошо сражались, оставляли горькие воспоминания. Более того, королевские чиновники, правители областей и городов, которые только что были взяты силой, сталкивались не только с озлоблением и жаждой мести, но и с яростным сопротивлением со стороны населения, привязанного к долгому прошлому, своим традициям, старавшегося сохранить некоторые привилегии и не желавшего терпеть над собой королевскую администрацию, которая была покруче прежних. «Французской» партии не удавалось взять верх сразу. Противников, захваченных с оружием в руках, смутьянов, бунтовавших народ и вызывавших беспорядки, должным образом карали. Прочие же, в большинстве своем мастеровые, землепашцы и виноделы, возчики и мелкие торговцы, которых было гораздо больше, все еще представляли реальную опасность, будучи враждебны к государю, который хотел, чтобы его политика аннексии проводилась четко и без задержки.

Людовик принял продуманное решение изгонять недовольных из города, чтобы там оставались только лояльные подданные, и даже обновить население, поселив в захваченном городе мужчин, женщин и детей из других мест. В 1475 году он метал громы и молнии в адрес своих военачальников, в особенности Жана Дайона, которые приняли капитуляцию Перпиньяна на чересчур мягких условиях, предоставив жителям четыре месяца на то, чтобы решить: останутся они или уедут, забрав с собой движимое имущество. Король отстранил Дайона, назначил вместо него Эмбера де Батарне, велев никому не давать спуску, и приказал ему, а также губернатору Бофилю де Жюжу изгнать из города побольше народа. Стимулируя их усердие, он

позволил им присвоить все, что будет конфисковано «у тех, кого выставят вон, пока вы будете там». И тот и другой, лучше разбиравшиеся в обстановке, воспротивились приказу и путем долгого обмена письмами в конце концов убедили короля изгнать только знать и «главных» изменников. При том условии, что ни один мятежник и смутьян не избегнет наказания: «Велите записать на одну бумагу всех, кто отныне останется под надзором в городе», а вожаков, настраивавших народ против короля и воевавших с ним, «выбросить вон». Батарне действительно составил список из примерно двухсот подозреваемых, распределив их по профессиям (башмачники, торговцы, ткачи, нотариусы) и дав каждому оценку его поведения или намерений («дурные», «весьма дурные»). Король настаивал, не отступал: не советуйтесь с Бофилем, чересчур склонным к прощению и успокоению; велите разграбить дома тех, кого вы изгоняете, особенно Антуана Вивье и прочих главных изменников; постараемся вместе проследить за тем, чтобы там поселились только надежные люди. В Париж явилось большое число соискателей должностей, но «уверяю вас, что я не дам ни одной», выбирать будете вы, «и составьте из них хорошую шайку против арагонского короля». Он постоянно читал нотации: например, корил за то, что Батарне оставил при себе Иона дю Фу («Не удивляйтесь же тому, как сильно я разгневан!»); мессир Ион — такой же предатель, как и перпиньянские нотабли, это «один из злейших изменников в сем королевстве… вам должно быть хитрее него, ежели вы радеете о своей пользе и хотите подмять его под себя».

В Бургундии после бунтов 1477—1478 годов Жану Блоссе, сенешалю Нормандии, и его главному казначею Ренье поручили провести репрессии с четким приказанием, в особенности в Дижоне, заселить города новыми людьми и выгнать всех, кто заведомо «не является нашими добрыми и верными подданными»; и даже «изгнать из оного града как можно скорее жен всех тех, кто находится в отлучке». Последовали многочисленные аресты, суды, изгнания, конфискация имущества, причем большинство осужденных были бедняками или мелкими ремесленниками — бочарами, виноделами, башмачниками, ножовщиками, кондитерами… И все же город не покорился; сторонники Марии Бургундской и недовольные волновались при известиях о боях во Франш-Конте, об измене принца Оранского, о его первых успехах, о мятежах в Боне. Король отправил туда Эмбера де Батарне с Жаном де Бодрикуром, бальи Шомона, в помощь губернатору Бургундии Шарлю д'Амбуазу. Одновременно он выделил двенадцать тысяч ливров на восстановление и укрепление

городских оборонительных сооружений, а один из ордонансов объявлял преступлением — оскорблением величия — недонесение о заговоре (22 декабря 1477 года). Полгода спустя, в июне, на всех перекрестках объявили, что из города будут изгнаны все, в отношении кого могут возникнуть подозрения.

Заселение Арраса назначенными семьями, осуществлявшееся всеми городами в королевстве, даже из Лангедока, было, несомненно, самым обширным и тяжелым переселением из всех, бывших до того и, возможно, впоследствии: в общем и целом были изгнаны со своих мест двенадцать тысяч человек. Переселение окончилось полной неудачей.

Аррас был захвачен 17 марта 1477 года, несмотря на последнюю попытку спасти его, предпринятую бургундским капитаном Филиппом д'Арси. Людовик XI вступил в город во главе крупных сил и с большой свитой, но репрессии поначалу были не слишком большими. За пятьдесят тысяч золотых экю король предоставил городу грамоты о помиловании и позволил наиболее провинившимся его покинуть. Многочисленные нотабли, купцы и суконщики по доброй воле оставили город и укрылись в Лилле или Рубе. Мастера-ткачи открыли свои мастерские в Ренне. Король ничего больше и не требовал. Но 15 мая 1479 года он обвинил оставшихся в желании сдаться австрийцам и приказал ввести в город гарнизон в восемьсот копий, а затем выставить из Арраса его жителей, чтобы заселить его добрыми и верными подданными из других городов королевства. Приговоренным к депортации назначили для проживания Амьен, Сан-лис, Компьен, Париж и Тур.

Находясь 25 мая в аббатстве Сен-Вааст, а потом в Шато-Ландоне 2 июня, Людовик издал распоряжения, чтобы запустить огромную административную и финансовую машину, которая должна была решить, из каких общин брать людей и сколько, изучить их кандидатуры, доставить и разместить — по возможности, неплохо, а главное — вытребовать у общин средства, необходимые для столь масштабного переселения. Все завертелось очень быстро. Собрание, открывшееся в Париже уже 12 июня под председательством Филиппа Люилье, губернатора крепости Сент-Антуан, и купеческого старшины Анри де Ливра, назначило комиссаров, которые должны были заседать в Париже, Туре, Лионе, Руане и Сен-Жан-д'Анжели. Им предстояло решить, каким образом три тысячи семей мастеровых, способных прокормиться своим ремеслом, будут выделены краями и городами королевства. Неизвестно, каковы были критерии отбора: комиссары не издали никаких правил и не дали по этому поводу никаких объяснений. Без сомнения, учитывалась не

только величина населения края или города, но и другие, не оговоренные факторы, которые многим могли показаться произвольными.

Во всяком случае, эти решения вызвали бурю протеста. Повсюду говорили о суровых временах, о бедности людей, об опасности упадка ремесла, обвиняли соседей в мошенничестве и уловках. Комиссарам неоднократно пришлось смягчать свои требования. Париж пользовался значительными послаблениями: ему было позволено назначить только триста семей, тогда как Орлеану — семьдесят, Туру — пятьдесят, Анжеру — тридцать, Эвре — двадцать пять. Малые города тоже были подвергнуты людским поборам очень неравномерно. Труа должен был отдать половину из девяноста четырех хозяев в своей округе. В Нижней Оверни данью обложили только Клермон, Монферан, Кюссе и Сен-Пурсен. Но в Верхнем и Нижнем Лангедоке сто семьдесят семей забрали из шестидесяти семи населенных пунктов.

В целом, уполномоченные должны были собрать три тысячи семей (бобыли отметались), причем в каждой семье насчитывалось, по меньшей мере, четыре человека, включая детей и подмастерьев. Таким образом, в Аррас, который тем временем (4 июля 1479 года) утратил даже свое имя и назывался теперь Франшиз, должны были прибыть, в точности как решил король, двенадцать тысяч душ. Каждой семье на момент отъезда должны были выдать по шестьдесят су на мужчину и по сорок су на женщину, по двадцать на ребенка и слугу; каждому новорожденному, появившемуся на свет во Франшизе, полагалось одно экю.

Как всегда, приказы исполнялись с редкой быстротой, без проволочек. Менее чем через пять недель после издания эдикта в Шато-Ландоне переселенцы отправились в путь: из Эвре — 5 июля, из Монферана — 9 июля. Уполномоченным было строго приказано не отбирать голытьбу. Таким образом, из десяти мастеровых, избранных городским собранием Монферана — каменщика, плотника, слесаря, ткача, швеца, вязальщика, булочника, шорника, мясника и сапожника, — девять платили подати в своем городе и уезжали, увозя с собой слугу или ученика. Каждый должен был получить десять-двенадцать ливров; вязальщик запросил сорок и получил их.

Переговоры, переезд и размещение сильно ударили по финансам. Эвре пришлось изыскать сорок девять повозок и реквизировать возчиков в десятке окрестных деревень. Один пристав вытребовал себе двенадцать ливров, чтобы сопроводить переселенцев до Франшиза. Монферан, которому и так уже приходилось содержать своих делегатов в Лионе в течение семи

дней, пока они вели переговоры с королевскими комиссарами, понес еще большие расходы на десятерых переселенцев — впоследствии они были тщательно занесены в особый счет, представленный Совету. Уполномоченные наняли двадцать повозок, запряженных быками, а потом, в Меренге на Алье, — судно, которое доставило семьи до Жьена; оттуда девятнадцать возчиков и сорок восемь лошадей везли их на двадцати четырех повозках до Монтаржи на Луэне, потом по Сене и Уазе до Крейля, где они пробыли довольно долго и где им устроили смотр; наконец, снова на повозках до Амьена и Арраса, куда они прибыли 22 августа, через семь недель после отъезда. Помимо пропитания, одежды для всех и проживания в Компьене была еще небольшая остановка в Виши и Париже; в столице женщинам выдали по двадцать пять су «на украшения и булавки». Уроженцы Эвре потратили более полутора тысяч ливров, они заняли эти деньги у финансистов, которые сопровождали переселенцев. Но четыре города Нижней Оверни заключили договор с неким комиссионером из Сен-Пурсена по имени Кроше, который принял от них тысячу двести экю, но и не думал уезжать и на глаза больше не показывался; прокуроры этих городов все же арестовали одного из его агентов, который долгое время провел в тюрьме.

Случались и другие неприятности. На орлеанцев напали всего в четырех-пяти лье от цели жандармы, враждебные королю; они захватили двадцать три пленника и назначили за них возмутительно высокий выкуп. С другой стороны, все семьи должны были собираться небольшими группами у моста в Мелане или Санлисе и представать перед комиссарами, которые разрешали продолжить путь только «подходящим», то есть способным себя содержать, а остальных отправляли восвояси. Некоторые заболели, другие оставили дома кто ребенка, кто слугу, а чаще всего — орудия производства. Приходилось заменять отсутствующих, нести новые расходы. 29 июля 1480 года наместник короля и его помощники, находившиеся во Франшизе, сообщили жителям Эвре, что, устроив смотр их мастеровым, прибывшим в город, они нашли нескольких неподходящими; кроме того, Эвре должен выплатить некоторую сумму в возмещение дорожных убытков и на содержание бывших сограждан. Далее следовал список из девяти имен — два мясника, один стригаль, один чесальщик шерсти, портной, шорник, чеканщик, галантерейщик, столяр, — каждый из которых должен был получить по сорок-пятьдесят ливров. То есть в целом жители Эвре должны были предоставить четыреста сорок ливров или прислать других людей, более зажиточных и обеспеченных.

Лангедок, обязанный поставить сто семьдесят семей, пока еще разместил в Аррасе только сорок семь. С него потребовали не сто двадцать три недостающих семейства, а после долгих переговоров и торгов только семьдесят богатых, способных проживать в городе Франшизе. Пусть их земляки и товарищи по ремеслу окажут им помощь, частично деньгами, частично мотками шерсти. Время поджимает, а король не терпит опозданий: предостережение, подписанное комиссарами во Франшизе 25 июня 1481 года, было оглашено во Флорансаке (Лангедок) 15 августа, а недостающие семьдесят семей должны были быть в Дуллене (к юго-западу от Арраса) 15 сентября. Чтобы покрыть их расходы на переезд и пропитание в течение месяца после прибытия, было приказано взять деньги из общинной кассы, если таковая имеется, если же нет, то занять денег, распределив взносы по всем жителям города и его предместий.

Людовик XI конечно же не строил иллюзий. Город Франшиз, некогда процветающий, а теперь лишенный живых сил, обескровленный и прозябающий, мог возродиться только благодаря заселению его дельными, энергичными людьми. Помимо трех тысяч мастеровых в городе должны были также поселиться триста крупных купцов с капиталом, по меньшей мере, в тысячу экю; ими должны были стать в основном суконщики, которые получили приказ тратить свои деньги только на закупку шерсти, квасцов, синьки и марены. Но эти четкие и неоднократно повторенные распоряжения наткнулись на упорное сопротивление или, по меньшей мере, на слабое желание повиноваться. Большинство купцов прислали только своих приказчиков, поручив им продавать сукна, а не обрабатывать их. 30 декабря 1480 года король передал управление «учреждениями» от комиссаров, представителей администрации, финансистам и торговцам — Жану Брисонне и его помощникам, жившим в Париже, Руане, Труа, Лионе, Туре и Пуатье. Он велел произвести перепись новых жителей Франшиза, отослал обратно самых негодных, создал «компании» торговцев с капиталом в 5 тысяч экю и торговые «биржи» в Труа, Руане, Тулузе, Монпелье, Париже и Лионе, где приказчики суконщиков обязывались прожить не менее пяти лет.

По его неоднократно возобновленному приказу эти компании, а также многочисленные муниципалитеты королевства обязывались закупить каждый некоторое количество сукна из Франшиза по назначенным ценам. Во Франшизе, говорил он, создано и утверждено ремесло суконщика, там производится много сукна, однако городским торговцам трудно его продавать, так как из-за войн и из-за того, что Франшиз находится рядом с

землями наших врагов, мятежников и супротивников, туда нельзя отправляться без сопровождения и не подвергаясь большой опасности. 9 июня 1482 года король написал из Клери письмо своим уполномоченным: в течение двух лет вы будете принуждать города, которые сочтете наиболее подходящими для этой цели, закупать некоторое количество штук сукна по ценам, установленным тремя сведущими в этом деле людьми, которых вы изберете и которые принесут присягу.

15 сентября того же года Жосс де Муссель, «биржевик» из Шампани, написал одному мещанину из Лана, оповещая его о присылке восьми штук сукна из Франшиза, чтобы тот либо оплатил их сразу, либо продал по ценам, указанным в печатной грамоте. Французские купцы по всему королевству получили множество этого сукна и писем такого рода. В единственном дошедшем до нас сообщается вся правда и не скрываются трудности. Сукна, сотканные во Франшизе, дороги и плохого качества. Дороги — потому что шерсть покупается по чересчур высокой цене, дрова и снедь — тоже; у подмастерьев нет сукновальни, и им приходится валять сукно ногами, что удорожает каждую штуку на пятьдесят су; кроме того, им приходится содержать внушительное число дозорных на стенах и у ворот. Плохого качества — потому что почти все, кого пригнали сюда силой, не получают никакого удовольствия от работы, а напротив, работают из рук вон плохо, надеясь, что их отошлют восвояси. Их печати и грамоты ни о чем не говорят: по меньшей мере, два месяца не проводилось никакой инспекции. И наш «биржевик», поставленный в неловкое положение, все же настаивает без всякой надежды на успех: эти восемь штук — не такое уж большое бремя; вы можете и должны их принять; подумайте о бедных переселенцах во Франшизе, которые могут умереть с голоду из-за дороговизны своего сукна, если не смогут его сбыть.

Покровительство предпринимателям, некачественный товар, заранее установленные и завышенные цены, насильственный сбыт — налицо все пороки и злоупотребления плановой государственной экономики, управляемой сверху королевскими комиссарами или финансистами, которые брали должности на откуп; всем им приходилось исполнять приказы, попирая законы рынка. Сукна из Франшиза, по счастью, не слишком многочисленные, стояли вне конкуренции.

Авантюра с перезаселением Арраса вызвала только ропот, жалобы и неприятие. Депортированные мечтали только о том, чтобы вернуться домой, к оставленному там имуществу; в родном городе у них оставались друзья, даже сообщники, которые

держали их в курсе событий и поддерживали в них надежду на возвращение. Франшиз не получил такого населения, какого хотел король. Города королевства не на-брали столько переселенцев, сколько требовалось; в путь отбыли не все, и, несмотря на предосторожности, принятые в пути, некоторые не уехали далеко и вернулись обратно. Королевским комиссарам приходилось возвращаться в разные края, в частности в Лангедок, чтобы решить проблемы и снизить свои требования. Городские общины влезли в большие долги, чтобы покрыть первые расходы — на переезд и пособия, а «гости» от короля часто заставляли их нести непосильные траты за размещение и проживание «несамодостаточных».

Переселенцы уезжали с тяжелым сердцем, вынужденные в несколько дней собрать все имущество, которое они могли увезти с собой, и отправиться в путь в далекий край, о котором они ничего не знали, язык и обычаи которого были им неизвестны, в город, который только недавно был завоеван и вокруг которого еще рыскали враги и разбойники. Покинуть родной город, чтобы отправиться в другой, где им постоянно приходилось быть начеку, запершись в крепостных стенах, в этот Франшиз, занятый многочисленным гарнизоном жандармов, которых небеспочвенно обвиняли в обирании горожан, — это было великим несчастьем. Не могло быть и речи о том, чтобы выбрать для переселения осужденных или даже маргиналов или подозреваемых в каких-либо проступках, и переселенцы, верные подданные, которых было не в чем упрекнуть, подвергались тем же невзгодам, что и «мятежники», изгнанные из Арраса. Но те хотя бы недалеко уехали от своего города.

«Переселение» явно стало неудачей: денег не хватало, продовольствие поступало в небольших количествах и по высоким ценам; окрестные поля, некогда засеянные хлебом, превратились в целину, большую часть города предстояло восстановить. Купцы, хоть и получающие помощь от королевских «бирж», там не задерживались. Что до народа, мастеровых — трудно себе представить, что они, уехавшие небольшими группами, самое большее, в несколько десятков человек, из самых разных мест, легко ужились бы с другими, прибывшими из городов и областей, таких же чуждых для них, как и Аррас и Артуа. Это не было простым перемещением населения, чтобы заменить одних другими. Это было суровое принуждение, навязанное людям с разными корнями, чтобы переплавить их в одну общину, рискованное, вернее, безрассудное предприятие, проведенное государственными чиновниками, которые все решали сами и распределяли взносы, но мало заботились о том,

чтобы гарантировать переселенцам достойные условия проживания.

Поэтому злосчастная попытка колонизации продлилась недолго. Уже в декабре 1482 года беглецам, поселившимся в землях Максимилиана и депортированным во французские города, разрешили вернуться. Многим из них вернули имущество. На Рождество, под звон всех городских колоколов, монахи из Сен-Вааста возвратились в свое аббатство, изгнав оттуда чужаков. Несколько юристов и купцов снова поселились в своем городе, которому вернули прежнее название. После смерти короля Людовика Карл VIII тотчас отпустил на все четыре стороны переселенцев, силой привезенных в Аррас, позволив им вернуться на родину или уехать в другие места, куда пожелают, «дабы жены и дети их могли лучше жить и снискать себе все насущное».

Эта жестокая, гнусная война короля Людовика XI была во всем противоположна войнам «феодальных» времен, отличаясь от них и платной службой, и более четкой организацией воинов под одной властью, и большей численностью войск, и использованием пушек, но главное (хотя об этом нечасто упоминают) — отношением к борьбе. Как не вспомнить, чтобы в полной мере оценить произошедшие изменения, о «Божьем мире» Средневековья, появившемся около тысячного года, по которому — именно во Франции — было запрещено нападать на слабых, женщин и детей, на крестьян, на их дома и урожай? Эти перемирия, строго соблюдавшиеся епископами и городскими главами, сурово каравшими вельмож, которые их нарушали, уже казались признаком другой эпохи, воспоминаниями об ином восприятии войны. В 1460—1480-е годы король-полководец намеренно намечал, во имя государственных интересов, в первые жертвы слабых, которых раньше оберегали. Епископы молчали, моралисты говорили об этом, только если принадлежали к противоположному лагерю. Верность государю и служба государству были важнее всего. Вплоть до того, чтобы одним махом стереть прошлое целого города, лишив его исконного названия и наделив другим, нелепым и полностью лишенным смысла, и в несколько дней изгнать из его стен почти всех жителей. А потом волюнтаристским решением устроить переселение семей, которым хотелось всего-навсего спокойно жить у себя дома, в родных стенах, рядом с родственниками и друзьями, и принудить их сосуществовать вдали от родных мест, в неведомом краю, с другими депортированными, которых они до того и знать не знали. В конечном счете такая политическая чистка завершилась жалким фиаско, и это говорит о том, что еще не все было тогда возможно.

Часть шестая. ЛЮДОВИК XI ПРЕД ЦЕРКОВЬЮ И БОГОМ

Глава первая. ХРИСТИАННЕЙШИЙ КОРОЛЬ

Людовик XI, конечно, не заслужил такой же репутации благочестивого государя, поборника справедливости и заступника слабых и обездоленных, как Людовик Святой. Хотя он называл себя «христианнейшим королем» и неоднократно и громко требовал для себя этого титула на заседаниях Совета и в Риме через своих послов, это было чистой политикой. Он взывал к прошлому, говорил о Хлодвиге и Карле Великом — покровителях Церкви и защитниках веры от еретиков и неверных. Напоминал, что все французские короли обладали божественным правом, никогда не избирались пэрами, а становились помазанниками от отца к сыну; говорил о их способности исцелять больных, о Святой Ампуле[13], о цветках лилии и королевской хоругви, ниспосланных с небес. Эти чудеса и Божий промысел неоднократно фигурировали во всякого рода сочинениях и на иллюстрациях к благочестивым книгам, а также в речах ученых богословов, решительных сторонников галликанской доктрины; они видели в них аргументы, чтобы противостоять папе и отстаивать свое право на некоторую независимость.

В одном часослове, написанном и разукрашенном в 1423 году — году рождения Людовика, — имелась прекрасная иллюстрация в лист на эту тему. На ней был изображен

Бог Отец, вручающий ангелу длинную ленту, вышитую лилиями. Ангел передает ее святому отшельнику, который на другой миниатюре подает ее святой Клотильде, а та отправляется в королевский дворец, чтобы подарить ее своему супругу Хлодвигу, собирающемуся идти войной на алеманнов.

Состоявшие на жалованье у королей историки широко использовали подобные сюжеты, подчеркивая величие и исключительность королевского достоинства. В трактате «О правах французской короны», написанном всего за несколько месяцев до восшествия на престол Людовика XI в 1460 году, — безымянном и расширенном переводе «Oratio historialis» («Исторической речи») Робера Блонделя (1449) — прямо говорилось, что щит с цветками лилии, хоругвь и Святая Ампула были присланы Хлодвигу Богом.

Король Людовик не преминул этим воспользоваться. Сам он активно эксплуатировал это наследие, объявляя себя прямым и верным потомком франкского вождя. Длинное письмо, подписанное главным дворецким Эмбером де Батарне в связи с неким поручением короля, касающимся церкви Святой Марты в Тарасконе, показывает, что ссылка на Хлодвига не была чем-то

случайным. Король так старался подчеркнуть эту родственную связь, что оценил свой дар церкви в деньгах «времен Хлодвига» и поручил Батарне навести справки о стоимости этих денежных единиц на текущий момент (в 1471 году). Миссия оказалась невыполнимой: верный советник сбился с ног, съездил в Ним, Монпелье, Экс и Авиньон, но так ничего и не разузнал. Ничего нельзя было выведать о том, что отстояло дальше, чем на двести лет назад, а «Хлодвиг умер тому более тысячи лет». Что же касается земель, которые Людовик хочет отдать Церкви, чтобы выполнить давнишнее обещание Хлодвига, то сегодня они, по уверениям дворецкого, стоят три тысячи девятьсот двенадцать прованских флоринов; однако, замечает он, «они ныне находятся в других руках, и обладатели оных владеют ими давно, по каковой причине нелегко будет отнять их». Лучше дарить поместья из тех, которые принадлежат непосредственно королю.

Людовик ссылался также и на Карла Великого — императора, покровителя папы и Церкви, выступавшего судьей в их ожесточенных спорах, и на Людовика Святого, поборника христианской веры вплоть до самых дальних пределов-Востока. В октябре, ноябре и декабре 1469 года он велел отслужить в общей сложности девяносто две мессы, то есть по одной в день, на кресте святого Карла Великого, Десятью годами позже, «особо почитая святые деяния святого Людовика и святого Карла Великого», он приказал снять их каменные изваяния, находившиеся у опорных столбов большой залы королевского дворца в Париже, и поставить в глубине этой залы, у часовни.

Наследие Хлодвига, память о его крещении, Святая Ампула и цветки лилий — все это, вместе с долгим перечнем услуг, оказанных Карлом Великим и французскими королями Риму и всему христианскому миру, постоянно и высокопарно припоминали, утверждали и комментировали авторы, примкнувшие к его делу и бывшие у него на жалованье. И, разумеется, беспрестанно твердили об этом папе. В инструкциях Антуану де Морлону, генеральному прокурору тулузского парламента, отправленному в 1478 году с посольством к Сиксту IV, расписано в деталях, что ему следует говорить, дабы убедить в обоснованности вмешательства короля в дела Церкви, даже в дела Италии, и потребовать от папы Римского, чтобы тот отказался от некоторых союзов. Какие еще короли, кроме французского, помазаны святым миром, сошедшим с неба? Кто победил саксонцев, неоднократно изменявших католической вере? Кто покарал лангобардов, ополчившихся на Римскую церковь? Кто вырвал из рук варваров во время Крестовых походов Антиохию, Птолемаиду, Александрию и Иерусалим? Кто вернул

славу и первоначальную свободу папскому престолу — преследуемому, сломленному, попираемому ногами и лишенному всякой помощи?

1. Перед лицом Рима

Король никогда не позволял забыть о себе ни в Риме, ни в Италии, ни в графстве Венессен и Авиньоне. Его атаки и демарши, посольства и угрозы, вооруженные экспедиции, не так уж часто упоминаемые в наших книгах, уделяющих больше внимания конфликтам с Бургундией и поиску союзов с англичанами, тем не менее занимали значительное место в дипломатической игре того времени. Задача была не из легких. Смерть в Риме в 1378 году Григория XI — последнего из «авиньонских пап», ознаменовала собой конец долгого периода французского главенства над папской властью. Людовику XI пришлось вести переговоры с папами, которые сплошь были итальянцами, — Пием II (Энеа Сильвио Пикколомини, 1458—1464), образованным и известным человеком, выходцем из знатного рода Сиены; венецианцем Павлом II (1464—1471); лигурийцем Сикстом IV, избранным 9 августа 1471 года. Все они не поддавались влиянию и не давали втянуть себя в распри, происки и столкновения между княжескими кланами в Риме. Прошли те времена, когда папа едва осмеливался показываться в городе и мог там удержаться, лишь заручившись покровительством какой-нибудь знатной фамилии — Колонна, Орсини, Каэтани... Далеко ушло и то время, когда, подвергаясь угрозам, он не видел иного выхода, кроме бегства, чтобы найти убежище в Перудже, Витербе, даже Лионе.

Эти папы эпохи «Возвращения в Рим», современники Людовика XI, правили твердой рукой и проявляли себя умелыми политиками и администраторами. Королю пришлось повозиться, особенно с Сикстом IV. Этот папа, родившийся в Лигурии, под Савоной, монах-францисканец, а затем генерал этого ордена, ставший кардиналом в двадцать три года единственно благодаря своим заслугам, столь скромного происхождения, что пришлось подыскать ему имя и герб (делла Ровере), быстро окружил себя прочным кругом из родственников и союзников. Он не выдумал непотизма, а всего лишь следовал примеру итальянских и прочих князей, глав семейных кланов. Но он поднял эту практику на недосягаемую высоту. У него был только один брат — Бартоломео, который стал господином Черветери, но зато шесть сестер, которые все удачно вышли замуж; семь его племянников стали епископами, а пять из них — кардиналами; еще один —

рыцарем Родоса.

Авиньонские дела

В 1411 году королевская армия под командованием Бусико заняла Авиньон после осады, длившейся несколько месяцев, и захватила папский дворец; Бенедикт XIII, последний папа-схизматик, бежал и укрылся в королевстве Валенсия. Рука Рима до Авиньона не дотягивалась, и Карл VII, став королем, намеревался держать своих людей в графстве Венессен. Ален де Коэтиви, брат адмирала, стал в 1438 году епископом, а Пьер де Фуа — папским легатом (1433). И тот и другой привели множество своих людей, бретонцев и гасконцев, и полуразрушенный город снова заселился. Возродились ремесла и торговля, поддерживаемые внушительными субсидиями французского короля. Людовик XI сделал все, чтобы не остаться в стороне. Папа Сикст IV в конечном итоге назначил новым легатом протеже короля, молодого Карла де Бурбона, бывшего тогда архиепископом Лионским. Буллу ему привез кардинал Виссарион 5 июля 1472 года, и папа наконец согласился опубликовать конкордат, определявший отношения с французской Церковью, — трактат, подготовленный уже давно, но несколько раз ставившийся под вопрос (13 августа 1472 года). Он также согласился поддержать короля, когда тот воспротивился браку своего брата Карла с дочерью герцога Бургундского, и отказался дать необходимое разрешение; даже провозгласил отлучение Карла Смелого от Церкви в булле, торжественно зачитанной в Клери епископом Витербским, специально присланным для этой цели.

Но по поводу Авиньона он передумал и еще до водворения Карла в качестве легата урезал его полномочия и прерогативы. Отношения обострялись, в них появились трещины, посыпались угрозы. 7 мая 1473 года Сикст IV ответил королю, который требовал, чтобы в священную коллегию не назначали без его согласия ни одного прелата родом из Бургундии, Бретани или «других французских вотчин», назначив восемь новых кардиналов даже без намека на согласование. Карл де Бурбон кардиналом не стал, а двое других получили красную мантию, несмотря на открытую и известную враждебность к ним Людовика XI, — бургундец Филипп Гюгоне и Филипп де Леренс, архиепископ Арльский, верный слуга Рене Анжуйского, который, получив в 1465 году ложную весть о смерти короля Людовика, велел зажечь в своем городе праздничные огни, а впоследствии регулярно

выступал при римском дворе в качестве прокурора от лица Карла Гиеньского. Один из трех высоких итальянцев, архиепископ Миланский Этьен Нардини, был в 1468 году с позором изгнан из Франции за измену. Людовик XI клокотал от гнева; он велел распространить гадкие слухи об этих назначениях, называя их симонией, толковал о продажности папы и мечтал, чтобы тот предстал перед судом или церковным собором.

Карл де Бурбон вступил в Авиньон только 23 ноября 1473 года, несмотря ни на что, встретил хороший прием и оказался достаточно хитер, чтобы выступить в роли арбитра между противоборствующими партиями. Но папа не отступал и 23 мая 1474 года назначил епископом Авиньонским, вместо Алена де Коэтиви, умершего двадцатью днями раньше, своего племянника Джулиано делла Ровере. Два года спустя он сделал его легатом, отозвав Карла де Бурбона. Король не мог с этим смириться и однозначно дал это понять; он обвинил Джулиано в заговоре с бургундцами и направил войско в триста копий, которое тотчас наткнулось на яростное сопротивление. Обоз с хлебом и вином для снабжения французского гарнизона, осажденного во дворце, был перехвачен. Авиньонские консулы призвали взяться за оружие и велели арестовать чиновников Карла де Бурбона, которому пришлось покинуть город (17 мая 1476 года). В конечном итоге Джулиано делла Ровере отправился на встречу с королем в Лион, а Бурбон согласился променять свое звание легата на кардинальскую шляпу. Послы авиньонцев поклялись под присягой не принимать в своем городе врагов короля, названных поименно, — герцога Бургундского и короля Арагона.

Однако Людовик XI не победил, и надежды сохранить французское влияние на город и прилегающую к нему область — графство Венессен — не оправдались: в июле 1478 года папа назначил легатом Жана Роза, папского протонотариуса, человека, полного решимости отстаивать прерогативы Рима.

Большая итальянская игра

Новый разрыв казался неизбежным, поскольку король открыто поддерживал дипломатическими демаршами и своим оружием Медичи из Флоренции против папы и его союзника, неаполитанского короля Фердинанда.

Изначально дело касалось только денег, займов или субсидий. Находясь в изгнании в Женаппе, дофин Людовик пользовался обширным кредитом у Джованни Арнольфини, уроженца Лукки, поселившегося в Брюгге и находившегося под

покровительством Филиппа Доброго. Война с Лигой общественного блага положила конец его добрым отношениям с банкирами из Лукки, чересчур близкими к бургундцам. С тех пор он часто обращался за ссудами и переводом денег к итальянским банкирам, поселившимся не в Брюгге, а в Лионе, а именно к Франческино Нори, приказчику или компаньону Медичи, который в качестве ответной меры щедро открывал счета для видных особ из королевского окружения, в том числе Бофиля де Жюжа и Эмбера де Батарне. Людовик сделал Франческино Нори своим финансовым советником, предоставил ему должность камер-лакея и использовал как тайного агента. Нори провел переговоры о заключении брака между Бонной Савойской, сестрой королевы Шарлотты, и Галеаццо Сфорца из Милана и предоставил большую часть из шести тысяч золотых экю на выплату жалованья миланским солдатам, нанятым, чтобы сражаться с герцогом Бургундским. Но в августе 1468 года его изгнали из королевства: король обвинил Медичи из Лондона и Брюгге в поддержке, путем предоставления ссуд на чересчур выгодных условиях, Карла Смелого и английского короля Эдуарда IV. Томмазо Портинари, управляющий филиалом банка Медичи в Брюгге, был тесно связан с Гильомом Бишем, советником герцога Бургундского.

На самом деле Медичи, не будучи уверены в исходе войны, несколько лет вели двойную игру. Лионский управляющий Лионетто де Росси одолжил, с согласия главы компании Лоренцо Медичи, пятьдесят тысяч дукатов герцогу Миланскому, союзнику Людовика XI. Неудача Карла Смелого под Нейссом и его поражения в швейцарских кантонах дали им понять, что игра окончена. Лоренцо выслушал суровую отповедь от королевских послов, которые дошли до того, что потребовали закрыть отделение его банка в Брюгге, и приказал Портинари прекратить всякие авансы бургундцам.

Медичи не ладили с папой Сикстом IV, обвиняя его в благоволении генуэзцам, в частности, в том, что касалось разработки богатых залежей квасцов в Тольфе. Когда тот обратился к ним за помощью, они уклонились, и тогда Франческино де Пацци, приказчик мощной компании-конкурента, предоставил Риму аванс в тридцать тысяч дукатов. С этого момента Пацци замыслили захватить власть в самой Флоренции. Вместе с Франческо Сальвиати, архиепископом Пизанским, и Джованни Риарио, племянником папы, они возглавили заговор с целью убить двух братьев Медичи, Лоренцо и Джулиано, властителей Флоренции. Лоренцо чудом уцелел, но Джулиано убили в воскресенье 26 апреля 1478 года, после мессы, перед церковью Санта-Кроче при кафедральном соборе Санта-Мария

дель Фьоре.

И все же заговор 1478 года жалким образом провалился. Архиепископ Сальвиати, который с горсткой верных людей должен был захватить дворец Синьории, наткнулся на сильное сопротивление; всех схватили и повесили в окнах дворца. Городская община, Синьория и уличная толпа решительно приняли сторону Медичи. Джакопо Пацци, главу клана банкиров, казнили, а его тело, сначала похороненное в Санта-Кроче в семейном склепе, месяцем позже вынули из могилы и проволокли по улицам, отдав на поругание и растерзание ребятне, а затем закопали на пустыре за стенами города.

Как только папа узнал об этих казнях, он отлучил Лоренцо от Церкви и наложил интердикт на Флоренцию, укрепив при этом свой союз с неаполитанским королем Фердинандом. Поэтому Людовик XI выступил на стороне повелителей Флоренции. Решительно враждебный папе и королю Фердинанду, грозившим захватить Тоскану, он без передышки вел на дипломатическом фронте одно яростное наступление за другим, обращаясь ко всем государям и городским общинам Италии. Христианнейший король мог говорить во весь голос, грозя Сиксту IV, как некогда Филипп Красивый Бонифацию VIII, судом церковного собора, созванного по его просьбе. Союзников у него хватало, он мог опереться на «лигу», терпеливо составленную и поддерживаемую, несмотря на уклонения и разногласия, в которую входили, помимо Флоренции, Савойя, Милан и Венеция. Коммина отправили с посольством, и тот предложил флорентийцам прислать несколько рот жандармов. В августе 1478 года Людовик написал своим союзникам, призывая их твердо придерживаться лиги. Бонне Савойской, вдове герцога Миланского Галеаццо Сфорца, убитого в 1476 году, которой удалось стать опекуншей своего сына Джованни Галеаццо, потеснив своего деверя Лодовико Моро, король заявил, что намерен любыми способами разладить маневры Рима, и сообщил, что направил папе суровое предупреждение, чтобы тот отказался от вооруженного наступления на Флоренцию и «итальянскую лигу». А главное, он утверждал, что бастард Калабрийский (сын Иоанна Калабрийского, который сам был сыном короля Рене) уже выступил на Рим во главе пяти сотен копий. Пусть Бонна окажет им хороший прием, обеспечит провиантом, уплатит жалованье и проследит, чтобы с этими людьми во всем обходились хорошо.

По правде говоря, король не мог по-настоящему рассчитывать на то, что урезонит своих противников одной угрозой вооруженного вторжения: пятьсот копий, отправленных за тридевять земель, не имели никаких шансов на победу, а

Людовик XI, занятый тогда бургундскими войнами, не был готов ввязаться в рискованную итальянскую авантюру. Поэтому он выступал в качестве посредника, мудрого стража мира и бескорыстного защитника христианства. Как же не прекратить наши распри и не объединить наши силы, когда турки готовятся на нас напасть? Перед лицом великих приготовлений со стороны турок, сеющих беду и разорение, мы должны заключить мир. «Мне думается, что я не исполню своего долга ни перед Богом, ни перед людьми, — писал он, — если не приложу все силы, дабы добыть его». Он снова упомянул об этой великой опасности, когда принимал послов от папы — Франческо ди Сиена и Джованни Андреа де Гримальди.

Надеялся ли он в самом деле убедить в своей искренности и преданности? Кто мог в это поверить? И не подумать, что это всего лишь обходные маневры и уловки? За десять лет до того, в 1456 году, он уже утверждал, что хоть он и уехал из Дофине совершенно неожиданно и обманным путем, чтобы укрыться у герцога Бургундского, это не было ни изменой, ни даже предосторожностью, а просто он собирал друзей и верных людей для крестового похода, провозглашенного папой.

Тем не менее в 1478 году его секретари и нотариусы усердно скрипели перьями. Да и сам он не знал покоя: письма летели к членам священной коллегии — к Доменико делла Ровере, епископу Турнона, Джиеронимо Риарио, еще одному племяннику Сикста IV, господину Имолы и Форли. Время поджимало, ибо флорентийцы, хоть и поддерживаемые и защищаемые несколькими союзными государями — Эрколе д'Эсте, Роберто Малатеста, Константине Сфорца и Родольфо Гонзаго, — оказались под прямой угрозой со стороны неаполитанской армии.

Вот тогда-то Людовик, проявив себя несравненным мастером в искусстве расстраивать союзы врагов, ловко «купил» короля Фердинанда Неаполитанского, предложив его сыну Фредерику руку Анны Савойской, дочери своей сестры Иоланды; в приданое он пообещал графство Вильфранш и двенадцать тысяч ливров ренты. Фредерика приняли при дворе, и бракосочетание состоялось во Франции в июне 1479 года. Людовик XI тотчас поручил своему секретарю Пьеру Пальмье подготовить и провести мирные переговоры между Фердинандом и флорентийцами. Мир был подписан 5 декабря 1479 года. Папе, потерявшему своего единственного настоящего союзника, пришлось смириться. Двенадцать флорентийских «ораторов», возглавляемых епископом Вольтерры Франческо Содерини и Луиджи Гиччиардини, прибыли в Рим 25 ноября 1480 года; их выслушали на тайной консистории, поскольку отлучение от Церкви еще действовало.

Но недели переговоров оказалось достаточно. 3 декабря Сикст IV, восседавший на троне, принял послов; они вошли с непокрытой головой, преклонили колени, поцеловали его туфлю и исповедались в преступлениях, в которых были повинны члены их лагеря. Они поклялись отныне соблюдать вольности Церкви, не поднимать оружия на Святой престол и на его вассалов, а в качестве покаяния пообещали оснастить за полтора месяца пятнадцать галер, чтобы сражаться с турками. После этого папа произнес длинную речь, укоряя их за ужасное злодеяние — предание смерти церковнослужителей. Двери базилики Святого Петра распахнулись, и все присутствовали при торжественном богослужении. Отлучение от Церкви и интердикт были сняты. Ведя игру против папы, Людовик XI спас Лоренцо Медичи, своего главного союзника.

В те годы он ловко вмешивался в дела Авиньона и графства Венессен, распутывая — как всегда, к своей пользе — беспорядочно переплетенные нити и находя выход из ситуаций, которые без него наверняка не разрешились бы так счастливо. Главным тогда было сохранить мир и оградить имущество и торговые пути от банд сбившихся с пути солдат, возглавляемых капитанами, которые заявляли, что действуют от имени короля или итальянской лиги, но на самом деле преследовали собственные интересы и жили грабежом. Папскому протонотариусу Жану Розе не удавалось собрать против них значительные силы и обеспечить безопасность жителей. В январе 1479 года Бернар де Гарлан заполонил графство Венессен во главе полутора тысяч солдат, всадников и пехотинцев, захватил несколько укрепленных сел и вычистил деревни под гребенку, заявляя без зазрения совести, что он прислан Людовиком XI и идет через графство, чтобы помочь флорентийцам, которым все еще угрожает папа. Король под нажимом авиньонских послов отрекся от него и поручил своим комиссарам (бастарду де Комменжу и Бернару де Беарну, смотрителю мостов и соляных копей Лангедока) восстановить порядок. Все напрасно: Гарлан упорствовал и никуда не уходил. Жители Авиньона громко возмущались и слали гонца за гонцом, чтобы поведать о своих несчастьях. Они обвиняли Комменжа в бездействии, говоря, что тот отделывается уклончивыми словами, а то и вовсе заявляет, что обитатели графства Венессен «чересчур жирны, не мешало бы их слегка пощипать». В общем, этим-то и оправдывались все бесчинства. Король заплатил капитану-бандиту, и тот наконец покинул графство 16 марта 1479 года, разграбив его, разгромив и наполовину разрушив. Авиньонцы дорого заплатили за отсутствие настоящего покровительства и всё осознали,

возблагодарив короля за то, что он употребил свою власть и свои деньги для их избавления.

Главный инициатор итальянской лиги, игравшей не последнюю роль, и великий миротворец, Людовик XI оказывал на Апеннинах такое же влияние, как некогда император. Но только ни на минуту не подвергаясь риску. Его преемники, от Карла VIII до Франциска I, не унаследовали этой мудрости.

2. Французская Церковь в услужении

По отношению к французской Церкви позиция Людовика всегда была двусмысленной. Как можно поддерживать папу, заключать с ним договоры и в то же время считать себя господином духовенства в своем королевстве? Требовать для себя всяких прав, распоряжаться назначением епископов, держать под контролем перемещения французских прелатов и перевод денег в Рим? Как запрещать соборные уложения, враждебные папской власти, и не слишком раздражать епископов, аббатов и докторов Университета — сторонников галликанства, и зачастую весьма активных? И уступать, хоть и немного, их притязаниям, при этом подчиняя их своей воле?

Карл VII велел собранию представителей духовенства и королевских советников, по большей части членов Парламента, подготовить Прагматическую санкцию (1438) — торжественную декларацию из двадцати трех статей, которая определяла в одностороннем порядке отношения между французской Церковью, королем и папским престолом. Эти статьи во многом отражали тезисы, выдвинутые Базельским собором 1431 года, в которых утверждалось главенство собора над папой, а также то, что каждая национальная Церковь должна пользоваться определенной независимостью. Множество высших королевских чиновников и церковных иерархов, близких к королевской власти, высказались в поддержку этих «соборных» теорий — явных проявлений галликанства, уже зревшего во многих церковных кругах. Поэтому Прагматическая санкция, утверждавшая, в частности, право государя непосредственно вмешиваться в назначение епископов и настоятелей крупных монастырей, была хорошо принята. Некоторые королевские советники дошли до того, что состряпали фальшивый документ, приписываемый Людовику Святому и датируемый 1269 годом, в котором заявлялось, что избрание епископов должно происходить без участия папы, и запрещалось агентам понтифика взимать чрезвычайные подати с французского духовенства. Эта «Прагматическая санкция Людовика Святого», чистая подделка,

тем не менее имела большой успех и была предъявлена в Шартре в 1439 году, а затем в Бурже в 1452 году для обоснования Санкции 1438 года.

Оставалось одно щекотливое обстоятельство, и дофин Людовик, который, без сомнения, участвовал вместе с отцом в этом деле, осознал его серьезность. Базельский собор, находившийся под покровительством императора, состоял из множества более или менее признанных «богословов», монахов различных орденов, отобранных неизвестно по какому принципу, каноников, представленных в разном качестве, — то есть людей, провозгласивших самих себя уполномоченными, но среди них было мало кардиналов, епископов и аббатов. Собор уронил себя в глазах многих христиан, особенно в Италии, провозгласив низложение папы Евгения IV — венецианца, законно избранного в 1431 году римским конклавом; затем он провозгласил папой Амедея VIII, герцога Савойского, находившегося тогда в монастыре, который взял себе имя Феликса V. Всего через четверть века после долгожданного окончания Великого западного раскола (Констанцский собор 1415 года), в тот момент, когда папство, вернувшееся в Рим, силилось утвердиться приличествующим образом и поддержать единство Церкви в городе-зачинщике беспорядков и интриг, такие нападки со стороны людей из Базеля были плохо восприняты даже в рядах некоторых «галликан».

Карл VII отправил торжественное посольство (1447) в Лозанну к сторонникам Феликса V, чтобы убедить их отказаться от своей затеи. В следующем году другое представительное посольство, возглавляемое архиепископом Реймсским Жаном Ювеналом дез Юрсеном и Жаном Дове, генеральным прокурором Парижского парламента, отправилось в Рим на одиннадцати великолепных судах, нагруженных коврами и тканями, подарками и невероятным количеством съестного, чтобы поздравить и подбодрить нового, только что избранного папу Николая V. Феликс V отрекся в 1449 году, и весь народ в Риме и Италии почел французского короля Карла настоящим ревнителем веры.

Людовик XI пошел еще дальше. Вскоре после своего восшествия на престол, в ноябре 1461 года и в марте 1462 года, он отменил Прагматическую санкцию — вероятно, чтобы проявить в этом отношении, как и во многих других, свое желание перечить отцу, но также и чтобы лишить французских князей присвоенного права назначать своих людей на церковные должности. Его решение, хорошо воспринятое папой, было, разумеется, сильно раскритиковано многочисленными архиепископами и епископами Франции, а еще больше

парижским Университетом и палатами Парламента; все они в один голос осуждали короля. Тот слегка уступил и издал один за другим, в 1463 и 1464 годах, ордонансы об исполнении законов галликанской направленности. Но отказался полностью восстановить Прагматическую санкцию 1438 года и остался глух к увещеваниям Парижского парламента, представленным в 1465 году в длинном и объемистом меморандуме из восьмидесяти девяти статей. Наоборот, он запретил в 1467 году то, что до сих пор разрешал, и французская Церковь во многом утратила свободу действий.

Подавляя воинствующее галликанство, выставляя себя врагом «соборных» теорий, он, однако, не собирался подчинить французскую Церковь Риму. Он поддерживал папу в противовес соборам и епископам, но собирался сам распоряжаться Церковью в своем королевстве и не упустил ни одного случая показать это на словах и на деле. Он больше всех своих предшественников вмешивался в назначения, сообщая о своем выборе, навязывая его недвусмысленным образом, без всякого удержу, и пуская в ход все средства, чтобы добиться своей цели. Он говорил, что речь идет о безопасности страны и о поддержании общественного порядка, так как опасно назначать епископом человека, связанного с врагом через отношения родства или подданства. При таком подходе завоевание новых территорий должно было вызвать многочисленные отставки. Следуя политике «франизации» и более тесного присоединения новых провинций к владениям короны, он потребовал от папы весной 1477 года восстановить в должности аббата Турнюса Франсуа Савойского, брата королевы Шарлотты, некогда смещенного герцогом Бургундским, который заменил его Жаном де Тулонжоном. Но король ничего не добился: Сикст IV подтвердил полномочия Тулонжона.

7 января 1478 года кафедральный капитул Камбре получил приказ принять в епископы Жака Минутоли, уроженца Лукки, епископа Агды (с 1476 года), вместо Иоанна Бургундского. Оставить в Камбре человека, в свое время поставленного там бургундцами, разумеется, было немыслимо: «Поелику мы ни за что на свете не потерпели бы, чтобы держатель сей должности по-прежнему проживал в оном городе Камбре, лучше бы пожрал его огонь, нежели он прожил там хоть день своей жизни». В Руссильоне король отдал аббатство Арль-сюр-Тек племяннику Бофиля де Жюжа, но папа, еще до получения соответствующего уведомления, назначил другого аббата. Чтобы убедить своего господина вмешаться и принудить папу отменить это назначение, Бофиль напомнил, что монахи сами избрали его племянника, а главное — что это аббатство находится на границе с вражескими

территориями, так что лучше иметь там надежного человека.

Как и во множестве других случаев, назначение могло быть способом отблагодарить верного слугу, и в этом Людовик не изобрел ничего нового. Более того, обычно он не делал тайны из своих побудительных мотивов и целей. Хотя он то и дело упоминал о «досточтимых добродетелях и заслугах» своего протеже, он подробнее останавливался на услугах, которые этот человек «и его родичи и друзья оказали нам в прежние времена, оказывают и будут оказывать каждый день в великих делах наших». Он отмечал также, что «некие вельможи нашей крови» умоляли его предоставить место тому или иному человеку.

Надо полагать, что предпочтением пользовались люди, уже облеченные ответственностью и хорошо себя зарекомендовавшие. В 1479 году капитулу Анжера было настоятельно рекомендовано избрать епископом Оже де Бри, благородного анжуйца, состоящего при дворе, «и никого иного». Однако примкнувшие к королю в последнюю очередь могли получить щедрую плату и устроиться лучше, чем другие, хранящие верность уже давно. Когда освободилось место архиепископа Вьенского, король написал 8 июля 1482 года кафедральному капитулу, требуя, чтобы избрали Анджело Като. Тот, уроженец Супино под Беневенто, сначала был тесно связан с анжуйцами и бургундцами, состоял на службе у Карла Смелого, помогая ему во всем до Грансона и Муртена; а потом, поняв, что ничего хорошего здесь уже не светит, примкнул к королю, который сделал его своим врачом и духовником. Он действительно стал архиепископом Вьенским 27 июля 1483 года.

Эти вакансии и назначения по всему королевству разжигали, как во все времена, алчность и соперничество, в особенности за аббатства, в которых окрестные дворяне были напрямую заинтересованы, часто обладая в них большим весом. Во времена короля Людовика вмешательства его самого и его чиновников привели к тому, что столкновения интересов, бесконечные тяжбы, ненависть между кланами порой оборачивались вооруженными конфликтами между отрядами вассалов, клиентов или солдат, сражениями стенка на стенку и штурмом монастырей. Карлу VII за несколько недель до смерти, а вслед за ним Людовику XI пришлось познакомиться с одним весьма запутанным, почти неразрешимым делом. Источник раздоров восходил к 1450 году, когда командорство ордена госпитальеров святого Иоанна Иерусалимского, расположенное в Оверни, в аббатстве Сель под Мюратом, осталось без хозяина. Оно досталось «справедливо и по закону» Гильому Понсу, рыцарю ордена иоаннитов, однако другой претендент, по имени Пьер де Брессон, тотчас

опротестовал это решение. Своего он не добился, и папа Николай V приговорил его уплатить четыреста флоринов судебных издержек. Понс распоряжался аббатством Сель, пока Брессон, во главе небольшого отряда, не штурмовал его ночью, не выбросил находившихся в нем наружу и не начал судебный процесс, теперь уже в тулузском парламенте. Он потерпел новую неудачу: Гильом Понс вернулся в аббатство и оставался там «долго и без помех», поскольку его права были подтверждены приговором бальи Монферана и Горной Оверни. Брессон учинил новые иски в Риме и Париже, снова ничего не добился, однако словчил, умолчав о вынесенных приговорах, и обманом получил грамоты магистра госпитальеров святого Иоанна в свою пользу. Он собрал сто или сто двадцать подмастерьев, «вооруженных палками, в панцирях, полулатах, с кольями, мечами, кинжалами, арбалетами и прочими доспехами, опасными и запретными». Затем осадил командорство и дошел до того, что велел трубить в трубы и заставил играть менестрелей, что мог делать только король, осыпал угрозами наместника бальи, арестовал его вместе с конем и держал в плену в Мюрате судебного пристава, который явился сообщить ему постановление парламента.

Осада длилась уже больше полутора месяцев, когда Брессон привез пушки и кулеврины; осажденные, мучимые голодом, воззвали к Антуану де Вильбёфу, шурину Гильома Понса, который «всегда был ратным мужем». Бывший капитан, сильно страдавший от безденежья, нашел способ забрать свои доспехи, заложенные у одного ростовщика из Мюрата; это обошлось ему в две штуки златотканой материи. Под его командованием защитники Сели попытались пробиться наружу, и во время стычки Пьер де Брессон был убит тремя ударами кола. Гильом Понс в длинном рассказе поведал об этом злоключении королю, прося у него пощады, которая и была ему дарована.

Разумеется, не все аббатства ждали подобные войны после смерти аббата. Но череда конфликтов между законниками (в суде) и военными (в ходе вооруженных столкновений) не выглядит исключением из правил. Людовику XI, стремившемуся все решать самому, часто приходилось делать выбор между двумя партиями, выносить приговор или приказывать сделать это своим чиновникам, даже Парламенту. Ссоры затягивались до бесконечности, бальи и сенешали не знали, как положить им конец, прекрасно понимая, что любое, даже самое разумное и торжественно вынесенное решение может быть поставлено под сомнение и вызовет обращение в другие инстанции. В мае 1482 года Парижский парламент призвали положить конец спору за цистерцианское женское аббатство в Лейне, неподалеку от

Фижака, за которое уже почти двадцать три года боролись Элен де Бофор и Жанна Баррас. Добрых два десятка постановлений различных судов не возымели действия. Элен де Бофор, избранная аббатисой и получившая конфирмацию от аббата

Сито в 1459 году, через полгода после того подверглась нападкам со стороны Баррасов — Жанны, ее сестры, ее брата — аббата Вильлуэна и даже сенешаля Аженуа, Робера де Бальзака. Аббатство несколько раз оккупировали и разграбляли вооруженные банды, нанятые той или другой стороной, женщин насиловали, одного капеллана «в облачении для пения» избили дротиками, сорвали с него одежду, волочили босого по церкви, королевских приставов обложили выкупом и пригрозили им смертью. Тогда король возвысил свой голос. Пора прекратить это безобразие. Пусть Парламент наконец осудит этих Баррасов и их союзников, «мы не желаем, чтобы оные оставались безнаказанны». Пусть понесут суровую кару, «каково на то будет ваше усмотрение», а главное, судите их побыстрее, «дабы у нас более не было причины писать вам».

Восстановить мир оказалось нелегким делом. Но для короля принять сторону либо против капитула, либо против Рима, либо против того или иного семейства всегда было случаем утвердиться и присвоить чужие полномочия. Дела французской Церкви не могли от него ускользнуть.

Не всегда он сразу одерживал верх, но никогда не бросал своих и умел, потерпев неудачу, возместить ущерб своему протеже другими выгодами или привилегиями. В деле с аббатством Сент-Круа де Тальмон в Вандее он, конечно, принял предосторожности. Поскольку аббат Франсуа дю Пюи дю Фу был очень стар и тяжело болен, король попросил монахов избрать «своего дорогого и возлюбленного Жана де Балода настоятелем аббатства», как только вакансия освободится. Однако они избрали другого человека, Гильома Мешена, а Жан де Балод получил, по прямому назначению короля, аббатство Сен-Жан д'Орбестье, находившееся совсем рядом, но значительно менее богатое. Настоятель и соборный капитул Анжера не подчинились быстро и по доброй воле приказу назначить епископом Оже де Бри. Людовик XI написал им «дважды или трижды», чтобы они знали, чем рискуют. Он захотел узнать, кто именно противится его воле и подбивает их к неповиновению, угрожая: «Ежели я спознаю того, кто мне перечит, то велю ему покинуть французское королевство». Когда Оже наконец избрали, Людовик узнал, что Карл де Бурбон, архиепископ Лионский, долгое время пользовавшийся его покровительством и многим ему обязанный, отказался дать конфирмацию, как обещал. Тогда король

настойчиво и грозно обратился к председателю и советникам Парижского парламента: пусть пошлют грамоты о назначении, непременно и без задержки, «не давая спуску оному кардиналу». Иначе «вы на деле узнаете, что вами недовольны».

Наконец, в 1482 году, после смерти Жана Кёра, архиепископа Буржского, стоявшего во главе Сен-Сюльпис-ле-Бурж, Людовик XI, с полного согласия папы, назначил аббатом своего советника Адриена де Энекура. Но монахи избрали Гильома Алаба; тот обратился в Парижский парламент… которому тотчас приказали не принимать его прошений. Как поступил Парламент — в точности неизвестно, но Алаба остался аббатом.

Как и в прошлом, королевские агенты проявляли излишнее усердие, выходя за рамки полученных инструкций, год от года неизменно урезая права и сферу влияния церковных институтов. Все эти люди — советники, бальи и сенешали — с редким упорством стремились ограничить вольности Церкви, свести их практически к нулю.

22 августа 1482 года архиепископ Турский Эли де Бурдей вручил королю длинный список жалоб прелатов на притеснения со стороны королевских чиновников. В этом объемистом меморандуме архиепископ говорил о несчастьях Церкви, которая не могла приспособиться к такой неусыпной опеке, и выступал защитником Балю, Гильома де Арокура, епископа Верденского, епископов Памье, Кастра, Сен-Флура, Кутанса, Лана и Се, архиепископов Тулузского и Эмбренского и даже папского легата в графстве Венессен Джулиано делла Ровере. Людовик XI не стал слишком вчитываться: через семнадцать дней, 28-го числа, он сообщил Бурдею, что тому не следует беспокоиться о делах государства, а тем более в них вмешиваться; советы его никому не нужны; пусть ограничится тем, что молится за здоровье короля.

Отказ поддержать соборные тезисы не мешал пристально наблюдать за отношениями между прелатами и Римом, перемещениями прелатов, их просьбами и переводом денег. Людовик обязал епископов проживать в своих епархиях, а папские буллы передавал на рассмотрение своих комиссаров до их опубликования. Сиру де Гокуру поручили проверять, не противоречат ли эти буллы королевскому праву и галликанским вольностям. С другой стороны, уже в сентябре 1464 года король запретил всем представителям французского духовенства испрашивать у папы бенефиции любого рода. Он не желал этого терпеть, ибо, как он говорил, из этого проистекают многие затруднения и убытки, как в виде вывоза денег, отправляемых к римскому двору, так и дополнительных расходов для семей;

многие подданные короля «продали свое наследство и заняли денег у детей, родичей и друзей»; некоторые «умерли в пути в погоне за оными бенефициями, а прочие были оторваны от учения».

Позднее он поручил Гильому де Вари основать банковское общество, которое одно было бы уполномочено осуществлять перевод средств. Он созвал в Орлеане 15 сентября 1478 года всех прелатов и прочих видных деятелей Церкви, университетов и капитулов, чтобы обсудить и преодолеть затруднения, спровоцированные римским двором и утечкой туда денег из королевства. Соборные капитулы были извещены о собрании, и король поручил своему канцлеру Пьеру де Божё узнать имена неявившихся и пригрозить им конфискацией имущества, «ибо нельзя допустить, чтобы хоть один уклонился от этого дела».

В Рим не мог отправиться всяк, кто пожелает, во всяком случае, не предупредив короля. Божё приказали допросить приора Монклара и кюре из Лезиньяна, арестованных, когда они направлялись к папе, «вопреки недавно наложенному запрету».

Глава вторая. МОЛЯЩИЙСЯ ЧЕЛОВЕК

1. Милостыни и пожертвования

Христианнейший король? Людовик XI беспрестанно являл свою веру, участвуя в бесчисленных церковных обрядах, показывая пример благочестия, раздавая пожертвования церквам и милостыню бедным. Прижимистый в отношении своих личных средств, если верить его хулителям, ведущий строгий учет государственной казне, он не только в последние годы жизни, терзаясь мыслью о смерти, но и на протяжении всего своего царствования много тратил на помощь обездоленным, сирым и убогим, на заказ молебнов, на воск для монументальных свечей, а еще больше на золото и серебро для рак с мощами и окладов икон.

Казначеи, придворные писари и королевские постельничие каждый год составляли для милостыни и благотворительности особый список «обычных даров и месс». Каждое утро король слушал мессу и регулярно, где бы ни находился, оставлял на алтаре два золотых экю. В другом документе перечислены в малейших подробностях наличные деньги, отданные королем на пожертвования для своего удовольствия. Эти дары, чаще всего в несколько су, сделанные «после мессы» или даже «по возвращении с охоты», обычно отдавались людям, встреченным по дороге: «бедным людям, встреченным на пути», «нескольким отрокам паломникам» (направлявшимся в Мон-Сен-Мишель), «бедным брюхатым женщинам с малыми детьми», а также одному человеку, «который указал ему дорогу», лодочникам, которые перевозили его через реку, бедному землепашцу, чтобы тот заказал молитвы за упокой души своих близких, и даже «бедному человеку, подарившему ему собаку». Одна бедная женщина, ребенок которой был окрещен его именем, получила пять экю. Еще пять писари казначейства выдали прокаженным из Амбуаза, и столько же — бедной бесприданнице; в святой четверг 1471 года по восемь экю раздали каждому из восьми бедняков, «коим государь омыл ноги, снизойдя к бедности мира».

Все это была обычная милостыня, которая раздавалась каждый день и упоминалась без прочих уточнений в счетных реестрах, только по необходимости держать счета в порядке. Другие, гораздо более крупные пожертвования, отнюдь не случайные, делались либо по обету, либо по особому случаю; они предназначались церквам или монастырям, чтобы служить мессу,

помогать монастырским общинам содержать или украшать святилища, обеспечить как их земное существование, так и служение Богу. В феврале-марте 1470 года каждый день служили одиннадцать обеден в честь Богоматери, Святого Духа и девяти святых в раю.

Дофин, а затем король, он в любое время и при любых обстоятельствах уделял столько же внимания пожертвованиям, дарам и милостыне, сколько и управлению королевством или войне с соседними государствами. Он всегда подходил к этому вопросу тщательно и дотошно и проявлял такую же властность, как и в других вещах. Определял форму даров — деньги или драгоценные металлы, священные сосуды или ковчеги для мощей; сам назначал сумму или приказывал справиться о том, сколько может стоить то или иное ювелирное изделие. Этим занимался один из его ближних советников, чаще всего главный дворецкий, который и предоставлял отчет. Выполнять такие необычные поручения было, конечно, непростым делом, поскольку требовательный и въедливый государь не давал покоя своим людям, досаждая им советами или упреками. Он следил за исполнением приказа, добивался, чтобы золото или серебро было доставлено вовремя, беспрестанно писал и проверял инструкции по поводу новых месс, давал указание уплатить ту или иную сумму в экю и сообщал, где ее взять, заказывал оклад или святое изображение, драгоценные приношения по обету тому или иному ювелиру с оценкой всех расходов до мельчайших подробностей, укорял за задержку, напоминал о срочности, угрожал нерадивым исполнителям.

Ничто не предоставлялось на волю случая. Июль 1472 года: король дал торжественное обещание не есть скоромного до тех пор, пока не будет исполнен его обет — пожаловать церкви Святого Мартина в Туре двенадцать сотен экю, которые следует преобразовать в двести марок серебра, «дабы изготовить серебряный город в память о том, что Господь даровал мне этот город». Приказ Жану Брисонне, торговцу и финансисту: срочно выдать эти экю господину дю Плесси, которому поручено это дело; тот также получил строгие инструкции: «Велите изготовить город, как можно более схожий с сим городом, и пошлите туда человека, дабы распорядился его изготовить». В марте следующего года каноников церкви Святого Мартина попросили учредить постоянный фонд в пользу какого-нибудь городского бедняка, «который будет накормлен, одет, обут, снабжен всем необходимым и помещен подле церковных ворот, где находится резное изображение святого Мартина, отдающего половину своего плаща». Одежда этого человека будет наполовину белой и

наполовину красной, как бы из половины плаща, и в праздничные дни он будет находиться возле кропильницы, «сидя на седле, а пред ним будет малая табличка, дабы прохожие знали, что сие есть бедняк святого Мартина, одаренный благочестием нашим». Если этот бедняк, назначенный капитулом, будет вести недостойную и распутную жизнь, его тотчас заменят другим. Пятью годами позже трем специально назначенным комиссарам поручили купить для изготовления ограды все той же церкви Святого Мартина в Туре серебра в Орлеане, Бурже и Лиможе весом до тысячи марок (244 килограмма). Они могли приобретать серебро «у всякого рода людей, какого бы они ни были сословия» по цене десять ливров и пять су за марку, то есть на пять су дороже тогдашней «определенной и установленной» цены. Им все же не хватило 426 марок, которые пришлось срочно раздобыть в самом Туре. 20 июля 1479 года настоятель, казначей и каноники церкви Святого Мартина составили протокол о приемке деталей этой ограды — работы королевского ювелира Жана Галара, доставленных Жаном Басиром, купцом и смотрителем турского монетного двора.

По счетам, ведшимся круглый год, видно, что государь или его агенты старались не давать заказов мастеровым и художникам, пока все не было точно определено и обозначено — сюжет, размеры фигур, материал, цвета и позолота. Так, снова для изображений святого Мартина, но на сей раз не для алтаря какого-нибудь святилища, открытого взору толпы, а для часовни короля, были сделаны заказы: «Жану Виллену, на большое изображение святого Мартина, покрытое сусальным золотом и лазурью, которое государь повелел изготовить и поместить в часовню в означенном месте»; «Жаку Франсуа, на изображение из дерева господина святого Мартина на коне и бедняка, которое он изготовил и представил по приказу государя… дабы поместить его в часовню Плесси»; и, наконец, «Жану Бурдишону, за то, что изготовил и расписал святого Мартина на коне и бедняка золотым порошком, лазурью и прочими богатыми красками». Столяры Жакотен Бло и Жан Бурдишон, оба проживавшие в Туре, работали над скинией из резного дерева, покрытой позолотой и лазурью, для той же часовни в Плесси, чтобы поместить в ней изображение Богородицы.

То же желание все решать и все проверять самому проявилось и в заказе на шесть серебряных лампад для бенедиктинского аббатства Шарру в 1480 году. Эти лампады, сказал король, должны быть помещены перед Святым Обетом — драгоценной реликвией, по предположениям, крайней плотью Христа, и ни в коем случае не переставляться на другое место; двум эшевенам из

Пуатье приказали сопровождать гонца с королевским письмом, чтобы проверить, поставили ли лампады туда, куда следует. В том же году было заранее сделано описание часовни, посвященной Богородице, при церкви в Компьене, и от этого описания нельзя было отступать: пять саженей в длину и три в ширину. Она будет помещаться у городских ворот, при церкви Святого Иакова, и каждый день там будут служить мессу «о потомках наших и нашем королевстве и о спасении души нашего покойного государя и отца... и прочих наших предшественников». Король назначил для нее ренту в шестьдесят ливров под обеспечение суммы в тысячу двести золотых экю, выплаченных одному местному мещанину для покупки земли.

2. Благочестие и политический выбор

Людовик XI никогда не скаредничал, и каждое аббатство, дававшее ему приют на ночь, каждая церковь или часовня, попадавшаяся ему по пути во время долгих и частых путешествий, могла рассчитывать на его щедрость. Однако эти богатые дары, требовавшие больших вложений в золоте и серебре, не были делом случая или проявлением личного благочестия без всякой задней мысли. Не подвергая сомнению искренность государей тех времен (да и других тоже!) и не обвиняя их в лицемерии, приходится приписывать им сознательную и продуманную политику в отношении религии, проводимую с завидным постоянством и обычно увенчивающуюся успехом. Людовик проявлял в этом гораздо больше прилежания и даже дерзости, чем его соседи, часто используя благочестие как способ оказать влияние за пределами владений французской короны, навязать свое присутствие щедростью или молитвами, ослабив тем самым позиции местной династии, и, в общем, подготовить присоединение этих областей к Франции.

В Анжу и Провансе подобные пожертвования в большой степени отвечали намерению представить себя покровителем святилищ и благочестивых дел наравне с королем Рене, герцогом Анжуйским и графом Прованским. И еще до того, как оформились возможности и планы аннексии, король уже проявил себя щедрым дарителем. Он писал Жану Бурре из Невиля-в-Босе под Орлеаном: «Сразу по прочтении сих писем, отправьте от моего имени в Пюи-Нотр-Дам три дара и два других в Сен-Флоран-ле-Вьей в Анжу, под Сомюром», только пусть ему будут доставлены «подтверждения». Церкви Пюи-Нотр-Дам в июне 1477 года снова достались щедрые дары: четыре тысячи экю в виде ренты за особое богослужение, с приказом Жану Бурре

поспешить, ничего не оставляя на волю случая и не терпя никаких проволочек («ибо я не буду знать покоя, доколе оное богослужение не будет учреждено»). В 1470 году в Тарасконе установили раку святой Марты с ликом, писанным по золоту, и с венком из лилий. Затем Людовик поручил золотых дел мастеру приспособить под бюст святой золотой постамент весом в шестьдесят марок, окруженный балюстрадой с маленькими колоннами овальной формы; в просветах между колоннами располагались миниатюры, написанные черной эмалью по золоту.

С 1475 года, незадолго до аннексии Анжу, король даровал (навязал?) муниципальную хартию городу Анжер, в которой ограничивал полномочия Рене и его чиновников. Но еще раньше, в 1469 году, крест Святого Лода из Анжера, некогда являвшийся собственностью анжуйцев и до сих пор не слишком интересовавший французских королей, стал, его заботами, считаться драгоценной «королевской» реликвией, и его сила была настолько неоспоримой, что многие должны были приносить присягу на этом кресте, а не на Библии или святых мощах.

Этот крест из золота, украшенный драгоценными камнями, как говорили, стоил больше тысячи золотых монет и содержал в себе фрагмент подлинного Креста Господня. Происхождение его было неизвестно, но монастырская церковь Святого Лода под Анжером в свое время уступила его Людовику I Анжуйскому за виконтство Блезон. В 1455 году Рене вернул себе Блезон и отдал крест. На этом кресте Людовик XI часто заставлял клясться в верности принцев и вельмож из числа бывших мятежников, требуя от них изъявления покорности, и даже простых нотаблей, мещан, купцов, которые обещали никогда ничего не замышлять против него и доносить на любого, кто, по их сведениям, был бы повинен в заговорах и тайных совещаниях.

В подобных клятвах, конечно, не было тогда ничего необычного, ведь уже давно большинство мирных соглашений обговаривалось и заключалось только при посредстве папы или какого-нибудь священника. Стороны торжественно принимали на себя обязательства в освященном месте — церкви, часовне, большом зале аббатства или епископского дворца. В 1435 году принцы, послы и советники принесли присягу перед представителями папы и Базельского собора, перед одиннадцатью епископами, двумя аббатами и деканом Льежского университета, монахом ордена Шартрез, в церкви Святого Вааста в Аррасе, чтобы провозгласить мир между Карлом VII и герцогом Бургундским Филиппом Добрым. В свое время Людовик XI потребовал, чтобы все раскаявшиеся и даже подозрительные, если у него есть причины им не доверять, прошли через тяжелый

церемониал. Он велел клясться в присутствии нескольких высших чиновников, которые должны были составлять протокол, и чаще всего на знаменитом кресте Святого Лода. Так поступили в апреле 1476 года сеньор де Монтегю-ле-Блан со своим сыном Иоахимом и сеньор де Люзерт; в следующем году Гильом де Монморанси поклялся на этом кресте в почтении к королю, тогда как у двух его братьев конфисковали имущество за то, что они последовали за герцогом Бургундским.

Для Пьера де Морвилье принесение присяги 14 октября 1474 года в Анжере превратилось в торжественную, тщательно продуманную церемонию, в которой участвовали хранитель печатей короля Сицилии, два лиценциата права, два присяжных нотариуса, главный хлебодар французского короля и Антуан де Шуре, капитан Анжерского замка. Супруга Морвилье принесла присягу в тот же день. Кола ле Реню, мещанин и эшевен Амьена, должен был приехать в Анжер, чтобы поклясться сделать все, что в его власти, дабы его город никогда не попал в руки бургундцев.

В нескольких случаях король даже вывозил крест из Анжера. В 1469 году его отвезли в Сент, чтобы Карл Гиеньский поклялся, что откажется от брака с дочерью герцога Бургундского. В июле 1477 года король прислал в церковь Святого Лода своего главного дворецкого в сопровождении двух ученых богословов, чтобы те забрали крест и привезли его в Нант, где должен был принести присягу герцог Бретонский. Он всегда сам назначал ответственных и указывал им, каким образом должны происходить эти крупные политические акты — присяга на верность и торжественные обязательства. В феврале 1482 года Анжу непосредственно присоединили к владениям короны, и король приказал капитулу церкви Святого Лода принять присягу Пьера Брисонне, своего постельничего, в присутствии мэра, его заместителя, эшевенов и советников Анжера.

Клятвопреступление расценивалось как измена, и виновный заслуживал самой суровой кары. Людовик навел справки о достоинствах этой клятвы и специально приказал провести расследование о чудесах, сотворенных крестом. Он каждый раз составлял текст, который предстояло произнести присягающим, и делал все возможное, чтобы клятвопреступники были строго наказаны. В 1472 году, в марте, он предоставил епископу Валенса полномочия, чтобы тот отвез в церковь Святого Лода письма и меморандумы его брата Карла Гиеньского, который, нарушив собственную присягу, велел дворянам в своих землях поклясться «служить ему против всех, и в том числе против нас (короля)»; Карл также написал в Рим, чтобы присяга, принесенная им некогда королю, была признана недействительной. Людовик ни

за что не мог этого допустить: акты о принесении присяги и прилагающиеся документы должны были бережно храниться в сокровищнице церкви Святого Лода, а каноников просили молить Бога о том, чтобы тот в милости своей подтвердил правоту короля из почтения к истинному Кресту, на кагором была принесена клятва. Это значило молить о Господней мести. По широко распространенному тогда верованию считалось, что сознательно нарушившие свою клятву, принесенную на кресте, вскоре умрут, и верные советники короля не преминули заметить, что Карл, скончавшийся 24 мая, сам себя погубил.

Примерно в 1280 году под Клери в герцогстве Орлеанском один крестьянин, вспахивавший давно заброшенную землю, обнаружил в кустах статую Пресвятой Девы с младенцем, вырезанную из цельного куска дерева. Для нее соорудили часовню, и многочисленные паломники приходили помолиться о том, чтобы Дева сжалилась над ними и исцелила от хворей. Сеньор де ла Саль-ле-Клери, Симон де Мелен, маршал Франции, основал в 1302 году коллегиальную церковь, в которой поначалу было пять каноников; при Филиппе Красивом их количество увеличилось до десяти, а вместо часовни, ставшей слишком тесной, выстроили церковь.

В 1436 году во Францию прибыла Маргарита Шотландская. Моряки с одного из сопровождавших ее кораблей, чудесным образом спасшиеся во время кораблекрушения у фландрских берегов под Эклюзом, отправились в паломничество к Нотр-Дам-де-Клери. В августе 1443 года Дюнуа, бастард Орлеанский, и дофин Людовик дали обет наведаться туда в благодарность за победу, одержанную над англичанами под стенами Дьепа. Церковь, разрушенная в 1428 году английскими войсками Солсбери во время орлеанского похода, была восстановлена на пожертвования Дюнуа, его жены Марии д'Аркур и деньги, завещанные вдовой Жана Буше, главного казначея герцога Орлеанского. Карл VII тоже не поскупился. Многие годы дофин Людовик не слишком ею интересовался: свое первое пожертвование он сделал только в 1456 году. Но став королем, он уже в 1462 году назначил настоятелем церкви Гильома д'Ожа — лекаря, который был гувернером и врачом его брата Карла Французского, — и с тех пор часто ездил в Клери. 11 июля 1465 года, за пять дней до столкновения с бургундцами на ратном поле в Монлери, он отстоял там обедню. Хартия 1467 года предоставила большие привилегии каноникам этой церкви. Чтобы они могли целиком посвятить себя служению Господу «и дабы мы сами и наши преемники всегда в том участвовали», король избавил служителей церкви и посещавших ее паломников от всех

налогов и податей; он торжественно заявил, что берет их под свое покровительство и охрану вместе с их семьями и родичами, их владениями и движимым имуществом; позволил им вершить правосудие на всех уровнях с правом назначать бальи, судебных приставов и других чиновников, а также двух нотаблей, чтобы представлять их в судах в Орлеане и Париже.

Принуждая молодого герцога Людовика Орлеанского жениться на женщине, которая не родит ему детей, и женив Франсуа Орлеанского, сына Дюнуа, на Агнессе Савойской, сестре королевы Шарлотты, Людовик XI стал чаще появляться в герцогстве. Он жил либо в городских домах в Орлеане, Вандоме, Мене или Шатодене, либо в предместьях или селах, останавливался в лесных сторожках на ночлег или во время выездов на охоту. В Орлеане он велел соорудить набережные по Луаре (1466) и построить к югу от церкви Сент-Эньян большую эспланаду над рекой. Церковь Богоматери-у-дороги была восстановлена его заботами, а каноники Сент-Эньяна были ему обязаны, помимо большого количества пожертвований, восстановлением их храма и увеличением территории монастыря, где для Людовика выстроили «Королевский дом» — настоящий дворец с кирпичными стенами. В Мене он велел построить на правом берегу, против моста, большую конюшню для своих лошадей; оттуда он шел пешком в паломничество в Клери. В декабре 1477 года он, наконец, приобрел дом «Щит Франции» напротив фасада церкви в Клери, велел расширить ее подворье и дома каноников, обустроить кладбище.

Нотр-Дам-де-Клери, которой долгое время покровительствовали представители Орлеанской династии, особенно Дюнуа, теперь как будто к ней охладевшие, Людовик превратил в королевский храм, осыпав каноников всяческими благодеяниями. Им регулярно перечислялись крупные суммы денег начиная с 1461 года (более пятнадцати тысяч ливров за два первых года). В октябре 1471 года король предоставил им четыре тысячи ливров ежегодной ренты за счет владений, дорожной платы и различных пошлин в Нормандии и Турени, объявив, что он избрал эту церковь местом своего захоронения. Каноники могли проводить по две вольные ярмарки в год, каждая длилась три дня. В марте 1465 года король расспросил своего казначея Жана Бурре о том, сколько нужно денег, чтобы основать постоянное богослужение в Орлеане и еще одно — в Нотр-Дам-де-Клери. В сентябре следующего года Жан Галар, купец из Тура, и Жан де Люс, ювелир из Блуа, получили три тысячи триста двадцать восемь ливров за два «серебряных города» — Арк и Дьеп, в дополнение к изображению Нойона, уже принесенному в

обет в благодарность за то, что Господь и Матерь Божия не позволили этому городу попасть в руки англичан и бургундцев. Наконец, в 1477 году король выкупил вотчину Саль-ле-Клери у Жана де Юссона.

«Серебряные города», особенно Дьеп, напоминали о победах того времени, когда дофин Людовик вел в бой армии своего отца. Такой выбор обетных даров должен был, разумеется, поставить эти воинские подвиги в один ряд со знаменитым освобождением Орлеана — событием чудесным благодаря вмешательству Жанны д'Арк, но в котором также приняли участие жители города и родственники или вассалы герцога Орлеанского, в первую очередь Дюнуа, покрыв себя славой. Во время торжественного вступления в Париж в 1461 году одна из пантомим на уличном перекрестке изображала именно штурм английской крепости Полле перед Дьепом, и дофин Людовик вел солдат на приступ. Параллель между освобождением Дьепа 14 августа 1443 года, в канун праздника Богородицы — покровительницы Клери, и освобождением Орлеана могла слегка притупить воспоминание о последнем — чересчур «орлеанском» — успехе и торжестве.

Король наверняка об этом думал. Ни он сам, ни его близкие, ни даже добрая часть его чиновников не забыли, что орлеанская победа 1429 года, вызвавшая подъем боевого духа и положившая начало освобождению королевства, была в свое время воспринята не как «французский» или «королевский» военный подвиг, а как победа партии орлеанцев и арманьяков. Бургиньоны и парижане были тут ни при чем, они даже решительно выступили против Жанны д'Арк, вплоть до того, что выдали ее врагу и публично радовались ее осуждению. Карл VII, находившийся тогда под непосредственным влиянием пробургундской партии, в особенности Жоржа де Ла-Тремуйля, ее не поддержал. Впоследствии он, конечно, приказал провести в 1450 году расследование по судебному процессу в Руане, и реабилитация Жанны в 1458 году состоялась с его согласия. Но все его советники не выказали по этому поводу большого воодушевления; многие колебались и подчинились лишь под принуждением. Нет ничего удивительного в том, что Людовик XI в этом плане не последовал за своим отцом. Арманьяки и орлеанцы не были ему друзьями, скорее, принцами, которых предстояло одолеть; он не хотел жить в тени их былой славы. Противопоставление его собственных побед их подвигам позволяло вписать новые страницы в историю, на сей раз к его чести.

Возведение Нотр-Дам-де-Клери в ранг королевской усыпальницы вписывалось в ту же политику. Карл VII, никогда не

питавший особой любви к Парижу и Иль-де-Франс, жил там неохотно, однако подчинился традиции, по которой французских королей хоронили в Сен-Дени. Людовик намеренно порвал с этой традицией, причем во всеуслышание, и уже в 1475—1477 годах решил, что местом его погребения будет Клери. Желание в очередной раз противопоставить себя отцу? Подчеркнуть свою удаленность от Парижа, где он не хотел часто бывать, и намерение оставить по себе память в сердце королевства? Или основать новую королевскую усыпальницу, как у герцогов Бургундских в Шаммоле, у Бурбонов в Сувиньи и у герцога Беррийского в Сент-Ша-пель де Бурж? Во всяком случае, это был способ утвердиться и противопоставить себя — короля, господина и сюзерена — герцогу Орлеанскому.

Хотя Дюнуа, принесший в 1443 году в Дьепе тот же обет, что и дофин, был похоронен в 1468 году в Нотр-Дам-де-Клери, герцоги Орлеанские не слишком старались покрыть себя заслугами перед канониками. Тело Карла Орлеанского, умершего 4 января 1464 года в возрасте семидесяти одного года, было погребено в замке Блуа, в церкви Святого Спасителя, а его сын Людовик не оделял большими дарами церковь в Клери. Король в некотором смысле присвоил ее себе. 21 декабря 1467 года он провозгласил ее королевской часовней наравне с Сент-Шапель в Париже. Его сын Франциск, родившийся в 1472 году и умерший годом позже, был похоронен там же. Затем, в 1477 году, пришла очередь Тан-неги дю Шателя — верного советника Карла VII, сначала укрывшегося у герцога Бретонского, но в конечном счете примкнувшего к королю и верно ему служившего, камергера и кавалера ордена Святого Михаила. Людовик пожелал, чтобы его гробница была рядом с той, что приготовили для него самого и его детей.

В 1472—1473 годах Людовик уже беспокоился о собственной могиле. Его постельничий Пьер Жобер уплатил пятнадцать ливров и пятнадцать су резчику Мишелю Коломбу, чтобы тот «вырезал из камня небольшой образец надгробия, которое король прикажет изготовить для своей усыпальницы»; и восемь ливров и пять су Жану Фуке, художнику из Тура, за рисунок на пергамене такого же назначения. В 1481 году Жан Бурре попросил Кола (или Колена, или Никола) Амьенского, который изготовил посмертную маску Карла VII, сделать портрет короля. Людовик замучил его указаниями, очень четко описав, как он должен выглядеть: коленопреклоненным, с цепью ордена Святого Михаила на шее, держа шляпу в сложенных руках, с большим мечом на боку, в высоких сапогах с длинными шпорами. Пусть художник изобразит его «с орлиным носом, длинным и чуть завышенным», а

главное — с длинными волосами и ни в коем случае не лысым. За отливку Эрве де ла Куст, королевский пушкарь из Орлеана, представил две сметы: одну в три с половиной тысячи золотых экю, другую — за более сложную скульптуру, хотя и тоже из позолоченной бронзы, — в пять тысяч экю. В конечном счете 24 января 1482 года в замке Амбуаз заключили договор с Конрадом Кёльнским, ювелиром из Тура, и пушкарем Лораном Вином на статую, изображающую короля в полный рост и в натуральную величину, «из меди и чугуна, покрытую сусальным золотом», которая будет установлена на его могиле поверх надгробного камня.

Выбор усыпальницы должен был, конечно, вызвать удивление, и мы плохо себе представляем, как восприняли французы, за исключением королевской родни и советников, решение Людовика более не оказывать чести Сен-Де-ни. Авторы того времени редко говорят об этом. А если и упоминают, то очень скупо, отмечая, что не знают, что и думать: «И не пожелал покоиться с усопшими благороднейшими королями Франции, своими предшественниками, в церкви и аббатстве Сен-Дени. И не пожелал сказать, что его к тому побудило. Но иные считали, что таковое было сделано ради церкви, коей он много доброго сотворил, и по великому его благоговению пред святой Девой Марией, покровительницей оной церкви в Клери». Те же хронисты не слишком подробно описывали его похороны. Словно сговорившись, они посвятили им лишь несколько строк, без комментариев, без уточнений относительно церемониала или присутствия знатных особ и королевских чиновников, не упомянув даже о том, каким путем проследовал траурный кортеж в Клери. Нам лишь известно, что короля, умершего 30 августа 1483 года в Плесси, 2 сентября доставили в Тур, а 6-го — в Клери. Счетные реестры за 1483 год, куда ответственные лица должны были заносить расходы, реестры, которые позволили бы знать о похоронах все, день за днем, исчезли. Ничего не сохранилось: ни долговых обязательств, ни заказов, ни квитанций или уведомлений об оплате.

В отсутствие неопровержимых документов любое описание траурной церемонии станет плодом воображения. Однако у нас нет оснований полагать, что Людовик XI и в этом пожелал порвать с традицией и обычаями своего времени. Ничто не говорит о том, что его погребение было организовано и проведено иначе, чем похороны его отца Карла VII, которые, сначала в Париже, а потом в Сен-Дени, сопровождались необыкновенными церемониями. Монахи из Клери, хотя и менее многочисленные, живущие не в таком густонаселенном краю, как Иль-де-Франс, все

же наверняка не ли-шили умершего короля положенных ему почестей. В 1468 году в их церкви уже состоялось погребение Дюнуа, бастарда Орлеанского, которое все современники называли очень достойным, торжественным и даже роскошным. Тело покойного привезли из замка л'Э через Монлери, Этамп, Орлеан и Божанси на повозке, запряженной шестью лошадьми, покрытыми большими попонами из черной ткани. Людовик XI сам проследил в 1477 году за устройством похорон Таннеги дю Шателя. Наконец, счета, касающиеся погребения Шарлотты Савойской, скончавшейся всего через три месяца после короля и также похороненной в Клери, дошли до нас в хорошем состоянии, очень точные и обстоятельные. 1 декабря 1483 года, в день кончины королевы, из Амбуаза отправили пристава за Рене ле Клерком, конюшим покойного Людовика XI, чтобы получить от него распоряжения самого государя. После этого король Карл VIII и принцы крови, собравшись в Клери, определили «распорядок» похорон Шарлотты: траурные одежды, воск для свечей, катафалк для перевозки тела, остановки и мессы в церквях по пути — все расходы были высчитаны заранее. Можно предположить, что эти распоряжения, скопированные с указаний покойного короля, были почти точным их повторением. Таким образом, описание церемониала для погребения королевы позволяет представить себе похороны короля.

Жан Бурдишон, неоднократно работавший для короля и королевы при их жизни, изготовил три или четыре изображения покойной государыни, согласно полученным заказам, в различных одеждах, так что теперь никто не знал, какое из них избрать для надгробия. Бурдишон отправился из Амбуаза в Блуа к герцогине Орлеанской (Марии Киевской), чтобы узнать ее мнение на этот счет, и велел изготовить деревянную статую, раскрасив ее лицо «для придания сходства и величия оной даме поелику возможно». Из казны уплатили двум цирюльникам и двум аптекарям, которым поручили набальзамировать тело; закупили шелка и бархата для одежд, для двух повозок (почетная повозка и повозка для гарнизона), для седел и попон четырех траурных лошадей и шесть комплектов сбруи из черного бархата для шести кобыл, на которых ехали шесть дам из траурного кортежа. Жан Поге, художник, проживавший в Туре, расписал триста семь щитов из «ломбардской бумаги» с гербом Шарлотты, чтобы прикрепить их к факелам и свечам, и еще пятьсот восемнадцать поменьше.

Тело королевы выставили в церкви Сен-Флорантен в Амбуазе и продержали там до 10 декабря. 2 декабря отслужили сорок четыре мессы без пения, а потом ежедневно служили от тридцати

двух до пятидесяти месс, то есть в общей сложности 393; кроме того — еще три «большие мессы с диаконами и протодиаконами» и двадцать месс без пения в церкви Сен-Дени, в пригороде Амбуаза. В церкви Сен-Сатурнен де Вьен, в пригороде Блуа, священники тоже отслужили мессы 11 декабря, а в Нотр-Дам-де-Клери в воскресенье 14 декабря — сто шестьдесят одну мессу без пения. Сто бедняков получили каждый по три су и восемь денье.

Королевские похороны — сначала Людовика, потом Шарлотты — разумеется, принесли Клери большой почет и престиж в королевстве. Монастырская церковь, куда уже давно являлись толпы паломников, чтобы поклониться чудотворной Пресвятой Деве Заступнице, стала по воле короля еще и королевской усыпальницей наподобие большого аббатства Сен-Дени. В резком нарушении традиции был, несомненно, свой смысл, и современники на сей счет не обманывались: живой или мертвый, король Людовик избрал себе для проживания герцогство Орлеанское.

Необычный поступок, чересчур противоречащий заведенному порядку и ожиданиям подданных? Во всяком случае, он не имел последствий. Сердце Карла VIII, умершего в Амбуазе 7 апреля 1497 года, привезли и захоронили в Клери рядом с могилами его родителей, но его тело три недели спустя через Фаржо, Этамп и Монлери доставили в Париж и погребли в Сен-Дени. А от могил Людовика и Шарлотты, от статуи короля ничего не осталось. Все было уничтожено в 1562 году, во время Религиозных войн, когда фанатики-вандалы разгромили надгробия в монастырской церкви, городские власти Орлеана распорядились расплавить ограды и металлические статуи, чтобы сделать из них пушки.

Глава третья СТРАХ СМЕРТИ?

1. Реликвии и святые отшельники

Уже при жизни Людовика злоязыкие хронисты, а впоследствии романисты и драматурги XIX века и авторы школьных учебников, вдоволь потешились над стареющим королем, охваченным паническим страхом при приближении смерти. Его изображали терзаемым ужасом, ищущим просвет надежды и поддержку в благочестии, которое здравые умы называли смешным. Говорили о его отчаянных поступках, о связке медальонов с благочестивыми изображениями на его шляпе, о чудесных снадобьях, которых он настойчиво требовал и которые привозили очень издалека (говорят, даже с островов Зеленого Мыса!), о высокой ограде, выстроенной вокруг дома в Плесси. В результате был создан жалкий образ человека, боящегося всего и всех, человека, который не выносил другого общества, кроме общества самых близких ему людей — в большинстве своем бессовестных авантюристов и шарлатанов; образ несчастного человека, который велел всем молиться за него и повсюду искал святых людей, слывущих целителями.

Все авторы многим обязаны Филиппу де Коммину: он начертал такую картину последних месяцев жизни короля, какой не мог не воспользоваться ни один компилятор, ни один историк, придерживающийся источников такого рода: «Король к концу дней своих приказал со всех сторон окружить свой дом в Плессиле-Тур большой железной оградой в виде массивной решетки, а на четырех углах дома поставить четырех железных "воробьев", больших, прочных и просторных. Решетка была установлена напротив стены со стороны замка, а с другой стороны — у крепостного рва, одетого камнем; в стену же были вделаны часто посаженные железные броши, каждая с тремя или четырьмя остриями. Кроме того, он велел, чтобы при каждом "воробье" было по десять арбалетчиков, которые лежали бы во рвах и стреляли во всех, кто приблизится до открытия ворот, а в железных "воробьях" прятались бы в случае опасности». Многие писатели, особенно те, что подвизались на разного рода рассказах о страхе и ненависти в «мрачную эпоху Средневековья», старательно списывали у Коммина, а чаще всего еще прибавляли от себя, вставляя то тут, то там поучительные истории и детали: «Напрасно строил он одни за другими ограды, рвы, валы, ловушки, ощетинившиеся гвоздями, выставлял лучников и

часовых, — любое движение, любой непривычный шум повергал его душу в тревогу»; и, разумеется: «Любого подозрительного прохожего хватали, приводили к прево Тристану, который приказывал повесить его на дереве по соседству». Те же из прохожих, которым посчастливилось избежать виселицы, тоже не отделывались легко: «Днем и ночью слышались крики несчастных, которых подвергали пытке; по малейшему навету обвиняемого отправляли на виселицу или бросали в Луару, зашив в мешок». Чтобы привести весь букет таких нелепостей, понадобится толстый том.

Болеющий король конечно же старался оградить себя от незваных гостей. Он велел окружить свой замок стенами, оградами и рвами. Какой вельможа, какой добрый буржуа, новый хозяин дворянского поместья, этого бы не сделал? Он выставил охрану. А разве соседние правители — в Бургундии и во Фландрии, в Дижоне и Генте, в Англии и, в частности, в лондонском Тауэре — поступали иначе?

Все, что мы можем прочесть о благочестии и молитвах, а также о поиске реликвий — не всегда чистый вымысел. Но все это слишком утрировано и, во всяком случае, неверно истолковано, ибо представлено как нечто из ряда вон выходящее, как явное проявление помутнения рассудка.

Совершенно верно, что в 1481—1483 годах больной, зачастую терзаемый болью король то и дело приказывал тому или иному бальи или сенешалю, а чаще всего Франсуа де Жена, управляющему финансами Лангедока, Жану Бурре, государственному казначею, дворецким и чиновникам Счетной палаты или епископам, чтобы они перевели средства, произвели оплату и проследили за передачей многочисленных даров в благодарность за молитвы о его выздоровлении. Некоторые думали, что он уже не знает, каким святым молиться — он перебрал их всех. 19 декабря 1481 года он написал приору Нотр-Дам-де-Саль в Бурже, чтобы тот молился Богу и Богоматери, «дабы им было угодно наслать на меня четвородневную лихорадку, ибо на меня напала хворь, от которой врачи говорят, что не исцелюсь без оной, и когда она у меня будет, я сей же час вам сообщу». Месяцем позже, с удовлетворением узнав, что монахи хорошо молились, он благодарил их, настаивая при этом: «Дошло до меня, что есть у вас один подмастерье, благочестивый человек, просите же его молиться за меня».

В феврале 1482 года он благодарил приора реймсского аббатства Сен-Реми и монахов, просивших Бога ниспослать ему исцеление, но и они могут больше: «Нам бы хотелось, если это возможно, маленькую каплю из Святой Ампулы; попытайтесь

извлечь ее из флакона, там, где он есть, без греха и опасности». Он также получил чудесный бальзам, переданный Богородицей святому Мартину, и велел помазать себя и тем, и другим. Казначею Дофине Жану де Во в июне того же года поручили каждую среду отправлять в оплату за молитвы два дара: один в Нотр-Дам-д'Эмбрен, другой в часовню Нотр-Дам-де-Грасс. В конце июля Парижский парламент зарегистрировал основание «коллегии и корпуса каноников» с пятнадцатью сотнями ливров ренты в Сен-Жиль-де-Котантен. Наконец, король подарил аббатству

Сен-Жан-де-Латран золотую цепь в сентябре, а в феврале 1483 года — еще одну, весом в пятьдесят одну марку (примерно двенадцать килограммов).

Людовик XI, без всякого сомнения, верил в чудотворную силу некоторых отшельников и «святых людей». Он поручил Ги де Лозьеру, сенешалю Керси и своему дворецкому, отправиться в Неаполь за Франциском из Паулы. Для калабрийского монаха, славящегося своими чудесами, изготовили носилки, чтобы облегчить ему путешествие, а горожанам Лиона, предупрежденным о его прибытии, приказали оказать ему хороший прием, засвидетельствовать ему почтение и чествовать как самого папу, «ибо мы того желаем из почтения к его особе и святой жизни, кою он ведет». Крестьяне и окрестные жители не посмели ослушаться. Городские консулы отправились встречать святого человека, который сплавлялся по Роне в сопровождении двух дворецких короля, капитана буржской крепости и посланника неаполитанского короля Фердинанда. Ему поднесли яблоки и виноград и достойно препроводили на ночлег на постоялый двор «Грифон». Людовик встретил его в Туре и держал при себе до последнего часа, следя за тем, чтобы с ним хорошо обходились и чтобы он ни в чем не нуждался, в частности, в травах и пастернаке, репе, апельсинах и лимонах, мускатных грушах, ибо отшельник не ел ни рыбы, ни мяса.

Франциск из Паулы в 1452 году покинул свой орден францисканцев и основал орден минимов, которым предписал полную бедность и великое воздержание. Король помог ему основать монастыри в Амбуазе и Плесси-ле-Туре и многое сделал для водворения минимов в нескольких других городах; в мае 1483 года он написал эшевенам Абвиля, чтобы отблагодарить их за хороший прием, оказанный капелланам и «ораторам» братьев-минимов, «монахам правильного устава... коего мы являемся основателем, покровителем и защитником их привилегий»; он просил раздавать им такую же милостыню, как и другим нищенствующим орденам в городе, особенно «подаяние на гроб».

Весной 1482 года, ослабевший и больной, король, преодолевая усталость, отправился в Сен-Клод в горах Юры помолиться на могиле Иоанна Гентского, святого человека, тоже славящегося своими чудесами. В память о нем Людовик «неоднократно подавал милостыню и многие деньги... а также оклад из позолоченного серебра, красивый и почтенный». Он хорошо об этом помнил и через несколько месяцев, осенью, написал якобинцам из Труа, утверждавшим, что Иоанн Гентский, умерший в 1419 году, был похоронен в их городе, чтобы в точности узнать место погребения. В письме он напоминал, что за несколько недель до своей смерти «сей святой отшельник» предсказал дофину Карлу (Карлу VII) победу над англичанами и рождение сына (Людовика XI). Говорят, что он тогда отправился к английскому королю Генриху V, чтобы побудить его заключить мир, иначе говоря, отказаться от притязаний на французский престол. К папе Сикусту IV король отправил доминиканца Пьера Форже, инквизитора из епископства Труа, чтобы ускорить канонизацию отшельника Иоанна, «сотворившего много благих дел к укреплению веры нашей... и много великих чудес», в частности изгнание англичан.

Монахам из Сен-Клода он уступил «ради благополучия и здоровья его особы и дофина» несколько кастелянств в Дофине, соляные склады в Бриансонне, делопроизводство в Валентинуа и Диуа, а также дорожные сборы в Монтелимаре. Он хотел знать обо всем: «Скажите же нам, готов ли ковчег для мощей монсеньора святого Клода, и покоится ли в нем его славное тело, и в каковой день оно было туда положено, дабы мы могли это отпраздновать»; соблаговолите оповестить нас о том через нарочного и сообщите также, какова длина и ширина «дверец, через которые можно приложиться к раке монсеньора святого Клода».

2. Безумный король: еще одна легенда

То, что король в те годы почитал святые реликвии, не вызывает сомнений. Об этом свидетельствуют предпринятые им шаги и многочисленные письма. Однако только злонамеренные авторы, насмешники или несведущие люди могут этому удивляться и представлять его святошей, предающимся каким-то страхам, выжившим из ума, впавшим в своего рода старческий маразм. Задолго до него, в самом начале истории христианства (а также других религий и верований), люди приписывали большую силу святым мощам и стремились к ним, зачастую тратя много сил, денег и идя на большие жертвы и серьезный риск. Когда

венецианцы и генуэзцы пришли на помощь франкским «паломникам» во время Первого крестового похода, их первым успехом, благодаря которому они с триумфом вернулись домой, стало то, что они привезли с Востока святые реликвии. И только со второго раза они занялись налаживанием торговли. Святой Людовик, король Франции, над которым никогда не насмехался ни один современный ему автор и ни один более поздний историк, приобрел за золото терновый венец Христа и щепку от Креста Господня. Их прибытие в Париж в 1239 и 1241 годах было встречено крестными ходами и благодарственными молебнами, в которых участвовали все сословия и общины города и представители властей — Церковь, Университет, Парламент, эшевены, цеховые старшины. Для хранения этих реликвий, а также орудий страстей Христовых, привезенных в 1242 году, король велел выстроить великолепную Святую Часовню — Сент-Шапель, освященную в 1248 году папским легатом и архиепископом Буржским как раз перед его отъездом в Крестовый поход на Восток. Иоанна Беррийского, богатого владыку и большого мецената, жившего много позже, нам не показывают предающимся благочестию, молитвам или размышлениям. В наших учебниках он представлен, скорее, покровителем художников, собирателем редких, ценных, экзотических, даже причудливых вещей. Почему же не упомянуть о том, с каким необычайным старанием он собрал невероятное количество реликвий, от самых ценных до самых незначительных?

При Людовике XI ничто не изменилось, и напрасно было бы искать принца или вельможу, свободного от смешного «обскурантизма», о котором столь охотно говорят наши сочинители учебников; государя, который действовал бы иначе и не интересовался бы святыми мощами, не тратя на них времени и молитв. Король Рене, герцог Анжуйский и граф Прованский — «добрый король Рене», — был, конечно, просвещенным меценатом, другом художников и поэтов, а также любителем игрищ и праздников; нам говорят, что он умел наслаждаться жизнью и велел посадить в Провансе виноград сорта «мускат»... Все это верно, однако он своей рукой написал благочестивые произведения, например «Укрощение тщетного наслаждения», «воссоздал» мощи святой Марии (и не одной!) и посвятил им храм.

А новые времена? Где те независимые и вольные умы, которые оставили позади «мрак Средневековья»? Принять на веру некоторые клише снова значило бы допустить ошибку. Скептик и великий реалист Монтень поклонялся в Италии святым мощам в разных церквах. Он лично убедился в том, что его обетные дары

церкви Богоматери в Лоретте выставлены на виду. Да и «неверие» Рабле было лишь мифом, созданным комментаторами его произведения — дурными читателями, придерживающимися «правильных» позиций. На протяжении всего «нового» времени художники, нанятые разными людьми или общинами, постоянно изготовляли ковчеги, монстрации и раки, от которых теперь, после революционного террора 1791—1794 годов, сохранилась лишь малая толика в сокровищницах церквей.

А в наши дни? Выставлять благочестие на посмешище, словно пережиток иной эпохи, даже иной культуры, является, конечно, хорошим тоном, но и признаком невежества или глупости, а то и обоих вместе. Кроме того, это значит плохо знать свою эпоху. Политические или литературные «паломничества» в дома и к могилам «великих людей» еще никогда не вызывали такого рвения, не собирали столько «святош» из разных слоев общества. И это в то время, когда платья, меха, драгоценности или предметы домашнего обихода какой-нибудь принцессы, герцогини, «звезды» экрана уходят с аукциона — настоящей мирской мессы — по ценам, выходящим за рамки разумного!

Молитвы и благочестие Людовика XI, особенно в преддверии смерти, не были ни чем-то особенным, ни чем-то безрассудным. Для него, как и для его современников разных сословий, поддерживать в себе надежду и молиться об избавлении от страданий и болезни было обычной отдушиной. Он не выжил из ума и совсем не изменился в последние годы. На протяжении всей его жизни пожертвования церквам часто сопровождались просьбами помолиться за его здоровье или за здоровье его близких. Зимой 1469/70 года его верные подданные читали девятины и совершали паломничества к святым местам, чтобы королева Шарлотта родила сына. Она вверила себя покровительству святой Петрониллы, римской девственницы, а король, со своей стороны, пообещал церкви Нотр-Дам-дю-Пюи дар из серебра, который весил бы столько же, сколько новорожденный дофин; и действительно, сразу после рождения сына он выплатил двадцать тысяч золотых экю. Годом позже юный Карл заболел, и его родители принесли Петронилле обет: если он выздоровеет, отстроить часовню в ее честь при соборе Святого Петра в Риме. Когда опасность для жизни ребенка миновала, Людовик послал тысячу двести экю для проведения этих работ и передал римским банкирам суммы, необходимые для содержания двух капелланов. В то же время, сраженный болезнью и тревожась за себя самого, он велел купить сто шестьдесят четыре фунта воска, чтобы изготовить по обету свое изображение, которое приказал установить в знак своего

благочестия перед алтарем церкви Святого Мартина в Канде. В апреле 1475 года, снова подхватив болезнь, кото-рая не вызывала у него пока большой тревоги, но сковывала его деятельность, мешая передвижениям, он попросил монахов Нотр-Дам-де-Саль в Бурже молиться за него; просьбу сопровождало заманчивое обещание: «Скажите мне, сколько потребно денег для красивой церковной ограды».

Потом дофин Карл снова заболел, и король дал обет снова преподнести Богу серебро на вес своего сына, если тот выздоровеет. Немного спустя Жан Бурре сообщил, что юный Карл здоров. В выполнение обета пришлось набрать сто тридцать две марки серебра (около тридцати двух килограммов), что составляло, если брать по десять ливров и пять су за марку, восемьсот сорок четыре экю. Король быстро велел доставить восемь сотен, не требуя «уведомлений». В то же время он преподнес колокол церкви Сантьяго-де-Компостела и засыпал подарками каноников из Кёльна, чтобы, вернувшись в свой город, они молились блаженным волхвам, покровителям новорожденных и малых детей.

Эта милостыня не была поступком наивного человека, способного поверить чему угодно. Добрый христианин, он не подвергал сомнению силу подлинных реликвий, однако, будучи проницательным, подозрительным и порой скептическим, столь же осторожным в таких вещах, как и в политике, он не собирался выслушивать небылицы. Его панический страх, о котором столь охотно говорят Коммин и некоторые другие, не заставлял его совершать непродуманных или нелепых поступков.

Он долго благодарил Лоренцо Медичи за то, что тот подарил ему (наверное, в оплату за союз) кольцо святого Зиновия, епископа Флоренции в IV веке, друга святого Амвросия; и тем не менее он тревожился: скажите нам, взаправду ли это то самое кольцо, что святой обычно носил при жизни, и какие чудеса оно сотворило, не излечило ли кого, и если излечило, то кого именно, и как его следует носить. В августе 1479 года король молился в Аваллоне пред главой святого Лазаря, а в октябре прислал двух ювелиров, чтобы они сняли мерки для изготовления золотого ковчега. Но вскоре после того он узнал, что, по утверждению каноников из Отена, у них хранится все тело целиком. Сбитый с толку и пребывая в нерешительности, Людовик отозвал заказ. Вернулся он к этому делу только в июне 1482 года, потребовав провести расследование. Справьтесь о том, каким образом были доставлены эти мощи, наказывал он, пошлите викариев, поезжайте туда сами и вынесите свой приговор, чтобы никого уже нельзя было ввести в заблуждение. «Нет вины в том, если я имею

великое желание узнать правду».

Ни подаяние, раздаваемое день за днем, ни пожертвования церквам и монастырям, ни почитание драгоценных реликвий или святых отшельников не позволяют думать, что король отличался от своих современников. Как всякий добрый христианин, он прежде всего твердо верил в милосердие Господне и постоянно молил о нем. Он заказал художнику Жану Бурдишону пятьдесят больших свитков, размещенных «в разных местах в парке Плесси», на которых велел написать: «Misericordias Domini in aeternum cantabo»[14]. Государи и их подданные, говорил он, должны в черный час обратиться к Господу и его небесному двору. Его судьба, судьба французской короны и всей страны, исход сражений, поражение врагов, изменников и мятежников зависят не только от доблести и храбрости людей, но и от Божественного провидения. 3 января 1478 года он писал из Плесси епископу Мандскому, напоминая, что папа пообещал триста дней индульгенции тем, кто в полуденный час прочитает три «Богородицы» «ради мира и единения в королевстве». Сообщите же жителям вашего города об этой «Богородице» Мира, отправив глашатаев на перекрестки и площади, через проповеди в церквах и через религиозные процессии, и велите исполнить все точь-в-точь как указано в папской булле. Это письмо, единственное, дошедшее до нас, верно, было лишь одним из многих, разосланных французским епископам. В Париже устроили прекрасную и огромную процессию в честь Пресвятой Девы. Один ученый богослов, уроженец Тура, проповедовал и говорил, что король «особенно доверяет Богородице», и призывал «добрый народ, крестьян и жителей града Парижа, дабы отныне и навсегда в полуденный час, когда прозвонит в соборе Парижской Богоматери большой колокол, каждый бы преклонял колени и читал Ave Maria, дабы мир и согласие королевству французскому ниспосланы были». Некоторые усматривают в этом происхождение молитв к Пресвятой Богородице — Angélus, которые король учредил почти официально по всему королевству.

Он никогда не забывал помолиться или поблагодарить Бога, через богатые дары и торжественные процессии, за победу своего оружия и разгром своих врагов, в особенности герцога Бургундского. 19 марта 1470 года в Бове он отправился в собор помолиться Пресвятой Деве об успехе своего оружия и «славном мире». Король велел воздвигнуть алтарь, посвященный Богоматери Мира, со статуей Мадонны с младенцем, и с тех пор всегда называл капитул этого собора «капитулом Богородицы Мира». Он вернулся туда шестью годами позже, подарил три тысячи ливров и велел добавить статую святой Анны. В 1793 году

долго хранившаяся статуя Пресвятой Девы была признана изображением богини Разума, а младенец, на которого надели красный колпак, должен был изображать «французский народ, раздавивший чудовище тирании».

В 1476 году, после встреч в Лионе, где он подчинил своей власти Рене Анжуйского, Людовик узнал о поражении Карла Смелого от швейцарцев под Муртеном и тотчас «отправил деньги в разные места, где почитают блаженную и достославную Пресвятую Деву Марию», в частности в Нотр-Дам-дез-Арденн.

Раз в неделю он принимал золотушных и дотрагивался до них, после того как их осмотрит врач и отсеет тех, кто страдает иными заболеваниями. В этом он четко следовал традиции и отвечал ожиданиям: «Когда короли Франции хотят прикоснуться к золотушным, они исповедуются, и наш король всегда это исполнял. Если другие этого не делают, они поступают дурно, ибо больных всегда много».

Это было не только государственным долгом и соблюдением традиции: он твердо верил в способности некоторых людей и в чудесные исцеления. Тесно связанный в самом начале своего правления с Карлосом де Вианой, инфантом Арагонским и Наваррским, Людовик утверждал, что тот, милостию Божией, обладает даром облегчать страдания бесноватых и золотушных. Вскоре после его смерти, в письме, адресованном каталонцам, Людовик ясно намекал на чудеса, уже свершившиеся на его могиле, и не ставил их под сомнение. Король Франции согласился тогда подтвердить культ дона Карлоса, не одобренный ни Римом, ни каталонскими епископами, и на протяжении более двух веков дон Карлос пользовался большим почитанием, в частности, в монастыре Поблет.

3. Не шарлатаны, а врачи

Для себя самого, для своих рискованных предприятий и борьбы с болезнью король никогда не использовал средств, которые осудила бы Церковь, и обращался за помощью только к Богу, Пресвятой Деве и святым. Он явно не был склонен просить помощи у демонических сил или верить в тайные снадобья, изготовлявшиеся в подозрительных аптекарских лабораториях.

Симон де Фарес, составитель сборника трудов всех знаменитых астрологов того времени, говорит, что король всегда относился к их писаниям и предсказаниям с большим недоверием, чем его предшественники — Карл V и Карл VII, и что он обладал более независимым умом. Людовик предоставлял им небольшие пенсии и не следил за их исследованиями. И в самом

деле, королевские астрологи (мэтр Арну, Манассес Валенсийский, Пьер де Сен-Валериан) никогда не выходили на первый план. Их «медицинский альманах» — труд по астрологии и астрономии — был своего рода лунным календарем, в котором указывались благоприятные дни для кровопускания и очищения кишечника.

При дворе короля Людовика врачи не были, как в других странах и позднее во Франции в эпоху Возрождения, врачами-астрологами, которые советовались со звездами, а были сплошь практиками. Король доверял наукам, преподаваемым в Университете. Он справлялся о лекарствах, спрашивал совета, доверял тому, что предписывали ему ученые врачи, и тут уже не скупился. Зимой 1480/81 года, когда он еще не был серьезно болен, выплаты аптекарям меньше чем за три месяца составили 935 ливров как за снадобья, слабительные и пряности для короля, так и за лечение собак, а также за лекарства для нескольких вельмож и больных людей, излеченных королем.

В 1471 году Людовик писал Жану де ла Дриешу, председателю Счетной палаты, чтобы тот одолжил ему для снятия копии один из медицинских трактатов Мухаммада Рассиса (Разеса), персидского ученого, жившего около 1000 года; это мог быть либо «Трактат об оспе и краснухе», уже переведенный с десяток раз на латынь, либо его учебник по медицине, переведенный Жераром из Кремоны в XII веке, либо его записные книжки, переведенные в 1279 году по просьбе Карла Анжуйского. Дриеш, у которого не было никакого «Рассиса», обратился к магистрам медицинского факультета из Парижского университета, которые согласились некоторое время обходиться без своего манускрипта. Но, по их словам, это было «самое прекрасное и самое ценное сокровище факультета», и они не пожелали расстаться с ним, не получив в залог серебряной посуды и иных вещей. Десятью годами позже люди короля уплатили десяток ливров Реньо Фюллолю, писцу и иллюстратору, проживающему в Туре, за то, что он переписал на девяти пергаменных тетрадях несколько глав из «Книги Расса» и небольшой трактат «De Regimine»; а также за то, что расписал несколько букв сусальным золотом и лазурью, а затем переплел все тетради в книгу, покрытую алым бархатом. Трактат «De Regimine Sanitatis Salemitaturn»[15] (произведение одного магистра из университета Салерно), впервые переведенный на французский язык в Лионе, был тогда в большой чести у государей, которые стремились иметь его в своей библиотеке в подспорье своим врачам. В следующем году Людовик велел переписать «Практику» Жана Пасиса, декана университета Монпелье.

В отличие от времен Карла V врачи Людовика приезжали не

из Италии или Каталонии, а обучались и практиковали в Монпелье. Самый знаменитый из них, Адам Фюме, уроженец епископства Байе, студент, а затем профессор медицинского университета Монпелье, долгое время был лейб-медиком Карла VII; затем он, наверняка напрасно, был заподозрен в намерении отравить короля, предписывая ему дурные снадобья, и его заключили в башню Буржа. Став королем, Людовик его освободил и сделал своим постоянным врачом, как и Деодата Бассоля, служившего его отцу. Робер из Пуату, выпускник университета Монпелье, лечил Марию Анжуйскую и, вместе с Робером из Лиона, тоже получившим образование в Монпелье и призванным ко двору с двумя своими однокашниками, обеих супруг Людовика — Маргариту Шотландскую и Шарлотту Савойскую.

Людовик XI всегда внимательно следил за делами этого университета. Он провозгласил себя его покровителем и регулярно вмешивался, чтобы утвердить там верных себе людей. В 1470 году он поручил четырем комиссарам, в том числе епископу Пюи, провести расследование о том, как проходили выборы канцлера в прошлом году; в конечном счете выборы были отменены, а канцлером назначили Деодата, протеже короля. Людовик окружал себя лишь теми людьми, которые были известны своими познаниями и успехами, выбирал их сам и призывал к себе. В 1480 году он вызвал Жана Мартена, который учился в Монпелье в «Коллеже двенадцати врачей», основанном в XIV веке папой Урбаном V, и терял терпение, тревожась от того, что тот никак не приедет, тогда как он так долго его ждет.

Под конец своей жизни, сильно ослабев и ужасно постарев, король не желал показываться на людях. Он страдал от болей, все более сильных приступов подагры и от кожного заболевания, которое некоторые современные авторы считают опоясывающим лишаем, и искал спасения только в религии и в обычной помощи своих врачей — не шарлатанов, прибывших издалека в ореоле чудесной и сомнительной славы, а людей науки, взращенных на родине.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Долгое время история предпочитала оценочные суждения и старалась заключить личность королей или принцев в одну-единственную формулу. Эти ярлыки остались в памяти: для французских королей — Добродушный, Благочестивый, Толстый, Красивый, Сварливый или Мудрый; для герцогов Бургундских XIV —XV веков — Бесстрашный, Добрый, Смелый. Людовика XI в наших учебниках не снабдили никаким прозвищем. Неужто этот человек казался современникам и потомкам таким бесцветным? По правде говоря, он занимает очень необычное положение в самых обычных утверждениях, которые противопоставляют королей «средневековья» королям «современной» эпохи. Во Франции он стал одним из первых героев этой «современности», что привлекло к нему больше внимания со стороны авторов, стремящихся подчеркнуть разрыв между государями, приверженными «рыцарским» идеалам, но плохими политиками, и реалистами, оправдывавшими любой свой шаг пользой государства или своей собственной (одно часто смешивалось с другим). В общем, Людовик — предтеча, способный править иначе, чем его предшественники, потрясать устои и обновлять правила игры.

Предтеча —да, конечно, но неясный, ибо он, очевидно, еще не совсем выбрался из мрака «средневековья» и не зажег сияющие светочи Возрождения. Мы никак не можем отделаться от образа короля на рубеже двух эпох, бегло набросанного еще в 1938 году Эрнестом Лависсом, который признал за ним тонкое политическое чутье и образцовое искусство обмана, но напомнил, что по силе своих страстей он принадлежал к своему времени. То есть выходит, что «средневековому» человеку от природы были свойственны сильные чувства, не подвластные рассудку. И Лависс добавляет, что Людовик «был тесно связан со Средневековьем через идеи, внушенные ему воспитанием, в частности, своими религиозными воззрениями». Не вера, не убеждения, а «религиозные воззрения»... Неслучайный подбор слов. В общем, все было сказано, и мало кто захотел возразить. Гораздо позже, в 1975 году, в подзаголовке книги Госсена — замечательного исследования эпохи Людовика XI — значилось пояснение главной мысли: «Король меж двух миров». Надо заметить, что, если просмотреть сегодняшние книги, людей «меж двух миров» целые полчища.

Но эти два мира — «средневековый» и «современный» — всего лишь порождения ума, совершенно искусственные,

возникшие из любви к классификациям, из желания противопоставить одну эпоху другой, обозначить разломы или «мостики». Они не соответствуют ничему, что можно четко определить или установить хронологически. Кватроченто (в каком году она начинается и заканчивается?) не отличается от других времен ни значительными изменениями, ни даже ясно определимым переходом. Жак Бенвиль справедливо сказал в одной назидательной фразе, что «все эпохи являются переходными».

1. Государственный муж?

«В общем, это был король, который хотел только властвовать». Николь Жиль, выдающийся гуманист, нотариус и секретарь короля, нашел точные слова. Это не было злословием, напротив; в политике, как и во всех других делах, важно отвечать ожиданиям и хорошо делать свое дело. Людовик охотно занимался своим ремеслом, неустанно трудился, старался и не останавливался ни перед чем. Не кабинетный политик, а авторитарный деятель. За более чем двадцать лет он всего один раз созвал Генеральные штаты, и то лишь, чтобы утвердить свои решения, чтобы взять верх над противником. Парламент не внушал ему большого уважения, и он не стеснялся сообщать ему свою непосредственную волю. Любое сопротивление было для него неприемлемым, и выжить могли только те, кто служил ему беспрекословно. Мало кто из государей до него и в его время грозили столь ужасными карами при каждой задержке или проволочке — опала, позор, судебный процесс, ведущийся специально назначенными комиссарами из числа верных людей и отъявленных врагов подозреваемого, даже его должников.

Он хотел все знать и всем заниматься, был способен вынести решение без промедления и задержки. Пусть обращаются с малейшим вопросом прямо к нему, без обходных путей и уловок, лишь бы ничто не оставалось в тени. Человек, говорящий слишком много слов и принимающий избыток предосторожностей, казался ему либо посредственностью, либо обманщиком: «У меня женская натура: когда мне что-нибудь говорят непонятными словами, я тотчас хочу знать, в чем тут дело». Многие законники, поднаторевшие в длинных речах и искусстве скрывать главное, его раздражали. Он постоянно требовал точных донесений, цифр, «уведомлений»; ему нужны были подтверждения или конкретные результаты. Заставлять его ждать и излагать ему дело шаг за шагом значило водить его за нос.

Король говорил ясно и не выбирал выражений, громко отчитывал и без труда находил слова, причинявшие боль или взбадривавшие умеренных. Отсюда эта грубость, даже вульгарность, часто свойственная его тону. Можно посчитать его резким, жестоким и получающим от этого удовольствие. В 1480 году сенешаль Пуату спросил у него, как наказать некоего Юссона, который без всякого права утверждал, что является королевским уполномоченным, и «чинил многое зло». Людовик такого не знал («Кто таков этот Юссон?»), но знал, что он с ним

сделает: «Пришлите его ко мне, связанного по рукам и ногам и под надежной охраной, дабы не сбежал»; пришлите мне также сведения, свидетельствующие против него, «чтобы подготовить свадьбу этого пройдохи с виселицей».

Властвовать и побеждать! Прежде всего совладать с самим собой: «Гораздо труднее уметь управлять своей волей, нежели повелевать миром от Востока до Запада». И держать своих людей в кулаке, чтобы оставались верны любой ценой: «Должно многое сделать, дабы иметь добрых судей и воевод, скромных и мудрых, сильных, честных и справедливых». Разумеется, не строя себе иллюзий: «Поелику нельзя сыскать людей, обладающих всеми добродетелями, ведь не каждая белая птица — лебедь, пусть будут хотя бы верными, честными и надежными и не польстятся на мзду».

Отличался ли Людовик, король Франции, по своей природе от других государей того времени? Предпринять «антропологическое» исследование этой личности наверняка возможно и даже занимательно. По меньшей мере, для того, кто знает, как это сделать, и хоть немного доверяет попыткам, которые много лет назад считались передовыми, а теперь могут выйти из моды. Для этого нужен особый та-лант. Однако не мешает вспомнить хотя бы о стечении обстоятельств, способствовавших политическому образованию Людовика — дофина, а потом короля. Он несколько лет прожил в Дофине и беспрестанно создавал союзы или затевал интриги в Италии, находился в курсе политической борьбы и заговоров, посылал на Апеннины посольства и представительства. Он сохранил близкие отношения со своей матерью Марией Анжуйской, дочерью Людовика II и сестрой короля Рене — двух людей, которые, сначала один, а потом другой, думали лишь о завоевании королевства Неаполь, отправлялись в походы во главе своих войск и искали себе сообщников, в частности, во Флоренции. После Людовика VI, женившегося в 1115 году на Аделаиде Савойской, Людовик XI стал первым из французских королей, взявших в жены девушку из итальянской фамилии. Хотя герцоги Савойские и не играли на Апеннинах, в лигах и конфликтах да и в меценатстве такой большой (или столь же хорошо известной) роли, как другие правители или так называемые торговые «республики», роль их все же была значительной. Бонна Савойская, сестра французской королевы Шарлотты, в 1468 году вышла замуж за Галеаццо Сфорца; став в 1476 году опекуншей своего юного сына Джан-Галеаццо, она вступила в суровую и кровавую борьбу с Лодовико Моро — борьбу, в которой Людовик XI выступал арбитром, на самом деле стремясь навязать свое

решение.

То, что Шарлотта не оказывала никакого влияния на короля, еще надо доказать, ибо хронисты и историки постоянно о ней забывали, и мы практически ничего не знаем о ее деятельности. Однако интерес короля к ее семье не вызывает никакого сомнения: он из кожи вон лез, чтобы пристроить девушек как подобает. Агнесса, сестра Шарлотты, в 1466 году вышла замуж за Франсуа Орлеанского, сына Дюнуа и Марии д'Аркур, а другая сестра, Мария, — за Людовика Люксембургского, графа де Сен-Поля. Их брат Амедей IX, герцог Савойский с 1465 года, женился на Иоланде, сестре короля Людовика, а мир между Неаполем и папой с одной стороны и Медичи с другой был заключен только благодаря брачному союзу, устроенному королем, между Анной, дочерью Амедея и Иоланды, и Фредериком, сыном неаполитанского короля Фердинанда.

Можно ли понять политику Людовика XI, его манеру вести дела, не обратившись к его связям с Италией? По словам одного миланского посла, «складывается впечатление, что он всю жизнь прожил в Италии и был там воспитан». Хотя он ни разу там не бывал и не водил туда армию, он конечно же многому научился у итальянских правителей, заочно «посещая» их дворы посредством писем и своих посланников. Искусство вести переговоры, умалчивать и обольщать, которое признавали за ним все его современники, выражая по этому поводу восхищение, горечь или презрение, было не слишком свойственно французским государям. Так же как и склонность не придавать большого значения данному слову и вести игру без всяких правил и всякого стыда.

Макиавеллизм? Без всякого сомнения... Просто удивительно, что маленькая книжица Никколо Макиавелли «Государь», законченная в 1513 году, имела такой успех (правда, запоздалый), ведь автор говорит в ней самые обычные вещи. Книга написана довольно путано, и из нее в основном вынесли уроки цинизма: следует ли в самом деле держать свое слово? Ведь государи, совершившие великие дела, лучше всех умели обманывать своих соседей и хитростью оплетать умы людей. Те же, кто лишь хочет «строить из себя льва» и ни в чем не знает толку, не имеют никаких шансов на победу. Нужно всегда скрывать свои мысли, «расцвечивать» свои слова и рассчитывать на безграничную людскую наивность: «Обманщик всегда наткнется на кого-нибудь, кто его проведет». Разумеется... Но непонятно, как Макиавелли может делать вид, будто сам все это открыл, и принимать за образец своих современников — Цезаря Борджа и папу Александра VI («который только и делал, что

водил всех за нос»), тогда как столько людей в Италии гораздо раньше с блеском овладели этим ремеслом. В портретном ряду государственных деятелей — расчетливых, оправдывающих все свои подлые маневры конечным результатом, — король Людовик занимает свое место по праву; он мог бы стать источником вдохновения для автора какого-нибудь «Государя», трактата о политическом искусстве, имел все шансы появиться на свет почти за полвека до макиавеллиевского.

Из Италии он вынес и другой урок — жестокой, беспощадной войны, полной противоположности войнам феодалов прошлого, волей-неволей вынужденных щадить слабых и бедных. Теперь война, недорогая и бесчестная, настигала все население — женщин, детей и беззащитных мужчин. За примером, разумеется, следует обратиться к кровавым конфликтам, которые, особенно в Италии XIII века, вспыхивали каждый раз между разными партиями, стремящимися захватить власть и полностью истребить противника. Нанимать профессиональные войска (в том числе кутильеров), чтобы сжигать поля и дома, вырубать виноградники и фруктовые сады, становилось обычным делом. А еще — в вечер после победного штурма перебить осажденных, обращаться с побежденными врагами как с мятежниками, изменниками и предателями, повинными во всех грехах, которых следует отлучить от Церкви, унизить и покарать без всякого удержу. Об этих буйствах в летописях говорится без утайки, и короля называют их главным распорядителем. Зато История о них умалчивает. Боясь, что ей придется, осудить эту «современность», которой было уготовано столь великое будущее?

2. Литератор и меценат?

Было бы чудовищным заблуждением представлять Людовика XI тупицей и невежественным человеком, одержимым своими государственными обязанностями и вульгарными капризами до полного забвения всего остального. Король являет собой полную противоположность этому вымышленному образу.

Современные ему авторы и позднейшие историки никогда не представляли его «мудрецом», ученым, эрудитом, интересующимся словесностью, подобно Карлу V, или меценатом, покровителем изящных искусств и великим строителем, подобно герцогу Иоанну Беррийскому или королю Рене, графу Прованскому. Но это не означает, что он пренебрегал и тем, и другим. Кстати сказать, репутация двух вышеназванных государей основана на самой малости — чаще всего на отзыве одного-единственного современника, на удачной фразе, переходящей из книги в книгу, или же на случае, по воле которого сохранились те или иные манускрипты или те или иные картины. Некоторые государи или вельможи, тоже меценаты, и притом заслуженные, остались в тени, поскольку собранные ими диковинки и сделанные ими заказы не столь известны. Кроме того, великих «политиков», вершителей игры, завоевателей и собирателей земель, неохотно называют истинными ценителями литературы и искусства. Установилась традиция: мы представляем их себе одержимыми амбициями, занятыми управлением своими владениями, расширением границ путем смелых и упорных военных походов, а их интерес к вещам духовного порядка редко становится предметом настоящего исследования.

Первый и самый важный сборник новелл на французском языке — «Сто новых новелл» — был составлен в 1458— 1460 годах, вероятнее всего, в замке Женапп, где изгнанник дофин Людовик был тогда гостем бургундцев. Во время приездов Карла, графа де Шароле, который тогда неохотно посещал круг придворных своего отца, герцога Бургундского Филиппа Доброго, там собирался своего рода литературный кружок. В общем, аристократический кружок друзей, которые, как они говорили, предавались игре ума, чтобы одолеть скуку и ожидание. Каждую «новеллу» по очереди представлял рассказчик, неизменно упоминаемый составителем сборника, оставшимся неизвестным. Дофин, выступающий под именем «монсеньор», рассказал, по меньшей мере, восемь (в некоторых изданиях ему приписывают еще три). Среди близких ему людей, оставшихся верными в

изгнании и впоследствии щедро вознагражденных, новеллы сочиняли Антуан де Шатонёф, Жан де Монтепедон, отправленный с поручением к королю Карлу в 1460 году, и Жан д'Эстье, сеньор де ла Бард, назначенный сенешалем Пуату в 1462 году.

«Сто новых новелл», очевидно, были созданы под влиянием «Декамерона» Боккаччо, переведенного в 1414 году, по просьбе Иоанна Беррийского, с итальянского на латынь Ан-тонио из Ареццо, а с латыни на французский — Лораном де Премьефе, а также «Книги фацетий» Поджо (написанной в 1438—1452 годах) — флорентийца, секретаря папы Бонифация IX. «Сто новых новелл» быстро завоевали известность и были отпечатаны в Париже трудами Антуана Верара в 1486 году, всего через год после «Декамерона». В этом издании на иллюстрации на первой странице изображен дофин Людовик, беседующий со своим «добрым дядюшкой» — герцогом Филиппом Бургундским. Никто не спорил с тем, что он сыграл заметную роль в создании этого произведения. Он также стал одним из немногих французских королей, если не единственным, кто выступил в роли соавтора одного из самых популярных литературных произведений своего времени в своей стране.

Позднее, во времена Возрождения, оно послужило источником вдохновения для других. Например, Филипп де Виньёль, мастер из Меца, в своих «Ста новеллах» (1505—1515) ссылался как на Боккаччо, так и на бургундский сборник. Еще большее влияние последний оказал на Маргариту Наваррскую, хотя та в своем предисловии к «Гептамерону» утверждает, что пожелала соперничать лишь с флорентийским рассказчиком, и ни словом не упоминает о женаппской книге. Ее сочинение, оставшееся незаконченным из-за ее смерти в 1559 году и ограниченное семьюдесятью двумя новеллами, вопреки истине, приводится во многих учебниках как одно из самых первых проявлений интереса французов к итальянским поэтам и гуманистам. Историки французской «возрождающейся» литературы забывают, что Маргарита не могла не знать о «Ста новых новеллах», которым было уже почти сто лет. Она даже переписала от себя одну из новелл, рассказанных дофином. Но если следовать схемам, то здесь нет ничего удивительного, поскольку Маргарита вписывалась в интеллектуальное движение Возрождения, тогда как «Сто новых новелл» принадлежали к Средневековью. И множество авторов утверждают, что никто во Франции не проявлял настоящего интереса к Италии до знаменитых войн Карла VIII, Людовика XII и Франциска I.

Рассказчики из Женаппа дали волю воображению и не повторили ни одной из историй Боккаччо. Они черпали сюжеты

из франко-бургундских анекдотов и забавных историй, в которых никогда не упоминалось об Италии. Однако они позаимствовали из «Декамерона» идею о людях, развлекающих друг друга рассказами, и намеренно непристойный тон. В противоположность куртуазным романам, они говорят лишь об обмане, супружеских изменах и неверности всякого рода. Людовик, без всякого сомнения, был в своей стихии: его новеллы озаглавлены «Муж-сводник своей жены», «Ладан дьявола», «Рог дьявола», «Корова и теленок», «Честная женщина с двумя мужьями», «Добродушный рогоносец» и «Стриженая госпожа». Говорить о подобных непристойностях и подлом обмане было для него совершенно обычной игрой. Коммин сообщает, что «чаще всего он трапезничал в полном зале со многими дворянами из ближнего круга. Тот же, кто вел самый лучший и самый похотливый рассказ о гулящих женах, был больше всех обласкан. И он сам вел такие рассказы».

Если почитать свидетельства других очевидцев, перед глазами возникает образ зачастую тривиального человека, во всяком случае, очень обыденного в разговоре, и такой образ обычно и присутствует в наших книгах. Можно ли, однако, предположить, что эта вульгарность, даже грубость в выражениях были свойственны ему по природе? Или же присущи его эпохе? Конечно, нет: авторы эпохи Возрождения не всегда обращались к более тонким источникам вдохновения и не стремились к более благородным выражениям. Боккаччо задал тон, а другие много позже, в самую прекрасную эпоху XVI века и гуманизма, сочинили или переделали множество новелл, историй или фаблио в том же игривом ключе и в том же женоненавистническом тоне, если не хуже. Так, Чосер считал себя учеником Боккаччо («Кентерберийские рассказы», 1526). То же относится к Рабле, Брантому и даже Макиавелли («Устав увеселительного общества», 1513—1520), который в очередной раз взял за основу сюжет о группе мужчин и женщин, вынужденных провести не-сколько дней вместе на вилле под Флоренцией, спасаясь от чумы, и в каждом рассказе говорил об обществе притонов и публичных домов.

Нет никаких оснований утверждать, что король Людовик, стремясь держать свое королевство в ежовых рукавицах и побеждать врагов, не проявлял склонности к литературе и сочинительству. Еще до Женаппа, находясь в полуизгнании в Дофине, он окружил себя умелыми секретарями, юристами и писателями, которые занимались не только тем, что отстаивали его дело и создавали ему славу. По его просьбе Матье Томассен написал в 1453—1456 годах «Историю Дофине». Став королем,

Людовик позаботился оставить на хороших должностях людей, отличившихся своими трудами. Нотариусы и секретари короля, дворецкие и члены Парламента конечно же не были простыми составителями административных актов, занимающимися мелкой работенкой. Матье д'Экуши, автор «Хроники царствования Карла VII», прево Перонна на службе у герцога Бургундского, примкнул к Людовику и сражался рядом с ним при Монлери; назначенный двумя годами позже прокурором в Санлис, в 1467 году, он затем стал хранителем печатей в том же бальяже Санлис. Николь Жиль, нотариус и секретарь в 1473 году, а затем клерк Счетной палаты, исполнявший поручения в Пуату и Флоренции, написал для короля «Анналы и хроники Франции», восходящие до троянских истоков происхождения французского королевства. В соавторстве с Антуаном Вераром он издал «Сто новых новелл» и держал в своем парижском особняке богатую библиотеку.

Король не забывал о том, что читал во время изгнания. Через несколько месяцев после восшествия на престол, в октябре 1461 года, проезжая через Мен-на-Луаре, он велел освободить Франсуа Вийона, посаженного в тюрьму по приказу епископа и герцога Орлеанского. Коммин, не всегда ему потворствующий, явно не преувеличивает, говоря, что он «питал любовь к сочинительству». Помимо тысяч писем, рекомендаций и инструкций, замечательных по стилю, он является автором, по меньшей мере, трех важных произведений — «Наказов» французской Церкви в отношении Прагматической санкции (взятых за образец и включенных юрисконсультом Франсуа Дюареном (1509—1559) в книгу «De sacrus Ecclesie ministeriis et beneficiis»[16]); сборника доказательств, касающихся права королей Франции претендовать на коро-девство Неаполь и Сицилию (который заранее оправдывал вооруженное вторжение, именуемое ныне «Итальянскими войнами»); а главное — «Розового куста войн». В «Розовый куст», написанный в 1482 году (до нас дошло восемнадцать рукописных списков с него, шесть из которых являются точной копией великолепной иллюстрированной книги, предназначенной дофину Карлу), входят календарь, молитвы, собственно «Розовый куст», «Хроника истории Франции» со времен Троянской войны и царя Приама и ряд молитв.

Это сборник «максим», политическое завещание с целью побудить дофина достойно править страной. Некоторые авторы, решительно не желавшие видеть короля писателем, приписывали его врачу Пьеру Куане, кстати, автору морализаторской поэмы «Книга трех возрастов», имевшей большой успех. Но на сегодняшний день все сомнения развеяны: Куане — возможно, компилятор или простой переписчик — писал под диктовку

Людовика XI, который обращается непосредственно к своему сыну («ты придешь царствовать»). Король возвращается здесь в иной, более четкой и прямой форме, к большей части своих «Наказов сыну об управлении королевством», которые он торжественно зачитал 21 сентября 1482 года и которые были зарегистрированы Счетной палатой 7 ноября и Парламентом 12-го.

Существует достаточно свидетельств в пользу того, что Людовик был не пустосвятом, падким лишь до побрякушек и реликвий, а любознательным человеком, стремящимся узнать лично и залучить к себе поэтов, грамматиков и «ораторов» — одним словом, знаменитых гуманистов своего времени. Франческо Филельфо, проживший семь лет в Константинополе и женившийся там на дочери своего хозяина Иоанна Хрислораса, преподавал греческий язык в Болонье, Флоренции, Павии, Венеции и Риме. Он осыпал короля похвалами и посвятил ему один из своих трудов — «De recta puerorum educatione»[17]. Король был из тех, кто хорошо принимал греков, бежавших на Запад: «Многие из образованных людей, изгнанных из оного града (Константинополя. — Ж. Э.) под тиранией турок, бежали к нему и были приняты благосклонно». В их числе — Георгий Клизин, Григорий Тифернас, преподававший в Парижском университете, Гермоним Спартанский, тоже преподаватель греческого, «а с ними иные достойные и вельми ученые люди, которые, поддерживаемые его щедротами, много послужили к процветанию учености в оном Университете».

Через Филельфо, Джакомо Амманати (назьваемого Пикколомини), кардинала Павии, и Донато Аччаюоли — выдающегося эллиниста, игравшего первую роль в «Камальдульских беседах» под председательством Лоренцо Медичи, — Людовик закупил в Италии, в частности, во Флоренции и Риме, множество латинских и греческих манускриптов (Иосифа Флавия, Плутарха, Сенеки). В то время как его отец Карл VII держал в небрежении королевскую библиотеку Карла V, Людовик позаботился о ее пополнении трудами итальянских гуманистов — Бартоломео Пизанского («О соответствии жизни блаженного Франциска жизни Господа Иисуса», «Житие и похвала Пресвятой Деве», «Проповеди о презрении к миру»), Гаспарино из Бергамо, который преподавал в Милане латынь («Трактат о композиции», «Трактат об орфографии», напечатанный в Париже в конце века), Джованни Антонио Кампани, сына простой крестьянки, которая, как говорят, родила его под лавровым деревом (сначала он был пастухом, а потом выучил латынь во Флоренции и греческий в Перудже, умер в 1477 году), а также Родригеса, студента из

Саламанки, епископа Заморы, который, прибыв в Рим вместе с папой Калистом III в 1458 году, пробыл там до своей смерти в 1470 году («Зерцало человеческой жизни» — трактат о морали, отпечатанный в Риме в 1468 году и переведенный на французский язык в Лионе в 1477 и 1482 годах).

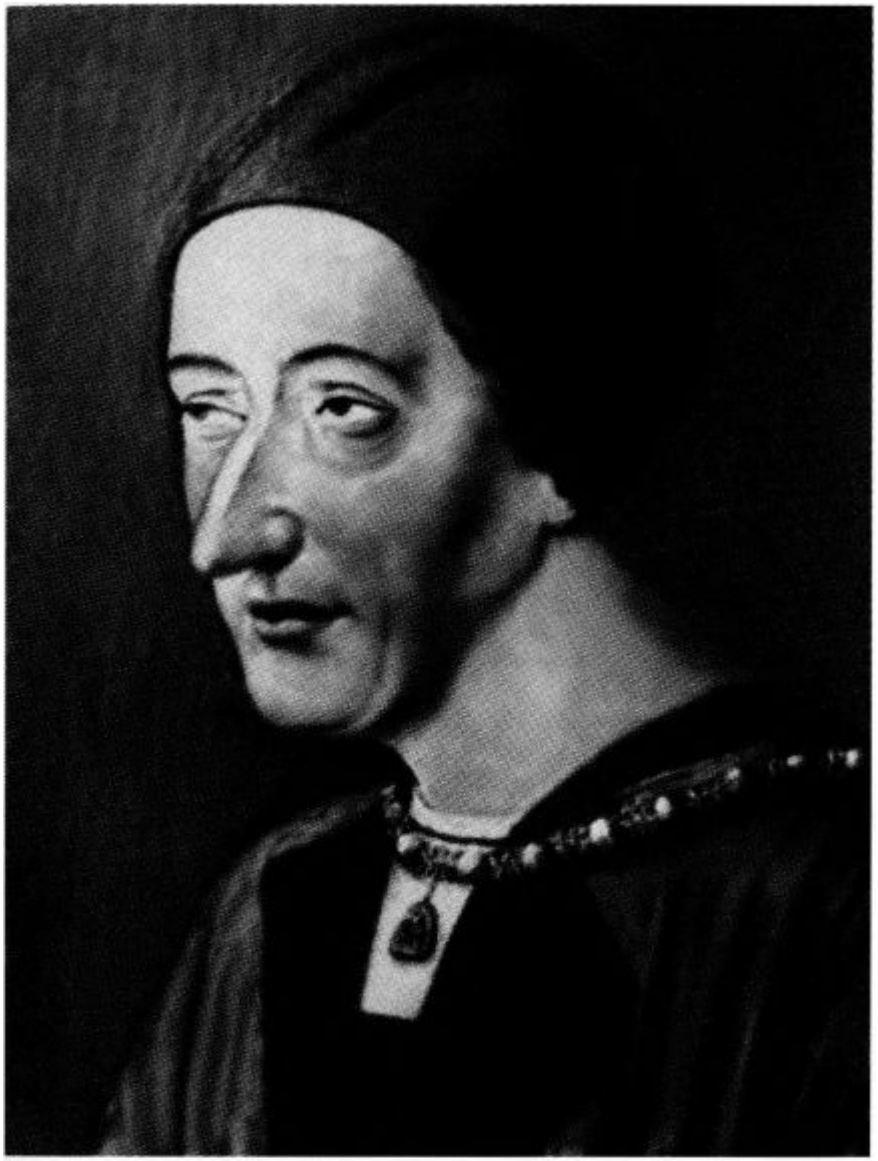
Хранителем этой библиотеки долгое время был Робер Гаген, уроженец Арраса, монах ордена тринитариев. Он изучал латынь и греческий в Париже, был послан в Гранаду для выкупа плененных христиан и поступил на службу к королю, который доверил ему несколько поручений, в частности, в Германии в 1477 году. Гуманист, переводчик Тита Ливия и Цезаря, переписчик Светония и «Энеиды», автор трактата «De arte metrificandi»[18], он рекомендовал своим ученикам изучать Лукреция, Горация и Ювенала. Они с королем придали королевской библиотеке такой блеск, что один итальянский посол назвал ее среди четырех главных достопримечательностей, увиденных им во Франции. У нас нет ни каталога, ни реестра выдачи книг, и мы не знаем, где хранились эти труды. Ясно одно: Людовик держал часть из них при себе даже во время переездов. В 1481 году конюшенным слугам было велено закупить «толстое полотно для оборачивания книг короля, поместить их в деревянный сундук и в бочку и привезти из Мирбо в Тур».

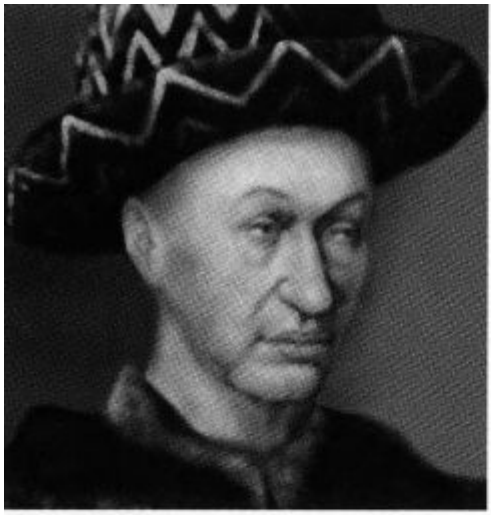
О том, что он призвал в Париж нескольких ученых мужей, оторвав их от трудов и покровителей, говорят нечасто, однако этот факт не вызывает сомнений. Так было с Галеатусом Мартинсом, уроженцем Италии, поселившимся в Венгрии под покровительством короля Матиаса Корвина; с Иоганном Рейхлином, родившимся в Пфорхайме, который учился в Париже, был вынужден вернуться в Германию, сопровождая сына маркграфа Баденского, но тотчас возвратился во Францию, совершенствовался в греческом языке и литературе под руководством Гермонима Спартанского, потом стал лиценциатом права в Орлеане в 1481 году. То же относится к немецким печатникам, набранным в Страсбурге и даже в Риме. Братья Мартин и Михаэль Ульрихи, жившие в гостинице «Золотое солнце» на улице Сен-Жак, напечатали «Перечень сомнений в вере» Бартоломео Пизанского, «Диалоги» Вильгельма Оккама и «Гомилии» святого Григория.

Таким образом, можно присоединиться к мнению Габриеля Ноде — сведущего человека, библиотекаря Мазарини, — который в 1630 году задался вопросом, «по какой причине историки пишут, будто Людовик XI был невеждой»; сам он превозносил короля Франции наряду с такими государями-гуманистами, как Лоренцо Великолепный, Альфонс Неаполитанский и Матиас

Корвин. «По какой причине»? Во-первых, потому, что хронисты, к которым обращаются чаще всего, в том числе Коммин и Жан де Руа, совсем не интересовались воспитанием короля, его познаниями — одним словом, его личностью, и в основном говорили о событиях, войнах и заговорах. Во-вторых, несколько авторов с удовольствием приводили слова короля, который якобы сказал, обращаясь к дофину, что тот будет в достаточной мере знать латынь, если запомнит выражение «Qui nescit dissimulare nescit regnare» («Кто не умеет скрывать, не умеет править»). Но это значило намеренно вырвать фразу из контекста: речь шла лишь о политике и об искусстве управления; кроме того, Людовик (похоже, с полным на то основанием) мог усомниться в желании сына узнать больше. Но этого достаточно, чтобы представить короля «неотесанным, грубого нрава, врагом учености». С другой стороны, нельзя упускать из виду, какой вред принесли репутации Людовика XI враждебные свидетельства, собранные во время бракоразводного процесса Людовика XII, а еще более писатели, состоявшие на жалованье у Франциска I, которые старались составить своему королю репутацию великого мецената и человека тонкого вкуса, совершенно произвольным образом противопоставляя его Людовику XI — удачливому в политике, торжествующему над своими врагами, но неотесанному, невежественному, по меньшей мере, равнодушному к литературе и искусству. Все это сложилось в своего рода заговор против памяти Людовика XI и с целью создания мифа о Людовике XII и Франциске I.

ИЛЛЮСТРАЦИИ И ФОТОГРАФИИ





Карл VII, отец Людовика.

Агнесса Сорель.

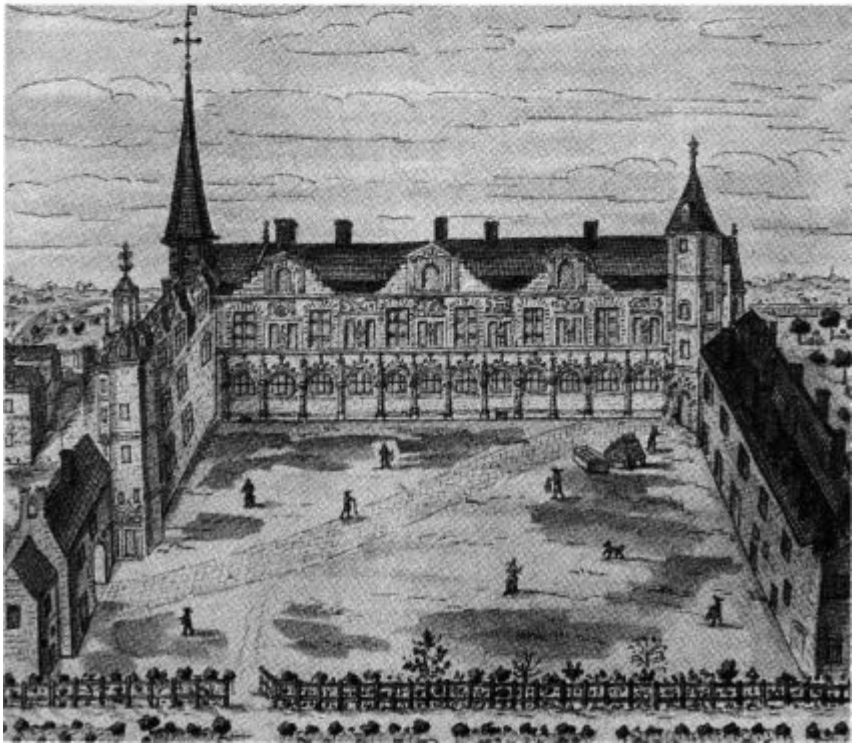
Замок Лош. Донжон.

Надгробие Агнессы Сорель
в замке Лош.

Замок Амбуаз.
Портал церкви Сент-Юбер
и Зал Штатов.

Святой апостол Андрей и герцог Филипп Добрый. *Миниатюра из Бревиария Филиппа Доброго. После 1419 г.*

Плесси-ле-Тур. *Гравюра 1699 г.*



Людовик XI и Филипп Добрый.
Миниатюра Хроники Ангеррана де Монтреле. Конец XV в.

Жан Дюнуа,
бастард Орлеанский,
сын Людовика I Орлеанского.
Изображение из часовни замка Шатоден.

Шарлотта Савойская.

Рене Анжуйский.

Людовик XI. *Медаль, выбитая для Рене Анжуйского.*

Замок Анжер.

Людовик XI в окружении придворных.
Фронтиспис к Уставу ордена Святого Михаила. Миниатюра Ж. Фуке.

Людовик XI навещает плененного герцога де Немура. *Французская гравюра эпохи романтизма.*

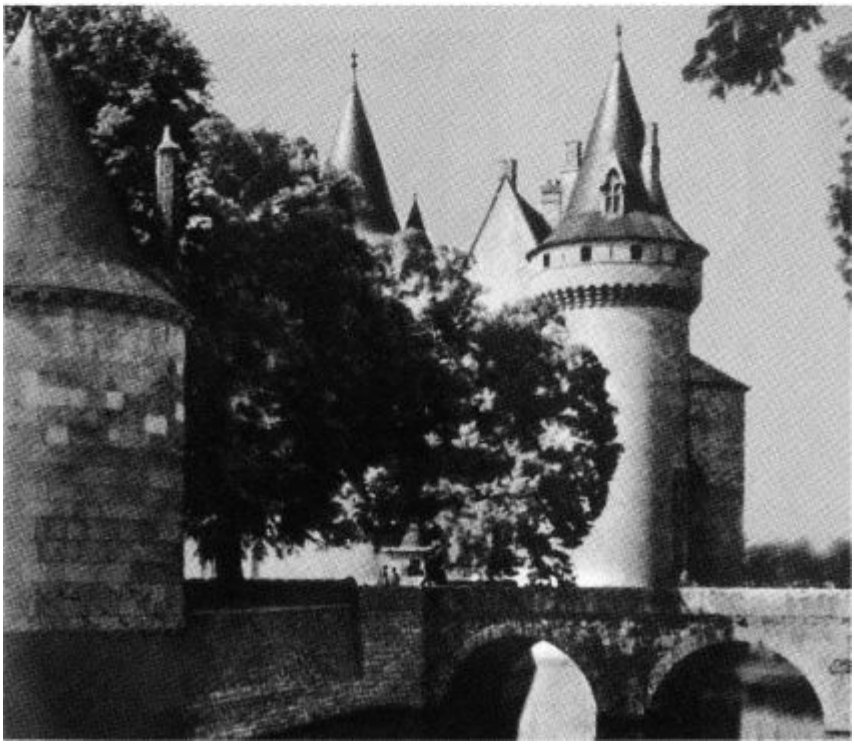
Людовик XI выкупает города на Сомме у герцога Бургундского. *Миниатюра Хроники Ангеррана де Монтреле.*

Карл Смелый.
Копия с портрета
Рогира ван дер Вейдена.

Карл Смелый.
С миниатюры XV в.

Людовику XI подносят в дар сборник «Сто новых новелл». *Гравюра XV в.*

Замок Сюлли. *Вид со стороны Луары.*



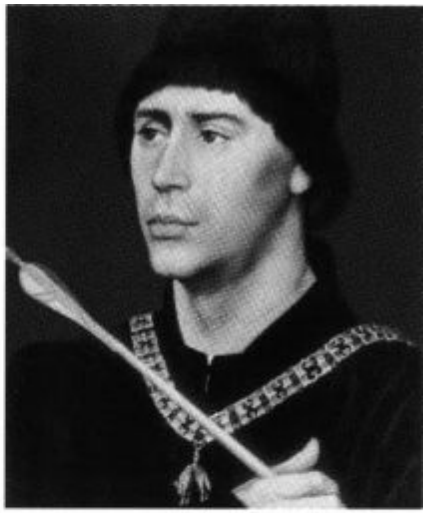
Шарлотта Савойская принимает в дар книгу. *Миниатюра XV в.*

Замок Плесси-Буре.

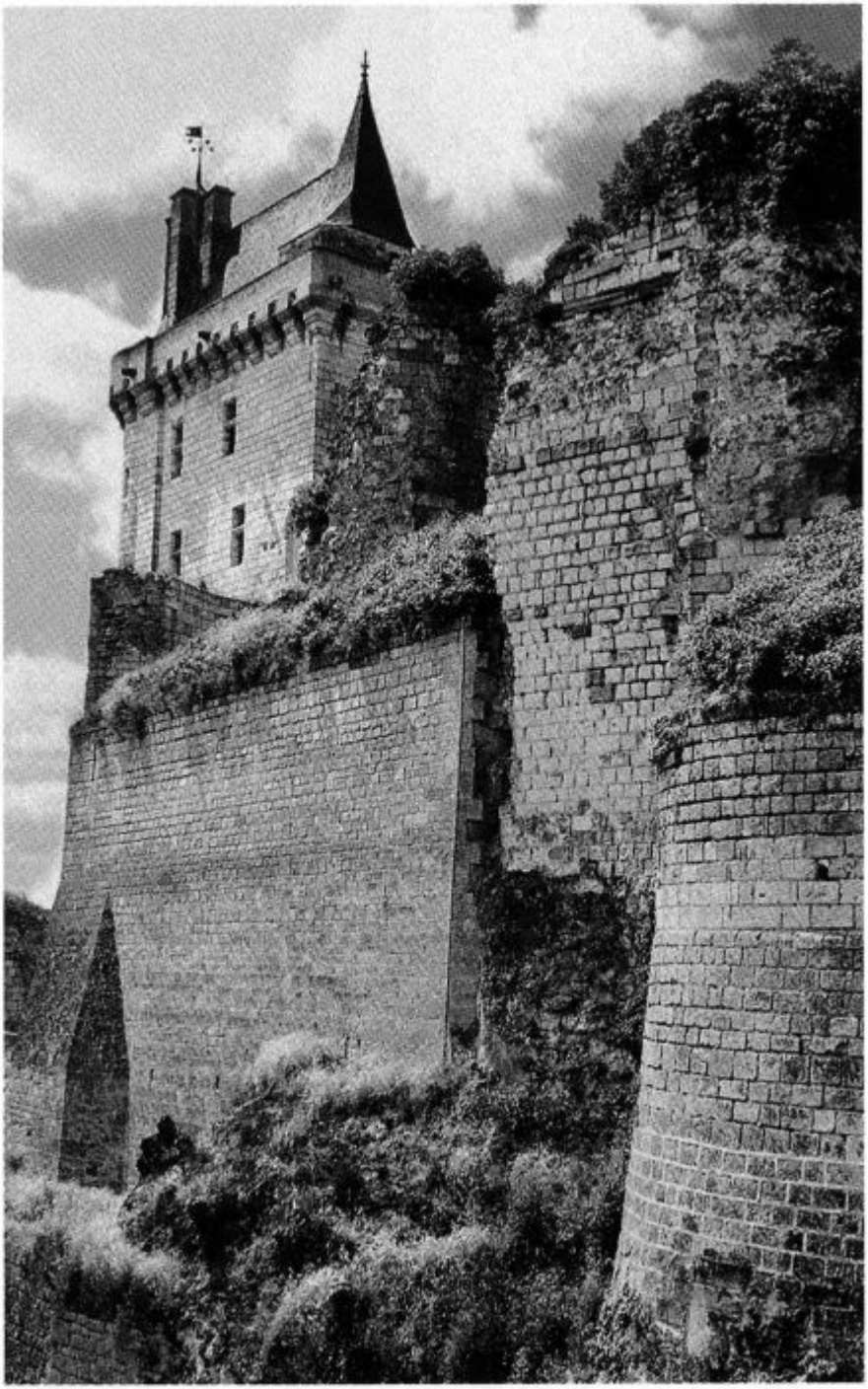
Людовик XI.
Изображение на большой королевской печати.

Портрет Этьена Шевалье со святым Стефаном.
Левая створка «Меленского диптиха».

Рогир ван дер Вейден.
Портрет рыцаря ордена Золотого руна со стрелой.
Около 1460 г.



Мадонна с младенцем.
Правая створка «Меленского диптиха».



Замок Шинон.

Людовик XI. *Гравюра XVI в.*

Людовик XI
на смертном одре.
Миниатюра рукописи
Мемуаров Филиппа де Коммина.
XV в.

Собор Нотр-Дам-де-Клери.

Надгробие Людовика XI
в соборе Нотр-Дам-де-Клери.
Скульптор Бурден. 1622 г.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ ЛЮДОВИКА XI НА ФОНЕ СОБЫТИИ ЕГО ВРЕМЕНИ

1423, 3 июля — рождение Людовика в Бурже.

1429— воспитание в Лоше (Жан Мажорис, каноник из Руана).

1433 — живет в Амбуазе со своей матерью, Марией Анжуйской, и сестрами.

1435, сентябрь — в Аррасе заключен мир между Карлом VII и Филиппом Добрым.

1436, 25 июня — свадьба Людовика и Маргариты Шотландской в Туре.

1436—1437— экспедиция в Лангедок.

1437, 12 ноября — вступление в Париж вместе с королем Карлом VII.

1439, 25 мая — вступление Людовика в Тулузу (генеральный наместник в Лангедоке).

1440, февраль — заговор с Карлом Бурбонским и Жаном Алансонским. Поражение Прагерии.

15 июля — Людовик клянется в покорности отцу.

1441, 5—19 сентября — осада и взятие Понтуаза.

1443, 14 августа — освобождение Дьепа, осажденного англичанами. 1443/44, зима — поход в Комменж против графа д'Арманьяка. 1444 — изъявление покорности графа д'Арманьяка, плененного в Каркассоне.

Апрель — Людовик захватил Родез.

Июль—сентябрь — поход с «живодерами» на швейцарцев.

26 августа — сражение при Сен-Жаке, разгром швейцарцев.

1445, 16 августа — смерть дофины Маргариты Шотландской.

1446, 28 декабря — рождение Карла, сына короля Карла VII.

1447, 1 января — Людовик отправляется в Дофине.

1449— победа при Форминьи и взятие Руана войсками Карла VII.

1450, 2 апреля — свадьба Людовика с Шарлоттой Савойской в Гренобле.

31 июля — арест Жака Кёра по приказу Карла VII.

1453, 14 мая — захват Константинополя турками.

9 октября — взятие Бордо армией Карла VII.

1456, конец августа — королевская армия (Антуан де Шабанн) вступает в Дофине. Людовик бежит в Бургундию.

28 октября — Людовик в замке Женапп.

1458, 10 октября — Жан II, герцог Алансонский, приговорен к смерти.

1459, 27 июля — рождение Иоахима, сына Людовика (он умрет в возрасте четырех месяцев).

1461, 22 июля — смерть Карла VII в Меан-сюр-Иевре.

15 августа — Людовик коронован в Реймсе.

31 августа — торжественное вступление в Париж.

1462, 9 мая — договор в Байонне (между Людовиком XI и королем Кастилии).

Июль — оккупация Руссильона и Сердани.

1463, август — выкуп /ородов на Сомме.

Ноябрь — военный поход Людовика XI (Абвиль, Лилль, Аррас).

1465 — Лига общественного блага.

Март — июнь — поход против герцога Бурбонского.

16 июля — сражение при Монлери.

18 июля — вступление Людовика XI в Париж. Осада Парижа принцами.

5 октября — договор в Конфлане (с Карлом, графом де Шароле).

29 октября — договор в Сен-Мор-ле-Фоссе (с другими заговорщиками).

Декабрь — поход в Нормандию.

28 декабря — договор в Кане (с Франциском II Бретонским).

1466, 16 января — покорение Руана.

1467, начало июня — Уорвик в Руане; встречи.

15 июня — смерть Филиппа Доброго.

1468, весна — Генеральные штаты в Туре.

3 июля — свадьба Карла Смелого и Маргариты Йоркской.

22 августа — казнь Шарля де Мелена.

10 сентября — договор в Ансенисе (Людовик XI — Карл Нормандский — Франциск Бретонский).

9—14 октября — встреча в Перонне.

30 октября — нападение на Льеж.

24 ноября — смерть Дюнуа.

1469, 23 апреля — арест Балю.

7—8 сентября — примирение Людовика XI и Карла Гиеньского.

1470, 1 марта — Уорвик в Онфлёре.

8 июня — переговоры в Амбуазе (Людовик XI — Уорвик).

30 июня — рождение Карла, сына Людовика XI.

25 июля — примирение в Анжере Маргариты Анжуйской и Уорвика. Военный поход Уорвика в Англию. Бегство Эдуарда IV в Голландию.

6 октября — Генрих VI провозглашен королем в Лондоне.

1471, январь-февраль — сражения за города на Сомме. Апрель — сражение при Барнете. Смерть Уорвика.

5 мая — победа Эдуарда IV при Тьюксбери. Пленение Маргариты. Ее сын Эдуард убит.

21 мая — убийство Генриха VI в Лондоне.

1472, 24 мая — смерть Карла Гиеньского в Бордо.

22 июля — Карл Смелый снимает осаду Бове.

7—8 августа — бегство Коммина из бургундского лагеря; примкнул к королю в Пон-де-Се.

1473, 6 марта — смерть Жана V д'Арманьяка.

29 сентября — Карл Смелый и император Фридрих III в Трире.

25 ноября — Фридрих III выезжает из Трира.

1474, январь — Карл Смелый в Дижоне; собрание знати.

25 июля — договор в Лондоне (Эдуард IV — Карл Смелый). Угроза высадки англичан.

30 июля — Карл Смелый осаждает Нейсс.

26 октября — союз между Людовиком XI и швейцарскими кантонами.

Конец декабря — договор в Андернахе (между Людовиком XI и императором).

1475, 10 марта — королевская армия отбила Перпиньян.

Май — военный поход в Пикардию, потом в Нормандию.

13 июня — Карл Смелый снимает осаду Нейсса.

29 августа — встреча в Пикиньи (Людовик XI — Эдуард IV).

13 сентября — договор в Солевре; соглашение с Карлом Смелым.

29 сентября — изъявление покорности Франциска II Бретонского.

19 декабря — казнь Сен-Поля.

1476— поход Карла Смелого против швейцарцев.

2 марта — поражение под Грансоном.

20 июня — поражение при Морате.

22 октября — Карл Смелый под Нанси.

1477— победа Рене II Лотарингского под Нанси.

5 января — смерть Карла Смелого. Поход Людовика XI во Фландрию.

4 мая — взятие Арраса. 26 июня — бунт в Дижоне.

18 августа — свадьба Марии Бургундской и Максимилиана. Поход Максимилиана во Фландрию и Артуа.

1478, 26 апреля — Флоренция: заговор Пацци.

22 июня — рождение Филиппа Красивого, сына Максимилиана.

29 августа — смерть Иоланды, сестры Людовика XI.

1479, май — изгнание жителей Арраса.

30 июля — Людовик XI в Дижоне.

7 августа — победа Максимилиана при Гинегатте.

1480, 10 июля — смерть Рене Анжуйского.

1481, 11 декабря — смерть Карла, графа дю Мэна.

1482, 27 марта — смерть Марии Бургундской.

21 сентября — «Наказы» Людовика XI своему сыну об управлении королевством.

23 декабря — договор в Аррасе (Людовик XI и Максимилиан).

1483, 30 августа — смерть короля Людовика XI.

1 декабря — смерть Шарлотты Савойской.

ИСТОЧНИКИ И БИБЛИОГРАФИЯ

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Archives nationales, Paris KK 57 Journal du Trésor (1476) KK 58 Compotus thesauri (1477) KK 59 Argenterie (1463-1465) KK 60 et 61A Argenterie (1468-1469) KK 61B Argenterie (1466-1471) KK 62 Menus plaisirs (1469-1470) KK 63 Chambre aux deniers (1471-1483) KK 64 Menus plaisirs (1478-1481) KK 65 Ecurie (1463-1465) KK 66 Aumônes (1478-1479)

KK 67 Garde écossaise (1474—1476) Bibliothèque nationale, Paris Département des manuscrits

FR 6966 Compte de Nicolas Erlant, trésorier du dauphin FR 6758 6759 Comptes de l'Hôtel FR 20 685 Compte de Pierre Jobert, de la Chambre FR 20 486 20 487 Lettres

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Thomas Basin. Histoire de Charles VII. T. I (1407-1444), éd. Ch. Samaran. Paris, 1933; T. II (1444-1450), éd. Ch. Samaran et H. Surirey de Saint-Remy. Paris, 1944.

Thomas Basin. Histoire de Louis XI. T. 1 (1461—1469), éd. Ch. Samaran, Paris, 1963; T. II (1470-1477); T. III (1477-1483), éd. Ch. Samaran et M.-C. Garaud. Paris, 1966 et 1972.

Thomas Basin. Apologie ou plaidoyer pour moi-même, éd. Ch. Samaran et G. de Groër, Paris, 1974.

Robert Blondel. Œuvres, éd. A. Heron / Société de l'histoire de Normandie, Caen, 1891.

Journal d'un bourgeois de Paris sous le règne de Charles VII (1424— 1449), éd. Michaud-Poujoulat // Mémoires relatifs à l'histoire de France. T. III. Paris, 1854. P. 237-300.

Cent Nouvelles nouvelles, éd. P. Champion, Paris, 1928; rééd. Genève, 1977.

Jean Chartier. Chronique de Charles VII roi de France, éd. A. Valet de Viriville, 3 vol. Paris, 1858.

Georges Chastellain. Œuvres, éd. Kervyn de Lettenhove, 8 vol., Bruxelles, 1863-1868, rééd. 1971.

Chronique du Mont-Saint-Michel (1343—1468), éd. S. Luce, 2 vol. Société des anciens textes français. Paris, 1879—1883.

Jacques du Clercq. Mémoires (1448—1467), éd. Reiffenberg, 4 vol., Bruxelles, 1835—1836. Philippe de Commynes. Mémoires sur les

règnes de Louis XI et de Charles VIII (1464—1483), éd. Michaud-Poujoulat // Mémoires relatifs à l'histoire de France, IV. Paris, 1854.

Philippe de Commynes. Mémoires, éd. B. de Mandrot, 2 vol. Collection de textes pour servir à l'étude et à l'enseignement de l'Histoire, Paris, 1901— 1903.

Philippe de Commynes. Mémoires, éd. J. Calmette et G. Durville, 3 vol. (Les Classiques de l'histoire de France au Moyen Age, t. 3, 5 et 6). Paris, 1924-1925.

Philippe de Commynes. Mémoires sur Louis XI (1464—1483), éd. J. Dufournet. Collection «Folio». Paris, 1979.

Philippe de Commynes. Mémoires (livres 1 à 10), sous le titre Louis XI et Charles le Téméraire. Collection «Le monde en 10/18». Paris, 1963.

Philippe de Commynes. E. Benoist, Les lettres de Commynes aux archives de Florence. Lyon, 1863.

Philippe de Commynes. Kervyn de Lettenhove, Lettres et négociations de Philippe de Commynes, 3 vol. Bruxelles, 1867—1874.

Cosneau E. Les grands traités de la guerre de Cent Ans. Paris, 1889.

Deprez E. La trahison du cardinal Balue (1469). Chansons et ballades inédites // Mélanges d'Archéologie et d'Histoire de l'Ecole française de Rome. T. XIX, 1899. P. 259-296.

Desclos J.-Cl. Le Prince ou les Princes de Georges Chastellain. Un poème dirigé contre Louis XI // Romania T. 102, 1981. P. 46—74.

Douet d'Arcq. Comptes de l'Hôtel des rois de France aux XIVe et XVe siècles. Société de l'Histoire de France, Paris, 1865.

Mathieu dEscouchy. Chronique, éd. du Fresne de Beaucourt, 3 vol. 1863.

Fagniez G. Mémoires et documents pour servir à l'Histoire de l'industrie et du commerce en France, 2 vol. Paris, 1900.

Dom Gerard Robert. Journal in Pièces inédites concernant l'histoire d'Artois et autres ouvrages inédits publiés par l'Académie d'Arras. T.l, 1852.

Guenee B. et Lehoux Pr. Les entrées royales françaises de 1328 à 1515. Paris, 1968.

Gingins-la-Sarraz Fr., de. Dépêches des ambassadeurs milanais sur les campagnes de Charles le Hardi, 2 vol. Paris; Genève, 1854.

Isambert. Anciennes lois françaises. T. X. Paris, s.d.

Kendall P. M. et Ilardi V. Milanese Ambassadors in France and Burgundy, 2 vol. Atheus University Press (Ohio), 1970.

Leroux de Lincy A. Recueil de chants historiques français. Paris, 1841.

Leroux de Lincy A. Chants historiques et populaires du temps de Charles VII et de Louis XI. Paris, 1857.

Pilot de Thorey. Catalogue des actes du dauphin Louis II, devenu le roi de France Louis XI, relatifs à l'administration du Dauphiné. Grenoble, 1899.

Louis XL. Lettres de Louis XI / J. Vaesen et E. Charavay, Société de l'histoire de France, 11 vol., 1883—1909.

Louis XI. Lettres choisies / H. Dubois, «Le livre de poche», Paris, 1996.

Pasquier F. Lettres de Louis XI relatives à sa politique en Catalogne de 1461 à 1473. Foix, 1895.

Louis XL Une curieuse correspondance inédite entre Louis XI et Sixte IV / T. Lesellier // Mélanges d'Archéologie et d'Histoire de l'Ecole française de Rome. T. XLV. 1928. P. 20-37.

Mandrot B., de et Samaran Ch. Dépêches des ambassadeurs milanais en France, 4 vol. Paris, 1916-1923.

Olivier de La Marche. Mémoires / éd. Michaud-Poujoulat // Mémoires relatifs à l'Histoire de France. T. III. Paris, 1854.

Olivier de La Marche. Mémoires / éd. H. Beaune et J. d'Arbaumont, 4 vol. Société de l'histoire de France. Paris, 1883—1888.

Marie de Valois. Lettres de Marie de Valois, fille de Charles VII et d'Agnès Sorel, à Olivier de Coëtivy, seigneur de Taillelbourg, son mari (1458-1472). Les Roches, 1875.

Jean Maupoint. Journal parisien / éd. G. Fagniez // Mémoires de la Société d'histoire de Paris et de l'Ile-de-France. T. IV. Paris, 1877. P. 1—144.

Jean Meschinot. Lunette des Princes / éd. Chr. Martine-Genieys. Genève, 1972.

Jean Molinet. Chronique / éd. Buchon, 4 vol. Paris, 1827—1828.

Miiller Fr. Recueil de pièces historiques. Amsterdam, 1852.

Ordonnances des rois de France de la troisième race. T. XVI, XVII, XVIII, XIX. Paris, 1820.

Antoine Pastor. Le Libellus / éd. J. Calmette // Revue d'Histoire et d'Archéologie du Roussillon. T. II, 1901.

Picot E. et Stein H. Recueil de pièces historiques imprimées sous le règne de Louis XI. Paris, 1925.

Procès du divorce de Louis XII / éd. R. de Maulde // Procès politiques du règne de Louis XII. Paris, 1882. P. 789-1082.

Le Rosier des guerres / éd. M. Diamant-Berger. Paris, 1925.

Jean de Roye. Chronique scandaleuse (1460—1483) / éd. B. de Mandrot, 2 vol. Société de l'histoire de France. Paris, 1894—1896.

Perinelle G. Dépêches de Nicolas de Roberti // Mélanges d'Archéologie et d'Histoire de l'Ecole française de Rome. T. XXIII, 1923. P. 139-203.

L. de La Tremoille. Archives d'un serviteur de Louis XI, Georges de La Trémoille (1451-1481). Nantes, 1888.

Yolande de France. Chronique / éd. Menabrea. Paris, 1859.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Armstrong C. A. J. La politique matrimoniale des ducs de Bourgogne de la Maison de Valois // Annales de Bourgogne. T. XL. 1968. P. 5—58, 89—139.

Arnaud d'Agnel G. La politique des rois de France en Provence. Louis XI et Charles VIII, 2 vol. Paris, 1914.

Barbe A. Margaret of Scotland and the Dauphin Louis. Lnd., 1917.

Bell D. M. L'idéal éthique de la royauté en France à la fin du Moyen Age d'après les moralistes de ce temps. Genève, 1962.

Bergier J. F. Genève et l'économie européenne de la Renaissance. Paris, 1963.

Billot Cl. et Higounet-Nadal A. Bannissement et Repeuplement dirigé à Arras (1479—1484) // 107e Congrès national des Sociétés savantes. Brest, 1982 (Philologie et Histoire jusqu'en 1610). P. 107-123.

Bloch M. Les rois thaumaturges. Paris, 1961.

Boissonnade P. Le socialisme d'Etat. L'industrie et les classes industrielles en France pendant les deux premiers siècles de l'ère moderne (1453—1661). Paris, 1927.

Boudet J.-P. Les astrologues et le pouvoir sous le règne de Louis XI // Actes du colloque d'Orléans (1989). Paris, 1991 (sous le titre: Observer, lire, écrire le ciel au Moyen Age). P. 7—61.

Brantôme. Vie des hommes illustres et des grands capitaines français (1665). Paris, 1866.

Bresard M. Les foires de Lyon aux XIVe et XVe siècles. Paris, 1914.

Bricard G. Un serviteur et compère de Louis XI: Jean Bourré seigneur du Plessis (1424-1506). Paris, 1893.

Bulst N. Louis XI et les états généraux de 1468 // La France de la fin du XVe siècle. Paris, C.N.R.S., 1985. P. 91-104.

Calmette J. Louis XI, Jean II et la révolution catalane. Toulouse, 1903.

Calmette J. et Perinelle G. Louis XI et l'Angleterre. Paris, 1930.

Caron M. T. La noblesse dans le duché de Bourgogne. 1315—1477. Lille, 1987.

Caron M. T. Noblesse et pouvoir royal en France. XIIIe—XVIe siècle. Paris, 1994.

Carrière V. Nicole Tilhart, secrétaire et général des Finances de Louis XI // Le Moyen Age, 1905.

Cazaux Y. Marie de Bourgogne. Paris, 1967.

Cerioni L. La politica italiana di Luigi XI e la missione di Filippo

di Commynes (giugno-settembre 1478 // Archivio Lombardo. T. VIII, 2, 1950.

Champion P. Histoire poétique du XVe siècle, 2 vol. Paris, 1923.

Champion P. Louis XI. T. 1: Le dauphin; T. II: Le roi. Paris, 1928—1929.

Champion P. Louis XI et ses physiciens. Paris, 1935.

Chazaud A. M. La campagne de Louis XI. La Ligue du Bien publicen Bourbonnais (mars-juillet 1465) // Bulletin de la Société d'émulation du département de l'Ailier. T. XII, 1873. P. 23-183.

Chevalier B. La politique de Louis XI à l'égard des bonnes villes. Le cas de Tours // Le Moyen Age, 1964. P. 473—504.

Combet J. Louis XI et le Saint-Siège. Paris, 1903.

Contamine Ph. Guerre, Etat et Société à la fin du Moyen Age. Etude sur les armées du roi de France. 1337—1494. Paris, 1972.

Contamine Ph. Un serviteur de Louis XI dans sa lutte contre Charles le Téméraire: Georges de la Trémoille, sire de Craon // Annuaire-Bulletin de la Société d'histoire de France, 1976—1977. P. 63—80.

Couderc C. L'entrée solennelle de Louis XI à Paris // Mémoires de la Société d'histoire de Paris et de l'Ile-de-France. T. XXIII, 1896.

Courteault H. Gaston IV, comte de Foix, vicomte souverain de Beam, prince de Navarre. 1423—1472. Etude historique sur le midi de la France et le nord de l'Espagne au XVe siècle. Toulouse, 1895; rééd. Genève, 1980.

Cuttler S. H. The Law of Treason and Treason Trial in Later Medieval France. Cambridge, 1981.

Degert A. Louis XI et ses ambassadeurs // Revue historique. T. 154, 1927. P. 1-19.

Desclos J.-Cl. Le témoignage de Georges Chastellain, historiographe de Philippe le Bon et de Charles le Téméraire. Genève, 1980.

Dufournet J. La destruction des mythes dans les «Mémoires» de Philippe de Commynes. Genève. 1966.

Dufournet J. Etudes sur Philippe de Commynes. Paris, 1975.

Gabotto F. Lo stato sabaudo da Amedeo VIII ad Emanuele Filiberto, 2 vol.

Gandilhon R. La politique économique de Louis XI. Paris, 1941.

Gaussin P. R. Louis XI, un roi entre deux mondes. Paris, 1976.

Gaussin P. R. Les conseillers du roi Louis XI (1461—1483) //La France de la fin du XVe siècle. Paris, C.N.R.S., 1985. P. 105-134.

Guenee B. La géographie administrative de la France à la fin du Moyen Age; élections et bailliages // Le Moyen Age, 1961. P. 293—323.

Guenee B. Le métier d'historien au Moyen Age. Paris, 1977.

Harsgor M. L'essor des bâtards nobles au XVe siècle // Revue historique. T. CCLIII, 1975. P. 319-353.

Hommel L. Marie de Bourgogne et le grand héritage. Bruxelles, 1951.

Jarry L. Histoire de Cléry. Orléans, 1899.

Kendall P. M. Louis XI. Paris, 1974.

Kryner J. L'empire du roi. Idées et croyances politiques en France. XIIIe — XVe siècle. Paris, 1993.

Kurth G. La cité de Liège au Moyen Age, 3 vol. Bruxelles; Liège, 1909— 1910.

Labande L. H. Avignon au XVe siècle. Légation de Charles de Bourbon et du cardinal Julien de la Rovere. Paris; Monaco, 1920.

Lavisse E. Histoire de France illustrée. T. IV. Paris, 1938.

Lecoy de la Marche A. Le roi René, sa vie, son administration, ses travaux artistiques et littéraires. T. I. Paris, 1875.

Lecoy de la Marche A. Le roi René, 2 vol. Paris, 1879.

Léguai A. Dijon et Louis XI. Dijon, 1947.

Léguai A. Les Etats princiers à la fin du Moyen Age // Annali délia Fondazione italiana per la Storia administrative. T. IV, 1967. P. 133—157.

Léguai A. Troubles et révoltes sous le règne de Louis XI : les résistances du particularisme // Revue historique, 1973. P. 285—324.

Lev/is P. S. War-Proganda and Historiography in the Fifteenth-Century France // Transactions of the Royal Historical Society, 5e s. T. 15. 1965. P. 1-21.

Lev/is P. S. La France à la fin du Moyen Age. La Société politique. Paris, 1977.

Lewis P. S. Les pensionnaires de Louis XI // La France de la fin du XVe siècle. Paris, C.N.R.S. 1985. P. 167-181.

Louyrette W. H. et de Croy R. Louis XI et le Plessis-lès-Tours. Tours, 1845.

Luchaire A. Alain le Grand, sire d'Albret. L'administration royale et la féodalité du Midi (1440—1522), Paris, 1877; rééd. Genève, 1976.

Mandrot B., de. Ymbert de Batamay. Paris, 1886.

Mandrot B., de. Louis XI, Jean d'Armagnac et le drame de Lectoure // Revue historique. T. XXXVIII, 1888-1890. P. 242-304.

Mandrot B., de. Jacques d'Armagnac, duc de Nemours // Ibid. T. XLIII, 1889. P. 274-316; ibid. T. XLIV, 1890. P. 241-312.

Maulde R., de. La diplomatie au temps de Machiavel. Paris, 1892 —1893.

Maulde R., de. Jeanne de France, duchesse d'Orléans et de Berry (1464— 1505). Paris, s.d.

Milane M. Viaggio a Parigi degli ambasciatori fiorentini nel 1461 // Archivio Storico Italiano, 3e s., 1865.

Naude G. Additions à l'Histoire de Louis XI contenant plusieurs recherches curieuses sur diverses matières. Paris, 1630.

Ourliac P. Le Concordat de 1472. Etude sur les rapports de Louis XI et de Sixte IV // Etudes d'histoire du droit méridional, 1934. P. 440—442.

Pansier P. L'entrée à Avignon du gouverneur légat Charles de Bourbon, le 23 novembre 1473 // Annales d'Avignon et du comtat Venaissin, 1913. P. 191-216.

Paravicini W. Karl der Kiihne. Das Ende des Hauses Burgund. Zurich, 1976.

Paravicini W. Peurs, pratiques, intelligences. Formes de l'opposition aristocratique à Louis XI d'après les interrogatoires du connétable de Saint-Pol // La France de la fin du XVe siècle. Paris, C.N.R.S., 1985. P. 183-196.

Paravicini W. Sterben und Tod Ludwigs XI. Constance, 1993.

Pasquier F. Un favori de Louis XI, Boffile de Juge. Documents inédits du Chartier de Léran. Archives historiques de l'Albigeois. Paris, 1956.

Pelissier L. G. Una relazione dell'entrata di Luigi XI a Parigi // Archivio Storico Italiano, 5e s., 1898. P. 123-131.

Perinelle G. Louis XI bienfaiteur des églises de Rome // Mélanges d'Archéologie et d'Histoire de l'Ecole française de Rome. T. 23, 1903. P. 131-159.

Perret P. M. Boffile de Juge, comte de Castres, et la République de Venise // Annales du Midi, 1891. P. 159-231.

Picot G. Procès d'Olivier le Daim // Comptes rendus de l'Académie des sciences morales et politiques, 1877. P. 485—537.

Reiffenberg. Mémoire sur le séjour que Louis, dauphin de Viennois, depuis roi sous le nom de Louis XI, fit aux Pays-Bas de l'an 1456 à l'an 1461. Bruxelles, 1829.

Reilhac A., de. Jean de Reilhac, secrétaire, maître des comptes, général des finances et ambassadeur des rois Charles VII, Louis XI et Charles VIII, 3 vol. Paris, 1886-1889.

Rey R. Louis XI et les Etats pontificaux de France au XVe siècle // Mémoires de l'Académie delphinale, 4e s. T. XII. Grenoble, 1899. P. 187— 452.

Robin Fr. La politique religieuse des princes d'Anjou-Provence et ses manifestations littéraires et artistiques (1360—1480) // La littérature angevine médiévale (Actes du colloque d'Angers). Angers, 1981.

Samaran Ch. Les frais du procès et de l'exécution de Jacques d'Armagnac, duc de Nemours // Mémoires de la Société d'histoire de Paris et de l'Ile-de-France. T. XLIX. 1927. P. 142-154.

Samaran Ch. La maison d'Armagnac au XVe siècle. Paris, 1908.

Stein H. Charles de France, frère de Louis XI. Paris, 1921.

Stein H. La participation du Languedoc au repeuplement d'Arras // Bibliothèque de l'Ecole des chartes, 1931.

Thibault M. La jeunesse de Louis XI. Paris, 1907.

Tuetey A. Les écorcheurs sous Charles VII. Episodes de l'histoire militaire de France d'après les documents inédits, 2 vol. Montbéliard, 1874.

Vaesen J. Du droit d'occupation d'une terre sous Louis XI // Revue d'histoire diplomatique, 1887.

Valet de Viriville A. Charles VII roi de France et son époque. 1403—1461. Paris, 1862-1865.

Vaugham R. Philip the Good. The Apogee of Burgundy. Lnd., 1970.

Vaugham R. Charles the Bold. The Last Valois Duke of Burgundy. Lnd., 1973.

Voisin A. La mutemaque du 26 juin 1477. Notes sur l'opinion à Dijon au lendemain de la réunion // Annales de Bourgogne. T. VII, 1935.

Wolff H. Histoire et pédagogie princière au XVe siècle: Georges Chastellain // Culture et Pouvoir au temps de l'humanisme et de la Renaissance. Georges Chastellain. Genève. 1978. P. 37—49.

notes

Примечания

1

Kendall P. M. Louis XI. Paris, 1974.

2

Книга Жака Эрса была издана в Париже в 1999 году.

Среди них: «Первый Крестовый поход», «Повседневная жизнь папского двора во времена Борджиа и Медичи», «Жак Кёр», «Жиль де Ре», «Средневековые города» и др.

Сторонники герцога Бургундского. (Прим. науч. ред.)

5

Бурж — временная резиденция короля в период оккупации Парижа англичанами. (Прим. науч. ред.)

6

Титул «дофин» происходит от названия области Дофине. (Прим. науч. ред.)

Рекомендуем прочитать об этом книгу И. Клуласа «Повседневная жизнь в замках Луары в эпоху Возрождения» (М.: Молодая гвардия, 2001). (Прим. науч. ред.)

8

Филипп де Коммин. Мемуары. М.: Наука, 1986. Пер. Ю. П. Малинина. (Прим. пер.)

9

Le Daim — лань (фр.). (Прим. пер.)

10

Священное согласие (лат.).

11

Учредитель ордена Святого Михаила, 1459 (лат.).

12

Об этом персонаже рекомендуем прочитать роман А. Ноймана «Дьявол». (Прим. науч. ред.)

13

По легенде, во время крещения Хлодвига в 496 году белоснежная голубка принесла с неба Святую Ампулу — флакон с миром, которым епископ Реймсский Реми и совершил обряд. Свидетели крещения не упоминают об этом событии. Впервые эта история прозвучала из уст епископа Реймсского Хинкмара, совершавшего в 869 году обряд помазания Карла Лысого. (Прим. пер.)

14

Милосердие Господне в вечности заклинаю (лат.).

15

«Об управлении здоровьем в Салерно» (лат.).

16

«О служении Святой церкви и бенефициях» (лат.).

«О правильном воспитании детей» (лат.).

«Об искусстве стихосложения» (лат.).